

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

Ө. КОНИ.

ТОМЪ V.

ОКТАБРЬ. — КНИЖКА ДЕСЯТАЯ.

1850.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТЕНТЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ.
28 Октября 1850 года.

Ценсоръ *Ю. Шидловскій.*

ТОМЪ II.

ПАНТЕОНЪ

№

1850.

10.

ОКТЯБРЬ.

С. Петербургъ.

Содержание десятой (первая часть) книжки. 1850. – Т. 5.

I. Драматическая литература.

Надежда и любовь: комедия в трех действиях, с куплетами,
П. С. Федорова.

II. Изящная словесность.

Копия с медальона: повесть В. Натухайского.

Адриа Паула, или Натуральная магия: повесть Евгения Вестина.
Стихотворения.

Рассказ Инвалида. Ф. Шереметьевский. – Смерть поэта. В. Зотов. –

Я не люблю смотреть на женщину когда... В. Зотов. –

Противоречие. В. Зотов. – Молитва. Ардалион Зименко. –

Мотылек. А. Реймерс. – Могила. П. Буле.

III. История искусства.

История певицы: рассказ Скудо.

IV. Мемуары.

Записки Иоганна-Христиана Брандеса, немецкого актера и
драматурга XVIII века.

V. Юмористика.

Замогильные записки Зоя Марковича Чечеткина, его жизнь,
назидательные похождения и становления по белому свету:
присланы из Камчатки.

VI. Театральная летопись.

Русский театр в Петербурге. Машенька, или Еще отец и дочь:
драма в 3-х действиях и четырех картинах. А. Т. – Царский приказ:

исторический анекдот в одном действии и трех картинах с хором
песенников и народным праздником. Соч. Н. Круглополева. –

Мнимая Фани Эльслер: оригинальный водевиль в двух картинах.

Соч. ***. – Сцены Офелии из трагедии Гамлет, Шекспира.

(Бенефис Толченова 1).

Волшебная ночь на минеральных водах: продолжение комедии

Дядюшкин фрак и тетушкин капот: шутка в 2-х действиях, соч. Н.

Я. Яковлевского. – Жених на паре, или С чем подъехал, с тем и

отъехал!: комедия в 2-х действиях, соч. Г***. – Морской волк:

драма в 2-х действиях пер. с фр. К. Тарновским. (Бенефис

Сосницкой).

Дочка: драма в 1-м действии, соч. Ф. – Голубой капот:

оригинальная комедия в 1-м действии, в стихах, соч. К-ва. – Чем не

пожертвуешь для дочери!: комедия в 1-м действии, с куплетами,

пер. с фр. Желтухина. – Зала для стрижки волос: шутка в одном

действии, соч. Григорьева 1. (Бенефис Вальберховой).

**Продолжение содержания десятой книжки см. во второй
части обложки.**

II. Французскій театр въ Петербургѣ.

1. *L'aventurière*, комедія въ стихахъ, соч. *Эмля Ожье*. — 2. *La petite Fardette*, комедія *Жоржа Занда*. — 3. *L'homme heureux*, водевиль. — 4. *Un vieil innocent*, водевиль въ одномъ дѣйствіи. — 5. *Embrassons-nous Follecille!* комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи.

III. ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Составъ ея. — Новые артисты: Аделанда Кортези, — Энрико Тамберликъ, — Альбина Маррей, — Фанни Персиани, — Композиторъ Чезаре Пуньи. — Ихъ дебюты, средства и біографическіе очерки.

IV. БАЛЕТЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Жизель или Виллисы. Большой фантастическій балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ, сочиненіе *Теодила Готье* и *хореографа Корали*. Музыка *Адольфа Адама*. Первый дебюгъ парижской танцовщицы, г-жи Карлотты Гризи.

Статья *Ө. Кони*.

VII. ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

I. Франція (*Письмо изъ Парижа отъ 1/13 октября*)

1. Дѣятельность парижскихъ театровъ за сентябрь мѣсяцъ. — Большая опера. — Г-жа Альбони въ роляхъ Леоноры — въ «Фавориткѣ» — Донизетти, и Одетты въ «Карль VI» — Галеви. — Жиральда или Новая Душенька» — комическая опера Скриба и Адана. — «Ревнивый женихъ» — опера Гретри. — «Бракъ при Регентѣ», комедія Леона Гильера. — «Гераклитъ и Демокритъ», комедія Эдуарда Фуссье. — «Пріятельская беседа» — водевиль Давркура и Арвера. — «Женихъ, бѣгущій отъ счастья» — водевиль Комбруса и Любиза. — «Порохъ и мука» — водевиль гг. Антье и Роже де Бовуара. — «День и ночь», водевиль гг. Альфонса Райе и Густава Вазза. — «Потѣха и благодѣяніе» — водевиль гг. Кольо и Данарже. — «Надежный присмотръ», комедія Лабиша и Марка-Мишеля. — «Невинные негодяи», водевиль Лефранка и Варкусеня. — «Дядина шкура», водевиль Вареня и Жюля де Премарера. — «Грассо и Равель» — фарсъ. — «Кого любишь, съ тѣмъ бранишься», драматическая пословица гг. Анри де Кока Шарля Потье. — «Капитанъ Лажонкьеръ», драма Александра Дюма.

Аполинарія Бонавентуры.

VIII. СМѢСЬ.

1. Достоверные разсказы объ Абазіи. (Воспоминанія офицера, бывшаго въ плѣну у Абазеховъ.) — *В. П. Савинова*. X. Соколиная битва. — Охота на кабановъ и медвѣдей. — Кудри-Али. — Встрѣча. — Страшный со съездъ. — Торговля плѣнными. — Ярмарки. — Сейлема. — Продажа. — Праздникъ Тюльнана. — Султанша Валиде.
 2. Итальяскіе импровизаторы.
 3. Взглядъ на современное состояніе харьковской труппы. Статья перван. *С. М.*
 4. Исторія воздушнаго шара и новѣйшіе успѣхи воздухоплаванія.
- Калейдоскопъ.
Еще о Калифорніи.

IX. БАЛАГУРЪ.

1. Разговоры. — 2. Литературный разсчетъ. — Остроты живописца *Фюзели*. — Анекдоты.

X. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 10.

ВОЛЧІЙ РОТЪ, ЛИСІЙ ХВОСТЪ. Комедія водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, *Дмитрія Ленскаго*.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НАДЕЖДА и ЛЮБОВЬ.

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, СЪ КУПЛЕТАМИ,

И. С. ФЕДОРОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Василій Федоровичъ Луинъ, 70-ти лѣтъ.

Любовь Петровна, 20-ти лѣтъ,

Надежда Петровна, 19-ти лѣтъ,

Андрей Ивановичъ Кирсановъ, 40 лѣтъ.

Александръ Семеновичъ Шмелевъ, 27-ми лѣтъ.

Евгеній Михайловичъ Немирскій, его пріятель, 24-хъ лѣтъ.

Слуга Лунина.

Первое и второе дѣйствіе происходятъ въ Петербургѣ, третье на дачѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ДВѢ СЕСТРЫ.

Комната въ домѣ Лунина.

I.

НАДЕЖДА и ЛЮБОВЬ.

НАДЕЖДА. Нѣтъ, мой дружокъ Любушка, ты не откровенна со мною.... у тебя есть что - то на сердцѣ.

Отд. I.

1

Любовь. Ну, право, ты обманываешься, Надина.... у меня нѣтъ никакой тайны.... я очень счастлива....

Надежда. Счастлива?... да, ты - бы должна быть счастлива, но сама не хочешь.... Ты знаешь, какъ много тебя любить Андрей Ивановичъ и тебѣ, какъ будущей его женѣ, слѣдовало-бы и самой его любить.... но вмѣсто того, ты какъ будто боишься его.... не хочешь его повѣять.... не хорошо... неужели ты забыла, что онъ для насъ сдѣлалъ?

Любовь. Я забыла?... Нѣтъ, Надина, ты знаешь, что этого забыть невозможно!.. Почти съ малолѣтства остались мы съ тобою сиротами на рукахъ нашего добраго дѣдушки....

Надежда. Милый дѣдушка! сколько ему съ нами было хлопотъ!.. Въ его лѣта трудно ужъ было ему заботиться объ насъ.... онъ могъ только насъ любить!..

Любовь. И какъ онъ насъ за то и любить!..

Надежда. Просто, до безумія!.. по ему самому нуженъ былъ опекунъ.... и какое счастье, что Богъ послалъ намъ такого добраго человѣка, какъ Андрей Ивановичъ.

Любовь. О это рѣдкій человѣкъ!.. Не смотря на трудныя свои обязанности по службѣ, онъ, какъ добрый другъ нашего дома, охотно согласился помогать старуку и двумъ малюткамъ сиротамъ!.. И съ какой любовью онъ заботился о насъ.... какъ хлопоталъ о нашемъ воспитаніи. Онъ удвоилъ небольшое состояніе, оставленное намъ батюшкой! Онъ.... онъ сдѣлалъ для насъ все, что могъ сдѣлать только одинъ отецъ!.. Могу-ли я забыть его благодаренія?... могу-ли когда нибудь его забыть!

Надежда. Какъ я люблю, сестрица, когда ты такъ говоришь о немъ!.. Такъ и всегда-бы ты должна говорить.... но повѣришь-ли, сколько ты его ни хвалишь, мнѣ все кажется, что еще мало.... Это, я думаю оттого, что ты не знаешь его такъ хорошо, какъ я!.. Онъ съ тобой не всегда откровененъ.... онъ какъ будто тебя боится.... онъ слишкомъ много тебя любитъ, чтобъ могъ рѣшиться открыть тебѣ всю свою душу.... но со мной дѣло другое.... я для него не болѣе, какъ сестра.... Андрей Ивановичъ не стѣсняется со мною и говоритъ мнѣ все, что у него на сердцѣ...

Любовь. Вы, однако жъ, всегда почти ссоритесь....

Надежда. И кончаемъ всегда мировой... Еслибъ ты знала, сколько въ немъ ума и доброты.... онъ, кажется, по нашимъ глазамъ угадываетъ, что можетъ намъ нравиться....

Любовь. Въ самомъ дѣлѣ, если судить по виду, онъ всегда такъ серьезонъ, какъ будто вѣчно занятъ своими дѣлами.... а между тѣмъ окружаетъ насъ всевозможными удовольствіями.

НАДЕЖДА. Замѣть, какъ онъ умѣлъ увлечь дѣдушку.... добрый старичекъ слѣпо теперь повинуется его вкусу, его желаніямъ.... и дѣлаеть для насъ все, что онъ вздумаетъ.... Признаюсь тебѣ.... когда онъ еще не думалъ просить руки твоей.... Я ужъ и тогда считала его своимъ въ нашей семьѣ!

ЛЮБОВЬ. Ахъ, съ какимъ жаромъ ты говоришь о немъ!

НАДЕЖДА. Развѣ я одна.... такъ и всѣ говорятъ.... Кромѣ только тебя.... однако-жь, мѣсяца три тому назадъ, ты сама говорила о немъ не такъ, какъ теперь....

ЛЮБОВЬ. Ахъ, какой вздоръ!

НАДЕЖДА. Да, ужъ не отпирайся!... Съ - тѣхъ - поръ, какъ мы возвратились изъ Гельсеннфорса, ты стала совсѣмъ другая....

ЛЮБОВЬ (*поспѣшно вставая*). Ты выдумываешь на меня, Надина....

НАДЕЖДА. Нѣтъ, это истинная правда.... Прежде ты сама восхищалась имъ.... ты для него отказала даже въ рукѣ Александру, который, какъ другъ нашего дѣтства и дальний нашъ родственникъ, могъ скорѣе надѣяться отъ тебя взаимности.... я не могу постигнуть, что происходитъ въ твоемъ сердцѣ?... Сколько я тебя ни спрашиваю — ты молчишь.... но должна-же я когда нибудь узнать....

ЛЮБОВЬ (*всторону*). Никогда!

НАДЕЖДА. Сестра, сестра! ты забыла нашу клятву!

Ты помнишь-ли тотъ день, какъ наша мать скончалась,

Оставля въ сиротствѣ на вѣкъ меня съ тобой,

Ты клятвою тогда со мною обмѣнялась....

Ужели-жь забыть могла ты свой обѣтъ святой?..

ЛЮБОВЬ. Замолчи, Надина....

Ты вступи, что тогда другъ другу мы сказали:

Клянусь всегда съ тобой одной душою жить,

И отъ тебя, сестра, въ дни счастья и печали,

Замѣтвыхъ сердца чувствъ и мыслей не таить!

Ты молчишь.... ты не хочешь мнѣ сказать.... Хорошо-же, я не буду болѣе тебя спрашивать.... я узнаю все сама!..

ЛЮБОВЬ (*смотря въ окно, къ которому она подошла*). Ахъ! это онъ!..

НАДЕЖДА. Что ты говоришь?..

ЛЮБОВЬ. Ничего.... ничего....

НАДЕЖДА (*смотря также въ окно*). А! кузенъ Александръ!... что это!... ужъ не онъ - ли?..

ЛЮБОВЬ (*поспѣшно*). Да, да!... онъ!..

НАДЕЖДА (*всторону*). И она отказала ему въ рукѣ!... О притворщица!... (*ва всю слѣдующую сцену она замѣчаетъ за сестрой*).

—

II.

ТѢЖЕ, ШМЕЛЕВЪ.

ШМЕЛЕВЪ (*остановясь въ среднихъ дверяхъ съ человѣкомъ*). Хорошо, хорошо.... скажи дѣдушкѣ, что я сію минуту къ нему явлюсь.... только скажу нѣсколько словъ кузинамъ.... (*Подходя къ Надеждѣ*). Здравствуйте, Надина.... (*цѣлуетъ ея руку*).

НАДЕЖДА. Здравствуйте, Александръ!

ШМЕЛЕВЪ (*обращаясь къ Любови*). А вы, прекрасная невѣста, позволите ли поцѣловать руку вашему оставному жениху?...

ЛЮБОВЬ (*протягивая ему руку*). Отъ сердца, кузень!

НАДЕЖДА (*всторону*). Она очень спокойна и равнодушна.... нѣтъ, должно-быть не оны!...

ШМЕЛЕВЪ. Ну, что у васъ новаго?

НАДЕЖДА. А новаго то, что я боюсь, не забыли ли вы, какой нынче у насъ день....

ШМЕЛЕВЪ. Мнѣ забыть? за кого вы меня считаете?... Но я не понимаю, зачѣмъ дѣлать сегодня обрученіе, когда свадьба кузины назначена на будущей недѣлѣ....

НАДЕЖДА. Дѣдушка придерживается старины.... а мы рады случаю, что сегодня потанцуемъ.... воображаю, какъ будутъ удивлены сегодня всѣ наши гости.... вѣдь еще никто не знаетъ, что у насъ будетъ обрученіе сестры съ Андреемъ Иванычемъ.... Дѣдушка приглашалъ гостей, просто на балъ.... Но успѣли ли вы исполнить всѣ его порученія?...

ШМЕЛЕВЪ. Все исполнилъ!... И еслибъ вы знали, какъ я хлопоталъ!... (*Обращаясь къ Любови*). Право, для самого себя невозможно сдѣлать больше того, что я дѣлалъ сегодня, кузина, для вашего жениха.... а оны, между тѣмъ, сидитъ дома и съ шести часовъ утра роется въ бумагахъ.... Я къ нему заѣзжаю.... признаюсь вамъ, надобно удивляться терпѣнію и трудамъ Андрея Иваныча.... въ сорокъ лѣтъ жизни, почти изъ ничего устроить такъ свои дѣла, какъ оны.... да на это у меня не хватило-бы и мафусаиловаго вѣска!... Представьте себѣ, что женись на васъ, оны будетъ получать вѣрнаго дохода столько-же тысячь сколько ему лѣтъ.... Сорокъ тысячь въ годъ. Это не бездѣлица.

ЛЮБОВЬ. Я не нахожу счастья въ деньгахъ!...

Надежда (*встопону*). Какъ мгло она его цѣнить!

Лунинъ (*за кулисами*). Саша, Саша!... да гдѣ онъ?...

Шмелевъ. Дѣдушка не могъ такъ утерпѣть!... самъ катить сюда!

III.

ТѢЖЕ И ЛУНИНЪ.

Лунинъ (*въ дверяхъ съ правой стороны*). Да гдѣ онъ запропастился?... Цѣлый день хлопочу одинъ, а ему и дѣла нѣтъ!

Шмелевъ. Я здѣсь, дѣдушка!

Надежда и Любовь (*становясь по сторонамъ его*). Бѣдный дѣдушка!

Лунинъ. Ну, поцѣлуйте меня скорѣе, шалуни... авось будетъ полегче... вѣдь вы не повѣрите, какъ я измучился!

Надежда. Сядьте скорѣе, отдохните, дѣдушка!

Лунинъ. Помилуй, время-ли теперь сидѣть!... время-ли отдыхать!

Любовь. Да сядьте, дѣдушка!... Какъ будто безъ васъ ничего не сдѣлаютъ!

Лунинъ. Желаю я знать, кто безъ меня чтонибудь сдѣлаетъ!...

Шмелевъ. Прикажете, я готовъ первый!...

Лунинъ. Ты!... нечего сказать, хорошъ!... Ну, гдѣ ты до сихъ поръ шатался?... Такой торжественный день... обручевіе моей красавицы внучки... тутъ вѣдь все должно быть, какъ слѣдуетъ... въ порядкѣ... а вѣдь мнѣ не разорваться-же одному...

Шмелевъ. Да вы о чемъ хлопотали?

Лунинъ. И онъ еще спрашиваетъ : о чемъ я хлопоталъ!... А разослалъ ли ты приглашенія?

Шмелевъ. Еще вчера разослалъ!

Надежда. Ну, видите, дѣдушка... стало быть, главное сдѣлано...

Лунинъ. Сдѣлано!... все это очень хорошо... Однако-жъ, онъ заставилъ меня задуматься!... Ну, а музыканты?

Шмелевъ. Будутъ!

Надежда. Видите, дѣдушка?

Лунинъ. Прекрасно, но все-таки вѣдь я былъ въ тревогѣ: думаю, да не забылъ ли?... ну, какъ оставить безъ музыки?... Постою!... а кандидеръ?

Шмелевъ. Все заказано... и мороженое и конфеты...

Надежда. Видите, дѣдушка, стало-быть все въ порядкѣ...

Луницъ. Все въ порядкѣ!... Конечно, теперь я вижу, что все въ порядкѣ!... А пока этого не знаешь, такъ поневолѣ беспокоишься! Онъ и не подумаетъ, что я хлопочу одинъ... вѣдь со вчерашняго дня въ тревогѣ!... вчера вонъ, послѣ ужина, пошелъ ужъ спать..., думаю, наконецъ-то успокоюсь... глядь на столъ... какая-то бумажка... посмотрѣлъ: памятная записочка... записалъ еще вчера, чтобъ не забыть сказать Андрею Ивапычу, а самъ и забылъ... просто, такъ меня это растревожило, что и сказать нельзя!

Надежда. Какая-жъ это записочка, дѣдушка?

Луницъ. Видите-ли... давно уже у меня бродить мысль отдѣлить вамъ, моимъ шалуныямъ, при жизни кое-что изъ моего имѣнія... теперь-же это такъ кетати... мой подарокъ пошелъ-бы Любочкѣ въ приданое... да все вотъ не могъ собраться привести эту мысль въ исполненіе... не то, чтобы я не умѣлъ написать... нѣтъ, я бы очень сумѣлъ... но все было не досугъ... да и силы, знаете, ужъ не тѣ...

Любовь. Ахъ дѣдушка, для чего намъ вашъ подарокъ?...

Надежда. Мы ужъ и такъ много вамъ обязаны...

Луницъ. Ну, ну, прошу молчать... не ваше дѣло!... Такъ вотъ я и записалъ, чтобъ попросить заняться этимъ дѣломъ Андрея Ивапыча... да какъ увидѣлъ записку-то, да вспомнилъ, что ничего еще не сказалъ ему, такъ куда и сонъ мой... и вѣрно бы не уснулъ всю ночь, еслибъ тутъ-же не написалъ письма къ вашему доброму опекуну... ну, а ужъ какъ написалъ все что нужно да отправилъ, такъ и успокоился... пресладко уснулъ... и какіе все чудесные сны видѣлъ... видѣлъ обѣихъ...

Надежда. Насъ, дѣдушка?

Любовь. Добрый дѣдушка!

Луницъ. Да, видѣлъ васъ... видѣлъ и Андрея Ивапыча... какъ будто ужъ онъ твой мужъ, Любочикъ... (*Шмелеву*), видѣлъ и тебя, повѣса...

Шмелевъ. Такъ, стало быть, вы и обо мнѣ думаете, дѣдушка?

Луницъ. А ты полагаешь, что нѣтъ... Недавно мнѣ пришла въ голову чудесная мысль... я тебѣ расскажу послѣ, что такое... а все-таки и между сладкими снами, меня не оставляла забота о нынѣшнемъ днѣ... оттого вотъ и проснулся въ девять часовъ, да какъ только открылъ глаза, такъ тотчасъ-же пришло въ голову, что мы еще не послали въ типографію напечатать билеты...

Шмелевъ. Какіе билеты?

Луницъ (*показывая на писанную бумагу*). Да вотъ о Любушкиной помолвкѣ... а вѣдь ихъ надо будетъ разослать завтра.

Шмелевъ. Ну, чтожъ, и разошлемъ.... сегодня успѣють напечатать... вѣдь у васъ ужъ составленъ билетъ....

Луиниъ. Да это я приказалъ Федкѣ списать съ печатнаго.... у меня былъ сирятавъ на случай билетъ Сонячки Залѣсской....

Шмелевъ (*сипясь*). Эта та, которая вышла замужъ лѣтъ десять тому назадъ....

Луиниъ. Ну чему смѣешься?... тебѣ забавно, что я берегу всякую бумагу.... а видишь самъ, что пригодилась....

Шмелевъ. Ну, такъ давайте же вашъ билетъ....

Луиниъ. Да еще надо посмотрѣть, такъ - ли онъ написанъ.... не нужно ли чего переменить....

Шмелевъ. Ну, просмотрите!...

Луиниъ. Просмотрите!... Какъ будто у меня только и дѣла!... да у меня минуты нѣтъ свободной.... у меня голова просто вотъ.... (*Вертитъ пальцемъ*). Вѣдь я одинъ обо всемъ долженъ подумать.... такъ неужли мнѣ же все и дѣлать....

Надежда. Дайте, дѣдушка, я посмотрю. (*Читаетъ*): «Василій Федоровичъ Луиниъ имѣетъ честь извѣстить»....

Луиниъ. Постой, Надюшечка.... Подате-ка вы лучше съ Любочкомъ къ себѣ въ комнату.... да тамъ хорошенько поразсмотрите нашъ билетъ.... (*Отдаетъ Надии бумагу*.) А мы съ Сашей остаемся здѣсь.... намъ нужно поговорить о весьма важномъ дѣлѣ, котораго вамъ покуда не должно еще знать....

Надина (*съ удивленіемъ*). Такъ у васъ съ Александромъ завелась тайны....

Луиниъ. Да, да... ступайте, ступайте....

Надина. Идемъ, дѣдушка.... (*Любови*.) Что-бы это за тайна?...

Любовь (*тихо Надии*). Ужъ вѣрно дѣдушка не надолго скроетъ ее отъ насъ....

(Надина уходитъ въ дверь направо; Любовь налево. Луиниъ таинственно притворяетъ дверь за Надиной, показывая жестомъ Шмелеву, чтобъ онъ заперъ другую).

IV.

ШМЕЛЕВЪ и ЛУИНИЪ.

Шмелевъ (*всторону*). Дѣдушка что-то слишкомъ серьезонъ.... боюсь, чтобъ мнѣ не пришлось разохотаться отъ его тайны.

Луиниъ (*подойдя къ нему*). Сю минуту я говорилъ, что думалъ о тебѣ эту ночь.... вѣдь я не шучу, я въ самомъ дѣлѣ видѣлъ тебя во снѣ!

Шмелевъ. А! въ этомъ сладкомъ снѣ?

Луниинъ. Да, да.... впрочемъ, не могу тебѣ сказать положительно, точно - ли во снѣ это было, или грезилось на яву.... только я тебя видѣлъ такимъ точно, какой ты въ самомъ дѣлѣ.... вотъ какъ теперь.... только была разница.... будто вы сидите у меня въ кабинетѣ.... Андрей Ивановичъ съ женой.... и ты тоже съ женой....

Шмелевъ. И я тоже съ женой?

Луниинъ. Да.... да!... И знаешь - ли съ кѣмъ?

Шмелевъ. Трудно отгадать, дѣдушка.... потому что я ужъ во все не думаю и не хочу теперь жениться.... увѣряю васъ....

Луниинъ. Не увѣрай, Саша.... погоди.... Развѣ ты находишь, что моя Надиночка дурна?

Шмелевъ. Надина?... неужели это была она?

Луниинъ. Конечно, она, кому же болѣе и быть?... и представь себѣ... вижу я, будто ты сидишь съ ней, вотъ такъ, подлѣ меня, съ правой стороны.... и оба такіе веселые.... а съ лѣвой Андрей Ивановичъ съ Любѣчкомъ.... а я будто гляжу на васъ да не могу нарадоваться и своему - то счастью и счастью моихъ внучекъ.... у обѣихъ по доброму мужу, а у меня четверо дѣтей... и всѣ меня равно любятъ.... всѣ меня покоятъ.... и будто я думаю: вотъ наконецъ - то я устроюсь, наконецъ - то я избавюсь отъ заботъ.... Чудесный сонъ, Саша! неправда - ли, чудесный?

Шмелевъ. Дѣйствительно чудесный!...

Луниинъ. Ахъ, ты плутишка!... (*Смѣясь и потирая руки.*) Да и въ самомъ дѣлѣ не чудесно - ли: двѣ свадьбы вдругъ!

Шмелевъ. Чудесно, восхитительно.... только....

Луниинъ. Что?

Шмелевъ. Вѣдь вы все это видѣли во снѣ....

Луниинъ. Однакожъ этотъ сонъ можетъ превратиться въ дѣйствительность... стоитъ только тебѣ пожелать. Ты вѣдь хоть и называешься братомъ Наденьки.... да вѣдь больше по привычкѣ.... вмѣстѣ росли.... а родство ваше седьмая вода на киселѣ.... тебѣ жениться на ней можно. Конечно, у меня опять будетъ много хлопотъ.... да ужъ для васъ я готовъ помучиться.... да и ты самъ вѣрно мнѣ поможешь.

Шмелевъ (*всторону*). Онъ непременно хочетъ меня женить... (*Велухъ*). Но, дѣдушка, вѣдь мнѣ только двадцать семь лѣтъ....

Луниинъ. И безподобно!... вѣдь у насъ нѣтъ правила, чтобъ непременно было жениху сорокъ.... Ты настоящая пара моей Надиночкѣ!

Шмелевъ. Но во мнѣ столько пороковъ....

Луницъ. Тѣмъ лучше!... Женись, ты, какъ глава семейства, будешь стараться исправиться....

Шмелевъ. Дѣдушка.... я, быть можетъ, васъ огорчу, но буду откровененъ.... Я васъ очень люблю, и чтобъ доказать это, готовъ пожертвовать для васъ всѣмъ... но, какъ хотите, жениться я не могу.... Сердце мое только однажды могло избрать для меня жеву.... вы знаете.... *(Смотритъ на дверь нальво.)*

Луницъ. Да... Любѣчка....

Шмелевъ. Это первая и послѣдняя моя невѣста!... Это вѣрно, дѣдушка.... и потому, прошу вашъ, прекратимте этотъ разговоръ....

Луницъ. Нечего дѣлать.... благодарствуй хоть за откровенность....

V.

ТѢЖЕ, СЛУГА.

Слуга *(входя въ среднюю дверь)*. Василій Ѳеодорычъ! Поваръ спрашиваетъ позволеніе поговорить съ вами на счетъ ужина!

Луницъ. Ну вотъ, только на минуту успокоился, какъ опять хлопоты.... вѣдь ужъ вчера, кажется, сколько я съ нимъ мучился.... спасибо еще, Андрей Ивановичъ все ему заказалъ.... а вотъ теперь что-то опять.... Скажи, чтобы опять пришелъ ко мнѣ въ кабинетъ.... я сейчасъ иду.... *(Слуга хочетъ уйти.)* Пстой! бѣжишь сломя голову.... не выслушаешь всего.... Поди въ типографію, вотъ что возлѣ.... позови оттуда кого нибудь подѣльнѣе.... Ну, что стоишь, ступай!... *(Слуга уходитъ.)* Просто, хлопоты съ этими людьми!... А какъ хочешь, Саша, жаль, право жаль!...

Шмелевъ. Дѣдушка!

Луницъ. Ну, ну, молчу... только скажу тебѣ откровенно, не смотря на то, что мой Любѣчикъ дѣлаетъ такую прекрасную партію, я все не совсѣмъ счастливъ, потому, что не устроена еще моя Надипочка!... жаль!... жаль!... *(Уходитъ въ дверь направо.)*

VI.

ШМЕЛЕВЪ, одинъ.

Я разрушилъ лучшую его мечту.... но чтожъ дѣлать.... По моему мнѣнію, всѣ замужнія женщины несчастны, потому что

въ мірѣ нѣтъ ни одного истинно добраго мужа.... а я себя знаю...
я былъ-бы хуже многихъ....

Всякій мужъ, годъ другой,
Ласковъ, нѣженъ съ женой,
А на третій ужъ годъ,
Пѣснь не ту запоеть!
Какъ жена ви мила,
А его ужъ дѣла
Отъ сл милыхъ глазъ
Отвлекаютъ подь часъ!
Годъ еще пролетитъ, —
Мужъ того и глядитъ
Какъ-бы этакъ кутнуть
Безъ жены гдѣ нибудь!
Годъ еще — и весь домъ
Обернется вверхъ дномъ,
И супруга, какъ мужъ,
Запоеть пѣсню тужь!
Тутъ начнутъ ужъ съ утра
Развозить кучера
Мужа, смотришь, туда,
А супругу сюда!...

VII.

ШМЕЛЕВЪ, НЕМИРСКІЙ и СЛУГА.

Слуга (въ среднихъ дверяхъ Немирскому). Баринъ, сударь занять въ кабинетѣ....

Немирскій. Хорошо.... я подожду его здѣсь!... доложи ему, когда онъ освободится.... мнѣ очень нужно съ нимъ видѣться...
(Слуга уходитъ).

Шмелевъ. Ба, ба, ба! кого я вижу! Немирскій!

Немирскій. Шмелевъ!

Шмелевъ. Могъ-ли я думать, что ты въ Петербургъ!

Немирскій. Я только-что сегодня пріѣхалъ.... суди-же о моемъ петербѣннѣ....

Шмелевъ. Буду судить, когда узнаю, какая причина заставила тебя разстаться до окончанія лѣта съ Гельсингфорсомъ!

Немирскій. Ты спрашиваешь причину.... Ахъ, мой другъ!... ты видишь, какъ я растроенъ.... еслибъ ты зналъ....

Шмелевъ. Что съ тобою?... Ты дѣйствительно на себя не похожъ!

Немирскій. Я въ ужасномъ положеніи!... Другъ мой! На тебя

вся моя надежда.... Мы поклялись съ тобою въ дружбѣ еще на школьной скамейкѣ.... Мы общались всегда, въ случаѣ нужды, помогать другъ другу.... теперь пришло время испытать тебя....

Шмелевъ. Испытывай.... ты увидишь мою готовность на все.... впрочемъ, я ужь доказывалъ тебѣ не разъ мою дружбу.... вспомни хоть наши волокитства.

Немирскій. Все это были однѣ шалости.... Но теперь.... теперь дѣло идетъ о счастіи всей моей жизни....

Шмелевъ. Да что такое съ тобою случилось?...

Немирскій. Ты можешь догадаться, если я скажу тебѣ, что только часъ тому назадъ я пріѣхалъ въ Петербургъ и вотъ я уже здѣсь въ домѣ твоего дѣдушки....

Шмелевъ. Такъ стало дѣло касается до него....

Немирскій. Еслибъ ты зналъ, съ какимъ волненіемъ, съ какимъ трепетомъ о летѣлъ сюда и, пріѣхавъ, сказать-ли тебѣ о моемъ малодушіи... Я боялся взойти на крыльцо.... я стоялъ противъ этихъ оконъ и не могъ рѣшиться войти сюда....

Шмелевъ. Такъ это въ самомъ дѣлѣ что-то ужасное!

Немирскій. Отвѣчай мнѣ, Александръ, правда-ли, что одна изъ твоихъ кузинъ на дняхъ выходитъ замужъ?

Шмелевъ. Правда!... А! теперь я начинаю догадываться.... Пыньшнее лѣто мои кузины съ дѣдушкой жили въ Гельсингфорсѣ.... и занимали квартиру рядомъ съ домомъ твоей матушки.... вы видѣлись всякой день.... а мои кузины такъ хороши.... навѣрное, которая нибудь изъ нихъ побѣдила твое сердце.... такъ ли, мой другъ?

Немирскій. Ты угадалъ....

Шмелевъ. Но которая-же? Отвѣчай!...

Немирскій. Отвѣчай мнѣ прежде, которая изъ нихъ выходитъ замужъ?

Шмелевъ. Признаюсь тебѣ, я боюсь моимъ отвѣтомъ растерзать твое сердце.... (*всторону*), вотъ будетъ забавно, если онъ влюбленъ въ ту-же, которая занимала и меня....

Немирскій. Отвѣчай-же.... ты видишь, я умираю отъ нерви́знія....

Шмелевъ. Нечего дѣлать.... и такъ, это....

VIII.

ТѢЖЕ, НАДЕЖДА, СЛУГА,

НАДЕЖДА (*за кулисами*). Неси, Иванъ, сюда, за мною....

ШМЕЛЕВЪ. Надѣна!... (Оба расходятся по разнымъ сторонамъ, къ задней стѣнѣ, такъ что, при входѣ Надежды, остаются ею незамѣченными).

НАДЕЖДА (въ дверяхъ). Сюда.... осторожнѣе!... (Подходитъ къ столу, не замѣчая Шмелева и Немирскаго; слуга несетъ за нею большой картонъ.) Поставь вотъ здѣсь, на столъ.... (Слуга ставитъ картонъ на столъ.) Хорошо.... благодарствуй.... (Слуга уходитъ. Она открываетъ картонъ и разматриваетъ въ немъ вещи.) Съ какимъ вкусомъ все это выбрано! прелесть, что за подарки!... видно, что Андрей Ивановичъ самъ все покупалъ.... Ахъ, какъ я люблю его!... Что за добрый, что за благородный человекъ!...

НЕМИРСКИЙ (всторону). А! вотъ его невѣста!... я отдыхаю!

ШМЕЛЕВЪ (всторону). Какъ онъ на нее смотритъ!... вѣрно онъ любитъ ее!

НАДЕЖДА (все еще не видя молодыхъ людей). Я знаю.... многие будутъ осуждать этотъ бракъ....

НЕМИРСКИЙ (также). Очень можетъ-быть.... и я первый....

НАДЕЖДА. Будутъ говорить о различіи лѣтъ....

НЕМИРСКИЙ (также). Непремѣнно!...

НАДЕЖДА. Но я совсѣмъ другаго мнѣнія.... пусть говорятъ, что хотятъ.... другіе не знаютъ его такъ хорошо, какъ я.... я увѣрена, что онъ полною составитъ счастье своей жены....

НЕМИРСКИЙ (подходя къ ней). О, безъ всякаго сомнѣнія!... я готовъ поручиться за него!...

НАДЕЖДА (испугавшись при видѣ Немирскаго и Шмелева, который также подходитъ къ ней). Ахъ!... Евгений Михайлычъ!.. Александръ!... вы были здѣсь?...

НЕМИРСКИЙ. Извините, я васъ испугалъ.... но я не могъ владѣть собою.... еслибъ вы знали, какъ обрадовали меня.... да, я увѣренъ, такъ-же, какъ вы.... я знаю, какъ и вы, Андрея Ивановича.... это рѣдкій, благороднѣйшій человекъ!... выборъ полною достойный.... радуюсь и отъ души поздравляю его невѣсту....

НАДЕЖДА. Слава Богу!... Нашелся хоть одинъ благоразумный человекъ!... Такое мнѣніе дѣлаетъ вамъ честь, Евгений Михайлычъ!

ШМЕЛЕВЪ (всторону). Нѣтъ сомнѣнія, онъ любитъ ее.... это очень кстати для нея и для намѣренія дѣдушки....

IX.

ТЪЖЕ, ЛУНИНЪ.

Лунинъ. Наконецъ, покончилъ съ поваромъ.... а еще сколько хлопотъ!...

Шмелевъ Дѣдушка.... позвольте вамъ представить....

Лунинъ (*Надеждѣ*). Какъ бишь его зовуть?

Надежда (*тихо ему*). Евгеній Михайлычъ!

Лунинъ. А! Евгеній Михайлычъ.... вотъ ужъ и вы возвратились изъ Гельсингфорса.... Очень радъ.... очень радъ.... и какъ кста-ти вы прѣехали.. вы вѣрно не откажетесь пожаловать на нашъ семейный праздникъ....

Немирскій. О, съ большимъ удовольствіемъ.... Но позвольте мнѣ вручить вамъ письмо отъ моей матушки....

Лунинъ. Отъ вашей матушки?... (*Беретъ письмо*.) Ну, какъ ее теперь здоровье?...

Немирскій. Слава Богу!... воды ее совершенно поправили!... однако-жъ она осталась еще въ Гельсингфорсѣ....

Лунинъ. Ну, очень радъ!... Препочтенная женщина!... вѣдь мы давшиніе съ ней знакомые....

Шмелевъ (*на ухо Лунину*). Если я не обманываюсь.... вы нашли, наконецъ, то, чего такъ желали....

Лунинъ. Что такое?

Шмелевъ. Мужа для Надины!...

Лунинъ. Что ты говоришь!

Шмелевъ. Просто, золотой человѣкъ!... молодъ, всего двадцать четыре года.... богатъ.... и притомъ влюбленъ по уши....

Лунинъ. Почему ты знаешь?...

Шмелевъ. Ужъ мнѣ не знать... да вотъ прочтите письмо... нѣтъ ли тамъ чего-нибудь....

(*Лунинъ распечатываетъ письмо, смотритъ пристально на Немирскаго и Надину, которые въ продолженіе разговора его съ Шмелевымъ, говорили между собою.*)

Надина (*всторону*). Что они тамъ шепчутся?... И дѣдушка какъ пристально смотритъ на меня....

Немирскій (*поспѣшно подходя къ Лунину, въ то время, какъ онъ хотѣлъ уже читать письмо*). Василій Федоровичъ! Позвольте васъ попросить прочесть это письмо безъ меня.... Отъ него зависятъ моя участь и, признаюсь, мнѣ какъ то неловко....

Шмелевъ. Пойдемъ со мною въ залу.... мнѣ нужно о многомъ съ тобою поговорить, мой другъ.... надѣюсь, что скоро я назову тебя....

Немврскій. Молчи, молчи, пожалуйста! (Кланяется Лунину и Надеждѣ и уходитъ съ Шмелевымъ въ среднюю дверь; Лунинъ начинаетъ читать письмо; Надежда съ удивленіемъ провожаетъ ихъ глазами.)

.X

ЛУНИНЪ, НАДЕЖДА, ПОТОМЪ ЛЮБОВЬ.

Надежда (всторону). Что у нихъ за тайна?... что это за письмо?

Любовь (всторону, показываясь въ дверяхъ нальво). Огъ здѣсь! я его видѣла.

Лунинъ (читаетъ). «Для матери не можетъ быть закрыто сердце сына... Евгений не могъ утаить отъ меня страстной любви, которую питаетъ къ вашей внучкѣ...»

Надежда. Такъ вотъ какія новости!

Любовь. Дѣдушка! прошу васъ, не читайте дальше!...

Лунинъ (находясь между двумя внучками). Отчего это?... Напротивъ... мнѣ очень любопытно прочесть это письмо... теперь же вы обѣ здѣсь, такъ прочтемте вмѣстѣ... Надиночка, вѣдь это о тебѣ рѣчь идетъ... знаешь-ли, вѣдь и тебя хотятъ у меня отнять...

Надежда. Меня?

Любовь. Сестру?

Надежда. Какъ... неужели это правда?

Лунинъ. Что-жъ, развѣ тебѣ непріятна эта новость?

Надежда. Нѣтъ, дѣдушка... не то, что непріятна... но я вовсе не ожидала...

Лунинъ. Во всякомъ случаѣ, въ твоей волѣ, мой дружочекъ, согласиться или вѣтъ на предложеніе... я не буду тебя приневоливать... я вѣдь не тиранъ какой нибудь... но все таки надо согласиться, что это партія прекрасная...

Надежда. Конечно, дѣдушка... но...

Лунинъ. Ну, что? договаривай...

Надежда. Вотъ что, дѣдушка... мнѣ кажется, что Немврскій слишкомъ молодъ для меня!

Лунинъ. Молодъ?... Ну, если только это... такъ это еще не бѣда!... Я вотъ и старикъ, а люблю молодежь!.. давай-ка, дочитаемъ письмо... (читаетъ). «Спокойствіе и будущая участь сына для меня очень дороги... пользуясь вашимъ дружескимъ расположеніемъ, я рѣшаюсь просить васъ составить его счастье... не откажите ему,

добрый другъ, въ рукѣ вашей милой внучки....» (Съ крикомъ.) Ахъ! вотъ тебѣ на!

Надежда. Дѣдушка! что съ вами!...

Лунинь. Смотри, читай! «Не откажите ему, добрый другъ, въ рукѣ вашей внучки, Любовь Петровны!...»

Надежда. Такъ это сестра!...

Любовь. Да, Надина... онъ любитъ меня... и я...

Надежда. И ты сестра...

Любовь. Ты давеча упрекала меня въ молчаніи... теперь, когда сама судьба открываетъ мою тайну, ты поймешь, отъ чего я молчала!...

Надежда. Бѣдняжка!

Лунинь. Вотъ еще новыя хлопоты!... Ну, что мы теперь будемъ дѣлать?... кабы еще днемъ, двумя раньше, привезъ онъ это письмо... а то въ какое время... въ день твоего обрученія... когда уже все порѣшено съ Андреемъ Ивановичемъ... когда уже созваны гости... когда... Ахъ, просто голова кругомъ!

Любовь. Дѣдушка! не беспокойтесь ни о чемъ!... Я не измѣню моему слову... и сдѣлавшись женою Андрея Иваныча, постараюсь отплатить ему за все тѣ благодѣянія, которыми мы обязаны ему съ сестрою!... вы только, дѣдушка... вы и сестра будете знать, какъ дорога мнѣ эта жертва... но я исполняю свой долгъ... а его... (со вздохомъ) его я забуду!...

Лунинь (почти со слезами). Прекрасно, мой Любочикъ!... Ты добрая, разсудительная дѣвушка!... да, да... съ Андреемъ Ивановичемъ ты какъ разъ его забудешь...

Надежда. Нѣтъ, дѣдушка... Этотъ бракъ не можетъ состояться!...

Лунинь. Что?

Любовь. Что ты говоришь!

Надежда. Да, не можетъ!... Развѣ вы не видите, дѣдушка, что сестра будетъ на вѣкъ несчастна!... Да и онъ, нашъ благодѣтель, нашъ другъ... развѣ онъ будетъ счастливъ? что она принесетъ ему съ своей рукой?... сердце, которое принадлежитъ уже другому?... Нѣтъ, нѣтъ, бракъ этотъ не возможенъ!

Лунинь и Любовь (вмѣстѣ). Невозможенъ!

Кирсановъ (за кулисами). Хорошо... хорошо... я скажу имъ самъ...

Любовь. Ахъ! это онъ!

Надежда. Это онъ.

Лунинь. Это онъ!

Любовь. Я умираю отъ страха!

Лунинъ. Ну что я ему скажу!... Эхъ! такая хлопота.

Надежда. Я чувствую, что смѣлость меня оставляетъ!

 XI.

ТѢЖЕ, КИРСАНОВЪ.

Кирсановъ (*входя въ среднюю дверь, весело*). Здравствуйте, добрые мои друзья!... Что у васъ здѣсь? не семейный-ли совѣтъ?... Пойдемте лучше въ гостиную.... скоро будутъ съѣзжаться гости.... (*Подходя къ Любови.*) Пойдемте, Любовь Петровна.... дайте мнѣ вашу руку.

Любовь. Андрей Ивановичъ!... во всю мою жизнь я не забуду того, чѣмъ вамъ обязана.... но идти въ эту минуту туда.... нѣтъ, я не въ силахъ.... (*Со слезами.*) Ахъ! если-бъ вы знали, какъ я несчастна!... (*Уходитъ направо.*)

Кирсановъ. Несчастна! И чтобъ мнѣ это сказать, она избрала такую минуту!... (*Лунину.*) Объясните пожалуйста, что это значитъ?

Лунинъ (*съ смущеніемъ*). Другъ мой! Какъ угодно.... Это очень трудно объяснить.... ты лучше меня знаешь.... ну, разумѣется, женщины.... у нихъ иногда кто ихъ знаетъ что такое.... можно в всего ожидать.... надо быть на все готовымъ.... тутъ нужна сила.... мужество.... а мнѣ что дѣлать....

Кирсановъ. Я васъ не понимаю....

Лунинъ (*почти со слезами*). Другъ мой!... Неприятно.... горько.... еслибъ только ты зналъ, какъ я несчастливъ!... (*Уходитъ направо.*)

 XII.

КИРСАНОВЪ и НАДЕЖДА.

Кирсановъ. Надежда Петровна! неужели и вы оставите меня?

Надежда. Нѣтъ, я остаюсь съ вами.

Кирсановъ. Но можете ли вы мнѣ объяснить, что здѣсь у васъ произошло?

Надежда. Да!... я была-бы слишкомъ неблагодарна къ вамъ, если-бъ рѣшилась скрыть отъ васъ истину.... какъ бы она ни была неприятна....

Кирсановъ. А она неприятна?

Надежда. Да....

Кирсановъ. Нужды нѣтъ, говорите.... я готовъ выслушать все.... особенно отъ васъ....

Надежда. Скажите, не замѣтили-ли вы въ залѣ съ Александромъ молодаго человѣка....

Кирсановъ. Видѣлъ!... я его немножко знаю.... Кажется, Немирскій?

Надежда. Точно такъ....

Кирсановъ. Признаюсь, что онъ меня немножко удивилъ. Когда вашъ кузенъ представилъ ему меня, какъ жениха вашей сестрицы.... онъ какъ-то вдругъ странно измѣнился, тотчасъ-же отошелъ отъ меня и сталъ тихо разговаривать съ Александромъ Семенычемъ.... Впрочемъ, удивляться тутъ нечему.... вѣрно ему не понравилась моя физиономія.... точно такъ какъ и я чувствую какую-то антипатію къ вашему кузену.... а теперь, признаюсь вамъ, и пріятель его произвелъ на меня такое-же впечатлѣніе.... мы въ этомъ случаѣ квиты!... Но что же вы хотѣли сказать о Немирскомъ?

Надежда. Онъ вмѣстѣ съ нами былъ въ Гельсингфорсѣ.... и сестра....

Кирсановъ. Влюбилась въ него.... отгадалъ?

Надежда. Да....

Кирсановъ. И, разумѣется, онъ такъ-же влюбленъ въ нее?

Надежда. Да....

Кирсановъ. Такъ вотъ причина этихъ смущеній, этихъ слезъ?...

Надежда. Да....

Кирсановъ. И она оттого несчастна, что должна выйти за меня замужъ?

Надежда. Да!...

Кирсановъ. Она не будетъ моей женой!.... Благодарю васъ, мой добрый другъ, за откровенность.... Я удивляюсь только одному, что вы давно не открыли мнѣ этой тайны.

Надежда. До нынѣшняго дня я сама ничего не знала!

Кирсановъ. Тѣмъ болѣе я долженъ благодарить васъ.... Теперь я вижу, что нисколько не ошибся въ мнѣніи объ васъ... въ вашемъ семействѣ я всегда отдавалъ предпочтеніе вамъ....

Надежда. Андрей Ивановичъ.... вы начинаете мнѣ льстить....

Кирсановъ. Нисколько!... Я знаю васъ, быть можетъ, лучше, чѣмъ вы сами.... вашъ дѣдушка немножко слѣпъ.... въ характерѣ вашей сестрицы есть что-то романтическое.... вашъ кузенъ также отчасти вѣтрень.... только въ васъ я не замѣтилъ ни одного не-

достатка... но я забылъ.... (звонитъ и потомъ, сядя къ столу, начинаетъ писать.)

Надежда. Что вы хотите дѣлать?

(Входитъ слуга.)

XIII.

ТѢЖЕ и СЛУГА.

Кирсановъ. Иванъ! отдай эту записку господину Немирскому... знаешь, который тамъ въ залѣ... пріятель Александра Семенова....

Слуга. Знаю, сударь.... но чуть-ли они не уѣхали.... сію минуту они прощались съ барининомъ....

Кирсановъ. Такъ бѣги скорѣй.... можетъ-быть, застанешь еще на крыльцѣ....

(Слуга, взявъ записку, поспѣшно уходитъ.)

XIV.

КИРСАНОВЪ и НАДЕЖДА.

Надежда. Скажите, для чего эта записка?

Кирсановъ. Не беспокойтесь ни о чемъ.... въ запискѣ этой нѣтъ ничего страшнаго.... Однако-жъ, по его отъѣзду, я опасуюсь, что вашъ дѣдушка все еще предполагаетъ связать мою судьбу съ вашей сестрицей.... но я самъ теперь на это не согласенъ!... Я вижу, что поступилъ слишкомъ опрометчиво и никакъ себѣ этого не прошу.... Какъ я могъ рѣшиться на этотъ союзъ?... во мнѣ нѣтъ никакихъ достоинствъ: ни ловкости, ни молодости, ни любезности.... я оригиналъ, человѣкъ, котораго занимають дѣла и дѣйствительность.... а не свѣтская болтовня.... не романтическія бредни.... могъ-ли я понравиться молодой дѣвушкѣ?... Да, я сдѣлалъ большую глупость.... но я теперь вылезли совершенно.... въ мои лѣта, должно-бы мнѣ лучше себя знать.... вашей сестрицѣ нуженъ именно такой мужъ, какъ этотъ молодой человѣкъ.... а меня.... кто-жъ можетъ меня любить?

Надежда. Кто?... вотъ забавно, да все!

Кирсановъ. Все!... вы говорите о такихъ вещахъ, которыхъ не можете еще понимать.... когда въ свой чередъ вамъ найдутъ жениха....

Надежда. Да ужъ мнѣ было нашли....

Кирсановъ. Нашли?... Какая глупость!

Надежда. Дѣдушка вообразилъ, что господинъ Немирскій хочетъ жениться на мнѣ....

Кирсановъ. На васъ?... Какъ же вы это приняли?

Надежда. Я ужасно испугалась!

Кирсановъ. Отчего-жъ испугались?

Надежда. И сама не знаю, отчего!... признаюсь вамъ, еслибъ онъ и дѣйствительно на мнѣ сватался.... я.... я отказала-бы ему!

Кирсановъ (съ удивленіемъ). Вы-бы отказали!...

Надежда. Да!... Это васъ удивляетъ?

Я молода еще, конечно,
И не могла людей узнать,
Но не рѣшусь себя безопасно
На произволь судьбы отдать!
Притворствѣ для меня ужасно!...
Хоть вѣтренной кажусь я вамъ,
Но въ томъ, съ чѣмъ сердце несогласно,
Я слова никогда не дамъ.

Кирсановъ. Хвалю ваши чувства, мой другъ!... У васъ много еще времени впереди.... вы успѣете выбрать себѣ мужа по сердцу.... не поступайте только такъ, какъ ваша сестра.... не обманывайте надеждъ честнаго человѣка и не доводите его до такого-же горькаго положенія, въ какомъ теперь нахожусь я!

Надежда. Если-бъ вы знали, какъ мнѣ жаль васъ, добрый Андрей Ивановичъ!... Такъ вы очень любили сестру?

Кирсановъ. Да, я любилъ ее!... Быть можетъ, не съ той пламенной страстью, съ какой любить ее этотъ молодой человѣкъ.... но любилъ искренно.... какъ люблю васъ....

Надежда. Меня?

Кирсановъ. Какъ люблю этотъ домъ, какъ всю семью вашу, которую въ теченіе десяти лѣтъ я привыкъ считать своею.... я здѣсь освоился.... быть вмѣстѣ съ вами, любить васъ.... заботиться о вашемъ спокойствіи.... было мнѣ лучшимъ удовольствіемъ.... можно сказать, потребностью моей жизни!... и вдругъ, я долженъ разстаться съ вами.... долженъ оставить мои привычки.... не видѣть больше васъ и привыкать къ новой жизни!

Надежда. Нѣтъ, нѣтъ! вы останетесь съ нами!

Кирсановъ. Нѣтъ!... мои права принадлежатъ теперь другому!

Надежда. Нѣтъ, добрый другъ! вы не оставите насъ.... будемъ по прежнему бесѣдовать съ вами

Кирсановъ. Нѣтъ! никогда!

Надежда. Будемъ по прежнему иногда спорить....

Кирсановъ. Никогда!... Я могу спорить только съ моими друзьями....

Надежда. А я? развѣ я не другъ вашъ?... развѣ для васъ такъ ничтожна моя дружба?

Кирсановъ. Ваша дружба?... Она для меня очень дорога.... по.... я не хочу подвергать себя въ будущемъ новымъ утратамъ и огорченіямъ.... рано или поздно.... придетъ и ваша очередь.... найдется и для васъ женихъ.

Надежда. Я не хочу!...

Кирсановъ. Онъ будетъ молодъ....

Надежда. Не хочу!

Кирсановъ. Добрь, любезень....

Надежда. Не хочу!

Кирсановъ. Онъ будетъ васъ любить такъ-же, какъ любятъ вашу сестру....

Надежда. Не хочу! не хочу! и не хочу!

Кирсановъ. Тогда, повѣрьте, для васъ непріятна будетъ эта дружба.... такъ лучше-же кончить все теперь, однимъ разомъ.... да! я долженъ оставить васъ!... прощайте!...

Надежда. Вы хотите ѣхать?

Кирсановъ. Сію минуту!

Надежда. Нѣтъ, этого вамъ не позволятъ!

Кирсановъ. Не позволятъ?... Но кто же это?

Надежда (*становясь къ средней двери*). Я!

Кирсановъ. Вы?

Надежда. Я найду средство удержать васъ и готова поклясться чѣмъ хотите, что вы не уѣдете!

Кирсановъ (*всторону*). Да эта дѣвушка съ характеромъ!

(*Шмелевъ и Немирскій, войдя въ среднюю дверь, таинственно подходятъ къ Кирсанову.*)

XV.

ТѢЖЕ, ШМЕЛЕВЪ И НЕМИРСКІЙ.

Немирскій (*тихо Кирсанову*). Андрей Ивановичъ! я получилъ вашу записку!...

Кирсановъ. Чтожъ вамъ угодно отъ меня?

Шмелевъ (*тихо Кирсанову*). Мы пришли объясниться съ вами....

Кирсановъ. Объясниться?... на счетъ чего?...

Надежда (*про себя*). Что они тамъ говорятъ такъ тихо?...

Немирскій (*также*). Я долженъ вамъ сказать, что прося руки Любовь Петровны, я вовсе не зналъ, что она обѣщана уже вамъ.... если вы считаете себя обиженнымъ.... я готовъ....

Шмелевъ (*такъ же*). Я, какъ другъ Немирскаго, буду его секундантомъ!...

Кирсановъ. Секундантомъ?

Шмелевъ (*также*). Да!... по моему мнѣнію, дѣло это не можетъ обойтись безъ дуэли.... мы любили одну и ту же дѣвушку... оба съ Немирскимъ враги будущаго ея мужа.

Немирскій (*тихо Кирсанову*). Назначайте-же мѣсто и оружіе....

Кирсановъ. Господа! извините, но позвольте вамъ сказать.... вы.... вы очень странны для меня.... Съ чего вамъ пришло въ голову вызывать меня на дуэль?... вѣдь я еще съ ума не сошелъ, чтобъ сталъ претендовать на васъ и ссориться за то, что васъ любятъ больше меня.

Немирскій. Такъ чего-жъ вы отъ меня хотѣли? Зачѣмъ заставили меня вернуться сюда?

Шмелевъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего-жъ онъ отъ него хотѣлъ!...

Надежда (*всторону*). Я отдыхаю!...

XVI.

ТѢЖЕ, ЛУНИНЪ, ЛЮБОВЬ.

Лунинъ (*входя съ Любовью и стараясь удержаться отъ слезъ*). Ступай смѣло, мой Любочикъ.... Ты исполнишь свой долгъ.... и, повѣрь, будешь счастлива!

Любовь (*всторону, со вздохомъ*). Счастлива!

Лунинъ. Андрей Ивановичъ!... все готово къ обрученію!... (*Увидя Немирскаго*). Вы еще здѣсь, милостивый государь!

Немирскій. Меня удержалъ Андрей Ивановичъ!

Лунинъ (*Кирсанову*). Ты удержалъ его!... Это для чего?

XVII.

ТѢЖЕ, СЛУГА.

Слуга. Василій Федоровичъ.... пришелъ факторъ изъ типографіи, за которымъ вы изволили посылать....

Лунинь Да, да.... надобно отдать ему напечатать къ завтраму билетъ.... Надюночка, просмотрѣла-ли ты?...

Надежда (*вынимая изъ кармана бумагу*). Ахъ, я совсѣмъ забыла, дѣдушка!...

Лунинь. Ну, такъ.... просто, все я одинъ думай обо всемъ.... никто нехочетъ мнѣ помочь!

Надежда. Не сердитесь, дѣдушка.... я сію минуту все сдѣлаю.... билетъ списавъ вѣрно и прибавлять ничего больше не нужно.... стоитъ только вставить имена жениха и невѣсты....

Лунинь. Ну, такъ впиши скорѣй, да и дѣлу конецъ! (*Всѣ въ ожиданіи и волненіи.*)

Надежда (*сидя къ столу и вписавъ въ бумагу имена, читаетъ*). «Василій Федоровичъ Лунинь имѣетъ честь извѣстить о помолвкѣ внучки своей Любовь Петровны Луниной съ Евгеніемъ Михайловичемъ Немирскимъ....»

Лунинь. Что такое!

Немирскій. Что я слышу!

Любовь. Сестра!...

Кирсановъ. Да, это такъ, это должно быть такъ!... (*Немирскому.*) И вотъ для чего я васъ остановилъ!... Теперь мнѣ нечего больше здѣсь дѣлать.... (*Беретъ шляпу.*) Прощайте!

Лунинь. Дружочикъ мой! Андрей Иванычъ!...

Надежда (*вставая изъ-за стола, за которымъ она еще писала*). Одну минуту.... здѣсь еще есть другой билетъ....

Кирсановъ. Другой?... Какой-же еще другой?...

Надежда. Отъ жениха.... отъ васъ!...

Кирсановъ. Отъ меня?...

Надежда (*читаетъ*). «Андрей Иванычъ Кирсановъ имѣетъ честь извѣстить....»

Кирсановъ. Разорвите эту бумагу!...

Надежда (*передавая ему бумагу*). Разорвите сами... но прежде прочтите....

Кирсановъ. Для чего?...

Надежда. Прочтите, прошу васъ.... и потомъ дѣлайте съ ней, что хотите!...

Кирсановъ (*читаетъ*). «Андрей Ивановичъ Кирсановъ имѣетъ честь извѣстить о помолвкѣ своей съ Надеждой Петровной...»

Вмѣстѣ. { Лунинь. Съ Надюночкой!...
Любовь и Шмелевъ. Съ Надюной!...
Немирскій. Съ Надеждой Петровной!...

Надежда. Теперь.... оставите вы насъ или.... нѣтъ?...

Молчите вы?...

КИРСАНОВЪ.

Честь запрещаетъ

Такую жертву мнѣ принять!

Васъ чувство дружбы увлекаетъ....

НАДЕЖДА.

Я не привыкла чувствъ скрывать!

Притворство для меня ужасно!

Хоть вѣтренной кажусь я вамъ,

Но въ томъ, съ чѣмъ сердце не согласно,

Я слова никогда не дамъ!

Кирсановъ (*въ радости взявъ за руку Надежду*). О, мой добрый другъ!... (*Отдавая обѣ бумаги слугѣ*.) Возьми, отдай это фактору.... скажи, чтобъ къ завтрашнему утру было напечатано....

Шмелевъ (*всторону*). Пойми, послѣ этого, чувства молодыхъ дѣвушекъ!

Лунинъ (*въ робости, почти со слезами*). Господи! кто-бы этого ожидалъ!... наконецъ-то я пристроилъ обѣихъ моихъ сиротокъ!... Теперь какъ гора съ плечъ! какъ будто я вовсе не трудился сегодня, даромъ, что было столько хлопотъ!... легко, весело на душѣ!... Ай, да Надюшечка! (*Всторону, смотря на Кирсанова и Надежду*.) Только, воля ваша, она слишкомъ молода для него!

Шмелевъ (*всторону*). Двѣ свадьбы вдругъ! и я, какъ другъ и родственникъ, буду принять въ обоихъ семействахъ!... Это не дурно!

ОБЩІЙ ХОРЪ.

КИРСАНОВЪ, НЕМИРСКІЙ, НАДЕЖДА И ЛЮБОВЬ.

В
м
ѣ
с
т
ѣ

Скоро счастьемъ увѣнчаетъ
Два союза Гименей!
Онъ намъ радость общаетъ
И блаженство мирныхъ дней!

ЛУНИНЪ И ШМЕЛЕВЪ.

Скоро счастьемъ увѣнчаетъ
Два союза Гименей!
Онъ имъ радость общаетъ
И блаженство мирныхъ дней!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

БРАТЪ ПО РАЗСУДКУ.

—
 Богатая комната въ домѣ Кирсанова.
 —

1.

КИРСАНОВЪ, НАДЕЖДА.

Кирсановъ сидитъ направо за конторкою, обложенный бумагами и пишеть. Надежда на другой сторонѣ, вышиваетъ.

НАДЕЖДА. Дружокъ мой! Послушай!

КИРСАНОВЪ. Не мѣшай, пожалуйста... у меня важное дѣло...

НАДЕЖДА. Да скоро-ли ты кончишь?

КИРСАНОВЪ. Это зависить отъ тебя...

НАДЕЖДА. Какъ скучны всѣ эти дѣла!

КИРСАНОВЪ. Не будешь мѣшать, такъ я скорѣе отъ нихъ освобожусь!

НАДЕЖДА. Ну, я молчу!

КИРСАНОВЪ. Насилу!... *(Начинаетъ опять писать.)*

НАДЕЖДА *(послѣ нѣкотораго молчанія)*. Дружокъ мой!

КИРСАНОВЪ. Опять!

НАДЕЖДА. Мнѣ нужно сказать тебѣ одно слово...

КИРСАНОВЪ. Ну, говори...

НАДЕЖДА. Какъ ты находишь... къ лицу я сегодня причесана?

КИРСАНОВЪ. Послѣ скажу!

НАДЕЖДА. Какъ это любезно!... Такъ на зло-же тебѣ, я сама буду работать!

КИРСАНОВЪ. И прекрасно!

НАДЕЖДА. И ужъ не скажу больше ни слова... когда я вышиваю, я не люблю говорить...

КИРСАНОВЪ. И неподобно *(продолжаетъ писать)*.

НАДЕЖДА. Я было хотѣла вышить тебѣ кресла къ нынѣшнему дню... вѣдь сегодня ровно годъ нашей свадьбѣ...

КИРСАНОВЪ. Знаю...

НАДЕЖДА. Къ несчастію, я успѣла вышить только одну ручку... Но за то ужъ къ именинамъ твоимъ постараюсь непременно кончить....

Кирсановъ. Ахъ, какъ ты меня сбиваешь.... надобно что-нибудь одно, или слушать тебя, или писать....

Надежда. Ну, не сердись.... я замолчу.... только, пожалуйста, кончай скорѣе свою работу.... Ты вѣрно не забылъ, что къ намъ прїѣдутъ на весь день дѣдушка, сестра съ мужемъ.... и.... кузень Александръ....

Кирсановъ. Ты и его пригласила?

Надежда. Какъ-же его не пригласить?... вѣдь онъ намъ родственникъ....

Кирсановъ. Да.... я и забылъ....

Надежда. Онъ-же такъ любезенъ.... такой чудесный музыкантъ....

Кирсановъ. И такой мастеръ ничего не дѣлаетъ!...

Надежда. Я не понимаю, за что ты его не любишь?

Кирсановъ. За то, что онъ тунеядецъ!... Вмѣсто того, чтобъ служить отечеству, трудиться и утвердить за собою имя честнаго человѣка, онъ безъ пользы губитъ лучшіе свои годы, по примѣру вѣсколькихъ скучныхъ свѣтскихъ людей, этихъ воспитанныхъ звѣрей общества, этихъ обезьянъ, наряжающихся въ шкуры чужеземныхъ львовъ и шакаловъ.... онъ губитъ свѣжесть своихъ мыслей и силъ на глупости.... разоряетъ отцовское достояніе, накопленное потомъ и трудами!... Не для него собственно, потому что я не люблю его по другимъ еще отношеніямъ.... но для чести его родныхъ, близкихъ моему сердцу, пытался я не одинъ разъ навести его на честный путь.... но всѣ совѣты мои, всѣ добрыя намѣренія оставались безъ успѣха.... Посмотримъ, что будетъ дѣлать онъ, когда разорится въ конецъ.... а этого ждать не долго....

Надежда. Другъ мой!... ты забылъ.... у тебя есть важное дѣло!

Кирсановъ. Виновать.... я увлекся негодованіемъ (принимается снова за работу.)

II.

ТѢЖЕ, и ЛУНИНЪ.

Лунинъ (входя въ среднюю дверь). Вотъ и я!... Здравствуйте, мои друзья!... Надпючка, Андрей Ивановичъ....

Надежда. Ахъ, дѣлушка!... (Цѣлуетъ его.)

Кирсановъ (подойдя къ нему и цѣлуясь съ нимъ). Извините

меня.... я очень занятъ.... позвольте мнѣ кончить мое дѣло и тогда я вашъ на цѣлый день....

Луницъ. Работай, работай... я не мѣшаю.... (*Кирсановъ садится за работу.*) Я люблю, какъ около меня трудятся.... знаете, тутъ какъ-то больше даешь цѣны независимому своему положенію.... въ теченіе этого года, какъ я выдалъ васъ обѣихъ замужъ, я рѣшительно съ утра до вечера свободенъ.... а вѣдь все въ занятіяхъ.... не видишь какъ и день проходитъ ...

Надежда. А день, кажется, довольно дологъ....

Луницъ. Для меня коротокъ!... (*Кирсановъ стучитъ отъ нетерпѣнія ногой.*) Однакожъ, мы мѣшаемъ Андрею Ивановичу.... Отойдемъ отъ него подальше.... (*Отходитъ съ Надеждой нальво.*)

Надежда. Да сядьте, дѣдушка.... вѣдь вы, я думаю, устали: вѣрно пришли пѣшкомъ?...

Луницъ (*садясь*). Разумѣется, пѣшкомъ.... хоть экипажъ и ѣхалъ за мною, я ни разу не сѣлъ.... я люблю ходить пѣшкомъ.... вѣдь еще належимся!... Слушай-ка, какъ я провожу почти всякій день.... встану въ восемь часовъ, напьюсь чаю, и потомъ тотчасъ же за дѣло: прочитаю отъ доски до доски Поллицейскую Газету и афишки... въ двѣнадцать часовъ выпью рюмочку моего цѣлебнаго травничка и посоветовавшись съ барометромъ и термометромъ, отправлюсь гулять на Невскій!... На Невскомъ у меня всегда много дѣла.... Останавливаюсь предъ каждымъ магазиномъ и смотрю въ окошко на разныя вещички... у Аничкова полюбуюсь Клотовскими лошадами, у Думы повѣрю часы, у Поллицейскаго — подивлюсь архитектурѣ Строгоновскаго дома.... потомъ заверну въ Морскую, зайду къ Любѣчку.... потомъ въ Гороховую къ тебѣ.... къ третьемъ отправлюсь домой обѣдать.... прогулка даетъ моя аппетитъ и я всегда хорошо обѣдаю.... послѣ обѣда чашокъ другой засну.... а послѣ въ клубъ.... поиграю въ вистикъ.... въ десять домой.... поужинаю-и на боковую!... Въ такихъ занятіяхъ, право, не видишь, какъ и день пройдетъ!... Поблагодаришь Господа, что онъ такъ счастливо устроилъ васъ, моихъ милачекъ.... порадуешься, что въ цѣлый день не сдѣлалъ никому зла да и заснешь сладко, спокойно!

Надежда. Но сегодня, вы, вѣрно, дѣдушка, измѣните своимъ привычкамъ и останетесь у насъ на весь день....

Луницъ. Разумѣется.... еще-бы такой день не провести съ вами!

Кирсановъ (*вставая изъ за конторки*). Да, ужъ какъ хотите, мы съ женою васъ не пустимъ....

Луницъ. А! наконецъ и ты заговорилъ!

Кирсановъ. Слава Богу, я наконецъ кончилъ мою работу!

—
III.

ТѢЖЕ, НЕМИРСКІЙ.

НАДЕЖДА. А! вотъ и Евгеній Михайловичъ!

НЕМИРСКІЙ (*съ озабоченнымъ видомъ, разспянно раскланиваясь со всеми*). Скажите, пожалуйста, не видали-ли вы моей жены?

НАДЕЖДА. Мы только хотѣли спросить васъ, отчего вы не съ нею?

ЛУНИНЪ. Что съ ней случилось? гдѣ она?

НЕМИРСКІЙ. Я самъ не знаю.... поѣхала только на минуту съ визитомъ къ тетускѣ....

НАДЕЖДА. Полноте безпокойтесь!... Ну, разсудите, что съ ней могло случиться.... вѣрно ее тамъ задержали!

НЕМИРСКІЙ. Конечно... но я всегда несокоеенъ, когда она не бываетъ со мною.... точно такъ-же какъ и она.... отлучись я отъ нея хоть на минуту — ужъ она и въ тревогѣ!

ЛУНИНЪ. Этакъ они любятъ другъ-друга!... примѣрная чета!

НЕМИРСКІЙ. Удивительно! уѣхала ровно въ часъ.... (*смотря на часы*) а теперь безъ десяти минутъ два....

ЛУНИНЪ (*вынимая часы*). Постой, вѣрны-ли еще твои? погляжу, сколько на моихъ.... сейчасъ повѣрялъ съ башенными.... ровно три четверти втораго.... нѣтъ, съ минутой.... втораго сорокъ шесть минутъ.... Поставь-ка свои....

НЕМИРСКІЙ. Ну, скажите пожайлуста, мы ужъ разлучены почти цѣлый часъ!

КИРСАНОВЪ. Бездѣлица!

ЛУНИНЪ. Да, для людей, которые никогда не разлучаются, много!

НЕМИРСКІЙ. Удивительно! и вѣдь поѣхала-то къ моей тетускѣ которую она терпѣть не можетъ.... ужъ по необходимости нужно было сдѣлать визитъ!... Хотѣла непременно быть здѣсь въ половницѣ втораго.... а теперь слишкомъ три четверти.... Нѣтъ, воля ваша, съ ней что-нибудь случилось!...

—
IV.

ТѢЖЕ, И ЛЮБОВЬ.

ЛЮБОВЬ (*поспѣшно входитъ, не замѣчая никого*). Гдѣ онъ? гдѣ мой Евгеній?... (*Бросаясь къ нему на шею*). Евгеній!...

Немирскій. Ахъ, мой другъ!... Наконецъ я тебя вижу!

Луницъ. Какъ они любятъ другъ-друга!...

Кирсановъ (*всторону*). Ужъ слишкомъ!... Такая любовь опасна!

Немирскій. Какъ ты разгорѣлась, моя крошка!... ты вѣрно устала... Сними свою шляпку... сними шаль... тебѣ жарко! (*Беретъ у нея шляпку и шаль и кладетъ на столъ*).

Любовь. Благодарствуй, мой дружокъ!

Надежда (*всторону*). Какъ онъ ее любить! какъ онъ о ней заботится!

Любовь. Извините меня... я не успѣла еще съ вами и поздороваться... Здравствуйте, милый дѣвушка... здравствуй, Надина... Андрей Ивановичъ... (*Показывая на мужа*.) Это все онъ виновать... я такъ давно его не видала!

Кирсановъ. Мы ужъ знаемъ.... ровно три четверти часа!

Немирскій. Но отчего ты такъ замѣшкалась, душа моя?

Любовь. Ахъ, все твоя веселая тетушка... насилу выпустила... непремѣнно хотѣла, чтобъ я выпила чашку шоколаду!... Еслибъ ты зналъ, какъ я мучилась, просто, сидѣла, какъ на иглокахъ...

Немирскій. Бѣдняжка!... А я-то ужъ чего не передумалъ!...

Любовь. Но наконецъ ты со мною!...

Немирскій. Ахъ, какъ сладко свиданіе послѣ долгой разлуки!... (*Цѣлуются*.)

Надежда (*Лунику и Кирсанову*). Какъ они любятъ другъ друга!...

Луницъ. Просто, невѣроятно!

Кирсановъ (*всторону*). Точно, невѣроятно!... истину покажетъ намъ время!

Немирскій. Въ какомъ ты, однако-же волненіи... я боюсь, чтобъ ты не занемогла... Сядь, мой дружокъ, я тебѣ дамъ воды съ сахаромъ... (*Приготавливаетъ въ стаканъ сахарную воду у каминна, и потомъ подаетъ ее Любови*.)

Любовь. Добрый мой Евгений... не безпокойся... это пройдетъ... Теперь мы все вмѣстѣ... Подумайте, какъ-бы намъ провести этотъ день... Знаете что: не поѣхать-ли намъ въ театръ?... Сегодня даютъ балетъ съ Фанни-Эльслеръ!

Кирсановъ. Прекрасно! поѣдемъ.

Луницъ. Поѣдемте, и я съ вами... я еще ни разу не видѣлъ этой Фанни-Эльслеръ ... все какъ-то было некогда... а говорятъ, чудо что такое!...

Любовь (*Немирскому*). Такъ пошли, мой дружокъ, поскорѣе за ложей...

Немирскій. Если послать за ложей человѣка, такъ можно навѣрное ожидать, что онъ ее не достанетъ... Надобно съѣздить самому... у меня есть маленькая протекція и если осталась хоть одна ложа, то я увѣренъ, что мнѣ дадутъ.

Любовь. Ты опять разстанешься со мною?

Немирскій. Не болѣе, какъ на четверть часа, жизнь моя.... театръ отсюда недалеко.... принесемъ эту жертву для общаго удовольствія...

Любовь. Нечего дѣлать, поѣзжай, только вернись скорѣе...

Кирсановъ. Я съ вами по дорогѣ... Мнѣ надобно съѣздить по этому дѣлу... (*Кладетъ въ портфель бумаги съ бюро.*)

Лунинъ. А я пойду, почитаю Пчелку...

Надежда (*Кирсанову*). Не замѣшайся, мой другъ... не забудь, что у насъ гости!

Любовь (*тихо Надеждѣ*). Какъ это странно!... Въ такой день его занимаютъ дѣла, тогда-какъ онъ долженъ быть занятъ одною тобою!

Немирскій (*взявъ шляпу*). Прощай, дружокъ.... прощай, моя несравненная Любочка.... (*Цѣлуетъ попеременно объ ея руки нѣсколько разъ.*)

Любовь (*со вздохомъ*). Прощай!...

Кирсановъ (*взявъ шляпу и портфель*). До свиданія, Надинька! (*Цѣлуетъ ее въ лобъ.*)

Немирскій (*отойдя нѣсколько шаговъ и возвратясь опять къ Любови*). Прощай! (*Цѣлуетъ снова ея руки.*)

Кирсановъ. Поѣдемте!... довольно ужъ вамъ цѣловаться!...

Любовь (*смотря на Немирскаго и обращаясь къ Надеждѣ*). Какая разница между вами!...

(*Немирскій уходитъ съ Кирсановымъ въ среднюю дверь, посылая рукою поцѣлуй жень. Лунинъ слѣдуетъ за ними.*)

V.

НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ.

Любовь. Скажи, пожалуйста, что сдѣлалось съ твоимъ мужемъ? Ужъ не поссорились-ли вы?

Надежда. Нѣтъ!

Любовь. То-то!... я ужъ было испугалась.... онъ такъ холодно простился съ тобою!... Неужели вы всегда такъ равнодушно разстаетесь?

НАДЕЖДА. Всегда!

ЛЮБОВЬ. Я думаю, онъ часто не бываетъ дома?...

НАДЕЖДА. По утрамъ почти никогда : онъ бываетъ у должности.

ЛЮБОВЬ. И долго?

НАДЕЖДА. Почти всегда до четырехъ часовъ!

ЛЮБОВЬ. Что-же ты безъ него дѣлаешь?

НАДЕЖДА. Занимаюсь чѣмъ-нибудь : вышиваю, вяжу....

ЛЮБОВЬ. А когда онъ пріѣдетъ домой?

НАДЕЖДА. Обѣдаемъ!... потомъ идемъ прогуляться, если хороша погода.... а по вечерамъ ѣздимъ иногда въ театръ, или посѣщаемъ короткихъ знакомыхъ.... но чаще мы проводимъ вечера дома.... Если у него мало занятій, онъ мнѣ что-нибудь читаетъ, или я играю на фортепьяно....

ЛЮБОВЬ. И вотъ вся твоя жизньъ, сестра?

НАДЕЖДА. Ахъ, какимъ это ты говоришь тономъ?... Ты меня начинаешь пугать!

ЛЮБОВЬ. И онъ тебя не возитъ въ общество? на вечера, на балы?

НАДЕЖДА. Очень рѣдко!... Онъ говоритъ, что всѣ эти балы дѣлаются не съ тѣмъ, чтобъ доставлять удовольствіе гостямъ, но чтобъ дать имъ средства, показать, какъ на выставкѣ, свой блестящій нарядъ и поддѣльную красоту!... Онъ говоритъ, что на балѣ всѣ женщины, играя, какъ на театрѣ, роли кокетокъ, возвращаются всегда домой въ сердцемъ, наполненнымъ впечатлѣніями и воспоминаніемъ о своемъ успѣхѣ или стыдѣ.... что эти оба чувства равно пагубны для спокойствія и счастья ихъ мужей!

ЛЮБОВЬ. Какія глупыя мысли!

НАДЕЖДА. А твой мужъ не такъ думаетъ?

ЛЮБОВЬ. Мой мужъ?... Онъ, напротивъ, гордится моими успѣхами!... когда онъ видитъ меня въ блескѣ, въ кругу многочисленнаго общества... Онъ еще болѣе гордится мною.... преимущество мое предъ другими, усиливаетъ въ немъ любовь ко мнѣ!

НАДЕЖДА. Такъ ты часто веселишься?...

ЛЮБОВЬ. Почти всякій день!... Повѣришь-ли, иногда, какъ какой-нибудь милости, я прошу, чтобъ онъ позволилъ мнѣ отдохнуть отъ всѣхъ этихъ удовольствій.... и провести вечеръ въ тишинѣ и спокойствіи.... Еслибъ ты знала, какъ меня любитъ Евгений! Онъ не даетъ мнѣ задуматься ни на минуту!... Повинуется всѣмъ моимъ желаніямъ.... предупреждаетъ каждую мою мысль!.. Ахъ, мы очень счастливы!... очень счастливы!...

НАДЕЖДА (*грустно, пожимая ей руку*). Ахъ, сестра! какъ мнѣ пріятно это слышать!

ЛЮБОВЬ. Пріятно?... Но отчего-жъ ты вдругъ сдѣлалась такъ печальна?... Неужели?... О, я догадываюсь!... Говоря тебѣ о своихъ удовольствіяхъ, я, быть можетъ, огорчила тебя.... твоя участь вовсе не сходна съ моею....

НАДЕЖДА (*наильно улыбаясь*). О, вѣтъ, нѣтъ!... Но странно.... я сама не понимаю, что со мною дѣлается?... Я была такъ спокойна.... и вдругъ въ одну минуту.... сравнивая жизнь твою съ моею....

ЛЮБОВЬ. Что-жъ ты чувствуешь?... Отчего ты замолчала?... (*Оркестръ подъ сурдиною играетъ романсъ, который пѣла въ 1-мъ дѣйствіи Надежда.*) Ты не хочешь повѣрить сестрѣ своей тайны?... Но вспомни, не сама-ли ты когда то меня упрекала.... (*пожимая съ чувствомъ руку Надежды.*) Небойся, мой другъ, говори....

НАДЕЖДА (*скромно освобождая свою руку*). Нѣтъ!... я несправедлива къ моему мужу!... Прошу тебя, оставимъ этотъ разговоръ!... Извини меня, мнѣ нужно кое-что приказать по хозяйству.... я сейчасъ приду къ тебѣ.... займись чѣмъ-нибудь, вотъ книги....

ЛЮБОВЬ. Сестра! ты скрываешь отъ меня....

НАДЕЖДА. О, ничего, ничего.... не бойся за меня!... Конечно, я не могу сказать, чтобъ была такъ счастлива, какъ ты.... но и я счастлива.... и я счастлива!... (*Уходитъ нальво. Музыка умолкаетъ.*)

VI.

ЛЮБОВЬ одна.

Она счастлива!... Она!... Нѣтъ, теперь все для меня ясно!... Я могу судить по себѣ.... когда годъ тому назадъ, я хотѣла пожертвовать своей любовью.... я сама старалась, такъ-же, какъ она, скрыть мою тоску!... О, какъ я счастлива, что судьба послала мнѣ такого мужа, какъ мой Евгений!... онъ такъ любитъ меня, что я считаю за грѣхъ хоть минуту помыслить, что онъ когда-нибудь измѣнится ко мнѣ!... А она?... Бѣдвяжка!... мнѣ кажется, я сошла - бы съ ума, еслибъ была на мѣстѣ сестры! какъ холодеешь, какъ равнодушенъ къ ней ея мужъ!... Мнѣ грустно и досадно за нее!... Нѣтъ, этому не должно быть!... И недопущу, чтобъ она была такъ несчастна!... Я сдѣлаю все, употреблю всѣ средства къ ея спасенію!...

VII.

ЛЮБОВЬ, НЕМИРСКИЙ и ЛУНИНЪ.

Немирскій (входя съ Лунинымъ въ среднюю дверь и держа въ рукахъ билетъ). Радуйтесь! Побѣда!... вотъ онъ! вотъ билетъ!

Лунинъ. Представь себя! ложа въ первомъ ярусѣ!...

Любовь (взявъ за руки его и мужа). Ахъ, дѣдушка!... ахъ, мой другъ!...

Оба. Что такое?... что съ тобою?

Любовь. Еслибъ вы знали....

Немирскій. Говори, что такое?

Лунинъ. Ты меня пугаешь!

Любовь. Тихе! тихе! я боюсь, чтобъ не услышала насъ се-стра!...

Лунинъ. Ужъ не случилось-ли съ ней чего нибудь?

Любовь. Да, добрый дѣдушка! да!... я объ ней хочу вамъ говорить!... Ахъ, милый Евгений! я боюсь, что ея жизнь вовсе не похожа на нашу!

Немирскій. Этому нечего и удивляться!... Тайна нашего счастья заключена въ одномъ словѣ: мы однихъ лѣтъ съ тобою!

Лунинъ. Именно, именно!... я всегда объ этомъ думалъ.... Андрей Ивановичъ старенекъ для моей Надюшечки!

Любовь. Ужъ черезъ-чуръ старъ!... вы, я думаю замѣтили сами, какъ онъ холоденъ, какъ равнодушенъ къ Надюшѣ!... Но когда я осталась съ ней одна.... Ахъ! что я узнала!... Положеніе ея вовсе незавидно!... Представьте себя, я замѣтила даже слезы на ея глазахъ!... Бѣдняжка! какъ мнѣ жаль ее!... Она такъ меня растрожила, что я до-сихъ-поръ не могу еще успокоиться!...

Лунинъ. Надюшечка моя плакала!... Надюшечка моя несчастна!... и я ничего этого не зналъ!... Нѣтъ, теперь я вижу, что я, просто, поглупѣлъ съ-тѣхъ-поръ, какъ выдалъ васъ замужъ!.. Я ничего не дѣлаю, ни о чемъ не думаю.... съ утра до ночи занимаюсь одними пустяками, тогда какъ моя Надюшечка....

Немирскій. Не безпокойтесь зарапѣ.... несчастье ея, быть-можетъ, не такъ велико.... подумаемъ лучше, какъ бы ей помочь?

Любовь. Да, да.... у меня еще есть надежда.... Надобно поговорить съ Андреемъ Ивановичемъ....

Лунинъ. Именно! и поговорить серьезно!... Онъ забылъ, что Надюшечка моя внучка!... да я за нее на все готовъ!

Любовь. Прекрасно, дѣдушка!... Такъ вотъ лучше всего поговорите вы съ нимъ!

Лунинь. Я?... конечно, я бы съ охотою.... но только ловко-ли это будеть?... Андрей Иванычъ подумаетъ еще, пожалуй, что тутъ замѣшалось родственное пристрастіе.... да и признаюсь вамъ, друзья мои, я какъ-то не могу говорить съ нимъ о дѣльныхъ вещахъ.... сколько разъ ни случалось мнѣ спорить съ нимъ, я всегда оставался виноватымъ!... А вотъ, не лучше-ли поговорить тебѣ, Евгений Михайлычъ.... ты человѣкъ почти посторонній для Надежки....

Немирскій. Я посторонній? Помилуйте, дѣдушка, я женатъ на ея родной сестрѣ!... да притомъ, мнѣ какъ-то странно говорить о такихъ вещахъ.... мы съ Любочкой такъ счастливы!...

Любовь. О, конечно! онъ и понятія не имѣетъ о горестяхъ семейной жизни!

Немирскій. Мнѣ кажется, лучше всего, еслибъ ты, мой дружокъ....

Любовь. Я?...

Лунинь. Въ самомъ дѣлѣ! Ты, какъ родная ея сестра, имѣешь полное право!...

Любовь. Напротивъ, какъ ея сестра, я меньше всѣхъ могу на это рѣшиться!... Андрей Иванычъ сейчасъ подумаетъ, что Надежа мнѣ жаловалась.... Да еслибъ я и стала говорить съ нимъ, знаю, я не выдержала-бы, быть можетъ насказала-бы ему много справедливыхъ, но непріятныхъ истинъ.... и только испортила-бы все дѣло!

Лунинь. Справедливо! справедливо, какъ нельзя болѣе!... Однако-жь, кто-нибудь да долженъ-же поговорить съ нимъ!

VIII.

ТѢЖЕ, ШМЕЛЕВЪ.

Шмелевъ (*входитъ въ среднюю дверь, держа въ рукахъ два альбома*). Здравствуйте, мои добрые друзья!... кажется, я немножко опоздалъ?...

Всѣ (*вмѣстѣ*). Александръ!

Шмелевъ. Но за то я вашъ на весь день!

Лунинь (*про себя, смотря на Шмелева*). Вотъ къ стати пришелъ къ намъ на помощь!

Шмелевъ (*подходитъ къ Любови, и обратясь къ Немирскому, какъ-будто спрашиваетъ позволенія поцѣловать ея руку; потомъ цѣлуетъ*). Нынче радостный день въ вашей жизни, милая кузина.... а вы знаете, что я принимаю самое живое участіе во всѣхъ

радостяхъ моихъ родныхъ.... никогда бы себѣ не простилъ, еслибъ забылъ семейный вашъ праздникъ — годовщину вашего счастливаго брака!...

Луницъ (*всторону*). Кого-же лучше пустить въ это дѣло, какъ не нашего оратора!

Шмелевъ (*Любови*). Вы позволили мнѣ, кузина, снабжать васъ музыкальными и литературными новостями.... пользуясь моею привилегіей, я выбралъ для васъ и для Надины, на память этого счастливаго дня, два новые альбома.... не откажитесь, добрая кузина, принять отъ меня эту бездѣлку.... (*кладетъ альбомы на столъ*). Тебѣ, Евгенийіи, я привезъ билетъ на завтрашній обѣдъ въ нашемъ клубѣ.... (*Отдаетъ билетъ Немирскому, который беретъ его съ удовольствіемъ, но замѣтя не совсемъ довольную мину Любови, кладетъ его скромно въ карманъ. Шмелевъ обращается къ Луницу, который во все это время вертѣлся около него, но не былъ имъ замѣченъ.*) Вы, добрый дѣдушка...

Луницъ. Постой, голубчикъ.... отложи всторону на время твои дипломатическія штучки.... теперь у васъ въ головѣ не клубы и не альбомы.... Еслибъ ты зналъ, въ какомъ мы все горѣ!...

Шмелевъ. Въ горѣ?... Что это значитъ?

Луницъ. А то.... что твоя кузина Надиночка.... моя душка Надиночка....

Шмелевъ. Что такое? что случилось съ моею кузиной?...

Любовь. Ахъ!... она очень несчастна!

Немирскій. Она очень страдаетъ!...

Луницъ. Она.... просто, самая несчастнѣйшая жена!...

Шмелевъ. Неужели!... (*Всторону.*) Я это предвидѣлъ.... со-роколѣтній мужъ не находка!

Луницъ. Когда ты вошелъ сюда, мы совѣтывались, какъ-бы поправить это дѣло и кому-бы поручить....

Шмелевъ. Возвратить счастье кузинѣ?... Ну, кому-же больше, какъ не мнѣ!

Луницъ. Я только, что самъ говорилъ, что надо поручить тебѣ!...

Немирскій. Такъ ты берешься, мой другъ?...

Любовь. Вы рѣшаетесь помочь бѣдной моей сестрѣ?...

Шмелевъ. Безъ всякаго сомнѣнія!... (*Идъ къ двери нальво.*) Я берусь охотно за эту коммисію и тотчасъ-же иду къ кузинѣ.... (*Хочетъ идти, но все удерживаютъ его жестомъ.*)

Луницъ. Постой! куда ты? тебѣ вѣдь не съ Надиночкой надо говорить, а съ Андреемъ Ивановичемъ.

Шмелевъ. Какъ! съ нимъ?

Всѣ. Да, да, съ нимъ!

Луницъ. Намъ надо образумить его.... онъ тутъ одинъ во всемъ виноватъ!

Шмелевъ. Вы не знаете моей методы!... По моему мнѣнію, чтобъ проучить мужа и навестить его на путь истинный, надобно прежде поговорить съ женой!...

Луницъ. Да для чего же это?

Шмелевъ. Для чего.... Это очень просто: въ подобныхъ дѣлахъ прежде всего нужно знать: степень несчастія жены, причину ея страданій, словомъ всѣ подробности отношеній, въ какихъ находятся между собою супруги.... а чтобъ все это узнать и повѣрить дѣло, какъ слѣдуетъ, я долженъ откровенно объясниться съ кузиной....

Любовь. Но я боюсь, скажетъ-ли она вамъ все....

Шмелевъ. О, не безпокойтесь.... я на этотъ счетъ дипломатъ.... я незамѣтно заставлю ее рассказать мнѣ всѣ свои несчастія, и она не будетъ имѣть и тѣни подозрѣнія, что я этимъ интересуюсь!

Луницъ. Именно!... О, вѣдь онъ у меня молодецъ на всѣ руки!.. Чистый дипломатъ!

Немирскій. Мнѣ кажется, не мѣшаетъ оставить его одного съ нею, а не то она сейчасъ подумаетъ, что тутъ заговоръ....

Шмелевъ. Это правда!

Луницъ. Совершенно справедливо!... Я первый ухожу отсюда!

Немирскій. И я!... *(уходитъ съ Луницымъ направо.)*

Любовь. И я!... *(хочетъ идти за ними и вдругъ возвращается къ Шмелеву.)* Помогите ей, добрый Александръ.... и повѣрьте, я никогда не забуду вашего одолженія!

Шмелевъ *(замытл, что онъ одинъ съ Любовію, беретъ ее за руку)*. Милая кузина... скажите... а вы... вполнѣ-ли вы счастливы?

Любовь. О, совершенно счастлива!... Одна только участь сестры меня печалитъ...

Шмелевъ *(всторону)*. Совершенно счастлива!... Это что-то невѣроятно!...

Немирскій *(показываясь въ дверяхъ)*. Дружечки! что-же ты пейдешъ?

Любовь. Иду, иду, мой другъ! *(Даетъ руку Немирскому и уходитъ съ нимъ направо.)*

IX.

ШМЕЛЕВЪ, ПОТОМЪ НАДЕЖДА.

ШМЕЛЕВЪ (*смотря вслѣдъ уходящей Любви*). Годъ заму-
жемъ и совершенно счастлива!...вздоръ! Этого не можетъ быть!

Пусть изволятъ цѣловаться
Въ день они по двѣсти разъ,
Этимъ счастьемъ, признаться,
Обмануть труденько насъ!
Поцѣлуй — это сѣти
Для профановъ и глупцовъ...
Я хоть мало жилъ на свѣтѣ,
Но узналъ ужъ наглецовъ!
Кто ужъ часто васъ цѣлуеъ,
Тотъ недругъ вамъ, а злодѣй,
Тотъ продастъ васъ и надуеъ
Словно лучшей изъ друзей.

Но это всторону... Любовь еще впереди, а теперь предадимся
Надеждѣ... Займемся ею и освободимъ ее отъ тирана. (*Надежда
выходитъ съ львой стороны, въ задумчивости, не видя Шмелева*).
Этого хотятъ мои родные... и я, какъ добрый родственникъ, по-
винуюсь имъ безпрекословно!

НАДЕЖДА (*про себя*). Не понимаю, что со мною дѣлается!.. по-
слѣ свиданія моего съ сестрою, мнѣ такъ грустно, такъ грустно...

ШМЕЛЕВЪ (*подходя къ ней*). Какъ и мнѣ, милая кузина!

НАДЕЖДА (*испугавшись*). Ахъ, Александръ! вы были здѣсь?

ШМЕЛЕВЪ (*печально*). Плачьте, бѣдная Надина! плачьте!...
это васъ облегчитъ...

НАДЕЖДА (*всторону*). Какъ!... Неужели я плакала?... (*Украдкой
вытираетъ глаза.*)

ШМЕЛЕВЪ. Плачьте... но позвольте и мнѣ плакать вмѣстѣ съ
вами!... (*Всторону.*) У такого дипломата, какъ я, всегда есть въ
запасѣ слеза!

НАДЕЖДА (*съ удивленіемъ*). Я не понимаю, что вы говорите?

ШМЕЛЕВЪ. Повѣрьте, кузина... тотъ, кто въ теченіе цѣлаго
года долженъ былъ танъ въ своемъ сердцѣ тяжкую скорбь...
тотъ понимаетъ печаль другаго и имѣетъ право быть утѣшителемъ въ несчастіи!

НАДЕЖДА. Развѣ у васъ есть горе, Александръ?

ШМЕЛЕВЪ. Да, милая кузина!

НАДЕЖДА. У васъ горе!.. кто-бы могъ подумать... вы, кажется,
всегда такъ веселы...

ШМЕЛЕВЪ. Веселъ!.. но знаете-ли вы причину?... я никогда

не бываю такъ веселъ, какъ въ минуты тяжкаго душевнаго горя!... Не имѣя силъ восторжествовать адъ моей печалью, я всегда стараюсь усыпить ее притворной веселостью!... И вотъ для чего я бросаюсь въ общества! вотъ для чего предаюсь всевозможнымъ удовольствіямъ!... Ахъ, пожалѣйте обо мнѣ, милая кузина! Я самый несчастливѣйшій изъ людей!

Надежда. Признаюсь вамъ, Александръ... я не знаю, вѣрять-ли вамъ?

Шмелевъ. И вы еще сомнѣваетесь!...

Надежда. Если это правда, такъ кто-же причиною вашего несчастія?

Шмелевъ. Кто?... Моя скромность! да, скромность сгубила меня!... По милости ея, я сдѣлалъ годъ тому назадъ непростительную глупость!

Надежда. Глупость?

Шмелевъ *(скоро и пламенно до конца явленія)*. Отверженный вашей сестрой, я осмѣлился въ свою очередь отказаться...

Надежда. Отъ кого?...

Шмелевъ. Ахъ, не обвиняйте меня!... Еслибъ я могъ возвратитъ прошедшее... о, съ какой-бы душевной готовностью я согласился на предложеніе нашего добраго дѣдушки!

Надежда. На предложеніе дѣдушки?

Шмелевъ. О, какой рѣдкій человекъ!... Онъ одинъ только могъ узнать меня... и указать мнѣ то совершенство, ту женщину, которая должна была составить счастье всей моей жизни!...

Надежда. Но кто же эта особа?

Шмелевъ. Кто?... это... вы!... Да, вы, кузина!... Я, какъ безумецъ, отказался отъ моего счастья... Я не понималъ, чего я лишуюсь... только съ тѣхъ-поръ, какъ рука ваша стала принадлежать другому, я постигъ всю бездну моего несчастія!

Надежда. Я!... это была я!... *(Въ это время входитъ въ среднюю дверь Курсановъ. Положивъ на стулъ шляпу и перчатки, онъ останавливается въ глубинѣ театра и хладнокровно, но серьезно смотритъ на Шмелева и Надежду)*.

Шмелевъ *(всторону, не видя Курсанова)*. А! почтеннѣйшій супругъ!... Вы осмѣливаетесь быть равнодушнымъ къ такому сокровищу... берегитесь же! я подсолю вамъ на порядкъ!... *(Поспѣшно подходя къ Надеждѣ)*. Ахъ, еслибъ вы знали, какъ я раскаявался!... я былъ ужъ и такъ несчастливъ... и вдругъ сегодня долженъ былъ еще узнать, что моя жертва была бесполезна... что вы сами также несчастливы...

Надежда *(про себя)*. Ахъ! они все говорятъ, что я несчастна!

Шмелевъ. О, теперь сожалѣнію, тоскѣ моей нѣтъ границъ!... Милая, несравненная кухня!... Если когда нибудь. ..

X.

ТѢЖЕ, КИРСАНОВЪ.

Кирсановъ (*тихо подойдя къ нему и съ улыбкою подавая ему руку*). Здравствуйте, Александръ Семенычъ!

Шмелевъ (*испугавшись*). Что?.. Это вы... Ахъ, очень радъ...

Надежда. Мой мужъ!...

Шмелевъ. Здравствуйте, Андрей Иванычъ... (*Кирсановъ, пожавъ ему руку, подходитъ медленно къ Падинѣ, которая со страхомъ отдалилась отъ него. Въ это время Шмелевъ, слѣдуя за нимъ глазами, говоритъ всторону*). Кажется, онъ ничего не слышалъ!... онъ улыбался мнѣ... жаль мнѣ руку!... вотъ ужъ муженекъ! чистая флегма! не замѣчаетъ ничего!

Кирсановъ (*цѣлуя въ лобъ Падину*). Наконецъ, я свободенъ... я съ тобою, мой другъ!... мнѣ такъ рѣдко достается это удовольствіе!.. Но ты знаешь, что я разстаюсь съ тобою противъ желанія моего сердца... ты знаешь, что я тружусь не для себя... и если я нахожу еще въ разлукѣ съ тобою мужество и силы для моихъ трудовъ, то этимъ обязанъ единственно воспоминанію о тебѣ... Благодарю Бога, оно меня никогда не оставляютъ!

Надежда. О, я вѣрю...

Шмелевъ (*всторону*). Признаюсь, мое положеніе довольно затруднительно!...

Кирсановъ. Сегодня, по-крайней-мѣрѣ, я себя посвящаю тебѣ и нашимъ друзьямъ... (*Останавливаетъ жестомъ Шмелева, который хотѣлъ уйти*). Теперь дѣла все въ сторону... Займемся одними удовольствіями. Ахъ, постой... не все еще, возьми пожалуйста, этотъ счетъ... (*подаетъ ей бумагу*).

Надежда. Что это?

Кирсановъ. Вѣдь ты мой казначей... такъ заплати деньги по этому счету каретнику... Помнишь, тебѣ какъ-то совѣтовала сестра попросить меня, чтобъ я купилъ тебѣ новую карету на лежачихъ рессорахъ... я ее купилъ сегодня...

Надежда. Сестра?

Кирсановъ. Да... она смѣялась всегда надъ нашей старомодной каретой... (*Улыбалась*). Признаюсь, мнѣ иногда противъ воли приходится выслушивать такія вещи, которыхъ я вовсе не желалъ бы знать!...

Шмелевъ (всторону). Ужъ не на мой-ли счетъ это сказано? (Хочетъ уйти.)

Кирсановъ (снова удерживая его). Скажи своей сестрѣ, что мы сегодня поѣдемъ всё въ театръ въ новой каретѣ на лежачихъ рессорахъ... Вы съ нами такъ-же поѣдите, Александръ Семенычъ!

Шмелевъ (всторону). Вотъ что значить богатство!... Купилъ карету и жена счастлива!... а мы можемъ дарить только альбомы...

Кирсановъ. Ахъ, Надинька... еще забылъ!... прими отъ меня, мой дружокъ, вотъ это кольцо въ память нынѣшняго дня, въ который совершилась годовщина счастливѣйшей моей жизни! (Отдаетъ Надеждѣ кольцо.)

Шмелевъ. Извините меня...

Кирсановъ (удерживая его). Полноте, останетесь съ нами... вы здѣсь вовсе не лишній... вы нашъ другъ и родственникъ!... Не подумайте, пожалуйста, что я какое-нибудь романическое, савтиментальное существо... Мысль, которую хочу я приложить къ моему подарку, положительна и чистосердечна!... Надинька! вѣдь ты вѣчно будешь носить это кольцо?

Надежда. Всегда! всегда!

Кирсановъ. Такъ послушай меня, мой другъ... если иногда случится, что я буду очень занятъ и невнимателенъ къ твоимъ вопросамъ....

Надежда. Какъ давича?...

Кирсановъ. Да, какъ давича... тогда, вмѣсто того, чтобъ раздражать себя и обвинять меня въ своей душѣ... смотри пожалуйста на это кольцо!...

Оно тебѣ тогда замѣнитъ голосъ друга

И скажетъ, что и въ тѣ мгновенія, когда

Разсѣянью мой трудъ не можетъ дать досуга,

Ты здѣсь, въ душѣ моей и въ мысляхъ завсегда!...

Но если, милый другъ, когда нибудь случится,

Что въ чувствѣ ревности, въ пылу ея огня,

Разсудокъ мой въ тебѣ сомнѣнемъ омрачится,

Тогда...

надежда, пожмивъ руку и показывая
ему кольцо.

Тогда взгляни!

Кирсановъ,

ты поняла меня!...

Шмелевъ (всторону, съ досадой). Очень мило!... кажется, я видѣлъ такую сцену въ какой-то драмѣ!

Кирсановъ. Увидя это кольцо, я тотчасъ разувѣрюсь въ

моемъ сомнѣніи.... тогда въ душѣ моей оживится снова убѣжденіе, что у одного изъ насъ никогда не можетъ быть такой мысли, которая не была-бы мыслию другаго!...

Надежда. О, клянусь!... клянусь тебѣ, мой другъ!... *(Бросаетъ въ объятія Кирсанова, который цѣлуетъ ее въ лобъ. Она уходитъ направо.)*

XI.

КИРСАНОВЪ, ШМЕЛЕВЪ.

Шмелевъ *(всторону)*. Ея другъ!... Она обвиняетъ его... она теперь его любить!... вся работа моя пошла на вѣтеръ!

Кирсановъ *(проводитъ Надежду, возвращается къ нему)*. Позвните меня, Александръ Семенычъ... я заставилъ васъ быть свидѣтелемъ семейной сцены, надъ которой вы вѣрно будете послѣ смѣяться....

Шмелевъ. О, какъ можно!...

Кирсановъ. Впрочемъ, какъ хотите!... я увѣренъ, что съ лѣтами вы отдадите мнѣ справедливость и будете поступать сами точно такъ-же, какъ я!... Съ лѣтами мы приходимъ всё къ одной цѣли... всё начинаемъ уважать это священное титло... титло мужа, въ которомъ, при семейной жизни, сосредоточивается все наше существованіе!... Это кажется вамъ нелѣпо... но справедливо, какъ нельзя больше... въ этомъ заключается такое счастье, о которомъ я прежде не имѣлъ и тѣни понятія! Но поговоримъ о васъ... вы человекъ свѣтскій... завидный въ обществѣ для многихъ молодыхъ людей...

Шмелевъ. Слишкомъ много чести...

Кирсановъ. Расскажите мнѣ ваши занятія, ваши удовольствія... Я знаю, что всѣхъ порядочныхъ людей въ ваши лѣта, занимаетъ одно и то же... прогулки, лошади, обѣды, ужины... мужскія попойки, кредиторы... все это обыкновенно и уважительно!... Но главное женщины!... соблазнительныя одамы!... заманчивыя корифейки... граціозныя амазонки!...

Шмелевъ *(всторону)*. Онъ знаетъ все!...

Кирсановъ. На-примѣръ, какъ восхитительно теперь какая нибудь Матильда или Лопза!...

Шмелевъ. Но какъ вы знаете всѣхъ этихъ особъ?

Кирсановъ. Странно, еслибъ я не зналъ!... вѣдь я не медвѣдемъ-же живу... я бываю иногда въ обществахъ, слѣжу за провѣщеніемъ!... Вы думаете, я былъ всегда такимъ, какъ теперь?...

нѣтъ, въ молодые годы и я жилъ, какъ другіе... конечно, я не имѣлъ столько талантовъ, какъ вы... не былъ такимъ блистательнымъ Ловеласомъ...

Шмелевъ. Андрей Ивановичъ!...

Кирсановъ. Вамъ — увидѣть и побѣдить... или вѣрнѣе, соблазнить женщину... сбить ее съ прямого пути — вы почему!... вы, рѣшительно, мастеръ этого дѣла...

Шмелевъ. Андрей Ивановичъ!

Кирсановъ. Вамъ извѣстны всѣ тонкости волокитства... вы знаете малѣйшія слабости женщины!... Да, я былъ гораздо слабѣе васъ въ этомъ искусствѣ: но однако-жъ бывали и у меня случаи въ родѣ вашихъ...

Шмелевъ (*всторону*). Опъ, кажется, смѣется надо мною!...

Кирсановъ. Здѣсь нѣтъ жены и я могу вамъ признаться откровенно... увѣренъ, что это останется между нами!... Знаете, я имѣлъ всегда страсть къ замужнимъ женщинамъ... это какъ то способнѣе... меньше предвидишь печалей и раскаянія... а мужья, вообще, такъ снисходительны, такъ кротки... (*смѣясь*) ха, ха, ха, бѣдные мужья!

Шмелевъ (*принужденно смѣясь*). Да... бѣдные мужья!

Кирсановъ (*смѣясь сильнее его, вдругъ принимаетъ серьезный видъ*). Но одинъ разъ какъ-то пришлось мнѣ напасть на человѣка, съ которымъ я не такъ дешево разсчитался, какъ съ другими... это былъ человѣкъ довольно странный, напитанный глупыми идеями о чести... человѣкъ лѣтъ такъ около сорока...

Шмелевъ. Прекрасныя лѣта!

Кирсановъ. Этотъ чудакъ сказалъ мнѣ однажды: позвольте, милостивый государь... вы ошиблись, я вѣдь не дитя!... я знаю свѣтъ, я изучилъ сердце человѣческое... и мнѣ кажется, что для своей практики вы адресовались не туда, куда слѣдовало... я не боюсь васъ и готовъ вступить съ вами въ борьбу... по распоряжусь такъ, что въ глазахъ моей жены сдѣлаю васъ смѣшнымъ и глупымъ до такой степени, что вамъ не возможно будетъ не только говорить съ ней какъ нибудъ, но даже глядѣть на нее!... Если же я не успѣю въ моихъ намѣреніяхъ... если я обманусь въ тѣхъ ожиданіяхъ, которыя мнѣ кажутся теперь легкими... тогда... (*Имъ овладѣваетъ почти непримѣтная вспышка гнѣва, но опомнившись, онъ снова говоритъ съ улыбкою.*) Вы поняли въ чемъ дѣло?

Шмелевъ. Понялъ совершенно!

Кирсановъ. Я не трусь... и никогда-бы не отказался отъ справедливаго удовлетворенія обиды!...

Шмелевъ. И я также!

Кирсановъ (*серьозно*). Я въ этомъ и не сомнѣваюсь!... (*Снова какъ-бы шутя*.) Но, признаюсь вамъ, во взглядѣ этого чудака было столько убѣжденія и увѣренности, что я даже и не подумалъ испытывать надъ нимъ мою храбрость... я убѣдился, что въ этомъ дѣлѣ не буду имѣть никакого успѣха и, просто, отправился искать побѣдъ на другомъ полѣ!

Шмелевъ. Вы Прекрекрасно поступили!... на вашемъ мѣстѣ я сдѣлалъ-бы тоже самое...

Кирсановъ. Право?... Я былъ увѣренъ, что вы согласитесь со мною... Однако-жъ, извините меня, мнѣ нужно видѣть жену!... до свиданія!... (*Уходитъ направо*.)

ХИ.

ШМЕЛЕВЪ, ПОТОМЪ ЛУНИНЪ.

Шмелевъ (*въ досадѣ*). Это ужасно! это невыносимо... я уничтоженъ! я убитъ!... Онъ смѣялся надо мной и я все перенесъ!... послѣ этого мнѣ дѣйствительно ничего не остается дѣлать!... Здѣсь живутъ какіе-то вандалы... здѣсь свѣтъ на оборотъ!...

Лунинъ (*веселый, выходя изъ дверей съ правой стороны, подходитъ къ Шмелеву и крепко жметъ ему руку*). Дай мнѣ твою руку, дай!... вотъ такъ удружилъ! вотъ такъ утѣшилъ!

Шмелевъ. Что такое?

Лунинъ. Голубчикъ мой!... ты исполнилъ свое дѣло, какъ чистый дипломатъ!... образумилъ и жену, и мужа... вѣдь они теперь, просто, не наглядятся другъ на друга!

Шмелевъ. Очень радъ!...

Лунинъ. Теперь моя Надиночка счастлива! совершенно счастлива!... (*Указывая ему на Кирсанова, который показывается съ дверей направо, держа подъ руку Надежду*.) Вотъ смотри, любуйся на свою работу... Да, я теперь тебя мало что люблю... я тебя уважаю!...

Шмелевъ. Благодарствуйте! (*За сценой, съ лѣвой стороны, слышны голоса Немирскаго и Любови*.)

Немирскій. Но увѣряю тебя, мой милый другъ...

Любовь. Нѣтъ, нѣтъ! этому никогда не бывать!

Кирсановъ. Что это!... никакъ они ссорятся?

Лунинъ. О, нѣтъ... съ этой стороны я совершенно спокоенъ... это ужъ дѣйствительно примѣрная чета!

(Всѣ четверо идутъ къ дверямъ нальво, изъ которыхъ выходятъ Немирской и Любовь, споря и незамѣчая присутствующихъ.)

XIII.

ТѢЖЕ, НЕМИРСКИЙ, ЛЮБОВЬ.

Немирскій. Однакожь, сударыня, мнѣ кажется...

Любовь. Я вамъ сказала, что этому не бывать...

Немирскій. Говорите, что хотите, а завтра я все-таки поѣду на обѣдъ!...

Любовь. Ни завтра, и никогда!

Немирскій. Мнѣ Александръ привезъ билетъ... я долженъ ѣхать!

Любовь. Никогда! говорю вамъ!... я вамъ не позволю ѣхать викауда безъ себя!

Немирскій. Не забудьте, сударыня, что я, какъ мужъ, имѣю полное право дѣлать, что хочу!

Любовь. А я какъ жена, вамъ запрещаю!

Лувинъ. Дѣти мои! дѣти мои!... Что съ вами дѣлается!

Надежда. Что это! они сеорятся!

Кирсановъ. Первая ссора!

Шмелевъ (всторону). А первая ссора ведетъ ко всему!...

ЛЮБОВЬ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я не позволю,

Безъ себя вамъ выѣзжать!

Вамъ мою, какъ мужу, волю

Должно слѣпо исполнять!...

НЕМИРСКИЙ.

Нѣтъ, ужъ вамъ я не позволю

Такъ собою управлять!

Какъ женѣ, мою вамъ волю

Должно слѣпо исполнять!

Надежда, Кирсановъ, Лувинъ и Шмелевъ.

Видя счастья ихъ долю,

Кто-бы могъ воображать,

Чтобъ когда вѣбудъ ихъ волю

Могъ раздоръ и споръ стѣснять!

(Немирскій и Любовь расходятся въ разныя стороны. Шмелевъ съ улыбкою походитъ къ Любови. Всѣ прочіе смотрятъ на нихъ съ удивленіемъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

БРАТЬ ПО ЛЮБВИ.

Садъ на дачѣ. Направо, въ первомъ планѣ, большое дерево и подъ нимъ садовая скамья, окруженная цвѣтами. Налѣво, клумба съ цвѣтами; за нею фасадъ дачнаго дома, съ крыльцомъ, ввидѣ балкона, ведущимъ во внутреннія комнаты.

I.

ШМЕЛЕВЪ, ЛЮБОВЬ.

При поднятіи завѣсы, Любовь сидитъ на скамьѣ, подъ деревомъ, и со вниманіемъ читаетъ книгу; Шмелевъ выходитъ изъ-за дома, съ лѣвой стороны, не замѣчая Любви; у него въ рукахъ вышитый бумажникъ.

ШМЕЛЕВЪ. Я не ошибаюсь, это онъ потерялъ... Это тотъ самый бумажникъ, которой вышивала и подарила ему жена... вотъ и вензель его... *(Подходитъ ближе къ дереву и вдругъ замѣчаетъ Любовь).* Она здѣсь!... читаетъ тотъ самой романъ, которой я ей принесъ вчера... *(Прячетъ поспышно бумажникъ въ карманъ и на цыпочкахъ приближается къ Любви.)* Чудная книга! именно нравственный современный романъ, въ которомъ съ изумительной дерзостью и увлекательностію описываются женскія страсти и преподаются правила къ нарушенію брачной вѣрности! сейчасъ видно, что этотъ романъ писанъ женщиною...

Любовь *(читаетъ, не замѣчая Шмелева)*. «Маркизь Бьевиль, видя нерѣдко на глазахъ Каролины слезы, которыя она проливала въ отсутствіи своего мужа, замѣчалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что любовь къ ней увеличивалась еще болѣе въ его сердцѣ... и онъ страдалъ вмѣстѣ съ нею, страдалъ еще болѣе, чѣмъ она!...

ШМЕЛЕВЪ *(всторону)*. Прекрасно!... какъ это поучительно для нея!

Любовь *(продолжая читать)*. «Каролина скоро убѣдилась въ проступкѣ своего мужа и хотя маркизь не говорилъ ей ни слова, ни о его невѣрности, ни о своихъ чувствахъ, но она, какъ жевщина, угадала все сама... Сначала оба они старались скрыть другъ отъ друга свою любовь... и долго, терпѣливо переносили страданія, не жалуясь на судьбу и не помышляя о мщеніи... но наконецъ терпѣніе ихъ истощилось, месть замѣнила въ душѣ чувства страданія и въ одинъ день... *(По мпртъ чтенія этихъ строкъ, она больше и больше смущается; наконецъ, при послѣднемъ словѣ, книга выпадаетъ изъ ея рукъ; она поспышно встаетъ и вдругъ, увидя предъ собою Шмелева, вскрикиваетъ отъ испуга.)* Ахъ!...

Шмелевъ (кланяясь ей и улыбаясь). Кажется, эта книга васъ очень заинтересовала, милая кузина?

Любовь. Вовсе нѣтъ... теперь всѣ романы похожи одинъ на другой!... всегда найдешь одно и тоже: вѣтреннаго, непостояннаго мужа и, для контраста, несчастную, забытую жену!...

Шмелевъ. Когда описываютъ нравы,— надобно обрисовывать ихъ такими, какъ они есть!

Любовь. Почему-же не такими, какими они должны быть?

Шмелевъ. Тогда-бы они были невѣроятны!

Любовь. Быть-можетъ, вы отчасти и справедливы... но не происходитъ ли это отъ другой причины?... возьмите живопись... есть оттѣнки, которыхъ самая искусная кисть не можетъ передать на полотно!... тоже самое и характеры наши... есть чувства, которыя ускользаютъ изъ подъ пера самыхъ талантливыхъ писателей!

Шмелевъ. Всякое искусство имѣетъ свои предѣлы... (Поднявъ съ земли книгу.) Не хотите-ли, кузина, я буду вамъ продолжать...

Любовь. Нѣтъ... войдемте лучше въ комнаты...

Шмелевъ. Помилуйте, кузина, природа подарила насъ такимъ прекраснымъ днемъ... а вы хотите сидѣть въ душныхъ комнатахъ!... Дайте мнѣ лучше вашу руку и пойдѣте въ эту аллею... насладиться ароматной атмосферой зелени...

Любовь. Ступайте, наслаждайтесь одни, если хотите!

Шмелевъ. Но развѣ можно восхищаться одному?... восторги дѣлаются мукою, когда не имѣешь возможности раздѣлить ихъ съ кѣмъ-нибудь... нѣтъ, гулять и наслаждаться дарами природы, мнѣ одному,— скучно!

II.

ТѢЖЕ, ЛУНИНЪ.

Луниинъ (выйдя изъ дома и вслушавшись въ слова Шмелева). Совершенно справедливо!... подчасъ дѣйствительно скучненько одному гулять... я знаю это по себѣ, когда гуляю... я вѣдь все еще хожу пѣшкомъ... здравствуй мой Любочикъ... здравствуй, братъ Саша... вотъ теперь, вѣдь доѣхалъ только съ заставы... а отъ заставы пѣшкомъ... Странно только... мѣсяца ужъ три я чувствую, что мои ноги какъ будто немножко ослабли... не могу придумать и причины, отъ-чегобы это было!...

Шмелевъ. Я думаю, отъ лѣтъ!

Луниинъ. Отъ лѣтъ!... да чтожъ мои за лѣта такія?... какъ будто я ужъ какой дряхлый старикъ! и всего-то мнѣ только 73 года!... Да вотъ у меня дѣдушка Василій Петровичъ 85-ти лѣтъ читалъ

безъ очковъ книги, а пробабушка Марья Сергѣевна въ 92 года вязала чулки и шила не хуже молодой!... Нѣтъ, видно у меня какая-нибудь болѣзнь въ ногахъ... надо будетъ посоветоваться съ докторомъ...

Любовь. Такъ посоветуйтесь скорѣе!...

Луниня. Посоветуюсь, непременно!... а все-таки, какъ ни слабы мои ноги, я не даю имъ потачки, хоть и подгибаются иногда, а все хожу, все хожу!... Такъ вотъ я и говорю... Саша-то разсуждаетъ очень основательно... со мной тоже самое случается... идешь иногда по Невскому, увидишь тамъ за окномъ какую-нибудь такую удивительную штучку, ну, такъ-бы вотъ и сказалъ кому-нибудь: смотрите-ка!... вѣдь пришло же въ голову!... да случилось, что и скажешь иногда совсѣмъ постороннему, который тутъ-же остановится... или, напримеръ, за городомъ гдѣ-нибудь... такой видъ... природа... птички поютъ... а тамъ голубое небо... рощица вдаль... ну, просто, удивленіе! ландшафтъ чистый! сейчасъ-бы на бумагу!... такъ вотъ и закричалъ-бы кому-нибудь: взгляни-ка! вѣдь это просто диво!... нарисуй, братецъ, скорѣе... Право, такъ!... я ужъ и то иногда Федькѣ говорю: посмотри, дуракъ!... а ему ни почему, взглянетъ да и не улыбнется...

Шмелевъ (Любови). Ну, вотъ видите, и дѣдушка согласенъ со мною!

Луниня. Разумѣется... какъ-же не быть согласнымъ?... и чтобъ доказать это тебѣ, я пойду сейчасъ-же съ тобою гулять и любоваться природой!...

Шмелевъ (скрывая досаду). Очень радъ!...

Луниня. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ! такой чудесный день Господь послалъ... просто, не вышелъ-бы съ воздуха!... Пойдемъ-ка съ нами, Любчикъ... (Смотря на нее пристально.) Да что съ тобою, помилуй?... ты какъ будто скучна...

Любовь. Я, дѣдушка? нѣтъ!...

Луниня. Отъ меня вѣдь не скроешь... постой-ка, я знаю причину... я вѣдь все вижу, все знаю...

Любовь. Все?

Шмелевъ (всторону). Вотъ тебѣ разъ!

Любовь (всторону). Бѣдный дѣдушка! онъ знаетъ...

Луниня. Да, да, все знаю... и извини, скажу тебѣ откровенно... ты не всегда справедлива къ своему мужу!... онъ такъ тебя любить, такъ заботится о тебѣ...

Любовь. Вы увѣрены?...

Луниня. Увѣренъ, какъ въ самомъ себѣ!

Любовь. Но... если онъ меня любитъ, дѣдушка... отчего-же онъ...

Луниинъ. Постой.... знаю, знаю, въ чемъ дѣло... Жаль, право, что нѣтъ его здѣсь съ нами.. онъ-бы мигомъ оправдался!... впрочемъ, немудрено, что ты заблуждаешься... видишь-ли, ты уже черезъ чуръ его любишь... а кто такъ любить, какъ ты, тому подчасъ вѣстеть что придетъ въ голову... вотъ и теперь ты, я знаю, скучаешь, что его нѣтъ дома и сердиться на него и подозрѣваешь... А вѣдь онъ это все для тебя... чтобъ избавить тебя отъ неприяности... такія, право хлопоты... онъ вѣдь поѣхалъ отыскивать...

Любовь. Что такое?

Луниинъ. Ахъ, батюшки! обѣщаль-было не говорить тебѣ ни слова... да ты, видишь, понапрасну его винишь, такъ ужъ лучше изъ двухъ золъ выбрать меньшее и открыть тебѣ истину...

Любовь и Шмелевъ. Истину?

Луниинъ. Да... когда я къ вамъ пріѣхалъ, такъ засталъ еще его дома, онъ, бѣдвяжка, былъ въ страшныхъ хлопотахъ и приказывалъ своему Никаноркѣ искать вездѣ по дому и по саду бумажникъ!

Любовь и Шмелевъ. Бумажникъ?

Луниинъ. Да, онъ потерялъ бумажникъ... тотъ самый бумажникъ, который ты, Любѣчикъ, ему подарила... а въ бумажникѣ-то, видишь-ли, были деньги...

Любовь и Шмелевъ. Деньги!...

(Шмелевъ незамѣтно вынимаетъ изъ кармана бумажникъ.)

Луниинъ. Да... я полагаю, что деньги... и должно быть, порядочная сумма... я даже подозрѣваю, не было-ли въ немъ какихъ нибудь акцій или билетовъ... потому что онъ ужъ черезъ чуръ былъ разстроены... я еще никогда его такимъ не видывалъ... просто, какъ полуумный... говорилъ такую ералашъ... упоминалъ нѣсколько разъ и твое имя... ну, да и то надо сказать... вѣдь и самый-то бумажникъ ему дорогъ... твой подарокъ... онъ, вѣрно боится сказать тебѣ...

Любовь. Мнѣ?

Шмелевъ (открывъ въ это время, незамѣтно отъ нихъ, бумажникъ и разсматривая въ немъ бумаги, вдругъ вскрикиваетъ). Ахъ!

Луниинъ. Что такое?

Любовь. Что съ вами?

Шмелевъ (поспѣшно и скрытно пряча бумажникъ). Со мною... ничего!... (Всторону.) Тамъ записки Матильды!

Луниинъ. Какъ ничего, помилуй!... у тебя и лицо, какъ будто, измѣнилось...

Шмелевъ. Ничего, право, ничего... меня разстроило немного ваше извѣстіе... вы говорили, что Евгенийъ положилъ въ этотъ

бумажникъ деньги, билеты... признаюсь, я испугался самъ за состояніе кухни... но теперь, поразмысливъ, скажу, что вы, можетъ быть, преувеличили опасность... и въ этомъ бумажникъ не было...

Лунинъ (*мигая ему, какъ-бы успокоивая Любовь*). Именно, именно... да, я предчувствую, что мы отыщемъ его... я отправлюсь самъ его искать (по всему саду... это же мнѣ и недурно для моціона... за то ужъ какъ найду, съ какимъ удовольствіемъ отдамъ его тебѣ, Любчикъ!

Шмелевъ. Какъ! вы отдадите кухню?

Лунинъ. Да, непременно отдамъ ей!... вѣдь какой будетъ сюрпризъ Евгению!... только что пріѣдетъ, а Любочикъ ему въ руки бумажникъ!

Любовь (*печально*). Но скоро-ли еще онъ пріѣдетъ!

Шмелевъ (*всторону, размышляя*). Онъ отдастъ ей прямо въ руки... Это было-бы очень кетати... она увидѣла-бы записки Матильды, а тогда...

Лунинъ (*прислушивался, съ лѣвой стороны сцены*). Кто-то подѣхалъ!... это вѣрно онъ!

Любовь. Неужели Евгений!

Шмелевъ (*всторону, съ досадой*). Я съ нимъ долженъ поговорить серьезно!... И онъ, злодѣй, и эта вѣроломная Матильда меня жестоко одурачили!... но я имъ отплачу!...

Любовь (*всматриваясь въ это время во внутренность дома, около крыльца*). Нѣтъ, это не онъ!

Лунинъ (*въ радости*). Это наши!... Андрей Ивановичъ съ Надежкой!... вотъ сюрпризъ-то!

Шмелевъ (*всторону*). Фу, пропасть!... вотъ ужъ не кетати подѣхали! (*Въ это время сходятъ съ крыльца Кирсановъ и Надежда.*)

—
III.

ЛУНИНЪ, КИРСАНОВЪ, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ, ШМЕЛЕВЪ.

Лунинъ (*цѣлуя Надежду, которая, сбѣжавъ съ крыльца, бросается къ нему на шею*). Надежка моя!... душка моя!...

Надежда. Добрый дѣдушка!... Сестра!... (*Цѣлуетъ Любовь.*)

Любовь. Ахъ, мой другъ, какъ давно мы не видѣлись съ тобой!

Надежда. Да, ужъ два мѣсяца!... мы только что изъ деревни и сейчасъ къ вамъ... заѣхали только къ дѣдушкѣ и узнали, что онъ у васъ!

Кирсановъ (*поздоровавшись съ Лунинымъ и Любовью, обра-*

щается къ Шмелеву). А! Александръ Семенычъ!... Какъ я думалъ, такъ и вышло.... Я говорилъ дорогою Надпывкъ, что мы непременно встрѣтимъ васъ здѣсь!...

Надежда. Да, онъ дѣйствительно говорилъ....

Шмелевъ (съ смущеніемъ). Почему вы такъ думали?

Кирсановъ. Потому, что хорошо васъ знаю.... мнѣ извѣстна ваша привязанность къ роднымъ.... я ужъ имѣлъ доказательства.... Но какъ я ни благодаренъ вамъ, а не могу ручаться, чтобъ искренность моей благодарности могла равняться съ чистотою вашей преданности къ намъ!

Луниинъ. Какъ меня радуеть, что вся моя семья живетъ въ такой дружбѣ и согласіи!... Любо, любо старику!... (Надеждѣ.) Да дай мнѣ поглядѣть хорошенько на тебя, Надпючка.... дай полюбоваться.... все также свѣжа и хороша!...

Кирсановъ. Она устала немного отъ дороги....

Надежда. По дайте мнѣ только отдохнуть, дѣдушка....

Луниинъ. Ну, Андрей Иванычъ, спасибо тебѣ.... говорятъ, по лицу жены можно угадывать о счастіи ея съ мужемъ.... а лицо моей Надпючки говорятъ въ твою пользу.... теперь я еще больше убѣждаюсь, что опасенія мои были несправедливы!

Кирсановъ и Надежда. Ваши опасенія?

Луниинъ. Да, да!... теперь я сознаю въ моей ошибкѣ и прошу у тебя прощенія, Андрей Иванычъ.... Признаюсь, годъ тому назадъ, я не безъ опасенія смотрѣлъ на судьбу моей Надпючки.... вѣдь какъ хочешь... она дочь моего милаго Петруши.... она моя кровь.... Частенько я думалъ про себя, глядя на васъ: «Надпючка моя молода, а ему ужъ слишкомъ сорокъ.... вѣдь это весна и осень.... чего-же тутъ ожидать?...»

Кирсановъ. Очень понятно чего можно ожидать: того, что бываетъ въ природѣ между весною и осенью — лѣта!

Луниинъ. Въ-самомъ-дѣлѣ!... вотъ что значить умный-то чело-вѣкъ! а мнѣ и въ голову не пришло!

Шмелевъ (всторону). Какова гордость!... Онъ сравниваетъ судьбу своей жены съ лѣтомъ!

Кирсановъ. Не подумайте, чтобъ я хотѣлъ говорить противъ молодости.... Сохрани меня Богъ, чтобъ я сталъ охуждать ее въ то время, когда она меня давно уже оставила.... но признаюсь откровенно, я о ней не сожалею.... если она имѣетъ въ себѣ что-нибудь хорошаго, то единственно воспомнаніе въ зрѣлыхъ лѣтахъ о безразсудныхъ мечтахъ, которыя заставляютъ насъ въ послѣдствіи дороже цѣнить добродѣтель и истинное счастіе!... Съ утратою молодости, горячія страсти исчезаютъ.... тогда, въ

замѣнъ ихъ непостоянства, является разсудокъ и приноситъ съ собою уроки въ прошедшемъ, дѣйствительность въ настоящемъ и надежды въ будущемъ.... и когда въ это время женщина, добрая, разсудительная женщина, ввѣряетъ вамъ на вѣкъ свою участь.... тогда счастье ея со стороны мужа несомнѣнно!... У насъ часто поэты воспѣваютъ невыразимое блаженство первой любви... но я не советую съ ними согласенъ.... по моему мнѣнію, ничто не можетъ сравниться съ спокойствіемъ и благоразуміемъ послѣдней любви!

Шмелевъ. Спорить съ вами, Андрей Ивановичъ, теперь я не хочу.... позвольте мнѣ пожить на свѣтѣ еще лѣтъ пятнадцать и тогда я вамъ скажу мое замѣчаніе на счетъ вашего мнѣнія.

Кирсановъ. Мнѣ кажется, это бесполезно.... вы должны знать, что годы любви, по примѣру военнаго времени, считаются вдвойнѣ.... (*тихо*) особенно когда нѣтъ въ ней удачи!...

Шмелевъ (*всторону*). Нѣтъ удачи!... потерпимъ.... тогда увидимъ, кто будетъ правъ!

Кирсановъ. Однако-жъ, я толкую тутъ о лѣтахъ и не замѣчаю, что стѣсняю нашихъ дамъ.... а у нихъ вѣрно есть о чемъ поговорить, послѣ двухъ-мѣсячной разлуки.

Лунинъ. Въ самомъ-дѣлѣ!... Пойдемте-ка лучше погулять по саду....

Кирсановъ. Пойдемте!... вы вѣрно также съ нами, Александръ Семеновичъ? (*Тихо*.) Есть обстоятельства, въ которыхъ иногда присутствіе и брата можетъ быть лишнимъ....

Шмелевъ. Я готовъ!... (*Всторону*.) Надобно прочесть записки Матильды и тогда я увижу на что рѣшиться....

Лунинъ. Пойдемте-же.... вы мнѣ поможете поискать....

Кирсановъ. Что такое?...

Лунинъ. Я тебѣ расскажу дорогой....

Кирсановъ (*подходя къ Надеждѣ и цѣлуя ее въ лобъ*). До свиданія, мой дружокъ....

Шмелевъ (*всторону*). Какія нѣжности!

Лунинъ (*тоже*). Теперь я вполне увѣренъ, что Надиночка моя счастлива не меньше Любѣчка!... Все-бы хорошо теперь было, еслибъ вотъ не этотъ бумажникъ! Этакія, право, хлопоты навязали!....

Любовь (*тоже*). Опъ все тотъ-же!... теперь я вижу, что мнѣ нечего опасаться за сестру! (*Лунинъ, Кирсановъ и Шмелевъ уходятъ нальво, за дѣлѣ.*)

IV.

ЛЮБОВЬ, НАДЕЖДА.

Любовь. Какъ я благодарна тебѣ, сестра, что ты въ день своего пріѣзда изъ деревни, не забыла меня....

Надежда. Могло-ли быть иначе!... Это было первымъ моимъ желаніемъ.... но благодарность твою я не могу принять одна.... я должна раздѣлить ее съ моимъ мужемъ.

Любовь. Съ мужемъ?

Надежда. Опъ звалъ, что могло доставить мнѣ лучшее удовольствіе по пріѣздѣ въ городъ.... и самъ первый предложилъ ѣхать къ тебѣ!

Любовь. Добрый Андрей Ивановичъ!

Надежда. Если-бъ ты знала, какъ опъ меня балуетъ!... какъ мы любимъ другъ друга!

Любовь. Но признаюсь тебѣ, въ прошломъ году, я опасалась за тебя....

Надежда. Это правда!... Первый годъ брака.... сколько тутъ бываетъ желаній въ нашемъ сердцѣ!... сколько глупыхъ требованій!... Какъ много ни любишь мужа, а невольно глядишь на жизнь другихъ супруговъ и дѣлаешь сравненія.... Сознаюсъ тебѣ въ моемъ неблагоразуміи.... видя твою жизнь, мнѣ не разъ приходило въ голову сомнѣніе и безпокойство о моей участи.... я дошла даже до того, что разъ чуть не раскаялась, что рѣшилась выйти замужъ.... но, благодаря Бога, раскаяніе мое продолжалось не долго!... Я обратилась снова, на всю жизнь, къ увѣренности въ чувствахъ моего добраго мужа и въ его непритворной любви.... къ убѣжденіямъ, которыя хранила въ моей душѣ еще ребенкомъ и которыя такъ всегда старалась поселить и въ твоемъ сердцѣ.... Помнишь-ли ты это, Любушка.... или ужъ забыла?

Любовь. Нѣтъ, не забыла и не забуду никогда!

НАДЕЖДА.

Ты быть его женою опасалась,

Боялась съ нимъ на вѣкъ несчастной быть;

Я этого несчастья не боялась,

Рѣшаясь съ нимъ судьбу соединить!

Но годъ назадъ, ты обо мнѣ страдала;

Теперь-же ты спокойна быть должна....

Узнавъ его — я счастье узнала

И тѣмъ горжусь, что я его жена!

Да, сестра; теперь ты не должна безпокоиться о моей участи.... теперь ужъ и я не буду завидовать твоему счастью....

Любовь (стараясь скрыть слезы). Моему счастью!... да... да... я... я счастлива...

Надежда. Сестра!... ты плачешь!...

Любовь. Зачѣмъ скрывать отъ тебя... да, я плачу... я давно ждала тебя, Надина... Эти слезы душили меня!... Теперь я могу плакать на твоей груди...

Надежда. Возможно-ли!... что я узнала!... я ѣхала сюда съ такой радостью... думала полюбоваться твоимъ счастьемъ... и что же... но дѣдушка, скажи пожалуйста, знаетъ-ли дѣдушка?...

Любовь. Онъ ничего не знаетъ... при немъ я еще имѣю силы улыбаться... я его обманываю... по это необходимо!... Теперь подѣлился хоть ты съ нимъ своимъ счастьемъ... а мнѣ... мнѣ ужъ нечего съ нимъ дѣлить!... Ахъ, Надина! ты одна у меня въ мѣрѣ... только тебѣ я могу повѣрить всѣ страданія!...

Надежда. Да, да... говори мнѣ все... открой мнѣ душу, сестра... быть можетъ, я тебя успокою... быть можетъ, ты также обманываешься, какъ когда-то обманывалась и я...

Любовь. Нѣтъ!... Тогда я жалѣла о тебѣ неосновательно... я жалѣла о тебѣ, потому, что мужъ твой не могъ проводить съ тобою нѣсколькихъ часовъ въ день... но какихъ часовъ! въ которые онъ трудился для тебя, для счастья твоей жизни... а мой мужъ... мой мужъ проводитъ цѣлые дни безъ меня!... По его волѣ, я живу на дачѣ... а онъ въ городѣ, всегда въ городѣ... для чего — я не знаю!... О дѣлахъ своихъ онъ никогда не думаетъ... состояніе свое губить, расточаетъ съ друзьями... а быть-можетъ...

Надежда. Сестра!

Любовь. И никакого оправданія... ни одного слова, которымъ-бы онъ могъ смягчить жестокость своего пренебреженія ко мнѣ... если жъ иногда на минуту, на одну только минуту онъ бываетъ со мною... если уже не словами, но взглядомъ осмѣливаюсь я жаловаться на жестокость его поступковъ, — онъ всегда говоритъ одно и то же... что у всякаго человѣка есть свои обязанности... что у него есть дѣла!... Дѣла — у него, тогда какъ онъ уничтожаетъ состояніе, сбереженное для насъ добрымъ твоимъ мужемъ!... Мои надежды!... гдѣ онъ!... Клятвы въ вѣчной любви — давно забыты!... Онъ клялся — и лгалъ!... я съ упоеніемъ слушала его ложь — и вѣрила обманщику!... Теперь все кончено для меня!... Онъ меня болѣе не любитъ... слышишь-ли, сестра, онъ меня не любитъ!... Что жъ, мнѣ теперь остается умереть!... (Плачетъ.)

Надежда. Сестра! успокойся!... быть можетъ, не все еще потеряно...

Любовь. Нѣтъ, все, все! и я умру съ горя и отчаянія!..

Лунинъ (за кулисами). Дружокъ мой!.. Любчикъ!..

Любовь. Дѣдушка.

Надежда. Дѣдушка!.. Сестра, умоляю тебя....

Любовь (отирая слезы). Я знаю, чего ты хочешь.... улыбки!.. да, для него.... надо!.. Не тревожься, мой другъ, во мнѣ еще есть столько мужества!..

—
V.

ТѢЖЕ, ЛУНИНЪ.

Лунинъ (усталый и веселый входитъ съ лѣвой стороны). Наконецъ.... наконецъ я тебя нашелъ!.. Да какъ-же я измучился!.. еслибъ ты знала, Любчикъ, мое счастье.... вообрази себѣ....

Надежда и Любовь (вмѣстѣ). Что такое? говорите, говорите, дѣдушка!..

Лунинъ. Представьте себѣ.... пошли мы отсюда съ Андреемъ Ивановичемъ и Сашей погулять, да только дошли до бесѣдки, какъ вдругъ я почувствовалъ слабость въ ногахъ.... ну, немогу идти, да и только.... Теперь ужъ я положительно увѣрился, что у меня какая нибудь болѣзнь въ ногахъ... давеча Саша говоритъ, что отъ лѣтъ.... какія еще мои лѣта, помилуйте.... да у меня дѣдушка....

Надежда. Да что-же случилось-то съ вами, дѣдушка?..

Любовь. О какомъ счастьи вы говорили?..

Лунинъ. Да!.. такъ вотъ, какъ я почувствовалъ слабость въ ногахъ, мнѣ и говоритъ Андрей Ивановичъ: вы-бы, говоритъ, отдохнули.... а Саша, взявъ меня подъ руку да и свелъ въ бесѣдку.... вотъ я сѣлъ на диванъ, онъ подлѣ.... сталъ что-то говорить, а я сидѣлъ, сидѣлъ да и задремалъ.... вдругъ, словно кто меня толкнулъ.... открываю глаза.... и что-же.... что-бы ты думала, мой Любчикъ.... прямо, передъ собой.... вижу на полу.... ну, что? отгадай!.. вижу ту самую вещь, которую ищетъ твой мужъ съ самаго утра.... словомъ, его бумажникъ!.. (Показываетъ имъ бумажникъ.) Вотъ онъ! вотъ онъ!

Любовь (поспѣшно выхвативъ изъ его рукъ бумажникъ). Дайте, дайте мнѣ его, дѣдушка!

Надежда. Какой-же это бумажникъ?..

Лунинъ. Развѣ ты не знаешь?.. Правда, ты не успѣла еще узнать!.. въ этомъ бумажникѣ какія вещи....

Любовь (торопливо роясь въ это время въ бумажникъ, находитъ записку, и прочитавъ нѣсколько строкъ, вскрикиваетъ съ ужасомъ). Ахъ!

Лунинъ (*испугавшись*). Любчикъ! что съ тобой?

Надежда. Сестра!

Лунинъ. Фу, да какъ-же ты меня испугала.... отчего ты такъ вдругъ вскрикнула?....

Надежда (*тихо Любови, показывая на Лунина*). Сжался, сжался надъ нимъ сестра!...

Любовь. Ахъ, дѣдушка... это отъ радости.... я теперь такъ довольна.... такъ счастлива.... вы намъ возвратили наше состояніе... тутъ всѣ наши деньги.... билеты.... теперь я очень понимаю, отчего онъ такъ безпокоился.... судите же и вы о моей радости, когда я увидѣла.... я не могла выдержать....

Лунинъ. А я ужъ думалъ и нивѣсть что!... Такъ перепугала, что до сихъ-поръ не могу придти въ себя!... вотъ вѣдь иногда и сильной радости не отличишь отъ сильного горя!... Ты это отъ радости закричала.... а я подумалъ.... Вотъ придетъ же этакая глупая, неправдоподобная мысль въ голову!...

Любовь и Надежда. Дѣдушка! успокойтесь!... (*Ведутъ его и сажаютъ на скамью.*)

Лунинъ. Ничего, ничего.... вотъ ужъ и прошло!... Какъ я счастливъ, что могъ еще въ свою жизнь сдѣлать такое доброе дѣло для моей ненаглядной!... (*Вслушиваясь и смотря на домъ.*)
Постойте!... кажется, его голосъ!...

Надежда. Да, это Евгеній Михайлычъ!

Любовь (*восторону*). Оль!... Боже! подкрѣпи меня!

Лунинъ (*весело*). Не говорите ему ни слова!... Я сообщу ему самъ эту счастливую новость!...

VI.

ТѢЖЕ, НЕМИРСКІЙ.

Онъ выходитъ изъ дома, не замѣчая присутствующихъ лицъ, которыя находятся около скамьи у дерева.

Немирскій (*ирочно про себя*). Никого!... я не нашелъ у ней никого!... Она уѣхала.... и куда — неизвѣстно!... Сколько я ни спрашивалъ слугу и горничную, они только улыбались.... и даже отвѣчали мнѣ дерзко....

Любовь (*стараясь вслушаться въ его слова*). Что онъ говорить?

Лунинъ. Взгляните, какое у него печальное лицо!... Да я его сейчасъ развеселю!... Здравствуй, мой голубчикъ!...

Немирскій. Дѣдушка!

Лунинъ. Полно тебѣ горевать.... вѣдь знаешь-ли, все найдено!....

Немирскій (всторону). Что такое?... Ахъ! моя жена!... (Увидя Надежду.) Надежда Петровна!.. вы здѣсь!.. вы возвратились.... (Всторону.) Какъ онѣ на меня глядятъ!

Луиннъ. Постои, объ этомъ послѣ.... Радуйся, мой дружокъ, радуйся!.. вѣдь я нашелъ твой бумажникъ!

Немирскій. Мой бумажникъ!

Луиннъ. Да, да! вонъ онъ.... я отдалъ его твоей женѣ!.. Будь покоенъ.... ничего не потеряно....

Немирскій. Что я слышу?

Любовь (подходя къ нему). Да, вотъ этотъ бумажникъ.... онъ былъ у меня!

Немирскій. У васъ!

Любовь. Я видѣла.... видѣла собственными глазами все, что въ немъ вы хранили.... и скажу тоже, что дѣдушка: будьте покойны!.. ничего не потеряно!..

Немирскій. А!..

Луиннъ. Ну, что? успокоился? я чай, какъ гора съ плечъ!.. Теперь, ужъ я надѣюсь, ты не убѣдешь отъ жены.... по прежнему будете пѣвничать, какъ голубки.... да полно тебѣ, ты все еще не можешь придти въ себя.... поди, поцѣлуй жену, такъ мигомъ отляжетъ отъ сердца!..

(Немирскій подходит къ Любови и хочетъ взять ее за руку, но она, отдернувъ ее, смотритъ на него съ суровостью.)

Надежда (которая во все это время удерживала порывы сестры изблечить Немирскаго, умоляющимъ голосомъ говоритъ ей тихо). Сестра! сестра! пожалѣй дѣдушку!..

Луиннъ. Да что съ вами сдѣлалось?... (Любовь, противъ воли, подаетъ руку Немирскому, который ее цѣлуетъ.) Ну, вотъ такъ, давно-бы!.. я вижу, что вамъ только мѣшаю.... оставайтесь же, цѣлуйтесь, милуйтесь.... а я пойду отдохну.... послѣ такихъ хлопотъ, поневолѣ захочешь успокоиться.... (Уходитъ въ домъ.)

VII.

НЕМИРСКІЙ, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ.

До совершеннаго ухода Луинна, всѣ трое хранятъ молчаніе.

Любовь. Наконецъ, мы одни.... наконецъ, я не должна болѣе притворяться.... теперь я могу сказать, сколько презираю и ненавижу васъ!

Надежда. Сестра!

Немирскій. Вы ли это говорите?

Любовь. Я васъ презираю, ненавижу!.. Слышите ли?... Эти слова для васъ странны, удивительны!.. но они слишкомъ еще

слабы для того, чтобъ могли выразить въ эту минуту мои къ вамъ чувства!... они слишкомъ слабы въ сравненіи съ тѣмъ оскорбленіемъ, какимъ вы поразили мое сердце... (Плача.) Смотри сестра, вотъ эти деньги, вотъ эти билеты, которые такъ радовали нашего бѣднаго дѣдушку... они подписаны рукою какой-то Матильды...

Надежда. Матильды!...

Любовь. Да, вмѣсто нашего достоянія, которое онъ разорилъ, быть можетъ, для этой женщины, онъ хранилъ въ этомъ бумажникѣ... вышитомъ моими руками... любовныя ея записки!... О, я все-бы простила, кромѣ этой обиды!... Ступайте! что вы здѣсь стоите?... возвратитесь скорѣе къ вашему долгу... здѣсь вамъ больше нечего дѣлать... присутствіе ваше, которыми такъ много я прежде дорожила, теперь для меня ненавистно!... сердце мое, которое прежде билось только вами, теперь отвергло васъ, отвергло навсегда, безвозвратно!... въ немъ кипитъ одна ненависть, превышающая чувства мнувшей къ вамъ любви!

Надежда. Сестра, сжался!...

Немирскій. Мой другъ! именемъ Бога...

Любовь. Оставьте меня, оставьте меня! я нехочу ничего слышать!... Теперь между нами вѣчный разрывъ! вѣчная разлука!...

VIII.

ТѢЖЕ, ШМЕЛЕВЪ, ПОТОМЪ КИРСАНОВЪ.

Шмелевъ (показываясь съ лѣвой стороны). Вѣчная разлука!

Любовь. Сестра, сестра! поди ко мнѣ... ты видишь, какъ я несчастна!... не оставляй меня... А вамъ, сударь... вамъ я запрещаю идти за мною!

Кирсановъ (въ глубинѣ театра, показываясь съ правой стороны). Что я слышу!...

(Надежда и Любовь уходятъ въ домъ. Немирскій слѣдуетъ за ними.)

IX.

КИРСАНОВЪ и ШМЕЛЕВЪ.

Кирсановъ (перейдя направо на аванъ-сцену и смотря вслѣдъ уходящимъ). Что это? здѣсь буря и, кажется, страшная буря!... Откуда ее сюда занесло?... (Увидя Шмелева, который, не замѣтя Кирсанова, собираетъ въ два букета цвѣты у клумбы.) А! вотъ ужъ я вижу одно бурное облако!

Шмелевъ (*всторону, увидя Кирсанова*). А! и строгій супругъ здѣсь!

Кирсановъ. Куда это вы столько рвете цвѣтовъ... вы ихъ истребляете безъ жалости!... вы, господа побѣдители, привыкли все губить....

Шмелевъ. Я гублю только простые, невинные цвѣты!...

Кирсановъ. Невинные! Этимъ словомъ вы придаете еще болѣе славы вашимъ побѣдамъ!...

Шмелевъ. Вамъ опять угодно забавляться надо мною!...

Кирсановъ. Напротивъ, я говорю серьезно!... У насъ, по общепринятымъ заблужденіямъ, цвѣты имѣютъ доступъ повсюду!... они проникаютъ въ гостиныя, входятъ украдкою въ будуары и даже дерзко помѣщаются на груди прекрасныхъ женщинъ.... Попеременно они служатъ то эмблемой надежды.... то залогомъ любви.... то хранилищемъ нѣжныхъ посланій....

Шмелевъ (*всторону, продолжая собирать букеты*). Какую оувъ мнѣ дастъ мысль!... Благодарствуйте, господинъ ораторъ!...

Кирсановъ. Еслибъ можно было пародировать замѣчательныя мысли писателей, я сказалъ-бы что исторія цвѣтовъ — есть книга о мученіяхъ мужей!

Шмелевъ. Признаюсь, послѣ вашего сравненія, я не знаю.... можно-ли отважиться представить вашей женѣ этотъ букетъ изъ маргаритокъ и горошка....

Кирсановъ. Сдѣлайте милость, представляйте смѣло! жена моя еще не перестала считать васъ въ числѣ своихъ родныхъ.

Шмелевъ. Очень благодаренъ!

Кирсановъ (*подходя къ нему и замятя другой букетъ изъ розъ и незабудокъ*). Но у васъ тутъ еще другой букетъ.... розы и незабудки!... любовь и постоянство.... Онъ такъ - же хорошъ и свѣжъ, какъ, вѣрно, и та особа, которой назначенъ?... такой подарокъ, особенно во время.... долженъ служить самымъ усладительнымъ сравненіемъ.... Бѣдный мужъ! онъ долженъ теперь очень бояться....

Шмелевъ (*составя въ это время оба букета*). Андрей Ивановичъ.... Помните, вы мнѣ рассказывали, въ прошломъ году, исторію о какомъ-то сорокалѣтнемъ мужѣ.... я ее не забылъ и даже извлекъ изъ нея для себя пользу.

Кирсановъ. Какую?... пожалуйста, расскажите, какую пользу?

Шмелевъ. Въ свою очередь я намѣренъ также рассказать, вамъ маленькое происшествіе.

Кирсановъ. Я васъ слушаю.... продолжайте!

Шмелевъ. Молодой человѣкъ, который тогда долженъ былъ

пробить отступленіе... въ свою очередь въ подобномъ случаѣ, какъ тогда обиженный мужъ, подошелъ къ нему и сказалъ: на минуту, милостивый государь... Позвольте васъ спросить, по какому праву хотите вы заставить меня принести въ жертву лучшія мои надежды, тогда какъ онъ, человѣкъ женатый, у котораго жена — настоящій геній доброты, отнял у меня сердце той, которую я почиталъ моею невѣстой?... Нѣтъ, милостивый государь, чтобы вы ни говорили, чтобы вы ни дѣлали, я твердо рѣшился отомстить ему и внести несогласіе, ревность, раздоръ въ его семейство... и я напередъ восхищаюсь моимъ счастіемъ!... вотъ что я сказалъ этому...

Кирсановъ. Я васъ понимаю!

Шмелевъ. Сказалъ точно такъ-же, какъ говорю теперь вамъ!.. Поразмысливъ хорошенько, онъ, какъ умный человѣкъ, долженъ былъ убѣдиться, что на этотъ разъ его посредство неумѣстно и что сора за особу, которую онъ вздумалъ — было защищать, можетъ надѣлать только невыгодную для всѣхъ огласку!... Поняли вы меня теперь?

Кирсановъ. Понялъ совершенно!

Шмелевъ. Очень радъ... Послѣ этого, строгій судья мой сказалъ: оставимъ этого молодаго человѣка дѣлать, что ему угодно... не станемъ вмѣшиваться въ его пияриги и будемъ довольны тѣмъ, что спасли своихъ пенатовъ!.. Неправда-ли, онъ прекрасно поступилъ?... Я былъ увѣренъ, что вы со мною согласитесь!... До свиданія, Андрей Ивановичъ... Я иду, чтобы привести въ порядокъ мои букеты и поднести ихъ милымъ кузинамъ! (*Уходитъ въ домъ.*)

X.

КИРСАНОВЪ и НЕМИРСКІЙ.

Кирсановъ. И это все я долженъ былъ выслушать!.. Онъ говорилъ мнѣ дерзости, а я молчалъ!.. Мнѣ оставалось одно, на дерзости — отвѣчать дерзостями, но я этого не хотѣлъ... тутъ должно дѣйствовать, а не говорить... (*Увидя Немирскаго, который выходитъ изъ дома.*) А! наконецъ я васъ вижу!

Немирскій. (*въ сильномъ разстройствѣ*). Андрей Ивановичъ! Спасите меня!.. на васъ вся моя надежда!

Кирсановъ. Чего-жъ вы отъ меня хотите?

Немирскій. Не оставьте меня, добрый другъ! спасите!.. Моя жена не хочетъ видѣть меня... не хочетъ ничего слышать!.. Я умолялъ ее на колѣнахъ... ваша супруга упрашивала ее за меня... но все было напрасно... На всѣ мольбы она отвѣчала одно: вы

мнѣ ненавистны... мы должны разстаться на вѣкъ!... Ахъ, теперь я чувствую, какъ былъ виноватъ передъ нею... теперь я чувствую, что ея любовь была лучшимъ счастьемъ въ моей жизни... я утратилъ ее навсегда... неужели я долженъ разстаться!... О, какъ ужасенъ для меня этотъ день!

Кирсаковъ. Но, кажется, еще сегодня утромъ вы были счастливы любовью другой женщины?...

Немирскій. Счастливъ!... нѣтъ, не думайте этого... какое-то глупое ослѣпленіе увлекло меня въ ея сѣти... но я не любилъ ее, никогда не любилъ!... Добрый другъ! не приводите меня въ отчаяніе! я и такъ ужъ много страдалъ!... Сжальтесь надо мною... Поговорите за меня... попросите и вашу добрую жену, чтобъ она уговорила свою сестру... Клянусь вамъ, что съ этой минуты вся моя жизнь посвящена будетъ ей... у меня будетъ только одно желаніе, загладить мой проступокъ и заслужить снова любовь ея... Вы скажете ей все это? не правда-ли?... общайте мнѣ, оживите меня, почтениѣйшій другъ... и вѣрьте, что съ-этихъ поръ ничто въ мірѣ не заставитъ меня измѣнить честному слову, которое я вамъ даю теперь въ залогъ моихъ обѣщаній!

Кирсановъ (*подавая ему руку*). Вѣрю вамъ и готовъ служить, всѣмъ чѣмъ могу... но я боюсь, не поздно-ли...

Немирскій. Какъ? вы думаете, что ужъ поздно?...

Кирсановъ. Да, боюсь!

Немирскій. Вы думаете, что она останется непреклонною къ моей мольбѣ и даже къ вашимъ совѣтамъ?

Кирсановъ. Милый другъ! извините, если въ эту минуту я растравлю еще болѣе раны вашего сердца!... но это я долженъ непременно сдѣлать!... Вы думаете, что можно легко возратить любовь, утраченную отъ нашего проступка?... вы думаете, что можно безнаказанно обманывать жену и искать разсѣянья влѣ своего дома?... Но вы забыли, что въ эти самые часы могли закрасться воры и въ вашъ домъ...

Немирскій. Что вы говорите?

Кирсановъ. Вы не знаете еще, какіе на свѣтѣ есть воры!... повѣрьте мнѣ, если какая кибудь женщина и рѣшается удалиться съ прямого пути... то этому иногда бываетъ причиною мужъ, потому что онъ указываетъ ей самъ ложную дорогу...

Немирскій. Ради Бога, объясните мнѣ... неужели моя жена...

Кирсановъ. Вотъ она съ Надпной!...

(*Надежда и Любовь выходятъ изъ дома, держа каждая въ рукахъ по букету: первая изъ нихъ изъ маргаритокъ и горошка,*

вторая из розъ и забудокъ. Онъ не замѣчаютъ Кирсанова и Немирскаго и какъ бы заняты продолженіемъ разговора между собою.)

XI.

ТЪ ЖЕ, НАДЕЖДА И ЛЮБОВЬ.

Любовь. Сестра! прошу тебя, не говори мнѣ больше о немъ!..

Надежда. Нѣтъ, ты меня выслушаешь!.. я не оставлю тебя до-тѣхъ-поръ, пока ты не согласишься....

Любовь. Никогда!

Надежда. Сестра! повѣрь мнѣ, теперь огорченіе твое не можетъ дать тебѣ здравой мысли... Быть можетъ, черезъ часъ ты сама отвергнешь пагубный совѣтъ своего сердца....

Любовь. Нѣтъ, не думай этого.... мое намѣреніе твердо!

Надежда. Размысли, мой другъ.... женѣ-ли оставлять домъ своего мужа?

Немирскій (особо). Что она сказала?..

Любовь. Я рѣшилась.... рѣшилась бѣжать отъ него навсегда!.. мнѣ-ли еще оставаться въ этомъ домѣ, когда онъ сдѣлалъ его для меня ненавистнымъ, когда жизнь моя въ немъ будетъ напоминать мнѣ всегда мое униженіе и будетъ вѣчною для меня мукою!

Надежда. Но что скажетъ свѣтъ?

Любовь. Развѣ свѣтъ занимается горестью несчастныхъ?..

Надежда. Но что будетъ съ дѣлушкой?

Любовь. Ты утѣшишь его.... ты найдешь предлогъ къ моему отъезду.... у тебя достанетъ мужества....

Надежда. Солгать?... Ты думаешь, что я рѣшусь лгать передъ нимъ?... Нѣтъ, сестра, ты ошибаешься.... я ему скажу все... истина, быть можетъ, убьетъ его....

Любовь (со страхомъ). Замолчи!.. (При этихъ, словахъ она поспѣшно подноситъ букетъ къ лицу Надежды.)

Надежда. Что это.... въ этомъ букетѣ....

Любовь (замѣчая въ букетъ записку). Записка!..

(Въ смущеніи, какъ-бы невольно, она хочетъ спрятать букетъ отъ Надежды. Минута молчанія. Кирсановъ и Немирскій, на лѣвой сторонѣ, нѣсколько въ отдаленіи отъ нихъ, съ трепетомъ вслушиваются въ разговоръ двухъ сестеръ. Любовь стоитъ безмолвно, опустивъ глаза. Надежда приближается къ ней и беретъ ее за руку. Оркестръ, подъ сурдиною, играетъ арію перваго дѣйствія, которую пѣла Надежда.)

Надежда. Теперь, ты не уйдешь отсюда.... я не допущу тебя до этого.... Причина тебѣ извѣстна!.. ты должна слѣдовать го-

лосу разсудка.... голосу твоей сестры!... Если-жъ этого мало.... ты должна повиноваться волѣ нашей матери!

Любовь. О, матушка!

Надежда. Если мы думали и вѣрили всегда, что она оттуда, съ небесъ, видитъ насъ, если мы вѣрили, что туда долетаетъ до ея слуха нашъ голосъ, то неужели ты забыла, что и въ эту минуту она наблюдаетъ свыше за нами.... неужели ты осмѣлишься предъ ея памятью занятвать себя, покрыть вѣчнымъ стыдомъ?

Любовь (плача и обнимая сестру). Никогда! никогда!...

Надежда. Благодарю тебя, сестра.... я въ тебѣ не ошиблась!

Немирскій (показывая на Надежду). Это рѣдкая женщива!

Кирсановъ. Да! это правда!... Но развѣ ваша жена не такова-же!... Взгляните, она плачетъ.... весь гнѣвъ ея исчезъ, всѣ грозныя мысли ея разлетѣлись!

Немирскій. Ахъ, еслибъ это была правда!

Надежда. Еще одна просьба.... которая покажется тебѣ, быть-можетъ, довольно странною въ эту минуту.... Сестра! Отдай мнѣ этотъ букетъ.... букетъ, который ты получила отъ кузена Александра....

Немирскій. Отъ Александра!... (Смотритъ вопросительно на Кирсанова, который дѣлаетъ ему утвердительный знакъ.)

Любовь (опуская снова глаза). Какъ? ты хочешь.... чтобъ я отдала тебѣ....

Надежда. Да!... я дамъ тебѣ въ замѣнъ свой букетъ.... Сестра, прошу, умоляю тебя!...

(Оркестръ снова играетъ нѣсколько тактовъ арии).

Любовь. Возьми, вотъ онъ!... и кланусь тебѣ, я никогда не подавала ему повода....

Надежда. Я никогда-бы не рѣшилась оскорбить тебя такимъ подозрѣниемъ!... дай же мнѣ.... вотъ мой.... (Перемѣняется букетомъ съ Любовью и потомъ поспѣшно вынимаетъ записку изъ ея букета). Прочтемъ, что онъ пишетъ!... (Читаетъ записку). Онъ осмѣливается просить, чтобъ ты позволила ему сопутствовать тебѣ... и служить защитникомъ и подпорюю....

Немирскій (съ крикомъ). Какъ!... онъ осмѣливается!...

Любовь. Мой мужъ!

Надежда. Онъ былъ здѣсь!...

(Въ эту минуту Шмелевъ показывается въ глубинѣ сцены. Немирскій, увидя его, подбѣгаетъ къ нему.)

XII.

ТѢЖЕ, ШМЕЛЕВЪ, ПОТОМЪ ЛУНИНЪ.

Немирскій (Шмелеву). Слѣдуйте за мною!

Шмелевъ. Куда?...

Немирскій. Здѣсь не мѣсто намъ объясняться... пойдете!

Кирсановъ, Надежда и Любовь. Остановитесь! остановитесь!...

(Немирскій и Шмелевъ, не слушая ихъ, продолжаютъ идти въ глубину сцены, но вдругъ останавливаются при видѣ Лунина, который показывается на крыльцѣ дома.)

Лунинъ. Господа! куда вы?...

Всѣ. Дѣдушка!...

(Минута молчанія. Лунинъ съ любопытствомъ смотритъ] на всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, которыя въ свою очередь смотрятъ другъ на друга, какъ-бы совѣтуясь, какъ скрыть отъ него истину.)

Лунинъ. Да что съ вами?... Отчего вы всѣ замолчали, когда я вошелъ сюда?... Что у васъ тутъ дѣлается?...

Кирсановъ. Ничего.... или почти ничего.... мы читали письмо.... письмо отъ Александра Семеныча....

Лунинъ. Письмо отъ Саши?... Да что это ему вздумалось писать, когда онъ самъ здѣсь на лицѣ?... Развѣ у него нѣтъ языка.... а кажется онъ былъ у него всегда такъ дѣятеленъ и остръ!... Къ кому-жъ ты это писалъ, Саша?...

(Всѣ взоры устремлены на Кирсанова, который беретъ письмо отъ Надежды.)

Кирсановъ. Ко мнѣ!

Всѣ. Къ нему?...

Шмелевъ. Что это значитъ?

Лунинъ. Къ тебѣ?... Да что-же онъ тебѣ писалъ?... это любопытно!...

Кирсановъ. Когда я получилъ это письмо, Александра Семеныча еще не было здѣсь.... онъ только предъ вами вошелъ.... это письмо довольно интресно.... но я несколько не былъ удивленъ, я всегда этого ожидалъ отъ него.... мы всѣ, его родные, теперь здѣсь.... и я думаю, всѣ должны знать содержаніе его письма!

Надежда *(тихо Кирсанову)*. Что ты хочешь лѣлать?... *(Кирсановъ сжимаетъ ей руку.)*

Любовь. Я умираю отъ страха!

Шмелевъ. Но я не понимаю.... *(Кирсанову.)* Вы говорите, что я писалъ къ вамъ....Надежда *(поспѣшно подошла къ Шмелеву)*. Ну да, къ нему....

Лунинъ. Постой Надюшка.... дай прочесть Андрею Ивановичу.... мнѣ очень любопытно знать....

Шмелевъ (всторону). И мнѣ очень любопытно знать, что я къ нему писалъ....

(Въ это время Кирсановъ становится посрединѣ сцены; возль него, по лѣвую руку, находится Надежда, Шмелевъ и Луницъ; по правую, Нелирскій и Любовь).

Луницъ. Читай же, читай!

Кирсановъ (развернувъ записку, читаетъ). «Почтеннѣйшій другъ!... Вы давали мнѣ не одинъ разъ полезныя совѣты.... долго я ихъ отвергала... но наконецъ благоразуміе взяло верхъ и теперь я готовъ слѣдовать имъ охотно...»

Шмелевъ (съ сердцемъ, смотря на Кирсанова). Это я писалъ?...

Надежда, (умоляющимъ голосомъ, тихо). Не возражайте!... (Вслухъ.) Да, Александръ... это дѣлаетъ вамъ честь!

Луницъ. Похвально, братъ Саша, похвально!... Андрей Ивановичъ не дастъ дурнаго совѣта!

Кирсановъ (продолжаетъ читать). «Жизнь, какую я велъ до сихъ поръ, меня недостойна!... Я не принесъ еще никакой пользы ни моему отечеству, ни моимъ роднымъ... вмѣсто того, чтобы непрерывно доказывать благодарность моему дѣдушкѣ за его любовь ко мнѣ и за все его попеченіе,—я только обманывалъ его.»

Луницъ. Что? ты меня обманывалъ!... дурно, Саша, дурно!...

Шмелевъ. Но выслушайте... (Надежда удерживаетъ его рукою).

Кирсановъ (читаетъ). «Вмѣсто того, чтобы за дружбу и родственную любовь моихъ сестеръ — друзей моего дѣтства, платить тѣми же чувствами, — я забывалъ святой долгъ чести... вмѣсто спокойствія, вмѣсто радостей — я приносилъ имъ одни огорченія и даже... могъ поступками своими сдѣлать ихъ навсегда несчастными...»

Луницъ. Несчастливыми!... ты могъ сдѣлать ихъ несчастными? моего то Любочка... мою-то Надючку?... что ты, братъ Саша... ты врешь...

Шмелевъ (съ сердцемъ, Кирсанову). Я это писалъ?... я...

Надежда. Александръ! зачѣмъ скрывать отъ дѣдушки?... Ваше разсказаніе пріятно, усладительно для всехъ насъ... ваши чувства прекрасны, благородны...

Луницъ. Да, да, Саша... они дѣлаютъ тебѣ честь... и успокоиваютъ меня старика... Удержи ихъ навсегда въ душѣ своей!...

Шмелевъ. Какъ, дѣдушка, и вы думаете...

Луницъ. Признаюсь, я былъ слѣпъ къ тебѣ... до сихъ поръ я не зналъ за тобою ничего дурнаго и дай Богъ, чтобы никогда не зналъ!... Смотри-же, мой дружокъ оправдай мнѣ о тебѣ старика, твоего дѣда, который привыкъ любить тебя, какъ сына...

не посрамил своей чести... не заставь себя даже отъ дурной мысли краснѣть предо мною... Будь, однимъ словомъ, таковъ, какъ были всѣ твои предки...

Шмелевъ (*постепенно приходя въ себя и, одумавшись во время монолога Лунина, съ чувствомъ говоритъ Лунину и Надеждѣ*). Да, мой добрый дѣдушка, мой второй отецъ... да, милая кузина.. я много дѣлалъ дурнаго, но теперь исцѣленъ навсегда!... Теперь я оправдаю всѣ ваши ожиданія!... Андрей Ивановичъ, я сознаюсь... это письмо писано мною!... Я давно долженъ былъ написать его!... Не трудитесь, не читайте его окончанія... я знаю все наизусть и скажу вамъ слово въ слово... Я принимаю ваши добрые совѣты.. вы предлагали мнѣ выхлопотать мѣсто въ провинціи... я согласенъ и готовъ ѣхать, куда вамъ угодно!... Но.. я не все еще сказалъ... (*становясь между Лунинымъ и Кирсановымъ*).

Въ моихъ проступкахъ откровенно
Сознался я въ кругу друзей,
И что писалъ — все незабвенно
Запечатлѣлъ въ душѣ своей!
Теперь даю вамъ честь въ поруку,
Я буду жить и поступать,
Чтобъ возвратясь, вы эту руку
Какъ другу мнѣ могли познать!

Кирсановъ. Прекрасно, прекрасно, мой другъ!

Шмелевъ. Андрей Ивановичъ! теперь вы видите на дѣлѣ, что при справедливомъ убѣжденіи, я всегда наклоню голову!... Должно сознаться, вы сильнѣе меня!

Немирскій (*Любови, между тѣмъ, какъ Луинъ занятъ разговоромъ съ Шмелевымъ*). Мой другъ!... простишь-ли ты меня?...

Любовь. Васъ простить!... (*Вынимаетъ бумажникъ и, взявъ изъ него записки, разрываетъ ихъ*). Я постараюсь забыть оскорбленія!...

Кирсановъ (*подойдя къ Любови*). Вы должны ихъ забыть!... я видѣлъ какъ онъ страдалъ, видѣлъ его раскаяніе и ручаюсь за него, какъ за самого себя!

Немирскій (*тихо Кирсанову*). Да, вы можете поручиться... въ одинъ этотъ часъ я постарѣлъ двадцатью годами!

Кирсановъ (*смѣясь*). Вотъ что значитъ страхъ!... онъ теперь мнѣ ровестникъ!... (*Громко*.) Да, не всегда молодость хороша... подчасъ для нея завидны бываютъ и наши лѣта...

Луинъ. По мнѣ всѣ лѣта хороши... только-бы было здоровье а все, прочее въ жизни, больше или меньше, зависитъ отъ насъ!... Ну, теперь я, кажется, избавился отъ всѣхъ хлопотъ... и уже счастливъ совершенно!... Пойду-же, на радости, погуляю!...

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КОПИЯ СЪ МЕДАЛЬОНА.

ПОВѢСТЬ

В. НАТУХАЙСКАГО.

=

I.

БИТВА ПРИ ТРЕВИИ.

Въ домѣ, или лучше сказать, въ усадьбѣ Антона Матвѣича все блаженствовало : отъ Сеньки, единственнаго слуги его, до Амаліи Карловны, солидной, сорокалѣтней дѣвицы, довольно основательно разумѣвшей французскій языкъ для того, чтобы слыть исправною и завидною компаньонкою хорошенькой Евгениі, дочери, или вѣрнѣе сказать, пріемыша Антона Матвѣича. Антонъ Матвѣичъ, владѣя пятью стами душъ, жилъ тихо, смиренно, скромно; онъ любилъ только три предмета : Евгению, трубку и рассказы о своихъ походахъ. Особенную страсть имѣлъ онъ къ послѣднему.... Бывало въ длинный и грустный осенній вечеръ, усадивъ около самовара семью свою, то-есть, цвѣтущую Евгению и отцвѣтшую Амалію Карловну, Антонъ Матвѣичъ прежде всего заводилъ рѣчь о погодѣ и потомъ, какъ искусный рассказчикъ, переходилъ къ восклицанію : а каково-то, сударыни мои, намъ было стоять на бивуакахъ въ такую бѣдовую ночь ! — и вслѣдъ за тѣмъ онъ смѣло билъ тревогу, снимался съ бивуака, вступалъ въ дѣло, давалъ генеральныя сраженія.... и наконецъ, заражен-

ный нескромною зѣвотою своихъ слушательницъ, зѣвалъ и самъ, и, пустивъ кудрявое кольцо табачнаго дыму, — говорилъ: Ну... до завтра... исторія длинная... пора спать!

Однажды Антонъ Матвѣичъ, именно въ любимое имъ время года, въ осенній, ненастный вечеръ, возвратившись съ охоты и заполевавъ штукъ семь зайцевъ, находился въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, а это значило, что онъ готовъ будетъ рассказать о переходѣ Суворова черезъ Альпы и кое-что о Чертовомъ мостѣ.

Печально и визгливо завывалъ вѣтеръ въ каминѣ большой залы отставнаго служаки... Сенька дремалъ у дверей, вздрагивая иногда отъ шумной дроби крупнаго дождя, стучавшаго въ стекла. Антонъ Матвѣичъ уже оканчивалъ третій стаканъ чаю и вмѣстѣ съ нимъ рассказъ о сраженіи при Кассано....

— Но это что, заключилъ онъ, не замѣчая того, что Амалія Карловна дѣлала ему глазки, наивно жмуря ихъ подъ націемъ обаятельной дремоты.... Это что! повторилъ онъ.... а вотъ было дѣло, я вамъ скажу... бѣдовое!... дѣло отчаянное.... при Требіи. Амалія Карловна... вы знаете Требію?

Амалія Карловна вздрогнула.

— Что вы требуете? спросила она.

— Эхъ, матушка! Не требую.... я говорю, знаете-ли вы Требію?

— Нѣтъ, вы одной такой не знаю, Антонъ Матвѣичъ.

— Ну... вотъ, а еще читаете по французки. Хе!... не знаете Требіи! Требія, сударыня моя, рѣка, при которой мы съ Суворовымъ разбили французовъ, да вѣдь какъ — я вамъ скажу.... бѣдово! Знаете-ли вы, Амалія Карловна какъ.... ась?

— Почему мнѣ знать, Антонъ Матвѣичъ? я.... дѣвица....

— Знаю матушка, что не солдатъ вы, знаю.... да все-таки....

— Фя! Матушка.... Что это такое.... Я дѣвица, повторяю вамъ, Антонъ Матвѣичъ.

— Знаю.... знаю, простите великодушно.... виновать! Но знаете-ли вы, какъ мы разбили французовъ-то при Требіи? Ась?

— Почему мнѣ знать: я не служила въ военной.

— Ничего вы не знаете, Амалія Карловна, сказалъ со вздохомъ Антонъ Матвѣичъ.... Отечественной исторіи не знаете. — Вотъ какъ это было, ужъ расскажу кстати.... Расскажу хоть про самаго себя.... Позвольте видѣть: тогда вашъ покорившійся слуга именовался еще-только поручикомъ. Ахъ, годины годочки! То-то золотое времячко было для меня.... бѣдовое, Амалія Карловна!... Молодецъ я былъ и красавецъ какой, право! Горячій,

сорви голову, первый въ схваткѣ... да и командиръ-то былъ у меня не дай, не вынеси.... Вотъ и стоялъ нашъ батальонъ, такъ примѣрно сказать, вотъ какъ я теперь стою у коммоды, а вонъ тамъ, какъ у окна, французская пѣхота.... Встаньте ка, Амалія Карловна, къ окну.

Амалія Карловна повиновалась.

— Ну съ, впереди этой пѣхоты выдвигалась десяти-пушечная батарея.... Сенька! пошелъ, займи мѣсто батареи.... Вотъ такъ.

— Ахъ.... помилуйте! вскричала обиженнымъ тономъ Амалія Карловна.... Какъ это можно, Антонъ Матвѣичъ: я должна стоять сзади этого нечесаннаго лакея?

— Ничего, матушка.... это для ясности: пушки всегда лучше имѣть на-передѣ, когда требуется укрѣпить позицію.... Ну-съ, а съ лѣваго у насъ фланга въ этотъ моментъ выдвигалась Макдональдова кавалерія.... Еничка, встань, душенька, къ каминну и медленно подходи ко мнѣ....

Евгевія, едва удерживаясь отъ улыбки при взглядѣ на жалкое лицо Амаліи Карловны, отошла къ каминну и начала предписанный ей маневръ....

— Вдругъ, продолжалъ Антонъ Матвѣичъ, обозрѣвъ довольнымъ взглядомъ диспозицію своихъ непріятелей, къ намъ подскакалъ казакъ съ приказомъ: взять батарею! Дѣло было бѣдовое.... Ничего, думаю.... Перекрестись, говорю, ребята!... штыкъ на руку.... бѣглымъ шагомъ — маршъ! И я вамъ скажу, не смотря на то, что непріятельская кавалерія могла ударить намъ въ тылъ, когда мы оставили свою позицію, мы смѣло и быстро бросились на батарею, сбили ее, и ударили на вражескую пѣхоту. Съ этими словами Антонъ Матвѣевичъ въ два прыжка очутился подлѣ дрожавшаго отъ ужаса Сеньки, столкнулъ его на стулъ и, съ крикомъ ура грудью пошелъ на растерявшуюся Амалію Карловну....

— Ахъ!... ахъ, ужасъ!... Антонъ Матвѣичъ.... что вы! что вы!... пардонъ.... пардонъ! — я дѣвица.... Какъ можно.... пощадите!

— Ха, ха, ха! разразился громкимъ смѣхомъ Антонъ Матвѣичъ. Струсили, Амалія Карловна.... струсили, матушка.... Ну, ну, успокойтесь.... Пара мерпосовыхъ платьевъ за мною.... Слышите.... цѣлая пара!

Въ эту минуту громкій стукъ въ ворота и затѣмъ неистовый лай дворняшекъ прервалъ слова Антона Матвѣича.

Всѣ присутствующіе переглянулись, лица ихъ выразили вопросъ и удивленіе.

— Странно.... кто бы это? сказалъ Антонъ Матвѣичъ. Сенька, поди, узнай, кто тамъ?... Ахъ, да, знаю! — продолжалъ онъ... сказать-ли, кто пріѣхалъ?

— Кто? кто? спросили въ одинъ голосъ Евгенія и ея компаньонка. Скучая своимъ одиночествомъ, онѣ всегда были готовы встрѣтить гостей съ распростертыми объятіями.

— Скажи, папаша, душечка, родной.... говорила Евгенія, ласкаясь къ Антону Матвѣичу.

— Ну.... ну, что съ тобой дѣлать. Ужъ такъ и быть, скажу....

— Кто-же?

— Твой учитель, канашка.

— Мой.... учитель? Вы шутите, папаша?

— Ну, вотъ, теперь и шутите.... То отдыху мнѣ не давала.... найми, да сыщи ей учителя живописи.... Я хочу рисовать.... а теперь....

— Ахъ.... такъ....

— То-то, такъ.... Вотъ онъ и пріѣхалъ. Посмотримъ, что за гусь такой.... Говорятъ, всего мѣсяцевъ пять, какъ изъ Петербурга.... Самъ-то я еще не видалъ его, да мнѣ рекомендовалъ Груздевъ, какъ добраго малаго и хорошо знающаго свое дѣло. Онъ сынъ нашего станціоннаго смотрителя....

— А! этого добраго старичка, котораго вы такъ любите, папаша....

— Еще-бы не любить его.... Вѣдь онъ, душа моя, бѣдовое дѣло.... онъ Екатерининскій солдатъ. — Для него то я больше и взялъ къ себѣ сына... такъ сказать, изъ милости.... Молодой человекъ.... и умница.... ну, и художникъ, а вотъ пропадаетъ себѣ безъ мѣста. Да никакъ это онъ идетъ....

Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдъ за Сенькою, въ залу Антона Матвѣича, въ которой былъ большой беспорядокъ, произведенный битвою при Требін, вошелъ стройный и красивый молодой человекъ. Блѣдное лицо его, осѣненное черными локонами и украшенное парю живыхъ глазъ, выразившихъ умъ и благородство, было очень привлекательно, и съ перваго взгляда могло расположить въ свою пользу самаго взыскательнаго физиономиста.

Съ свѣтекою развязностію онъ поклонился хозяину, но когда готовъ былъ повторить то же самое, обращаясь къ дамамъ, взоръ его вспыхнулъ на мгновеніе какимъ-то сладкимъ одушевленіемъ и легкая краска румянца закрилась на его блѣдныхъ щекахъ.

Въ то же мгновеніе Евгенія, съ замѣтнымъ трепетомъ, отшатнулась къ камину.

Одна только Амалия Карловна старалась придать своей улыбкѣ

какъ можно болѣе выразительности. Жеманно мотая головою и очень пассивно прищуривая глазки, она отвѣтила на поклоны смѣшавшагося гостя.

— Боже мой.... это онъ! прошептала Евгенія.

— Душка.... это онъ! повторила Амаля Карловна, голосомъ сильнаго упоенія.

— Ай, да молодчикъ! подумалъ Антонъ Матвѣичъ.... Хоть сей-часъ въ военную.... съ разу ошеломилъ моихъ красавицъ.... Вотъ такъ и я бывало: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.... бѣдовое дѣло!

И замѣчая общее замѣшательство — онъ дружески и радушно протянулъ гостю свою руку....

— Владиміръ Андреевичъ Рѣзцовъ.... если не ошибаюсь? спросилъ Антонъ Матвѣичъ.

— Къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ гость.... Вамъ было угодно видѣть меня — и, не смотря ни на какую погоду, я поставилъ себя въ пріятную обязанность исполнить ваше желаніе.

— Душевно радъ, дорогой мой.... прошу садиться. Кстати пожаловали: у насъ и самоваръ на столѣ. Вотъ, рекомендую, дочь моя, Евгенія.... если позволите, ваша будущая ученица....

Рѣзцовъ поклонился.

— А это, продолжалъ Антонъ Матвѣичъ — Амаля Карловна.... моя.... того... наша.... такъ сказать.... дѣвица-съ.... для разговору собственно....

Амаля Карловна, манерясь, отвѣтила на новый поклонъ молодого человѣка; между тѣмъ Евгенія, успѣвшая нѣсколько оправиться отъ перваго замѣшательства, старалась избѣжать взглядовъ молодого человѣка.

Веселый и радужный Антонъ Матвѣичъ, желая сколько возможно ободрить гостя, пустился въ распросы о Петербургѣ, потомъ перешелъ къ разговору о живописи, о которой онъ столько же имѣлъ понятія, какъ Амаля Карловна о сраженіи при Требицѣ, — и наконецъ коснулся обстоятельства, которое ввело въ домъ его Рѣзцова.

— Извините, дорогой мой, продолжалъ онъ — я безъ церемоній, по военному.... иду прямо къ цѣли.

— Сдѣлайте милость, Антонъ Матвѣичъ!...

— Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, я бы просилъ васъ съ завтрашняго дня заняться съ моею Епичькою, если вы согласны только на условія, которыя я предложилъ вашему отцу!

— О, помилуйте.... душевно радъ. Ваши условія такъ свисходительны, что я не могу не согласиться на нихъ.

— Ну, такъ и по рукамъ.... Славно.... бѣдовое дѣло — люблю сговорчивыхъ людей.... а ужъ за повятливость и прилежаніе ученицы — я вамъ ручаюсь.... Не такъ-ли?... Можно поручится, Епичка? А?

Вспыхнувъ, Евгенія подняла голубые глаза свои на Антона Матвѣича и потомъ невольно, по какому-то безотчетному чувству, устремила ихъ на гостя, какъ-бы говоря этимъ: батюшка правъ.

— Да, ужъ ручаюсь... однако, прошу простить недогадливости хозяина, продолжалъ Антонъ Матвѣичъ.... Вы, вѣроятно, устали съ дороги.... Проскакать тридцать верстъ, подъ проливнымъ дождемъ и по дрянной дорогѣ, чего вѣзбудъ да стоитъ. Сейчасъ я велю вамъ изготовить комнату во флигелѣ, а къ завтраму — онъ весь къ вашимъ услугамъ... Теперь-же, неудобно-ли съ нами поужинать, что Богъ послалъ.... Пожалуйте!.. Ну, друзья и домоладцы — маршъ въ столовую! И собесѣдники отправились гурьбою въ смѣжную комнату.

II.

РАЗСКАЗЪ АНТОНА МАТВѢИЧА И МЕЧТЫ АМАЛІИ КАРЛОВНЫ.

Четыре оплывшихъ огарка освѣщали обширную и высокую столовую Антона Матвѣича, въ то время, какъ Сенька, сбруя со стола тарелки и остатки отъ барской трапезы, перебранивался за что-то съ горничною Аксенью. Самъ Антонъ Матвѣичъ почти въ лѣнивой дремотѣ тонулъ въ донотопныхъ креслахъ, разсѣянно и въ раздумьи выбивая по чубуку какой-то древній маршъ. Амалія Карловна, исправлявшая въ домѣ должность компаньонки и эконома, еще оставалась въ столовой, ожидая приказаній на завтра. Сонъ видимо одолѣвалъ ее — и какъ ни старалась она казаться бодрою, но безпрестанно слипавшіеся глаза и частыя киванья головою, доказывали плуту Сеньки, что на этотъ разъ онъ можетъ безнаказанно попользоваться остатками наливки и портвейну.

Между тѣмъ дробь подъ пальцами Антона Матвѣича слабѣла съ каждою секундою, и наконецъ совѣмъ смолкла. Въ то мгновеніе черешневый чубукъ, украшенный пестрымъ бисернымъ чахлономъ, покотился на полъ.... Амалія Карловна вздрогнула, какъ дремавшій котъ и со страхомъ вперила глаза въ своего собесѣдника.

Сенька бросился къ чубуку...

— Фу!... бѣдовое дѣло, какъ я задумался, сказалъ очнувшійся Антонъ Матвѣичъ, какъ бы пробуждаясь отъ тяжелаго и грустнаго сна. Лицо его, всегда веселое и доброе, — въ эту минуту было печально и грустно. Амалія Карловна, продолжалъ онъ, не замѣчая того дѣйствія, какое произвело паденіе чубука на слабонервную дѣвицу, не забудьте приказать, чтобы для нашего гостя открыли и другую комнату во флигелѣ... Онъ просилъ помѣщенія для мастерской... Пусть его тамъ работаетъ... славный онъ малый... и признаться откровенно, я полюбилъ его, какъ сына. — Антонъ Матвѣичъ тяжело вздохнулъ... Да, сказалъ онъ, обращаясь болѣе къ самому себѣ, нежели къ собесѣдницѣ... И мой Володя былъ-бы теперь такимъ-же молодцомъ... и имъ бы также любовались!... Но, не судилъ Богъ... Рано осиротѣлъ я, рано растерялъ всѣхъ близкихъ сердцу... Теперь живу и въ довольствѣ, да безъ радостей... Одинъ, какъ перстъ — одинъ, Амалія Карловна!

— И... помилуйте, Антонъ Матвѣичъ, возразила экономка; вамъ ли жаловаться на сиротство: у васъ есть дочь, сестра...

— Ни той, ни другой, Амалія Карловна!

— Какъ... а Евичка? а Василиса Петровна?

— Ни той, ни другой, настойчиво повторилъ Антонъ Матвѣичъ. Евичка мнѣ не дочь — это и взмъ, и ей извѣстно, а Василиса Петровна — если знать хотите, и сестра мнѣ, да и не сестра... Такъ-то... бѣдовое дѣло! Извольте... я вамъ повѣдаю мою исторію: она не секретъ. И Антонъ Матвѣичъ приступилъ къ разсказу въ то время, какъ Сенька и горничная оставили столовую.

Амалія Карловна, любопытная, какъ всѣ Амаліи Карловны, забывая дремоту и сонъ, съ видимымъ удовольствіемъ расположилась слушать разсказы стараго служака...

«Ровно восемнадцать лѣтъ тому назадъ, сказалъ Антонъ Матвѣичъ, какъ вотъ въ этой самой комнатѣ я обнялъ въ послѣдній разъ мою жену, разцѣловалъ малютку сына — и на другой день уже былъ въ рядахъ храбрыхъ. Мы шли подѣ турку. Тяжело раненный въ славномъ Кагульскомъ дѣлѣ, я былъ оставленъ на полѣ и показанъ въ члелѣ убитыхъ. На другой день, вмѣстѣ съ моимъ вахмистромъ, раздѣлявшимъ со мною одну участь, я кое-какъ доползъ до русскаго отряда и былъ спасенъ. Чудеса мы дѣлали, Амалія Карловна, въ эту знаменитую кампанію... по объ ней я разскажу вамъ когда нибудь при случаѣ; теперь же прямо иду къ дѣлу. За мѣсяць до заключе-

нія мира съ бусурманами, которымъ, сказать правду, приходилось жутко, то отъ богатыря Суворова, то отъ славнаго Задунайскаго... Вы знаете, Амалія Карловна, кто такой былъ Задунайскій?

— Нѣтъ, не знаю, Антонъ Матвѣичъ.

— Не знаете... гмъ.... такъ не мѣшало-бы спросить. Задунайскимъ назывался покойный графъ Румянцемъ.... а ну, слышали конечно какой онъ былъ богатырь? А? слышали, или читали?...

— Нѣтъ, Антонъ Матвѣичъ.... я про войну не читаю.... я читаю Ратклифъ....

— А.... ну ее къ чорту, возразилъ Антонъ Матвѣевичъ.... Впрочемъ, не перебивайте меня лишними распросами.

— Я васъ слушаю....

— Для того, матушка, и говорю, чтобы вы меня слушали.... Такимъ-то образомъ, за мѣсяцъ до заключенія мира, полкъ нашъ прикрывалъ транспортъ.... Тутъ изволите видѣть, были и сухари, и порохъ, и водка.... Словомъ, все необходимое.... да на грѣхъ нашъ случился и бабы....

— Ахъ.... какія страсти! И женщины были съ вами — на войнѣ?

— Это-бы еще не бѣда, Амалія Карловна, бѣда была впереди. Не успѣлъ отрядъ нашъ пройти съ мѣста и полверсты, какъ на насъ налетѣли турки....

— Ай, такой ужасъ.... турки! Бѣдныя женщины.... я думаю, ихъ всѣхъ взяли непріатели въ свои гаремы. Вѣдь, турки, Антонъ Матвѣичъ, я слышала, ужасно какъ любятъ женщинъ?...

— Кто же ихъ не любитъ, Амалія Карловна?... природа, знаете... Такъ ужъ природа устроила: это бѣдовое дѣло... Но, не въ томъ дѣло... Началась схватка и первую ея жертвою былъ мой другъ и товарищъ, нашъ полковникъ. Раненный въ грудь на вылетъ, онъ въ предсмертной судорогѣ скатился съ сѣдла на мои руки—и, умирая, могъ только прошептать: «Другъ.... тамъ въ коляскѣ.... жена, дочь.... спаси ихъ!» — Въ полчаса наши драгуны покончили все бѣдовое дѣло и прогнали враговъ. Я вспомнилъ завѣщаніе товарища и бросился къ коляскѣ. Она была прострѣлена въ трехъ мѣстахъ. Въ ней я нашелъ трупъ жены моего полковника и спящую подлѣ нея малютку.... Дѣвочка была Евгенія. Нечего таять грѣха, Амалія Карловна, отъ роду я не плакивалъ, а тутъ защемило сердце при видѣ бѣдной сиротки.... и я одурѣлъ и заплакалъ. Черезъ мѣсяцъ, въ полночь, моя походная кибитка, занесенная снѣгомъ, подкатила къ крыльцу этого дома.... Сердце стучало во мнѣ шибко, когда я переступилъ родной порогъ съ мыслію о радостной

встрѣчѣ съ женою и сыномъ, послѣ двухъ-лѣтней разлуки... Вхожу... и встрѣчаю только одного Сеньку. За нимъ сестру... «Ахъ, что это! вскричала она вмѣсто всякаго привѣтствія, — братецъ, да ты не убить развѣ?» — Какъ видишь, отвѣчалъ я, передавая маленькую Евгенію на руки Сеньки и сбрасывая съ себя шубу.

— Но, помилуй, продолжала она, — вѣдь объ этомъ было даже напечатано... у меня и газета спрятана...

— Фу! бѣдовое дѣло твоя газета! вскричалъ я... Кому-же ты больше вѣришь: мнѣ, или печатному?... Ладно, продолжалъ я, объ этомъ послѣ... Будь женою, если она спитъ, и подавай сюда моего Володю... я ему невѣсту привезъ...

— Жену? сына? повторила сестра... какъ... развѣ ты ничего не знаешь?

При этомъ, какъ будто бы раскаленная игла впиалась мнѣ въ сердце.

— Чего не знаю? Что такое? спросилъ я... И слышно было, какъ стучала грудь моя, какъ слабѣлъ языкъ мой.

— Жена твоя и сынъ — умерли, отвѣчала равнодушно сестра. Жена черезъ день послѣ твоего отъѣзда, а сынъ черезъ три... Тутъ она говорила еще что-то, но я уже безъ памяти, безъ мысли, съ помутившимся взоромъ, почти обезумѣвшій, стоялъ на мѣстѣ... Не стану рассказывать вамъ, Амалія Карловна, какъ и съ какимъ усиленіемъ надъ собою, съ разбитымъ, изможденнымъ сердцемъ, я привыкъ мало-по-малу къ тяжелой мысли о моемъ сиротствѣ. Казалось, судьба, отнимая у меня жену и сына, въ замѣнъ ихъ, для услажденія горя, дала мнѣ бѣдную Евгенію и всю свою пѣжвость, всю любовь и отцовскія попеченія и подарилъ тогда моей малюткѣ, которой несчастія были такъ сходны съ моимъ горемъ. Между тѣмъ, сестра, или лучше сказать не сестра, а дальняя родственница, въ боковой линіи, единственная изъ моихъ родныхъ, оставшихся въ живыхъ, и которую я потому называлъ *сестрою*, видимо была недовольна и мною, и газетою, которая ввела ее въ заблужденіе и во владеніе имѣніемъ — только на два года, польстивъ мыслию, что она полная хозяйка небольшой моей усадьбы. Я понималъ досаду сестры... и не могъ простить ей ея бездушныхъ чувствъ. Скоро мы, не то, чтобы поссорились, но очевидно недовольные другъ другомъ, разстались. Сестра уѣхала въ свое маленькое имѣніе, которое отсюда верстъ пять не болѣе, и заперлась тамъ, разставшись со мною и со свѣтомъ... А я... вотъ какъ видите»....

Антонъ Матвѣичъ кончилъ рассказъ и взволнованный тяже-

лыми воспоминаніями, грустно опустилъ на грудь голову, уставивъ печальный и вопросительный взглядъ на собесѣдницу.

— Вотъ вамъ и исторія, Амалія Карловна, сказалъ онъ, помолчавъ съ минуту, вотъ вамъ и сестра... правда — хоть она мнѣ и троюродная.... да все таки грѣхъ великъ.... А впрочемъ, я ей все простилъ.... Божья воля! Что было, того не передѣлаешь, чему быть — отъ того не отдѣлаешься.... Такъ-ли я говорю?

— Справедливо, Антонъ Матвѣичъ.... очень и очень резонабельно....

— Однако, до завтра, Амалія Карловна.... время и спать; вонъ ужъ вторые пѣтухи поютъ, продолжалъ Антонъ Матвѣичъ. Эге! это что? добавилъ онъ, глядя въ окно.... Смотрите - ка, гость - то нашъ тоже не спитъ.... у него еще свѣтъ. Кстати о немъ.... Вы, сдѣлайте одолженіе.... этакъ.... Амалія Карловна, присматривайте за молодцомъ - то, а то, знаете — бѣдовое дѣло можетъ выйти. Мы вѣдь съ вами тоже когда-то были молоды....

Амалія Карловна сдѣлала гримасу, Антонъ Матвѣичъ продолжалъ: Смотрите, говорю, чтобы этотъ питерскій хватъ, кромѣ живописи, Енички ни о чемъ ни слова.... понимаете.... люди молодые.... стоитъ только переглянуться попристальнѣе.... Намъ не спросить: полюбить другъ друга и дѣло выйдетъ дрянью.... Бѣдовое выйдетъ дѣло.... Мужемъ онъ ей не можетъ быть....

— Охъ.... какъ можно!

— Разумѣется, нельзя!... онъ что? художникъ.... да не въ томъ дѣло.... Ну, просто, художникъ.... вѣдь не капитанъ-же, не майоръ, а она дочь заслуженнаго полковника.... порядка-то тутъ и пѣтъ,—понимаете?

— Очень понимаю, Антонъ Матвѣичъ....

— И говорить — нечего. Разумѣется, я надѣюсь, что у насъ ничего подобнаго не случится, а говорю только такъ, кетатъ—ради порядка, было-бы сказано.... А то ужъ, извините.... у меня бѣда!... Прощайте, Амалія Карловна.

Антонъ Матвѣичъ взялъ съ окна свой пестрый платокъ, встряхнулъ его, и шаркая туфлями, отправился въ свою спальню.

— Прекрасный человекъ, думала Амалія Карловна, глядя вслѣдъ за удалявшимся помѣщикомъ.... только въ немъ есть одинъ самый дурной и непростительный недостатокъ: прикидываться старикомъ и, главное, въ каждой головѣ видѣть сѣдну.... Онъ даже готовъ увѣрять, что и я не въ первой порѣ.... Чудакъ! большой чудакъ.... Пришло-же ему въ голову, что этотъ милый человекъ, этотъ Аполлонъ Бельведерскій, можетъ влюбиться въ его Еничку.... О, пѣтъ, Антонъ Матвѣичъ, вы жестоко обманулись.... сердце

этого красавца уже завоевано.... Какой дивный романъ! Три мѣсяца бѣдный страдалецъ преслѣдовалъ меня въ моихъ прогулкахъ съ Евгенією. Его пылкіе взгляды, его несмѣлые поклоны, его рѣчь.... все высказали мнѣ.... И наконецъ, онъ тайно, подъ видомъ учителя, является въ домъ нашъ.... О, любовь, какъ ты изобрѣтательна! Завтра, я воображаю, какъ онъ кипится передо мною на колѣна, какъ выскажетъ тайну своего сердца.... будетъ молить не отвергать его любви, его страсти.... Но, я.... Пойду мечтать! И Амалія Карловна съ легкостью шестнадцатилѣтней институтки, напѣвая даже какой-то курляндскій романсъ, запрыгала по столовой.

III.

Исторія любви и обыкновенная исторія.

Все спало въ домѣ Антона Матвѣича, даже и Амалія Карловна, убаюканная своими мечтами, даже и Евгенія, которая, по замѣчаніямъ Акинѣи, въ этотъ вечеръ нѣсколько разъ подходила къ окну полюбоваться луною. А сказать между нами, луна тогда и недумала заглянуть въ усадьбу Антона Матвѣича. Не спалъ только одинъ гость. Полураздѣтый, грустный и задумчивый, онъ уже болѣе трехъ часовъ оставался въ креслахъ. И, въ самомъ дѣлѣ, было надъ чѣмъ призадуматься Рѣзцову. Не смотря на то, что онъ рѣшилъ сразу все дѣло, какъ рѣшалъ все вообще, для молодого человѣка оно еще не было рѣшено.... И завтра, — только завтра онъ ждалъ своего приговора. Расскажемъ его небольшую исторію.

Вначалѣ весны, съ первыми грибами и курчьею слѣпотою въ окрестностяхъ усадьбы Антона Матвѣича, показался молодой и красивый художникъ. Каждое утро, съ карандашемъ и папкою въ рукахъ, онъ являлся здѣсь.... выбиралъ себѣ удобное мѣсто и, увлекаясь прекрасною природою Украйны, набрасывалъ на бумагу ея очаровательные виды. Первая объ этой новости узнала Амалія Карловна. Любя природу вообще, молодыхъ художниковъ и искусство въ особенности, она не могла устоять противъ искушенія, не могла не позволить себѣ взглянуть, хотя однимъ глазомъ, на пришлеца, и повѣрить на самомъ дѣлѣ, точно-ли онъ такъ хорошъ, какъ описала его Акинѣя.... И вотъ, въ одинъ прекрасный день, перемѣнивъ до шести причесокъ, Амалія Карловна остановилась на седьмой, которая болѣе и выгоднѣе шла къ ея лицу, потомъ при помощи какихъ-то безгрѣшныхъ средствъ, уничтожила предательскія морщинки, и предложила Евгенію прогул-

ку до живописныхъ овраговъ, раскинутыхъ позади полей ихъ усадьбы. Амалія Карловна достигла своей цѣли и познакомилась съ красивымъ художникомъ. Въ свою очередь, художникъ познакомился съ ея неизмѣнною спутницею, Евгенією, — и молодые люди, по непрѣмѣннымъ законамъ всѣхъ поэтическихъ встрѣчъ, черезъ пять или шесть свиданій, полюбили другъ друга. Но полюбили такъ скромно, такъ умно, такъ тайно, что только каждый изъ нихъ могъ догадываться о взаимности и Амалія Карловна, при всей своей опытности, оставалась въ пріятномъ заблужденіи — рано или поздно, но видѣть у ногъ своихъ милого Аполлона, какъ называла она Рѣзцова.

Евгенія съ каждымъ новымъ днемъ становилась задумчивѣе. Сердце ея начинало болѣть тою тоскою влюбленныхъ, которая проситъ слезъ, или ласкъ и взаимности. Она разгадала болѣзнь своей души, — но уже было поздно.... проплакать цѣлый день, и проплакать такъ, чтобы ни одна слеза не канула на батистъ, при ея соперницѣ, было ея удѣломъ въ тѣ дни, когда погода или обстоятельства не позволяли воспользоваться обычною прогулкою.

Въ свою очередь, Рѣзцовъ, какъ художникъ, оцѣнивая правильныя черты лица Евгеніи, ея русый локонъ, острый, правильный носикъ, томные мечтательные глаза, какъ челоуѣкъ, не могъ запретить своему слабому сердцу полюбить то, что такъ понравилось его артистическому вкусу и наблюдательности. А между тѣмъ, не имѣя возможности высказать Евгеніи своей пламенной любви, онъ не могъ передать ее ни взглядомъ, ни словомъ.... Амалія Карловна вѣчно была на стражѣ.

Препятствія разжигаютъ любовь.... Эта старая истина повторилась и надъ Рѣзцовымъ. Быть или не быть? подумалъ онъ на второй мѣсяцъ своей любви, а объясниться надо.... И съ этою мыслию молодой художникъ отправился въ городъ, купилъ пестрый шейный платокъ, бронзовыя серги съ какими-то замысловатыми камнями, цвѣта не совѣтъ безпорочнаго портвейна, и вручилъ ихъ, при маленькой раздушеной запискѣ, Анисѣ, предложивъ ей право распоряжаться первыми, а приложение передать барышнѣ....

Письмо было написано такъ пламенно, такъ краснорѣчиво, такъ страстно.... въ немъ говорилось о мукахъ Тантала, о блаженствѣ Эльфовъ, о какихъ-то семи тысячахъ смертей и трехъ милліонахъ жизней.... ну, словомъ, такъ, что Евгенія забыла даже побранить Анисью за дерзость. Она прочла письмо разъ — и заплакала, прочла другой-и поцѣловала посланіе, прочла десятый и поцѣловала его сто разъ.... Но отвѣчать не рѣшилась, хотя въ пер-

вую мивуту и отправилась было въ конторку своего папаша за листомъ бумаги. А такъ-какъ Антонъ Матвѣичъ не терпѣлъ запаху чернилъ и гналъ все бумажное, побросавъ за окно даже всё свои бумажные табакерки, то слѣдовательно, вождеденнаго листа въ конторкѣ не оказалось, а между тѣмъ дѣвушка, отыскивая его, успѣла одуматься и, руководимая вѣрнымъ инстинктомъ женщины, рѣшила, что ей писать къ мужичкѣ неприлично. Мало того, испуганная бѣшеною страстію, какою выказывалась въ письмѣ любовь художника, Евгенія, хотя въ страшной борьбѣ съ своими чувствами, рѣшилась даже — отказаться отъ счастливыхъ и упоительныхъ встрѣчъ у овраговъ.

Прошла недѣля, другая, наконецъ и третья.... Евгенія была вѣрна своему слову. Рѣзцовъ терзался. И вдругъ ему предлагаютъ быть учителемъ той, которая составляла все счастье его думъ, его мечты и жизни. Какъ не согласиться? думалъ онъ.... быть можетъ, это даже ея желаніе, и Рѣзцовъ, какъ безумный, полный надеждъ, въ проливной дождь, темною ночью, скачетъ тридцать верстъ, на призывъ своего счастья. Но когда миновалась первая встрѣча, когда въ глазахъ Евгенія онъ не подглядѣлъ ни одного привѣта, ни одной ласки, сердце его сжалось и заболѣло такъ страшно, такъ мучительно, что онъ готовъ былъ тутъ же расплакаться.... Теперь, онъ боялся упрека, теперь вмѣсто словъ любви, онъ ждалъ справедливаго и заслуженнаго негодованія, за то, что разъ отвергнутый, онъ дерзнулъ на новую, но уже болѣе смѣлую попытку.... Вотъ надъ чѣмъ такъ глубоко задумался нашъ гость.

Часы летѣли. Разсвѣтъ былъ близокъ. Уже дворъ Антона Матвѣича наполнился насѣдками, циплятами и селезнями, между которыми лохматый Сенька, очищая свою голову отъ неприличнаго пуху, судилъ о томъ, что Полкана надо-бы зрапникомъ, дабы онъ бросилъ дурную повадку высасывать куриныя и утиныя яйца. Уже и прикащикъ почтительно раскланывался съ много уважаемымъ Семейомъ, являсь для обычнаго утренняго свиданія съ паномъ.... А Рѣзцовъ еще, какъ очарованный, не могъ оторваться отъ своей грустной думы.... Наконецъ и позднее утро заглянуло къ нему въ окно, а съ нимъ вмѣстѣ на порогъ комнаты явилась и Амалія Карловна. Голова ея была на этотъ разъ украшена тремя великолѣпными шиньонами, а лицо, испещренное сотнею мушекъ, величиною съ пятачекъ, покрывалось толстымъ слоемъ румянъ и бѣлилъ....

Какъ ни было грустно на сердцѣ художника, но при взглядѣ на свою вежданную и расписанную посѣтительницу, онъ едва не разразился громкимъ смѣхомъ.... и только мысль, что Ама-

лія Карловна пашла его безъ сюртука, заставила Рѣзцова измѣнить первому ощущенію и позаботиться о приведеніи своего туалета въ надлежащій порядокъ.

— Ахъ!... извините... прошентала Амалия Карловна, стыдливо потупляя глаза и останавливаясь въ растворенныхъ дверяхъ.... Я, право, не полагаю.... извините, продолжала она, не дѣлая впрочемъ обратнаго движенія.

Молодой человѣкъ краснѣлъ и кланялся, обрывая въ тороняхъ пуговики своего сюртука.

— Виноватъ, извините.... говорилъ онъ. Я не зналъ, Амалия Карловна.... Не ждалъ васъ.

— Лжетъ, думала Амалия Карловна... Всю ночь мечталъ обо мнѣ.... Успокойтесь, Владиміръ Андреечъ, сказала она.... случай виноватъ, а не я и не вы.... Я къ вамъ по просьбѣ Автона Матвѣича.... Онъ уже болѣе часу ждетъ васъ за самоваромъ.... посылалъ раза четыре за вами Сеньку, но этотъ неотесъ, какъ только выйдетъ за двери, встрѣтится съ Аксиньею.... и пошли у нихъ разные тары-бары.... встрѣтится съ нею, говорю я, и позабудетъ за чѣмъ пошелъ.... Пожалуйте кушать чай.

— Благодарю васъ.... сію минуту. Вотъ только отыщу мою шляпу.

— Милашка, думала Амалия Карловна, какъ онъ робѣетъ въ моемъ присутствіи.... весь растерялся, даже шляпы пайти не можетъ.... Надо его ободрить.... Не правда-ли, Владиміръ Андреечъ, продолжала Амалия Карловна, какой странный случай.... вы.... неожиданно въ нашемъ домѣ, подъ одною съ нами кровлею....

— Да-съ.... случай.... очень.... чрезвычайно странный. Вотъ навязалась, думалъ Рѣзцовъ — она кажется все знаетъ, иначе зачѣмъ-бы ей прищуривать свой маленькій глазъ, коричневый, какъ желудь?...

— Впрочемъ, сказать вамъ правду, продолжала, кокетничая, старая дѣва, когда Антонъ Матвѣичъ задумалъ искать учителя рисованія, то мнѣ какое-то предчувствіе шепнуло, что учителемъ будетъ непременно вы.... право! И какъ мы съ Еничкой радовались этой мысли....

— Радовались! вскричалъ художникъ.... Амалия Карловна... возможно-ли?!

— Ахъ, какъ онъ меня любитъ.... онъ даже не можетъ владѣть собою, онъ сейчасъ упадетъ на колѣна, думала Амалия Карловна, ободряя его. Да, скажу вамъ, что я это предвидѣла. И сорока-лѣтняя красавица сдѣлала пресмѣшную гримасу, которая у ней замѣняла наивную улыбку....

— Ну... тутъ печего болѣе скрыватья, прошенталъ молодой человекъ.... Такъ вы стало быть все знаете? сказалъ онъ.

Амалия Карловна молчала, стараясь казаться взволнованною. Она съ подѣльнымъ замѣшательствомъ, ощупывала конецъ широкой ярко-розовой ленты, стягивавшей ея довольно массивную талию.

— О, такъ пощадите меня.... хоть изъ состраданія! продолжалъ Рѣзцовъ.... Если я виноватъ, если дорзоеть моя велика и неппростительна, скажите мнѣ.... и я уйду, убѣгу отсюда!

— Ахъ!... зачѣмъ, зачѣмъ! вскричала въ испугъ Амалия Карловна, измѣняя самой себѣ.... Нѣтъ! Что вы? Этого никто не желаетъ....

— Никто?... Вы говорите: никто? О, повторите ваши слова, пролейте въ эту бѣдную, изнывшую грудь хоть одну каплю отрады и утѣшенія!

— Бѣдненькій, сколько въ немъ чувства!... подумала Амалия Карловна — я для него готова даже забыть моего Югансона, который ждетъ меня въ Митавѣ.... Да, повторю вамъ, что этого никто не желаетъ, добавила она.

— Нѣтъ словъ, нѣтъ выраженій, которыми-бы я могъ высказать вамъ, добрѣйшая Амалия Карловна, мою благодарность.... Вы, продолжалъ Рѣзцовъ, возвратили мнѣ прекрасный міръ надеждъ и счастья.... и я... я готовъ....

— Сейчасъ.... сейчасъ упадетъ на колѣна!... шептала Амалия Карловна съ тайнымъ восторгомъ.

Но въ эту патетическую минуту дверь скрипнула и сильный голосъ Сеньки прервалъ кипучій монологъ художника, разбивъ въ тоже время мечты старой дѣвы.

— Амалия Карловна, сказалъ онъ, остановивъя на порогѣ и ковыряя пальцемъ косякъ дверей.... Что-жъ вы пошли, да и запропастились....

— Ну... а тебѣ что, болванъ?

— Какъ что?.. Нѣшто я самъ по себѣ пришелъ.... Баринъ-то, почитай, ужъ съ полчаса спрашиваетъ.... Что она, говоритъ, тамъ балясы точить.... Экая, говоритъ, волюшка чухонская, цѣлый-бы день гудѣла только.... Право-съ, вотъ такъ и говорить.... Идите-ка-съ. А.... вы, сударь, пожалуйста чай кушать, покорнѣйше просить.

Сказавъ это, Сенька, запустивъ руку въ вихоръ свой, вытащилъ оттуда два стриженныхъ пера и, едунувъ ихъ съ ладоши, вышелъ... За нимъ улыбающійся Рѣзцовъ, а за Рѣзцовымъ уничтоженная Амалия Карловна.

IV.

Первый урокъ и бѣдовое дѣло.

Рѣзцовъ не засталъ Евгениі въ столовой, а потому отрадная надежда, пробужденная въ немъ словами Амалиі Карловны лопнула, какъ мыльный пузырь. Понятно, что она избѣгаетъ встрѣчи со мною, думалъ молодой человѣкъ и, едва скрывая свою тоску, онъ съ притворною улыбкою пожалъ протянутую къ нему руку Антона Матвѣича.

Прямой и откровенный Антонъ Матвѣичъ, мало знакомый съ тонкостями этикета и свѣтскихъ церемоній, въ первую минуту встрѣчи почти разбилъ гостя за медленность и неаккуратность, добавивъ, что ему старыку не приходится сто разъ кличь кликать, да по цѣлымъ днямъ дожидаться всякаго. Но, какъ человѣкъ доброй души и вообще не ворчунъ, онъ тотчасъ-же обладалъ сконфуженнаго Рѣзцова, придвинулъ къ нему стаканъ съ чаемъ, предложилъ трубку, а съ нею вмѣстѣ и рассказъ о взятіи Очакова.

То и другое было принято съ удовольствіемъ и Антонъ Матвѣичъ заключилъ, что Рѣзцовъ юноша съ рѣдкими достоинствами, подающій большія надежды.

Художникъ, желая угодить взыскательному разскащику, слушалъ съ большимъ вниманіемъ повѣствованіе, которое кончилось только за завтракомъ.

— Такъ-то, дорогой мой, заключилъ Антонъ Матвѣичъ рассказъ свой, вездѣ побывали мы — бѣдовое дѣло.... всего понаглядѣлись.... Ну-съ, теперь идите съ Богомъ.... Я думаю, вѣдь у васъ и работа какая нибудь есть?

— Какъ-же, отвѣчалъ Рѣзцовъ, въ настоящее время я копирую съ медальона портретъ моей покойной матушки....

— А.... вотъ что.... Ну, доброе дѣло. Чай, красавица была ваша родительница, если только вы похожи на нее?..

— Даже очень....

— Такъ.... такъ. Должно быть, славная была женщина.... Молодецъ, должно быть, была женщина.... Ну, до свиданія.... Ахъ, да! вотъ было и забылъ. Вы, ужъ мой другъ, не трудитесь приходите къ Евгениі на урокъ.... Она сама будетъ являться въ вашу мастерскую.... Я ей объ этомъ сказалъ. У васъ, я думаю, тамъ все приспособлено, а то куда-же вамъ таскать сюда свои

тамъ разные препараты. Вотъ, хоть бы эту рагульку, какъ бишь она называется?... Ну, на что вы картины-то ставите!

— Мальбретъ....

— Да.... мальбретъ.... что ли, не по нашей части такіе штуки, такъ и названіе-то ихъ какъ то въ головѣ не держится. Такъ до свиданія, а я пока, до обѣда, объѣзжу поля.

Рѣзцовъ поклонился и вышелъ. Дрожь пробѣжала по жиламъ его при одной мысли о встрѣчѣ съ Евгеніею. То онъ горѣлъ на медленномъ огнѣ ожиданія, считая каждую минуту вѣкомъ и прислушиваясь къ малѣйшему шелесту за дверью; то дрожалъ отъ волненія, боясь минуты рѣшительной встрѣчи и готовый отдалить ее на долго.

Неконченная копія съ медальона давно уже была поставлена на мальбретъ, на которомъ качался миниатюрный грудной медальонъ съ портретомъ прекрасной женщины, а кисть художника еще не касалась палитры и полотна и мысли его далеко были отъ работы.

Такъ прошелъ часъ, а за нимъ и другой... Влюбленное сердце юноши заняло нестерпимую болью. Теперь онъ готовъ былъ самъ идти къ Евгеніи, готовъ былъ выслушать мильонъ самыхъ страшныхъ и отравленныхъ упрековъ, лишь-бы только вырвать у счастья хоть одинъ мигъ свиданія съ нею, быть можетъ, послѣдняго.

— Счастье мое потеряно, думалъ Рѣзцовъ.... Для меня все кончено!... Я долженъ бѣжать отсюда, не то еще день и кто знаетъ, куда приведетъ меня моя несчастная любовь? Грустно, тяжело стало Рѣзцову за свои несбывшіяся мечты, за свои обманутыя надежды и за тѣ горькіе, безотрадныя дни въ будущемъ, за которыми неразлучно слѣдовали тоска и мука отвергнутой страсти. Онъ сознавалъ, что любовь его, которая началась почти шуткой, такъ сказать, маленькимъ невиннымъ волокитствомъ, превратилась теперь въ страсть и болѣзнь сердца, едва-ли излечимыя. Онъ сознавалъ и трепеталъ за свое будущее.

Опустивъ пылающую голову на руки, съ глазами полными слезъ, Рѣзцовъ утонулъ въ тяжелой и безотрадной думѣ.

Но вотъ зашестели чьи-то шаги.... Онъ поднялъ голову и задрожалъ отъ восторга. Передъ нимъ стояла она.... Она, полная всей роскоши, красоты и дѣвственной стыдливости, которой не могла-бы нарисовать не только кисть, но даже и мечта художника.

Лицо ея было блѣдно, губы дрожали, глаза, эти предатели ду-

ши, казалось, боялись высказать свою тайну, избѣгая встрѣчи съ глазами Рѣзцова.

Молча, съ замирающимъ сердцемъ, сильное бѣненіе котораго высказывали колыханіе легкой, газовой косыночки на груди дѣвушки, и тяжелое дыханіе юноши, влюбленные, безъ движенія, безъ взгляда и слова, нѣсколько мгновеній оставались на мѣстѣ.

— Ахъ, какъ она прекрасна! думалъ Рѣзцовъ.

— Ахъ, какъ онъ жжетъ меня своими взглядами, я, кажется, расплачусь, какъ ребенокъ, думала Евгенія....

— Евгенія Антоновна, рѣшился наконецъ прошептать Рѣзцовъ.... я.... оскорбилъ васъ?

— Вы? и Евгенія въ первый разъ остановила на художникѣ свой пылающій взоръ.

— Да, я полюбилъ васъ... я рѣшился сказать вамъ это....

Дѣвушка, дрожа отъ волненія, снова опустила свои длинные, каштановыя рѣвницы.

— Простите меня, продолжалъ Рѣзцовъ.... голосъ его дрожалъ, грудь слабѣла, сдавленная сильнымъ и прерывистымъ дыханіемъ.... Простите меня, продолжалъ онъ; но если сердце ваше поняло и разгадало мое страданіе, если вы.... Евгенія! счастье моей жизни только съ вами! Я не хочу, не могу и не смѣю высказать вамъ всѣхъ мукъ, всѣхъ пытокъ моей страсти.... Но.... прошу у васъ только одного слова.... оно такъ коротко, оно почти слито въ одинъ звукъ, который произнести вамъ не трудно.... скажите, скажите его, и я брошусь къ ногамъ вашего отца. Я вымолю у него прощеніе моей дерзости.... Я оболью слезами ноги его и выпрошу его благословеніе.

Дѣвушка молчала. Но ея трепеть, ея движенія, ея то быстрый, то медленный взглядъ — все говорило, что она готова сказать.... люблю.

— Евгенія, повторилъ Рѣзцовъ; клянусь вамъ, наконецъ, что я съ твердостью вынесу вашъ упрекъ, или отказъ, но только скажите мнѣ его.

Дѣвушка подняла свои прекрасные глаза на художника. Губы ея дрожали, лицо было блѣдно. Казалось, слово, готовое вылетѣть изъ устъ ея — замирало на языкѣ.

— Я.... люблю васъ!... наконецъ прошептала она и лицо ея вспыхнуло огнемъ румянца, а глаза, полные слезъ, съ какимъ то выраженіемъ мольбы устремились на художника, какъ бы спрашивая: ты не употребишь во зло моей откровенности?

Рѣзцовъ почти не ожидалъ признація Евгенія и потому онъ,

накъ безумный, съ крикомъ радости схватилъ ея руку и впился въ нее пылающими губами.

А между тѣмъ Антонъ Матвѣичъ, возвратясь изъ своего дневнаго объѣзда — стоялъ у окна, которое было обращено къ флигелю и протиралъ пестрымъ платкомъ запотѣвшее стекло.

Подлѣ него на стулѣ помѣщалась Амалія Карловна.

— Эхъ, бѣдовое дѣло, говорилъ Антонъ Матвѣичъ, да куда вы это сѣшите, матушка?

— Посмотрѣть надо, Антонъ Матвѣичъ, чѣмъ то тамъ занимается художникъ съ Евичкою.

— Чѣмъ?... Разумѣется чѣмъ.... Не чулки-же вязать ее учить! Мальшій онъ, я вамъ скажу — не какойнибудь бѣдовый.... ужъ вотъ я въ человѣкѣ никогда не ошибусь.... Онъ, я вамъ скажу, даже, кромѣ живописи, можетъ и всякимъ наукамъ обучить Евичку.

И вдругъ лицо Антона Матвѣича искривилось, какъ-бы подернутое внезапною судорогою.

— Что!... Что такое! вскричалъ онъ, дѣлая необыкновенное удареніе на каждомъ слогѣ.... Ахъ, ты бѣдовое дѣло.... А!

— Что такое случилось, Антонъ Матвѣичъ?

— Что случилось? Еще ты смѣешь спрашивать, старая вѣдьма!... Поди-ка, поди сюда.... я тебѣ покажу, что случилось. И Антонъ Матвѣичъ, схвативъ за руку вѣмку, силою притянулъ ее къ окну.... Гляди! вскричалъ онъ.... Гляди, бѣдовое твое дѣло!... Видишь-ли?...

— Ахъ.... цѣлуются!...

— Разбойники.... цѣлуются.... Ужъ и цѣлуются!... Да какъ-же это такъ скоро?... Какъ? я тебя спрашиваю, курляндская старость?

— Ахъ.... цѣлуются!... Ахъ.... дурно!... стонала Амалія Карловна, не обращая вниманія на разгоряченнаго Антона Матвѣича.... Ахъ, дурно!... Стулъ мнѣ.... стулъ!

— Вотъ я тебѣ дамъ стулъ, старая.... смотри, пожалуй.... она еще тутъ въ обмороки ударилась.... Ахъ, злодѣи вы бѣдовыя.... ужъ и цѣлуются!...

— Я побѣгу.... Я побѣгу туда, вскричала Амалія Карловна.... Я ей.... глаза.... Я ему....!

— Не горячись, матушка, перебилъ Антонъ Матвѣичъ.... Ужъ проглядѣла, такъ теперь предоставь мнѣ распорядиться самому.... Я разомъ все дѣло покончу.... Ей, Сенька!

Сенька явился.

Садись на коня и живо ступай къ Василисѣ Андрѣвнѣ.... Чтобы

она здѣсь была черезъ часть.... Скажи: очень то-есть по важнѣйшему дѣлу нужно.... Слышишь? сказалъ Антонъ Матвѣичъ, обращаясь къ слугѣ.

— Слышу....

— Ну.... пошелъ.

Сенька бросился опромѣтью изъ залы.

Взволнованный Антонъ Матвѣичъ рвалъ и мялъ свой пестрый платокъ, бѣгая по комнатѣ.

— Я имъ докажу дружбу.... я имъ! говорилъ онъ.... Ее... Куда-бы ее?... Да! къ теткѣ запру въ деревню.... въ курятникъ!... Отучится у меня тамъ отъ амуровъ, а его.... я его, молодца. Уфъ! Амаля Карловна... скорымъ шагомъ маршъ — за ними.... волокомъ тащите ихъ ко мнѣ.... Я съ ними.... Я ихъ!

Амаля Карловна, озлобленная, какъ тигрица, бросилась вонъ изъ комнаты по приказанію Антона Матвѣича за Рѣзцовымъ и Евгенією.

— Ахъ, они разбойники, говорилъ Антонъ Матвѣичъ, пожимая плечами.... И какъ скоро, какъ вѣдь скоро!... Ума не приложу.... Не успѣли сказать другъ другу, здравствуй.... и на вотъ!.. Вотъ бѣдовое-то дѣло настряпало. А еще мы, старые дурни, въ четыре глаза смотрѣли.... Ну, ужъ пусть-бы та курляндская дудка.... Просто съ ума схожу.... Чего-же больше: самъ себя сейчасъ, кажется, въ глаза дуракомъ назвалъ.... И она, диво-бы, не знала, что дочь заслуженнаго полковника повисла на шеѣ у.... Тфу! Да ужъ я же ихъ распатрою сердечныхъ!... Вотъ бѣда моя, продолжалъ Антонъ Матвѣичъ, стукнувъ себя по лбу, сердиться не умѣю.... вспылить и шею намылить не могу.... Да ужъ какъ-нибудь тамъ.... А! идутъ....

Антонъ Матвѣичъ остановился посреди комнаты, закинулъ за спину руки, пристукнулъ каблуками и грозно нахмурилъ брови.

Виповные, предчувствуя бѣду свою, робко вошли въ залу.

— Вы насъ звали, папаша? спросила Евгенія.

— Звалъ, сударыня.... Гм! Звалъ! Антонъ Матвѣичъ покрутилъ съдой усъ, нахмурившись еще грознѣе и подошелъ къ Рѣзцову....

— Вы.... это что, сударь ты мой? сказалъ онъ, запуская палецъ за петлю сюртука художника.... Ась? Васъ спрашиваю....

— Я, Андрей Матвѣичъ.... не понимаю вашего вопроса?... отвѣчалъ, запинаясь Рѣзцовъ.

— Не понимаете.... Гм!... Чѣмъ вы изволили сегодня заниматься, смѣю васъ спросить?...

— Рисовали ... линіи, головки, уши и носики....

— Гм!... стало-быть отъ носу и до губъ не далеко.... А!

Рѣзцовъ отступилъ на шагъ. Евгенія повторила тоже самое, а между-тѣмъ Амалія Карловна не переставала шептать: извергъ, пзмѣнивикъ, обманщикъ безсовѣстный.

— Куда, братъ пятишься, какъ ракъ, продолжалъ Антонъ Матвѣичъ.... Вотъ вы питерская молодежь.... Нашалить ваше бѣдовое дѣло, а какъ до разчету, на попятный.... Что моргаешь! А ты, срамница.... Вонъ, съ глазъ моихъ! Приготовься.... сейчасъ прїдетъ за тобою тетка и увезетъ въ свою деревню.... Не хочу называться отцемъ твоимъ.... Не люблю тебя.... не хочу видѣть!

— Батюшка! вскричала, зарыдавъ Евгенія, простите насъ!

— Васъ? Что это значитъ?... Не думаешь-ли ты, что я позволю себѣ приласкать этого негодая.... этого безсовѣтнаго мальчишку, который запятналъ честь мою... Этого дерзкаго мазику, который позволилъ себѣ.... чортъ знаетъ, что позволилъ.... Вонъ!! Хорошо еще, что я успѣлъ предупредить зло въ его зародышѣ.... Вонъ съ глазъ моихъ!

Евгенія знала характеръ Антона Мятвѣича, у котораго покорностію можно было все выиграть, даже и прощеніе, а потому она тотчасъ-же повиновалась его волѣ, и, рыдая, вышла изъ залы.

— Ну, а ты чего стоишь? продолжалъ Антонъ Матвѣичъ, обращаясь къ Рѣзцову. Забирай свою дрянъ, да и провались съ нею.... Ужъ поблагодарить твоего отца и Груздева будетъ мое дѣло.

— Антонъ Матвѣичъ, позвольте одно только слово, перебилъ уничтоженный художникъ.

— Ни одного звука, дружище. Маршъ! Антонъ Матвѣичъ щелкнулъ по табакеркѣ, примолвивъ: такъ-то, любезный, бѣдовое дѣло, и медленно вышелъ изъ залы.

— Злодѣй! вампиръ! Что ты со мною сдѣлалъ? вскричала тогда Амалія Карловна, подбѣжавъ къ Рѣзцову.

— Что вы, Амалія Карловна.... Что-же вамъ-то я могъ сдѣлать?

— Злодѣй.... ты похитилъ мое счастіе, разбилъ мое дѣвическое сердце!..

— Часъ-отъ-часу не легче.... У того честь, у этой сердце.... Да они, кажется, всѣ здѣсь помѣшаны на чемъ-то? сказалъ съ грустною улыбкою Рѣзцовъ, уходя въ свою мастерскую и бросивъ печальный взглядъ на дверь, за которую скрылась Евгенія.

V.

Копія съ медальона.

Смеркалось. Антонъ Матвѣичъ курилъ табакъ и дремалъ въ креслахъ. Грустно было на сердцѣ старика въ эту минуту.... Теперь онъ оставался совершенно одинокимъ. Мысль, что уже не будетъ онъ коротать длинные вечера въ рассказахъ своей семьѣ о богатырскихъ подвигахъ своихъ сослуживцевъ — сосала грудь и сердце Антона Матвѣича. Амалія Карловна объявила, что, не желая быть свидѣтельницею подобныхъ нескромностей и соблазновъ, — она завтра-же ѣдетъ въ Митаву къ ожидающему ее уже двѣнадцатый годъ Югансону.... Еничку увезетъ сестра.... Рѣзцовъ обреченъ на изгнаніе.... Всѣ разойдутся, думалъ добрый старикъ, и опять я одинъ.... Гадко!... Скучно... а поправить горя нельзя, дѣло случилось бѣдовое....

Но вотъ пріѣхала и Василиса Андрѣвна. Сгорбленная, худая и желтая старушка, лицо которой было измождено, казалось, не лѣтами, но скорбію и страданіями.

— Здравствуй, Василиса Андрѣвна, сказалъ Антонъ Матвѣичъ, медленно оставляя кресла.... Давно не видались....

— Да, отвѣчала съ тяжелымъ вздохомъ Василиса Андрѣвна, лѣтъ будетъ около пятнадцати, если не больше....

— Пожалуй и больше.... И привелъ-же Богъ свидѣться для бѣдоваго дѣла....

— Что у васъ случилось, братецъ?

— Нѣтъ, брата восторону — это старое.... а случилось такое зло, такой криминалъ, что даже мнѣ старику плакать хочется съ досады.... Ненаглядная-то моя изволила полюбить какого то художника.... Живописца, видишь-ли ты.... Возьми ее отъ меня, сдѣлай милость, возьми и прошколь.

Въ эту минуту въ комнату вошла Амалія Карловна.... Кстати, продолжалъ Антонъ Матвѣичъ, позавите-ка сюда, Амалія Карловна, Евгению.

— Ее нѣтъ въ комнатѣ....

— Какъ, нѣтъ?... Гдѣ-же она?...

— Она прощается со своимъ ненагляднымъ, отвѣчала съ язвительнымъ смѣхомъ старая нѣмка.

— Что вы.... бѣдовое дѣло.... возможно-ли?....

— Не вѣрите, такъ потрудитесь заглянуть въ мастерскую гостя.

— Да, что же это, шутятъ они со мною, что-ли — въ самомъ дѣлѣ!... вскричалъ Антонъ Матвѣичъ. Пойдемъ, Василиса Андрѣвна, продолжалъ онъ.... Вотъ каковы нынче дѣвченки.... Пойдемъ....

Анто́въ Матвѣичъ, сопровождаемый своею родственницею и Амалією Карловною, отправился въ мастерскую Рѣзцова.

Дѣвушка въ самомъ дѣлѣ была тамъ. Дѣйствуя безсознательно, въ минуту своего конечнаго несчастья, она не хотѣла понять того, что рѣшаясь на послѣднее, быть можетъ, вѣчное прощанье съ Рѣзцовымъ, — она дѣлала новый и безумный проступокъ, никакъ не извинительный въ глазахъ людей, для которыхъ ея молодое горе и терзанія были давно уже не понятны.

Въ ту минуту, какъ Анто́въ Матвѣичъ, со свитою, переступилъ порогъ мастерской, Евгенія рѣзала свой золотистый локо́нь на память милому....

При появленіи неожиданныхъ посѣтителей рука ея задрожала и ножницы, звѣня, упали на полъ....

Первый предметъ, который попался здѣсь на глаза Анто́ву Матвѣичу, это были не Евгенія, не Рѣзцовъ, не ножницы, не локо́нь.... это былъ неоконченный портретъ.

Старикъ взглянулъ на него и съ дикимъ воплемъ безумной радости въ два прыжка достигъ ма́льбета. Онъ схватилъ картину и съ нею подбѣжалъ къ свѣчкѣ. Чѣмъ болѣе онъ всматривался въ прекрасныя черты портрета, тѣмъ болѣе усиливалось въ немъ волненіе. Слезы дрожали на его рѣсницахъ, руки его тряслись.

Всѣ были до крайности поражены этою неожиданностію, къ довершенію которой Василиса Андрѣвна, взглянувъ на портретъ, съ глухимъ стономъ отшатнулась отъ стола и упала на стулъ.

— Она!... это она! прошепталъ наконецъ Анто́въ Матвѣичъ и бережно опустивъ на стулъ картину, онъ мутными глазами обѣжалъ комнату, и остановилъ ихъ на Рѣзцовѣ....

— Гдѣ ты взялъ его? прошепталъ онъ задыхаясь и указывая на портретъ.

— Это портретъ мой матери.... это копія вотъ съ этого медальона, отвѣчалъ Рѣзцовъ.... указывая на медальонъ.

— Матери!... Твоей матери! Простоналъ Анто́въ Матвѣичъ. Ты лжешь!... ты страшно лжешь....

— Нѣтъ, я не лгу....

— Этотъ портретъ твоей матери? повторилъ Анто́въ Матвѣичъ... и онъ пылающимъ взоромъ то глядѣлъ на портретъ, то на Рѣзцова.... Ты! ты! вскричалъ онъ... сынъ моей жены!

Послѣднія слова Анто́ва Матвѣича заставили вздрогнуть всѣхъ присутствующихъ....

— Да.... такъ.... и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ твой сынъ!... вскричала Василиса Андрѣвна, падая къ ногамъ Анто́ва Матвѣича.... Анто́въ Матвѣичъ, карай, кляни меня.... Я виною, что сынъ

твоей не на родной груди отогрѣлся въ дни младенчества, не родною ласкою грѣшилъ дни своей юности.... Я была его врагъ... врагъ, невызванный на вражду — ни зломъ, ни обидою.... но завистию, жаждою богатства.... Я, въ то время, какъ ты былъ въ походъ, на третій день по смерти жены твоей, желая завладѣть твоимъ имѣніемъ, увезла его изъ дому и подбросила на станціи, оставивъ въ его пеленкахъ тысячу рублей денегъ, а на шеѣ крестъ и медальонъ — еще надѣтые покойною его матерью...

— О, разбойница, душегубка!...

— Лукавый смутилъ, поддадася внушеніямъ сатаны.... и не пошло сиротское добро въ прокъ, покораль Господь — изъ мертвыхъ тебя вызвалъ, чтобы казнить грѣшницу... И плакала я, и молилась, и постъ наложила на себя... Но поправить зла не могла... не могла отыскать его, моего голубчика, моего безвиннаго страдальца... И обѣщала посвятить всю жизнь молитвѣ и раскаянію, и кровью, и трудомъ тяжкимъ и ночами безъ сна, вымолить мой тяжкій грѣхъ — лишь бы Господь даровалъ ему жизнь и счастье.... и вотъ.... и вотъ.... Творецъ милостивый сжалился надъ моими муками и раскаяніемъ....

— Володя.... Володя! повторилъ, рыдая Антонъ Матвѣичъ.... Такъ это ты?... Голубчикъ ты мой!

— Батюшка!... Родной!

— Да, дай же мнѣ, дай налюбоваться тобою, говорилъ Антонъ Матвѣичъ, то отталкивая отъ себя сына, то прижимая его къ груди. Ахъ, какой молодчина.... Красота-молодецъ.... Жаль одного, не по военной пошелъ, братъ, а то бы бѣдовое дѣло.... Ну, ну голубчикъ — обойми-же отца-то еще.... Вотъ такъ Володенька. Да какъ же это.... охъ, да ты точно онъ.... ты сынъ мой.... охъ, я съ ума сойду.... цѣлуй меня.... жми крѣпче — сердце выскочить хочется....

И старикъ рыдалъ и смѣялся; Антонъ Матвѣичъ безумствовалъ. Онъ, то кидался къ старой родственницѣ, утѣшая ее, прося забыть все, все.... то къ Амаліи Карловнѣ, упрасивая ее остаться хоть для того, чтобы попить на свадьбѣ Енчки и Владиміра Антоныча, то обвинялъ Евгению и сына — обоихъ вмѣстѣ, называя ихъ своими голубками, крошками и кончилъ тѣмъ, что послалъ Сеньку просить всѣхъ сосѣдей на бѣдовый праздникъ.

Вечеромъ въ этотъ счастливый для всѣхъ день, когда все неожиданное семейство Антона Матвѣича размѣстилось вокругъ самовара, старый воинъ, посмотрѣвъ съ любовью на своего сына, вспомнилъ свою молодость и приступилъ къ забавному разсказу о томъ, какъ онъ однажды стоялъ у Потемкина на ординарцахъ и.... Но объ этомъ слѣдуетъ другая исторія.

АДРИА ПАУЛА
ИЛИ
НАТУРАЛЬНАЯ МАГІЯ.

—
(ПОВѢСТЬ ЕВГЕНІЯ ВЕСТИНА.)
—

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

ВЪ КОТОРОЙ ДОКАЗАНО СЪ МАТЕМАТИЧЕСКОЮ ТОЧНОСТІЮ, ЧТО ХОТЬ У
ВСЯКАГО БАРОНА СВОЯ ФАНТАЗІЯ, НО ОНА НЕ ВСЕГДА ВЫПОЛНЯЕТСЯ.

—
Баронъ Бернардини ди Монте-Новелло, разорившійся дворянинъ, владѣлъ еще замкомъ своихъ предковъ, но, кромѣ небольшой фермы, приносящей весьма скудный доходъ, всѣ принадлежности помѣстья Монте-Новелло были раздроблены и распроданы по частямъ. Самый замокъ мало-по-малу разрушался и годъ отъ году извилистыя трещины разнообразіе и причудливѣе пестрили его стѣны.

Молодой Джакомо, сынъ барона Бернардини, былъ сильно потрясенъ страстями; увлеченный мыслию о своемъ знатномъ происхожденіи, онъ думалъ возобновить молодечество своихъ предковъ; небольшое наслѣдство, полученное имъ отъ матери, скоро было уничтожено роскошною жизнію и займы сдѣлались единственнымъ источникомъ для Джакомо. Ростовщики съ ихъ тонкимъ чутьемъ скоро примѣтили совершенное разореніе молодаго кавалера и, чтобы спасти свои долговыя претензіи, написали къ старому барону. Послѣдній немедленно уплатилъ сумму долговъ и потреб-

валъ къ себѣ расточительнаго сына. Угроза совершеннаго лишенія наслѣдства заставила Джакомо одуматься и, два дня спустя послѣ родительскаго приглашенія, виновный кавалеръ клялся у ногъ своего отца, что будетъ вести жизнь самую умѣренную ни дать - ни взять какъ греческій мудрецъ.

— Послушай, сынъ мой, говорилъ баронъ, я долженъ вѣрить искренности твоихъ обѣщаній, но вѣрь-же и моимъ словамъ!.. Если случится опять подобная шалость, то я лишу тебя наслѣдства въ пользу твоей кузины, назначенной тебѣ въ супруги, и это будетъ неперемѣнно.

Тонъ, съ которымъ говорилъ баронъ, не допускалъ возраженій. Джакомо молчалъ, онъ зналъ твердый характеръ отца, и поселился въ родительскомъ домѣ. Восемь мѣсяцевъ спустя, привыкнувъ къ новому роду жизни, Джакомо женился на кузинѣ, которая умерла черезъ четыре года послѣ свадьбы, оставивъ ему дочь. Не успѣлъ онъ еще снять траура по своей супругѣ, какъ снова долженъ былъ надѣть его по отцѣ, сраженномъ подагрой. Джакомо Бернардини, съ этого времени сдѣлавшись главою семейства и владѣльцемъ Монте - Новелло, началъ толстѣть такъ, что имѣлъ забавное сходство съ тою фигурою голландскаго карнавала, въ которой ведро замѣняетъ голову, бочка — туловище, а вмѣсто ногъ два огромные бокала.

Въ день, въ который начинается эта повѣсть, баронъ, кажется, порядочно поразстроилъ свой жевательный аппаратъ, безпрестанно зѣвая въ ожиданіи обѣденнаго часа. Къ несчастію часовыя стрѣлки не такъ быстро подвигались, какъ аппетитъ его и, несмотря на все свое желаніе покушать, сеньоръ Джакомо не бранилъ стараго своего слугу, довольствуясь тѣмъ, что ворчалъ себѣ подъ носъ. Чтобы обмануть свое ожиданіе, онъ ходилъ отъ окна къ окну, то садился, то вставалъ, и это занятіе начинало уже утомлять его, когда Бертуччіо, отворивъ половину двери, провозгласилъ дрожащимъ голосомъ:

— Сеньоръ, кушанье подано!

— Пора, пора, Бертуччіо, еслибъ мнѣ еще пришлось ждать, я бы, кажется, тебя самого съѣлъ, какъ сдѣлалъ предокъ мой, Уголино, въ башнѣ Голода! И Джакомо сопровождалъ свою шутку громкимъ смѣхомъ.

Баронъ устремился въ столовую съ невѣроятною, по его толстотѣ, быстротою, но не дотрогиваясь еще до рагу, отъ котораго шелъ горячій паръ, онъ окинулъ взглядомъ незанятое противъ него мѣсто, и, отодвигая стулъ, сказалъ Бертуччіо въ видѣ вопроса:

— Адрия?

— Сеньора уже уведомлена.

— Поди, мой вѣрный слуга, и скажи ей, что я умираю отъ голода.

— Вотъ и я, папенька, успокойтесь. Море такъ привлекательно сегодня и на немъ такъ много судовъ, что я не могла оторваться отъ моего окна.

— Очень хорошо, дитя мое, возразилъ баронъ, цѣлуя свою дочь въ лобъ; но это кушанье изъ баранины съ бобами простываетъ, а одинъ заморскій поэтъ сказалъ:

Un diner réchauffé ne vaut jamais rien!

Рагу это, произведенное искусствомъ Бертуччіо, составляло весь обѣдъ; за то молодая дѣвушка сжалась надъ аппетитомъ своего отца, она сѣла и услуживала ему съ удивительною ловкостію; съ своей стороны баронъ, желая вознаградить потерянное время, глоталъ куски тройными приемами, такъ что Адрия едва успѣвала наполнять его тарелку — настоящую бочку Давандъ.

Впрочемъ совѣмъ не занимательно слѣдить за аппетитомъ обѣдающихъ, лучше воспользуемся случасмъ, чтобы обрисовать ихъ портреты.

Адрия-Паула, единственная наслѣдница барона ди Монте Новелло, походила на тѣхъ жевщицъ, которымъ итальянскіе художники въ своихъ картинахъ умѣли придавать удивительную прелесть. Волосы ея были русые, не тѣ русые, которымъ удивляются сѣверные писатели у сухошавыхъ англичанокъ и дородныхъ германокъ, — цвѣтъ вялый, непріятный, утомляющій взоръ своею однообразностію, — нѣтъ, это былъ цвѣтъ оживленный, поражающій, который Тиціанъ такъ часто употреблялъ для многихъ изъ своихъ богинь. Невозможно вполне представить какой удивительный оттѣнокъ придавали лицу Адрии эти волосы, небрежно свитые въ косу сзади, а съ боковъ упадавшіе на ея алебастровыя плеча густыми локонами. Головка ея, образецъ греческихъ статуй, помѣщалась на тонкой и прекрасной шеѣ, которая въ свою очередь соединялась съ чуднообрисованными плечами. Блестящіе глаза ея, энергическіе и нѣжные, были темно-голубаго цвѣта; вѣки окаймливались двойною бахромою густыхъ и черныхъ рѣсницъ; открытый лобъ съ своими выпуклостями достоинъ былъ рѣзца искуснаго художника; тонкій и прямой носикъ оканчивался розовыми ноздрями, удивительной подвижности; ротикъ былъ блестящаго розоваго цвѣта; зубы такъ ровны и такъ бѣлы, что сдѣлали бы честь любой коллекціи вещей изъ слоновой кости; розовыя уши были очень малы и прекрасно обрисованы; цвѣтъ кожи былъ той чудной юж-

ной блѣдности, которая составляетъ отличительный характеръ силы и здоровья и сквозь которую можно видѣть голубую сѣтку желѣ. Чтобы вполнѣ окончить описаніе, присоединимъ ко всему этому превосходно сложенное тѣло Венеры Медичиской, кожу удивительной вѣжвости, ручку герцогини, ножку феи.... Такова была Адриа!

Хотя вообще мы уже описали барона, однакожь есть подробности, въ которыя не мѣшаетъ войти. Красный носъ его показывалъ порядочную склонность къ обаятельной бутылкѣ; кромѣ того, улыбка, безпрестанно рисующаяся на углахъ губъ, доказывала, что вино въ немъ возбуждало только однѣ веселыя мысли. Бури молодости углубили во впадины свѣтло-сѣрые глаза его, а страсть къ обжорству, чрезъ мѣру увеличивъ его брюшныя полости, лишила голову волосъ; недостатокъ этотъ прикрывался довольно смѣшнымъ парикомъ. Наконецъ, платье шоколаднаго цвѣта довершало комическое впечатлѣніе его фигуры.

Что касается до Бертуччіо, онъ представлялъ разительную противоположность съ своимъ господиномъ: высокій и худой, онъ могъ служить рукояткою къ щелкушкѣ, шаромъ которой былъ Джакомо; тѣло его, казалось, состояло изъ одиѣхъ только костей, и когда онъ двигался, то локти и колѣна его, какъ будто хотѣли кого-нибудь проколоть. Стоическое безстрастіе было отличительнымъ выраженіемъ его лица, которое одушевлялось только предъ сытнымъ обѣдомъ, что случалось, когда кто-нибудь изъ друзей посылалъ въ Монте-Новелло куропадокъ и бекасовъ собственной охоты. Получая, вмѣсто жалованья, однѣ обѣщанія, возобновляемыя каждый годъ очень регулярно, честный Бертуччіо прикрывалъ свое тѣло остатками баронскаго гардероба; но послѣдній не позволялъ ни малѣйшихъ измѣненій въ своихъ старыхъ платьяхъ, и потому бѣдный малый былъ уморительно смѣшно одѣтъ: онъ, казалось, свободно плавалъ въ камзолѣ своего господина; но за то излишекъ въ ширинѣ вознаграждался значительнымъ недостаткомъ въ длину.

Замокъ былъ въ жалкомъ положеніи, какъ и все принадлежащее къ нему: садъ, оставленный безъ вниманія, заросъ высокою крапивною, терновникомъ и плющемъ; закраины бассейновъ, раздѣленные временемъ, покрывались рыжеватыми мхами; бесѣдки, разсыяныя по террасамъ, были почти совсѣмъ разрушены.

Замокъ, состоящій изъ главнаго зданія, съ двумя флигелями по бокамъ, представлялъ самый печальный видъ. Рамы безъ

стеколъ давали свободный проходъ въ покои дождю и вѣтру; полуразрушенные балконы посѣщались только одними ласточками, а трубы, причудливо разрисованныя трещинами, придавали кровлѣ видъ почтенной, но очень ненадежной древности. Внутри замокъ представлялъ не меньшее разрушеніе, какъ и снаружи: потолки тамъ и сямъ полопались, лѣстницы угрожали обрушиться; живопись, вылинялая отъ солнечныхъ лучей и размытая потоками, красовалась отрывками на стѣнахъ, обтянутыхъ со всѣхъ сторонъ паутиною.

Баронъ принужденъ былъ терпѣть постоянное уменьшеніе въ своихъ доходахъ и видѣть, какъ мало по-малу разрушался замокъ Монте-Новелло, когда-то блестящій и пышный. Разрушеніе нечувствительно перегоняло Джакомо изъ комнаты въ комнату и дошло наконецъ до того, что онъ принужденъ былъ перенести свое обиталище въ бывшую переднюю бальной залы и въ переднюю, соответствующую первой, въ верхнемъ этажѣ. Деревяныя перегородки образовали ему въ каждомъ этажѣ, изъ этихъ переднихъ, по три комнаты: въ нижнемъ была его спальня, столовая и кухня; въ верхнемъ, — комната Адрия, библіотека и комната Бертуччіо. Впрочемъ не надо смотрѣть на эти пышные названія, потому что библіотека состояла только изъ двухъ запыленныхъ полокъ, на которыхъ валялось нѣсколько разрозненныхъ рыцарскихъ романовъ, нѣсколько книженокъ о древней магіи, да одинъ экземпляръ «Опытной стряпухи», съ страницами, загнутыми рукою самого барона.

Сильный аппетитъ монсеньора Джакомо былъ уже въ три четверти удовлетворенъ, когда, поднявъ глаза на свою дочь, онъ увидѣлъ, что она задумалась надъ тарелкою, до которой еще не дотрогивалась.

— Не больна-ли ты, Адрия? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, папенька. Почему вы такъ думаете?

— Ты не кушаешь.... это рагу тебѣ не нравится, не правда-ли? въ немъ очень много пряностей; этимъ мы обязаны бездѣльнику Бертуччіо.... Я ему каждый день твержу: не клади много пряностей; но онъ не слушаетъ меня и думаетъ о другомъ.... О чемъ же думаешь ты, мѣшокъ? можетъ быть о твоихъ волокитствахъ?

Стыдливый Бертуччіо, покраснѣвъ, какъ піонъ, знаками показывалъ отрицаніе, и бросалъ умоляющіе взгляды на Адрию, которая, въ теченіе рѣчи барона, не находила времени сказать ни одного слова.

— Не бравите его, папенька.... я не хочу ѣсть.

— Это не совѣмъ вѣроятно; ты говорила мнѣ, что смотрѣла

на море: подобное зрѣлище всегда возбуждаетъ въ душѣ высокія мысли, а въ желудкѣ сильный аппетитъ.

— У меня есть проэктъ, который меня очень занимаетъ.

— Всегда проэкты.... пусть исполняются хоть твои, потому что мои, касательно тебя, рѣшительно не двигаются съ мѣста.

— Ахъ! папенька, сказала Адриа нѣжнымъ голосомъ, согласитесь сами, если я вѣчно скачу на Пегасѣ проэктовъ, выражаясь вашими словами, за то и вы твердите всегда одну и ту же глупую.

— Ты говоришь загадками, а знаешь, что я не люблю ломать головы.

— Вы намекаете на предложенія, которыя были мнѣ сдѣланы и отъ которыхъ я отказалась.

— Правда!... О, если-бы ты могла себѣ представить, какъ мнѣ хочется поскорѣе.... всякую ночь вижу во снѣ, что ты шьешь чепчики къ свадьбѣ.

— Позвольте мнѣ еще пококетничать, я не въ такихъ лѣтахъ, чтобы бояться....

— Правда, тебѣ нѣтъ и двадцати лѣтъ; но посмотри на твоихъ подругъ, онѣ всѣ замужемъ: Анджелина, Матильда, Андреа, Пенпина.

— Знаю! Анджелина теперь герцогиня д' Омбелинъ, Матильда — маркиза де Понтальви, Андреа — графиня де Фіезоль, а Пенпина — баронесса де Чиарамонте.

— Для чего же ты упрямо отказываешься отъ всѣхъ предложеній?

— Потому, что принявъ одно изъ нихъ, я окомпрометировала-бы нашъ древній рыцарскій родъ; ни одинъ изъ моихъ жениховъ не былъ изъ знатныхъ, папенька.

— Знатныхъ, знатныхъ, ворчалъ баронъ.... Я, кажется, столько же знатенъ, какъ и ты, однакожъ готовъ согласиться!... Когда женихъ порядочный человекъ да при хорошихъ деньгахъ....

Тутъ баронъ, не докончивъ фразы, опустилъ голову на лѣвую руку и ждалъ отвѣта. Адриа, слушавшая его съ печальнымъ выраженіемъ лица, встала и готова была оставить залу, но баронъ, привставъ немного съ кресель, закричалъ ей:

— Куда же ты!

— Я ухожу, папенька, къ себѣ наверхъ: разговоръ нашъ конченъ.

— Совсѣмъ нѣтъ; мнѣ еще нужно переговорить съ тобою о многомъ.

— Ваши послѣднія слова, безъ сомнѣнія, были сказаны въ шутку, но они глубоко запали мнѣ въ душу.... И я бы желала....

— Ну, ну, ребенокъ, я оскорбилъ тебя совсѣмъ не нарочно все твои упрямые отказы женихамъ.... Впрочемъ, пропадай они, если тебѣ не нравятся.

— Благодарю, папенька, я узнаю ваше доброе сердце.

Джакомо и Адріа протянули другъ другу руки и пожали ихъ энергически. У барона это было знакомъ полного праводушія и искренности. Сеньоръ ди Монте-Новелло уступалъ добровольно во всемъ Адріѣ; во взглядѣ послѣдней, въ ея возвышенномъ и гордомъ челѣ, въ благородной поступи, во всемъ было что-то повелительное, невольно заставлявшее уважать ее. Въ самомъ дѣлѣ, молодая дѣвушка на все, что окружало ее, производила магическое и странное вліяніе. Разоренный различнаго рода потерями, баронъ, не будучи въ состояніи самъ держать открытый столъ въ своемъ домѣ, охотно принималъ приглашенія на обѣды или ужины, гдѣ и у кого ни попало, не справляясь, были ли предки амфитріона дворяне или нѣтъ; и серебряная посуда, не украшенная фамильными гербами, ничуть его не тревожила. Гастрономическимъ вкусомъ своимъ онъ преимущественно привлекаемъ былъ къ сѣду своему — ювелиру, во сто разъ богатѣйшему многихъ германскихъ и итальянскихъ князьковъ. Погреба его заключали сокровище, прозрачное, какъ топазъ, благоухающее, какъ самый деликатный селямъ; словомъ, сокровище, которое весь свѣтъ знаетъ, любить и уважаетъ, и которое называется токайскимъ виномъ.

Когда Джакомо подвергался дѣйствию этого напитка, Адріа до того печалилась, что несчастный баронъ, ударяя себя въ грудь, влялся впередъ не пить этого вина. — но клятву эту онъ забывалъ всякій разъ, какъ дочь его уходила въ гости.

Этотъ недостатокъ Джакомо былъ причиною, что Адріа пріобрѣла надъ нимъ неограниченное вліяніе. И такъ, не смотря на все свое желаніе выдать дочь свою замужъ, баронъ всегда уступалъ ей въ этомъ случаѣ, не чувствуя себя довольно твердымъ, чтобы принудить ее. Представлялось множество богатыхъ партій, но ни одинъ изъ искателей не былъ знатнаго происхожденія, и Паула, ссылаясь на это обстоятельство, одного за другимъ снрваживала — отказомъ.

Адріа была воспитана въ одномъ изъ аристократическихъ училищъ. По возвращеніи своемъ къ отцу, она мечтала о восторженной любви знатныхъ рыцарей къ пастушкамъ и надѣялась пріобрѣсти одинъ изъ тѣхъ любовныхъ напитковъ, о которыхъ говоритъ бѣлая магія, а она читалась ея въ своей домашней бібліотекѣ. Француженка не была-бы такъ легкомысленна, чтобы вѣрить живымъ

гаданіямъ, но итальянки все признаютъ таинственное и охотно подчиняютъ свой ограниченный разумъ тайнамъ кабалистики.

И такъ, отецъ и дочь погрузились въ размышленія, каждый своего рода, и ничто, кромѣ жужжанія мухъ, не прерывало тишины въ залѣ, гдѣ они находились. Джакомо первый примѣтилъ это и, обратившись къ Адріѣ, спросилъ:

— Ты мнѣ не объяснила своего прозекта. Что, это тайна?

— Совсѣмъ нѣтъ, возразила, шутя, молодая дѣвушка, я только боюсь, что вы испугаетесь.

— А развѣ страшно?...

— Очень!... Я хочу посоветоваться съ колдуньею...

— Вотъ причуда! Ну, а гдѣ же колдунья?

— Недалеко. Гадалка Спавентоза живетъ на концѣ Баригельскаго предмѣстья.

— Ну, что же — славно, дитя мое, да исполнятся твои желанія. Бертуччіо! закричалъ баронъ: мою трость и шляпу.

— Вы идете, папенька?

— Да! не знаю, голова что-то тяжела, я думаю, чистый воздухъ облегчитъ меня... Впрочемъ, вѣдь ты и сама идешь къ Спавентозѣ?...

— Нѣтъ еще, я подожду до вечера, когда жаръ уменьшится.

— Какъ хочешь.... До свиданія, Адріа.

— Хорошей прогулки, папенька.

Между тѣмъ, какъ Джакомо блуждалъ по площади, подъ тѣнію запыленныхъ чинаръ, Адріа въ глубинѣ своей комнаты съ наслажденіемъ погрузилась въ таинственность іероглифовъ Великаго Альберта. Часа черезъ полтора баронъ воротился; морганіе глазъ его казалось очень подозрительнымъ. Вскорѣ онъ спокойно растянулся въ огромныхъ, плетеныхъ креслахъ и предался сну, сопровождаемому громкимъ храпѣніемъ.

Наконецъ пробило пять часовъ. Накинувъ враскорю свой плащъ, Адріа дала знакъ Бертуччіо слѣдовать за собою. Бѣдный мальчикъ, надѣясь, по примѣру барона, проспать послѣ-обѣденное время въ какомъ нибудь углу, глубоко вздохнулъ, когда услышалъ, что ему нужно провожать госпожу свою въ конецъ предмѣстья отдаленнаго и грязнаго. Черезъ двѣ минуты онъ слѣдовалъ съ почтительною покорностью за молодою госпожею по узкимъ и неровнымъ улицамъ, гдѣ ей нужно было отыскать гадалщицу. Черезъ полчаса ходьбы, они наконецъ добрались до дому гадалщицы.

Адріа остановилась передъ порогомъ, какъ-бы боясь переступить его; нерѣшительность эта обрадовала Бертуччіо, не совсѣмъ

довольнаго путешествіемъ, а тѣмъ болѣе его цѣлю. Но, увы! онъ обрадовался слишкомъ рано; молодая дѣвушка не отказалась отъ своего намѣренія, она только думала, какъ войти: одной, или въ сопровожденіи слуги? Первое было-бы неблаго-разумно, послѣднее — могло разрушить всю прелесть очарованія; она рѣшилась наконецъ и пошла по темной лѣстницѣ, которой каждая ступенька вызывала тяжелый вздохъ изъ груди Бертуччіо. На площадкѣ этой лѣстницы она ему велѣла сѣсть и изалась за веревку, которою отворилась дверь этаго Изидица капища. Бѣдный слуга, при видѣ огромной черной кошки, зеленые зрачки которой странно блестѣли въ полумракѣ, бросилъ на Адрію взглядъ, который смягчилъ бы самого сфинкса; но эта красно-рѣчивая просьба не тронула ее; сдѣлавъ рукою повелительный знакъ, она сказала:

— Останься, я хочу этого! и потомъ скрылась въ таинственный покой, дверь котораго затворилась за нею съ печальнымъ скрипомъ. Сердце молодой дѣвушки невольно забилося; густые нары, сквозь которые тамъ и сямъ пробивался свѣтъ, затемнили глаза ея, кровь била ей въ виски и маленькія ножки дрожали подъ тяжестью прекраснаго тѣла... она боялась. Полусвѣтъ позволялъ ей разглядѣть тысячи чудныхъ и странныхъ предметовъ, которые еще больше устрашили ее.

— Не бойся, подойди, дочь моя, я не сдѣлаю зла ни тебѣ, ни тому, кто пришелъ съ тобою!... произнесъ глухой голосъ за занавѣскою, раздѣлявшею комнату на двѣ половины.

Ужасъ Адріи не исчезъ при этомъ приглашеніи; присутствіе Бертуччіо, угаданное Спавентозою, поразило ее; неопытная, она не знала всѣхъ плутней шарлатанства, она не предугадывала, что черной кошкѣ назначена была слѣдующая обязанность: когда приходилъ посѣтитель одинъ, она входила за нимъ въ комнату и ложилась спокойно у ногъ своей госпожи; когда же посѣтитель былъ съ кѣмъ-нибудь и оставлялъ своего провожатаго за дверью, — кошка оставалась на стражѣ у порога.

— Подойди, дочь моя, я жду тебя.

Второй призывъ ободрилъ нѣсколько Адрію; трепещущая и блѣдная, она приподняла занавѣсъ и остановилась противъ колдуньи. Черные обои, испещренные летучими мышами и костями, покрывали стѣны; нѣсколько деревянныхъ скамеекъ стояло по угламъ, а въ одномъ изъ нихъ видѣлся огромный каминъ; тамъ, на большомъ огнѣстоялъ горшокъ, наполненный дикими цвѣтами и травами, — этотъ кабалистическій составъ гадальщица помѣшивала, отъ времени до времени, орѣховою па-

лочкою; на столнкѣ въ песочныхъ часахъ медленно пересыпался тонкой струйкою песокъ.

Молодая дѣвушка бросила на все это разсѣянный взглядъ; все вниманіе ея обратилось на самую сибиллу. Это была высокая и сильная женщина, завернутая съ головы до ногъ въ темную мантию, подъ капюшономъ которой видѣлись клочки сѣдыхъ волосъ, упавшихъ въ глубокія впадины ея плечъ и на грудь; но болѣе всего поражали въ ней блестящіе и быстрые глаза, которые, казалось, безпрерывно метали молніи изъ подъ нависшаго и прорѣзаннаго глубокими морщинами лба.

— Подойди, сказала Спавентоза, не смягчая своего голоса и безъ того уже грубаго, и скажи мнѣ, что тебя привело сюда?

— Развѣ ты не знаешь этого? Для тебя должно быть все открыто! пробормотала молодая дѣвушка.

— Я знаю то, что знаю; твои слова мнѣ подозрительны.... чего ты хочешь отъ меня?

— Я желаю знать мою будущность....

— Только-то!... ничего нѣтъ легче.... твоя будущность—смерть.

— Но что случится со мною до могилы?

— Дни ясные и непогоды, скрытыя радости и продолжительныя слезы.

— Старуха, сказала Адріа, приподнявъ гордо голову, твои отвѣты двусмысленны!

— Молодая дѣвушка, твои вопросы не довольно откровенны! и гадальщица устремила на Адрію взглядъ до того пронизательный, что та невольно покраснѣла.

— Скажи мнѣ: кто я?

— А, такъ ты сомнѣваешься! — тебя зовутъ: Адріа-Паула, ты единственная наслѣдница ди Монте - Новелло....

— Это правда.... теперь прости мнѣ мою скрытность; то, что я хочу тебѣ довѣрить, довольно щекотливо.

— Говори, не бойся, дочь моя!..

— Слушай, сказала Адріа, приближаясь къ колдунѣ и шепча ей на ухо, я желаю мужа молодого, прекраснаго, богатаго и знатнаго, который-бы могъ доставить мнѣ счастье и возвратить нашему старому замку прежній блескъ.

— Понимаю; пойдемъ, сказала гадальщица и, взявъ въ свои костлявыя руки свѣжую и поленькую ручку молодой дѣвушки, она поставила Адрію на черту, проходящую чрезъ всю комнату и начертила вокругъ своею палочкою нѣсколько круговъ; потомъ, помѣстивъ противъ молодой дѣвушки небольшой столнкъ, она поставила на него мраморный кубокъ, вполнину на-

полненный сѣрымъ порошкомъ, на который налила изъ стлянки какую то жидкость. Въ то же мгновеніе лазуревые пары поднялись къ потолку и распространились по всѣмъ направленіямъ комнаты.

— Не пугайся, шеннула колдунья и, чертя снова своимъ жезломъ кружки, она произносила въ видѣ заклинанія какія то странныя и непонятныя слова.

— Терпѣніе!... Духъ вашихъ горь. чтобы отвѣтить на твой вопросъ, требуетъ пятнадцать дней! Послѣ этихъ словъ, Спавентоза, задыхающаяся, въ изнеможеніи опустилась на скамейку.

— Я приду, сказала печально Адріа, протягивая гадальщицѣ червонецъ.

— Не печалься, дитя мое; твой вопросъ весьма важенъ, духи не могутъ отвѣтить на него: должно прибѣгнуть къ набольшему; однакожь будь покойна, я все устрою.

— Прощай, надѣюсь на тебя.

— Подожди!... пятнадцать этихъ дней нужно провести въ уединеніи.... въ деревнѣ, напримѣръ.

— У меня есть тетка, которая живетъ въ небольшой виллѣ, въ двѣнадцати миляхъ отсюда.

— Уединенно ли она живетъ?

— У ней почти никто не бываетъ, кромѣ нѣсколькихъ пріятельницъ — сосѣдокъ.

— Все равно, избѣгай ихъ, а главное не будь откровенна.

— Никому ни слова! отвѣчала Адріа.

— Наконецъ, когда срокъ кончится, приходи сюда вечеромъ пятнадцатаго дня, въ девять часовъ; необходимо, чтобы первое слово, которое ты произнесешь объ этомъ дѣлѣ, относилось ко мнѣ. Не забудь ни одного изъ моихъ приказаній, и теперь прощай!

— Прощай.

Молодая дѣвушка успѣшно вышла на площадку, гдѣ честный! Бертуччіо почтительно кланялся передъ огромною, черною кошкою, зеленые зрачки которой его не оставляли и которая, вздувши спину, мурлыканьемъ отвѣчала на его учтивости. Довольный, что такъ дешево отдѣлался, слуга скорыми шагами послѣдовалъ за своею госпожею, опасаясь темныхъ навѣсовъ, гдѣ удобно могли въ засадѣ скрываться воры и мошенники.

На другой день баронъ былъ еще въ постелѣ, когда Адріа увѣдомила его о своемъ отъѣздѣ. Джакомо не позволилъ себѣ возраженій и когда *веттурино* * подъѣхалъ къ крыльцу, Джакомо об-

* Наемный извозчикъ.

нялъ дочь свою, благословилъ и, посоветовавъ вести себя прилично, усадилъ и отпустилъ съ миромъ.

Теперь единственный и полный господинъ замка Монте-Новелло, Джакомо позвалъ своего старого слугу.

— Бертуччіо, ты будешь сегодняшній вечеръ угощаться остатками обѣда: обо мнѣ не заботься, я не буду ужинать дома.

— Монсеньоръ не беретъ меня съ собою? проговорилъ жалобнымъ голосомъ бѣдняжка, котораго приманивалъ хорошій столъ.

— Что это значить, бездѣльникъ! кто же останется въ замкѣ?... Поди, болванъ, выбей дурь изъ головы!... И весьма довольный своею выходкою, баронъ торжественно вышелъ.

Уже звѣзды блистали на небѣ, когда Джакомо оставилъ своего соседа, ювелира; глаза барона были отуманены виномъ, а ноги не вполне служили. Подъ вліяніемъ какой то идеи, онъ такъ сильно смѣялся, что его объемистое брюхо какъ будто прыгало, къ великой опасности пуговиць, поддерживающихъ его панковья брюки, которыя онъ надѣвалъ только въ праздничные дни. Отъ времени до времени, ударяя по мостовой своею тростью, Джакомо бормоталъ:

— Забавная мысль, вотъ шуткарь, право презабавная мысль.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

въ которой описывается, какъ опасно вызывать духовъ.

Адриа аккуратно исполнила предписаніе гадальщицы; но желая оправдать свое странное поведеніе передъ теткою, она объявила по пріѣздѣ своемъ, что недавно оправилась отъ тяжелой болѣзни и что деревенскій воздухъ, по словамъ медиковъ, долженъ помочь ей совершенному выздоровленію. Баронесса ди Казафорли, — такъ называлась тетка Адриа, — повѣрила этой выдумкѣ и предоставила своей племянницѣ полную свободу гулять, когда и гдѣ ей вздумается. Такимъ образомъ, поступки молодой дѣвушки не возбуждали ни подозрѣнія, ни упрековъ, а добровольное отчужденіе Адриа отъ общества еще болѣе заставляло баронессу вѣрить ея словамъ.

Однако жъ, въ первые дни, добрая старуха, думая доставить своей племянницѣ пріятное развлеченіе, пригласила на завтракъ, не предувѣдомивъ ее, нѣсколько изъ своихъ знакомыхъ; она все

это устроила втайнѣ, желая сдѣлать сюрпризъ Адріи. Къ счастью молодой дѣвушки, аллея, которая вела къ дому, находилась противъ ея окна, и вскорѣ разсѣянный взоръ ея остановился на цѣпи экипажей, которые подъѣзжали къ крыльцу и изъ которыхъ выходили мужчины и дамы. Она инстинктивно все угадала и поспѣшно, какъ испуганная серна, выбѣжала изъ комнаты подѣ тѣнь деревьевъ, въ садъ, — убѣжище вѣрное и пріятное, которое она оставила только по отъѣздѣ гостей.

Баронесса ди Казафорли ожидала ее въ залѣ; она уже готова была сдѣлать выговоръ племянницѣ, во первыхъ, за обиду для себя, во-вторыхъ, за неприличный поступокъ противъ гостей; но Адріа умѣла такъ мило и наивно объяснить свое поведеніе, что почтенная тетюшка была обезоружена безъ боя.

— Подумайте, добрая тетенька, говорила милая дѣвушка, лаская тетку, медяки увѣряли, что малѣйшая непріятность можетъ быть причиною возобновленія болѣзни и привести меня къ дверямъ гроба; а, вѣроятно, представилось-бы много случаевъ къ досадамъ и нетерпѣнію посреди многочисленнаго общества? У меня грудь ужасно стѣснилась и это заставило меня выйти на чистый воздухъ; посудите сами, если-бы я не ушла, мѣ бы нужно было остаться въ гостиной, посреди непрерывныхъ разговоровъ... Мои нервы такъ слабы, что малѣйшее волненіе можетъ потрясти ихъ и произвестъ ужасныя страданія, я-бы не выдержала.... лихорадка опять привялась-бы меня мучить и, вѣроятно, ко всему этому присоединилось-бы воспаленіе мозга. Что-жъ бы вышло? вамъ же пришлось бы оплакивать смерть своей племянницы, которая васъ такъ любитъ и цѣнитъ.

Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ съ театральною выразительностью, Адріа остановилась; тирада была произнесена ею съ рассчитаннымъ эффектомъ Агнесы Мольера; пансіонерки всегда таковы по словамъ великаго поэта: онѣ простодушны, когда пужно, глупы съ виду, — но хитры и коварны, подѣ обманчивымъ покрываломъ наивности. Что касается до баронессы Казафорли, она опомнилась только черезъ нѣсколько секундъ; слова племянницы поразили ее, и блѣднѣя при одной мысли объ опасности, которой могла подвергнуть Адрію, она сказала:

— Извини, дитя мое, ты была благоразумнѣе меня; но, повѣрь я это устроила единственно для твоего удовольствія.

Адріа, не отвѣчая, бросилась на шею доброй старушки и обняла ее съ жаромъ, сколько изъ признательности за попеченіе о себѣ, столько и для того, чтобы скрыть краску, покрывшую лицо ея.

Результатъ былъ тотъ, что молодой дѣвушка позволено было вести себя, какъ она захочетъ, не опасаясь, что ее потревожатъ на будущее время.

Впрочемъ, скука, — эта мрачная туча на небѣ души, — не овладѣла, какъ можно было ожидать, наследницею Монте-Новелло; во всякомъ другомъ случаѣ, пламенное воображеніе Адриі скоро утомилось-бы спокойствіемъ деревенской и уединенной жизни, но въ душѣ у ней тогда былъ неизсякаемый источникъ веселости, который одушевлялъ все вокругъ нея.

Вилла Казафорли была не великолѣпна; почти у каждаго маломальски зажиточнаго человѣка найдется подобная дача; но за то вилла эта имѣла обширныя принадлежности и весьма удобное устройство внутри, пополнявшее то, чего не доставало въ архитектурной ея роскоши.

Строеніе было въ одинъ этажъ; широкая платформа покрывала его совершенно, — превосходный родъ устройства, который, къ несчастію, до-тѣхъ-поръ не войдетъ во всеобщее употребленіе, пока не придумаютъ средства заговаривать дожди, которыми насъ надѣляютъ тучи каждый годъ съ такою исправностью. На этой платформѣ находилась терраса, гдѣ, при наступленіи вечера, можно было съ пріятностью проводить время; ящики съ благоухающими цвѣтами, симметрически расположенные около перилъ, образовывали какъ-бы кайму около всей кровли. Комната Адриі сообщалась съ этою террасою, посредствомъ потаенной лѣстницы; передъ этою комнатою находились два ямивыя дерева, которыхъ вѣтви, обремененныя цвѣтами, склонялись къ окнамъ и распространяли въ комнатѣ пріятный ароматъ и свѣжесть. За площадкою, усаженною ясневими деревьями и тѣнистыми акаціями, находился садъ; не такой садъ, гдѣ на небольшомъ пространствѣ, огражденномъ высокими и темными стѣнами, хирѣютъ бѣдныя растенія, — но одинъ изъ тѣхъ цвѣточныхъ парковъ, которые можно найти только въ Италіи, — отечествѣ благораствореннаго воздуха и превосходнѣйшихъ растеній. Обширный лугъ, испещренный кустами розъ и обставленный бѣлыми фаянсовыми вазами въ китайскомъ вкусѣ, въ которыхъ заключались разнообразныя кактусы и различныхъ сортовъ гортензій, образовывалъ полукругъ передъ мраморнымъ бассейномъ, въ который ниспадалъ ручей съ высоты во сто футовъ. Обширный лабиринтъ вѣковыхъ деревьевъ и чужеземныхъ кустарниковъ окружалъ цвѣточный паркъ; далѣе, съ вершины скалы лилось множество каскадовъ въ довольно обширное озеро. Ничто не могло сравниться съ привлекательнымъ пейзажемъ, который ви-

дѣвъ былъ изъ оконъ комнаты Адріа; въ перспективѣ, хорошо соблюденной, ничто не терялось: ни вершины мрачныхъ, вѣковыхъ дубовъ, ни густая зелень китайскихъ орѣшникъ, ни лимонныя и апельсиновые деревья, ни потокъ воды, который, подобно лазуревому поясу съ серебристымъ отливомъ, перерѣзывалъ зеленый лугъ и съ беззаботнымъ кокетствомъ исчезалъ въ туманной дали.

Съ самаго появленія зари, молодая дѣвушка беззаботно отираялась бѣгать по полямъ; бѣлое платье обрисовывало ея талью, тонкую и гибкую, какъ тростникъ; широкая соломенная шляпка отбѣняла прекрасное лицо ея и защищала шейку и плеча отъ палящихъ лучей итальянскаго солнца. Нерѣдко, странникъ, проходя около сада, и видя ее въ тѣнистыхъ аллеяхъ, порхающе весело и беззаботно, невольно останавливался и слѣдилъ очарованнымъ взоромъ за прекрасною феєю, которая, казалось, царствовала въ этомъ оазисѣ. Адріа не очень занималась такимъ вѣнымъ признаніемъ, она собирала васильки и красный полевой макъ, которые попадались ей на лугу. Когда связка цвѣтовъ была велика и утомляла руки, бѣлыя какъ у Юноны Гомеровою, молодая дѣвушка садилась подъ тѣнь какого-нибудь куста и плела вѣнки для дѣтей управляющаго, двухъ милыхъ и рѣзвыхъ дѣвочекъ, ея любимицъ. Какъ скоро сильный жаръ утомлялъ ее, она любила удаляться въ углубленіе скалы, съ высоты которой упалъ водопадъ; испещренная камешками и раковинами, эта пещера покрывалась бархатистыми мхами, на которыхъ Адріа роскошно отдыхала. Въ трехъ футахъ передъ нею упалъ водопадъ, въ которомъ ударающіе лучи солнца производили призматическій отсвѣтъ, и по временамъ, когда въ потокѣ воды образовывалось отверстіе, открывали прекрасную молодую дѣвушку, отдыхающую въ цвѣтнстомъ полумракѣ.

Вечеромъ, въ тотъ часъ, когда мірады звѣздъ сіяли на небѣ, Адріа смотрѣла съ высоты террасы на пейзажъ. Бѣлокурая мечтательница думала тогда объ обѣщаніяхъ Спавентозы, она мечтала о будущемъ счастіи, созидая въ воображеніи своемъ тысячи воздушныхъ замковъ и потомъ сама разрушала ихъ, увѣренная, что была въ состояніи создать еще чудеснѣйшіе, великолѣпнѣйшіе. Привлекательныя видѣнія плавали передъ нею въ облакахъ и шептали ей, своими мелодическими голосами:

— Адріа, я *Молодость*; я усыплю путь твой самыми лучшими цвѣтами.

— Адріа, я *Богатство*; ты вполне довольна будешь мною, ты осуществишь, если захочешь, всѣ чудеса Тысячи и одной Ночи.

— Адриа, я *Знатность*; я замѣню твой гербовый щитъ, разваливающійся отъ старости, новымъ и блестящимъ, и фамилія Монте-Новелло прославится, какъ во времена Крестовыхъ Походовъ.

— Адриа, я *Удовольствіе*; придумывай забавы самыя фантастическія, увеселенія самыя причудливыя, удовольствія неслыханныя, я все исполню.

И видѣнія исчезали, чтобы снова явиться подъ формою еще болѣе привлекательною. Этотъ краткій психологическій анализъ довольно хорошо показываетъ, что Адриа была счастлива... въ ожиданіи. Не въ этомъ ли и заключается наше счастье? Оно имѣетъ крылья, на которыхъ быстро улетаетъ, едва усыпавъ путь нашъ своими цвѣтами; надежда, напротивъ, — это веселый и беззаботный товарищъ, — она, подобно Лесажеву цыгану, питается сухими корками, размоченными въ водѣ, представляя себѣ въ то время роскошныя и вкусныя кушанья своего богатаго сосѣда. Мы зовемъ счастьемъ то, что составляетъ конецъ надежды....

Дни проходили и часъ отъѣзда долженъ былъ прервать золотыя мечты молодой дѣвушки. Пусть изяснитъ, кто можетъ, человеческое сердце: та минута, которую Адриа съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала, произвела на нее теперь непріятное чувство; и въ самомъ дѣлѣ мечты разлетались, предстояла непріятная дѣйствительность; вмѣсто привлекательныхъ видѣній, очаровавшихъ молодую дѣвушку во время уединенія, представлялся ей теперь безобразный и непріятный призракъ существенности, готовый однимъ дуновеніемъ разрушить подмостки ея будущаго счастья.

Добродушная баронеса Казафорли приписывала печаль своей племянницы сожалѣнію о разлукѣ съ нею, она усугубила нѣжность и заботы о молодой дѣвушкѣ, не хотѣла отправить ее съ старымъ веттурино, и противъ воли, Адриа должна была ѣхать въ каретѣ своей тетки.

Прощальный завтракъ былъ скученъ; баронесса горько плакала, и поцѣлуй Адрии еще болѣе усиливали ея горесть. Наконецъ должно было разстаться; тяжелая карета съ изображеніемъ фамильнаго герба, съ окнами, закрытыми штофными занавѣсками, — стояла у подъѣзда и кучеръ ждалъ только прекрасную путешественницу, чтобы стегнуть по своей мирной парѣ. Добрая тетка обняла въ послѣдній разъ молодую дѣвушку, сунула ей въ руку шелковый кошелечекъ, набитый дюжиною піастровъ, и Адриа со вздохомъ выѣхала изъ виллы Казафорли.

Двѣ сильныя ломбардскія лошади потащили тяжелый экипажъ

по равнинамъ. Полулежа въ углубленіи кареты, молодая дѣвушка грустно смотрѣла, какъ мелькали по дорогѣ деревья; она не обращала ни на что особеннаго вниманія. Выѣзжая изъ Казафорли, кучеръ обратился къ ней съ вопросомъ, на который, боясь преступить предписанія колдуньи, она не отвѣтила. Опечаленный этимъ кучеръ, отъ природы болтливый, обратился къ лошадямъ своимъ и началъ съ ними пренитересный разговоръ, сопровождаемый ударами бича; разговоръ этотъ не прекращался до самаго въѣзда въ предмѣстье, гдѣ Адрия, протянувъ руку къ маленькой гостиницѣ, находившейся противъ дома гадальщицы, закричала:

— Мы здѣсь остановимся!

Карета въѣхала подъ дрянной навѣсъ, и молодая дѣвушка, приказавъ изготавить для своего слуги ужинъ, спросила себѣ комнату, въ которую и удалилась, чтобы дожидаться назначеннаго часа. День быстро склонялся къ вечеру; нѣсколько фіолетовыхъ облачковъ еще виднѣлись на небѣ, но поднялся вечерній вѣтерокъ и погналъ ихъ, вмѣстѣ съ дымомъ, нависшимъ надъ трубами домовъ. Наконецъ на колокольнѣ церкви предмѣстья пробило девять часовъ; Адрия быстро сбѣжала съ лѣстницы и, приказавъ хозяйкѣ гостиницы смотрѣть за кучеромъ, перешла улицу и вошла къ гадальщицѣ.

— Я надѣялась на тебя, сказала ей послѣдняя; ты исправна — хорошо! Но этого еще мало, на все-ли ты согласна?

— Въ противномъ случаѣ, зачѣмъ бы я пришла сюда?

— Вполнѣ-ли ты исполнила приказанія, которыя тебѣ были даны?

— Въ совершенной точности.

— Я вѣрю тебѣ, но, подумай, если изъ страха или по капризу, ты теперь мнѣ говоришь неправду, то гаданіе не исполнится и новая отерочка будетъ необходима.

— Не бойся, если не будетъ удачи, такъ припвши ее не моею неоткровенности, а твоему неумѣнью, возразила гордо Адрия, у которой опасность предпріятія производила лихорадочный трепеть.

— Хорошо, красавица! мнѣ нравится въ тебѣ этотъ жаръ. Иди-же за мною!...

Спавентоза отворила дверь, сдѣланную въ стѣнѣ, и, взявъ руку Адрии, повела ее по узкой и спиральной лѣстницѣ, выходившей въ проходъ съ нависшими сводами, освѣщенный крошечными окошками, подобными тѣмъ, которыя находятся въ подземныхъ пещерахъ, въ Буржѣ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, гадальщица остановилась, и ударила въ тамъ тамъ; звукъ, нѣсколько разъ повторясь эхомъ, исчезъ въ

глубинѣ подземелья; почти въ тоже время, съ другаго конца, раздался громкій и пронзительный свистъ. По мѣрѣ того, какъ обѣ женщины подвигались, странныя тѣни являлись на стѣнахъ, хотя не видно было существъ, которымъ онѣ принадлежали; проходъ былъ очень узокъ; идя передъ гадалщицею, Адриа только ощущала вліяніе сырыхъ стѣнъ; блудящіе огоньки мелькали тамъ и сямъ въ пространствѣ и еще болѣе увеличивали ужасъ этого мѣста... Такимъ образомъ онѣ достигли бронзовыхъ дверей, за которыми слышенъ былъ громкій смѣхъ, до того страшный, что молодая дѣвушка невольно почла себя у порога Пандемоніума и съ силою ухватилась за руку колдуньи.

— Не бойся, дитя мое, войди!

Концемъ своего жезла Спавентоза дотронулась до запора, и дверь, повернувшись медленно на своихъ петляхъ, отворилась.

Онѣ вошли въ обширное подземелье, которое не имѣло повидимому другаго входа, кромѣ бронзовыхъ дверей. На четырехъ треножникахъ, симметрически разставленныхъ, сверкало зеленое и красное пламя; эффектъ, производимый этими двумя цвѣтами, придавалъ подземелью видъ странный и ужасающій. Адриа со страхомъ смотрѣла на свою спутницу, лицо которой покрывалось, то смертельно блѣдностію, то холоднымъ потомъ. Адриа обратила взоръ свой на окружающіе предметы: въ равныхъ разстояніяхъ, на пьедесталахъ, сложенныхъ изъ череповъ, возвышались колоссальныя и безобразныя статуи, отвратительнаго вида; у всѣхъ лѣвыя руки были протянуты и держали погасшіе факелы. На полу, симметрически лежали двадцать четыре дощечки съ вырѣзанными на нихъ знаками; посреди подземелья, два кресла, обтянутыя черною матеріею, казалось, приготовлены были для двухъ посѣтительницъ.

Адриа и колдунья помѣстились въ этихъ креслахъ, потомъ послѣдняя протянула жезлъ свой, по направленію тревожниковъ, и сказала:

— Не пора-ли?

Ничего не было слышно; никакой голосъ не отвѣчалъ на это воззваніе.

— Заклинаніе не можетъ совершиться, дочь моя, ты что-нибудь отъ меня утаила.

— Скажи лучше, что ты меня обманула, приписывая себѣ власть, которой не имѣешь.... Прощай!

— Подожди... можетъ быть, я дѣйствительно сама забыла что-нибудь?...

Она ударила въ металлическій листъ, который висѣлъ возлѣ

кресель, и эхо мрачно повторило звонкій ударъ въ длинномъ проходѣ, чрезъ который онѣ пришли.

— Да, да, вижу.... я тебя напрасно обвиняла; я сама не все подробно разспросила, что мнѣ нужно было знать.... Скажи-ко, тебѣ уже предлагали жениховъ?

— Да! отвѣчала нетерпѣливо Адрия.

— Отчего-же ты не пошла за нихъ?

— Оттого, что ни одинъ изъ искателей руки моей не былъ знатнаго происхожденія. О, дочь барона ди Монте-Новелло скорѣе согласится голодагъ, ходить въ лохмотьяхъ и видѣть свой замокъ въ разрушеніи, нежели запятнать древній гербъ своей фамиліи не равнымъ бракомъ.

— Вотъ, что! значить ты горда....

Адрия покраснѣла отъ словъ гадальщицы, такъ грубо высказавшей свое мнѣніе на счетъ образа ея мыслей.

— А который тебѣ годъ? продолжала Спаветоза.

— Девятнадцатый.

— А въ какой день ты родилась?

— Второго іюля.

— Которое число сегодня?

— Двѣнадцатое сентября.

— Хорошо!

Колдунья ударила своею палочкою по тремъ дощечкамъ, на которыхъ вырѣзаны были цифры: 19, 2 и 12.

— Что это значить? спросила молодая дѣвушка.

— Тсъ! ни слова! дитя мое, ты теперь въ подземномъ горномъ царствѣ.

Спаветоза дотронулась до дощечекъ, провела на землѣ три черты, пересѣкающіяся между собою, и взявъ точку ихъ пересѣченія за центръ, означила кругъ, въ который ввела Адрию. Потомъ, отойдя въ глубину подземелья, она вскричала:

— Духи крылатые, духи горные, покорные магическому дѣйствію растенія, расцвѣтающаго въ полночь, въ глубинѣ Апеннинскихъ проваловъ, во время новолунія, можете-ли вы отвѣчать мнѣ на сдѣланный вопросъ?

Пламя на тревожникахъ вспыхнуло до самыхъ сводовъ; въ то же мгновеніе факелы, которые находились въ рукахъ статуй, загорѣлись сами собою, подземелье освѣтилось и пронзительный ревъ раздался повсюду.

— Горный духъ исполняетъ твои желанія, молодая дѣвушка, вскричала колдунья; онъ насъ услышалъ.

Адрия машинально наклонила голову въ знакъ согласія; ужась

окаменилъ ее, она не въ состояніи была отвѣчать иначе. Блуждающимъ взоромъ, приложивъ руку къ сердцу, готовому выпрыгнуть отъ сильнаго бѣшенія, она слѣдила за колдуньею, которая, ударивъ своимъ жезломъ по дощечкамъ, съ цифрами 19, 2 и 12, заставила ихъ повернуться и открыть три углубленія; изъ перваго она вынула небольшую коробочку, изъ втораго — стлянку, а изъ третьяго — пергаментный листъ.

— Адриа-Паула, дочь барона ди-Монте-Новелло, все ли еще ты остаешься при своемъ намѣреніи? Рѣшайся, пока еще можно отказать.

— Да! прошептала тихонько молодая дѣвушка.

— Возьми эту коробочку, она заключаетъ двѣнадцать лепешечекъ; возьми этотъ пузырьекъ и пергаментъ. Когда ты захочешь вызвать духа, положи одну изъ лепешечекъ на столъ, противъ твоего камина, налей на нее каплю жидкости, заключенной въ пузырьекъ и произнеси слова, написанныя на пергаментѣ. Читай...

Адриа развернула листъ и прочла:

— Духъ горныхъ ущелій — явился: я зову тебя.

— И онъ явится? прошептала дрожащимъ голосомъ молодая дѣвушка.

Рычаніе, еще сильнѣйшее, нежели въ первый разъ, раздалось въ подземельи.

— Онъ самъ отвѣчаетъ тебѣ, вѣрь обѣщанію, сказала гадальщица.

Въ это мгновеніе факелы и треножники погасли и въ подземельи распространилась глубокая темнота; Адриа невольно вскрикнула отъ ужаса.

— Не бойся и слѣдуй за мною, присовокупила Спавентоза, протянувъ ей руку. Онѣ вышли въ проходъ, черезъ который пришли въ подземелье, и вскорѣ очутились въ прежней комнатѣ.

— Благодарю, сказала Адриа; ты мнѣ оказала важную услугу, теперь я не могу тебя наградить многимъ, во послѣ я о тебѣ вспомню, и молодая дѣвушка высыпала на столъ, что заключалось въ кошелькѣ, подаренномъ теткою.

Въ два прыжка Адриа была въ гостиницѣ, заплатила за слугу и лошадей, и приказала кучеру ѣхать домой. Черезъ четверть часа она была въ объятіяхъ своего отца.

Радость барона выразилась нѣжными ласками.

— Ты видишь, моя Адриа, вскричалъ онъ, я безъ тебя до того соскучился, что похудѣлъ даже; мнѣ недоставало твоей улыбки, и печаль по твоемъ отъѣздѣ такъ крѣпко приковала меня къ кресламъ, что пауки, вѣрно, свили паутину въ моей шляпѣ.

Бертуччіо, въ это время, накрывалъ на столъ для ужина; услышавъ слова своего господина, онъ уронилъ двѣ тарелки, которыя разлетѣлись въ дребезги.

— Вотъ тебѣ-на, вскричалъ Джакомо въ сильномъ гнѣвѣ, этотъ плутъ разорить меня.... Онъ мнѣ и безъ того дорого стоитъ.

— За пять лѣтъ жалованье, осмѣлился робко замѣтить слуга.

— Я говорю совсѣмъ не о жалованья, глупецъ.... а, о твоёмъ поведеніи!.. Посмотри, дочь моя, на что похоже это жалкое созданіе; онъ совсѣмъ испортился, и можешь себѣ представить, что во время твоего отсутствія, я почти не видалъ его возлѣ себя.

— Но, монсен....

— Молчать, бездѣльникъ, не присовокупляй жи къ твоимъ порокамъ!

— Простите ему, папенька! День моего пріѣзда долженъ быть днемъ всеобщей радости, сказала молодая дѣвушка, цѣлуя барона въ лобъ.

— Ну, пусть будетъ по твоему! Бертуччіо, благодари сеньору; по ея просьбѣ, я тебя прощаю.

— Поди, мой добрый Бертуччіо.... кучеръ моей тетеньки здѣсь, нужно приготовить для него постель!

Бертуччіо устремилъ на молодую дѣвушку свои изумленные глаза; баронъ, котораго удобства виллы Казафорли не заставили забыть недостатки замка Монте-Новелло, понялъ нѣмую рѣчь лакея, и успѣшилъ сказать:

— Къ чему столько хлопотъ? одна ночь не вѣчность; молодецъ этотъ можетъ проснатъ вмѣстѣ съ Бертуччіо, на одной кровати.

Послѣдній отскочилъ назадъ, и окинувъ глазами товарища, котораго ему предлагали на ночь, не могъ скрыть своего неудовольствія. Кучеръ баронесы Казафорли былъ человѣкъ крупнаго десятка, и честный Бертуччіо тотчасъ сообразилъ, сколько ему останется мѣста на кровати. Подумавъ немного, онъ почтительно приблизился къ своему господину и сказалъ:

— Монсеньоръ, если позволите, пусть этотъ почтенный возникшій переночуетъ на моей кровати, а я помѣщусь какъ-нибудь.

Ужинъ не долго продолжался; Адріа, сильно взволнованная, не думала о ѣдѣ, да и баронъ кушалъ безъ аппетита, какъ будто онъ позавтракалъ и пообедалъ у сосѣда. Молодая дѣвушка воспользовалась недостаткомъ аппетита барона, чтобы выпросить позволенія удалиться.

— Поди, дитя мое, но ты мнѣ еще ничего не сказала о твоихъ секретахъ?

— Глаза мои невольно смыкаются; извините, папенька, до завтра.

— Ну, такъ до завтра, Адрія, спокойной ночи!

Молодая дѣвушка быстро взбѣжала по лѣстницѣ, которая вела въ ея комнату, заперла двери и задернула занавѣску у окна; потомъ положила на столъ коробочку, пузырекъ и пергаментный листъ.

Насталъ часъ, въ который она должна была узнать судьбу свою; ей сдѣлалось страшно, она была въ нерѣшимости; молодая дѣвушка готова была отказаться отъ своего намѣренія. Женское любопытство взяло верхъ, она быстро схватила коробку, вынула лепешечку, и наливъ на нее изъ стклянки каплю жидкости, проговорила тихо слова, написанныя на пергаментѣ.

Лепешечка отъ прикосновенія жидкости загорѣлась и наполнила комнату бѣлыми и благоухающими парами; боязливая молодая дѣвушка закрыла глаза; въ тоже время звучный, гармоническій голосъ проговорилъ ей:

— Ты меня звала, я здѣсь, чего ты отъ меня хочешь?

Молодая дѣвушка затрепетала, сквозь пары, поднимающіеся къ потолку, она примѣтила передъ собою высокаго и прекраснаго молодаго человѣка. Блѣдное лицо его обрисовывалось черными волосами, завитыми въ булки самую природою; меланхолическая улыбка была видна на углахъ его губъ, вообще фигура его носила на себѣ отпечатокъ какой-то мрачности. Костюмъ на немъ былъ блестящій, хотя и странный: бѣлая мантия, укрѣпленная на шеѣ сверкающимъ изумруднымъ ожерельемъ, красиво опускалась на плеча; поднизомъ виднѣлась кольчуга изъ темнаго бархата съ бахрамами и позументами; ноги, почти женскія, сжимались черными бархатными полусапожками, которыя усѣяны были серебряными звѣздочками.

— Ты меня звала, я здѣсь, чего отъ меня хочешь? повторилъ духъ.

Адрія, пораженная ужасомъ, не могла отвѣчать; онъ продолжалъ:

— Молодая дѣвушка, отчего дрожишь ты, развѣ мое присутствіе тебя пугаетъ? говори....

— Можешь-ли ты исполнить то, что обѣщано мнѣ твоимъ именемъ? прошептала робко Адрія.

— Могу, приказывай, что пожелаешь — все будетъ исполнено.

— Возврати замку этому его прежній блескъ и великолѣпіе....

— Хорошо, удостовѣрься сама!... Только понравится-ли те-

бѣ блуждать въ этомъ великолѣпномъ жилищѣ одинокой, какъ увидѣніе?

— Какъ, ты хочешь....

— Я ничего не хочу, какъ только исполнять твои желанія ; можетъ быть, тебѣ пріятно будетъ встрѣтить въ залахъ веселую и многолюдную компанію, балъ — напримѣръ!

— Балъ, да! это меня немножко разсѣетъ; я не могу дать себѣ отчета: во свѣ ли я брежу или на яву....

— Пойдемъ же, и услужливый духъ протянулъ руку Адріѣ.

— Но, куда?...

— Будь покойна, путь не опасенъ, хотя и возбуждаетъ страхъ у непривыкшихъ ходить по немъ, впрочемъ, ты можешь закрыть глаза.

Адріа позволила духу взять свою холодную ручку, и опустивъ вѣки, робко послѣдовала за нимъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ,

въ которой героиня, съ открытыми глазами, видитъ сонъ.

Трудно разобрать состояніе души молодой дѣвушки ; разсудокъ ея, встревоженный опасностью предпріятія и готовый помрачиться, не могъ дать себѣ отчета въ своихъ понятіяхъ. Можетъ быть нѣкоторые критики скажутъ, что Адріа не должна была удивляться происшествію, уже ожидаемому ею ; но критика, какъ-бы она ни была остроумна, не всегда судитъ вѣрно, и своенравная практика нерѣдко разрушаетъ до основанія теоріи самыя основательныя. Конечно, Адріа вѣрила бѣлой и черной магіи, она вѣрила въ любовные элексыры, гаданія и заклинанія, но эти таинства существовали для нея въ какомъ-то туманномъ отдаленіи, и она ихъ столько же страшилась, сколько Лафонтеновъ дровосѣкъ смерти, когда громко взывалъ къ ней ; эта храбрость совершенно уничтожилась, когда существенность, поражающая и ужасная, предстала ей, и вотъ почему, не смотря на свою отважность, романическая дѣвушка испугалась, достигнувъ конца своихъ исканій.

Услышавъ, при концѣ заклинанія, голосъ отвѣчающій ей ; видя передъ собою, сквозь прозрачныя облака паровъ, таинственное видѣніе, Адріа готова была упасть въ обморокъ ; одно обстоятельство, по видимому ничтожное, поддержало ее нѣсколько. Въмѣсто страшнаго и отвратительнаго духа мрачныхъ ущелій она увидѣла

величественнаго и прекраснаго юношу. Онъ стоялъ передъ молодою дѣвушкою, какъ образецъ красоты античной и вмѣстѣ идеальной. Эта ошибка въ расчетѣ, противъ ожиданія, перемѣнивъ понятія дѣвушки, избавила ее отъ потери чувствъ.

Между тѣмъ, слѣдуя за своимъ путеводителемъ, и не смѣя открыть глазъ, она придумывала какимъ-бы образомъ этотъ духъ могъ пробраться въ ея комнату; двери были заперты, окна закрыты ставнями; каминъ, при недостаткѣ другаго входа, могъ бы послужить дверью, но она стояла возлѣ него, а духъ появился въ довольно большомъ разстоянїи; нужно было допустить, что онъ прошелъ сквозь стѣну.

Свѣжій и проникнутый благоуханїемъ воздухъ внезапно обдалъ и поразилъ Адрію; духъ быстро свернулъ съ прямаго направленія, по которому онъ шелъ до-этихъ-поръ.

— Гдѣ мы? спросила робко молодая дѣвушка.

— Мы уже пришли, сеньора; не бойся, посмотри вокругъ, здѣсь ничто тебя не испугаетъ.

Голосъ ея путеводителя былъ благозвученъ и нѣженъ; молодая дѣвушка повиновалась, и пораженная удивленїемъ при видѣ представившагося зрѣлища, остановилась; духъ, не много поодаль, разсматривалъ ее съ какимъ то грустнымъ удовольствїемъ.

Она находилась наверху спиральной лѣстницы, которая вела въ переднюю, истинно царскую: сводъ, поддерживаемый двадцатью четырьмя колоннами, покрытъ былъ удивительною живописью; стѣны, одѣтыя во всю свою высоту бѣлымъ мраморомъ, чудно гармонировали съ желтымъ мраморомъ лѣстницы и колоннъ, прорѣзанныхъ красными жилками; лѣстница была обнесена двойнымъ рядомъ перилъ, изъ которыхъ одни имѣли высоту, удобную для того, чтобы на нихъ опираться, другія же, нѣсколько выше, украшались корзинами изъ серебра, наполненными прекрасными натуральными цвѣтами, которые распространяли благоуханїе; двѣнадцать старинныхъ лампъ, удивительной работы, висѣли на потолокъ; шесть освѣщали самую переднюю, другія шесть разливали яркій свѣтъ на зелень и цвѣты.

— О, какъ это хорошо!... вскричала наконецъ изумленная дѣвушка.

— Берегись, замѣтилъ ей духъ, если ты истратишь теперь свое удивленїе, то все остальное, что еще придется тебѣ видѣть сегодня, для тебя пропадетъ.

Молодая дѣвушка нѣсколько разъ подносила руку ко лбу, какъ-бы желая удостовѣриться, не во снѣ ли она все это видитъ, и убѣдясь, что не спитъ, пошла по лѣстницѣ; духъ шелъ вне-

реди. Прощедъ переднюю, и, отворивъ дверь, онъ сдѣлалъ знакъ Адриѣ слѣдовать за нимъ; едва она перешагнула порогъ, какъ дверь сама собою затворилась.

Комната, въ которой находилась теперь молодая дѣвушка имѣла форму шестигульника; стѣны до нѣкоторой высоты были обиты дубовыми панелями, прекрасной столярной работы, на которыхъ вырѣзаны были главные эпизоды изъ Дантова *Ада*; выше, живописные обои изображали смерть Роланда въ Ронсевальской долинѣ; потолокъ также покрытъ былъ штучною работою, изображавшею цвѣты, плоды и фантастическихъ птицъ. Противъ двери, въ которую они вошли, находилась другая, полузакрытая богатыми занавѣсками, надъ нею горѣлъ яркими цвѣтами гербъ фамилии Монте-Новелло.

— Какой чудный сонъ, шептала дѣвушка; какъ скучна и неприятна покажется мнѣ дѣйствительность послѣ этого....

— Ребенокъ! неужели ты не вѣришь въ дѣйствительность того, что видишь?

— Увы! я боюсь пробудиться отъ волшебнаго сна, который ввелъ меня въ этотъ чудный замокъ.

— Собери все свое мужество, Адрия, и узнай: жалкій и ничтожный сонъ—былъ вчера, а сегодня—блестящая и великолѣпная сущность.

— Я напрасно стараюсь собраться съ мыслями, разсудокъ мой растерялся, какъ жалкая птичка въ клѣткѣ, потрясенной сильнымъ переворотомъ. Все меня страшитъ, даже эта таинственная тишина, которая насъ окружаетъ.... Послушай, не употреби во зло мою довѣренность.... скажи мнѣ прямо, мы не на землѣ?...

— Что за смѣшная мысль!... Тишина тебя тревожитъ.... хорошо, мы этому поможемъ.

И духъ ударилъ въ ладоши; въ тоже мгновеніе невидимый оркестръ заигралъ быструю и веселую мелодію.

— Это что? спросила дѣвушка.

— Развѣ я не обѣщала привести тебя на балъ?

— Да, это правда.

— Ты видишь, я самый исправный должникъ....

— И занмодавецъ самый безжалостный! присокупила Адрия.

— Не столько, какъ ты думаешь; впрочемъ, можешь сама удостовѣриться.

Эти слова, — недостаточныя, чтобы совершенно разсѣять боязнь прекрасной плѣнницы, не были разслышаны ею; разсѣянная, она внимала гармоническимъ звукамъ оркестра.

— Пойдемъ, сказалъ услужливый духъ, предложивъ ей руку.

— А, мой благородный чичисбей, я тебя должна упрекнуть; ты предлагаешь мнѣ балъ, а не подумалъ о моемъ туалетѣ, сказала, улыбаясь, Адриа; это не хорошо! Когда волшебница посылала Сандрильону на балъ, то по-крайней-мѣрѣ позаботилась объ ея нарядѣ; однимъ мановеніемъ волшебнаго жезла она превратила лохмотья бѣдной дѣвочки въ великолѣпное платье; но ты сильнѣе какой-нибудь волшебницы, не будь-же менѣе ея великодушень.

— Позволь, сншора, я духъ земли, стало быть знаю о всѣхъ слабостяхъ и мелкихъ страстишкахъ человѣческихъ. Могъ ли я забыть о врожденномъ кокетствѣ женщинъ? Я предвидѣлъ твое желаніе.

Духъ опять ударилъ въ ладоши, и двѣ молодыя дѣвушки, рѣдкой красоты, приподнявъ боковыя занавѣски, высунули свои головки, ожидая приказаній.

— Ты истинный волшебникъ, шептала Адриа, благодаря своего провожатаго взглядомъ; но признайся, если-бы я тебѣ не напомнила, ты вѣрно ввелъ-бы меня на балъ въ моемъ вседневномъ нарядѣ.

— Конечно! Хотя залы эти заключаютъ всю знать моего царства, въ которомъ есть прехорошенькія сильфиды и наяды, но я былъ увѣренъ въ твоемъ превосходствѣ; я зналъ, что даже въ этомъ простомъ нарядѣ, ты можешь всѣхъ затмить.

— Берегись, твоя должность чичисбея, кажется, тебя увлекаетъ, ты пускаешься въ мадригалы; сказала Адриа, глядя въ благородное лицо красиваго духа. Ну, гдѣ-же платье? Пора одѣваться? Я готова.

— Каттива, и ты Маледетта, отведите эту молодую дѣвушку одѣваться и служите ей, какъ мнѣ.

Адриа ушла; странная улыбка блеснула на лицѣ духа; онъ развалился на диванѣ и вынулъ изъ своей сумочки гаванскую сигару.

— Въ настоящемъ положеніи, если-бы я захотѣлъ, — сказалъ духъ улыбаясь — я могъ-бы закурить сигару, ударивъ по ней погтемъ, но къ чему безъ нужды пользоваться своимъ могуществомъ: пусть спичка удовлетворитъ меня. Черезъ секунду, голубоватый дымъ извивался надъ его головою, принимая тысячи разнообразныхъ и фантастическихъ формъ; полузакрывъ глаза, онъ сладострастно наслаждался благоуханіемъ Гаванны, какъ вдругъ легкій шумъ атласнаго башмачка по ковру возвѣстилъ о возвращеніи Адриа.

— Какъ! туалетъ твой продолжался не долѣе того, какъ выкурилась одна сигара!... вскричалъ удивленный духъ; Клянусь,

это рѣдкій примѣръ! если только тутъ любопытство не взяло верха надъ кокетствомъ.

— Благодарю! сказала Адріа — за доброе мнѣніе, хотя не очень лестно высказанное.

— Ты еще недавно бранила меня за комплименты. Я перемѣнилъ тонъ, чтобы угодить тебѣ. Я хочу тебѣ понравиться откровенностью, а ты недовольна мною.

— Нѣтъ, любезный духъ, лучше возвратимся опять къ мадригаламъ; что дѣлать, мы женщины больше любимъ пріятную ложь, чѣмъ грубую истину.

— Будь по твоему! и чтобы войти въ прежнюю роль, я начну съ того, что ты очаровательна, какъ Пери, въ этомъ платьѣ.

— Да, благодаря твоему костюму, я осуществлю, можетъ быть, твое предсказаніе, сказала Адріа, краснѣя; кажется, самая заботливая мать, самая опытная кокетка не могли-бы придумать ничего лучшаго.

Адріа говорила правду; костюмъ ея, сшитый по модѣ время Людовика XIV, соединялъ въ себѣ привлекательную простоту съ изысканною роскошью: бѣлая атласная юбка, вышитая серебряными розами и покрытая сверху прозрачною дымкою, сжимала тонкую и гибкую талью, сообщая ей удивительную прелесть; короткіе рукава, обшитые дорогими кружевами, обнажали руки, гладкія, какъ слоновою костью, полныя, какъ наливное яблоко и до такой степени бѣлыя, что всякая метафора здѣсь была-бы столько-же смѣшна, какъ и неумѣстна. Жасминовый вѣнокъ, усыпанный серебряными звѣздочками, покрывалъ ея русыя волосы, упавшіе густыми кудрями на алебастровыя плеча. Дочь Джакомо была восхитительна, и духъ, ударивъ въ ладоши, сказалъ ей:

— Ты рѣшительно прелестнѣе всѣхъ стихійныхъ богинь.

На призывъ духа отворились три двери въ углубленіи, и зрѣлище, самое удивительное, какое только поражало человѣка въ его собственныхъ твореніяхъ, открылось предъ глазами Адріи.

Четыре огромныя залы слѣдовали одна за другою, такъ что, казалось, составляли одну комнату; первая, обтянутая зеленымъ бархатомъ съ золотыми бахромами, съ панелями изъ краснаго дерева, назначена была для игроковъ. Адріа и ея провожатый, при входѣ, встрѣчены были звономъ золота и серебра; во всѣхъ углахъ играли во всевозможныя игры; всѣ монеты, существующія на земномъ шарѣ, лежали на столахъ: квадрупли, дублоны, дукаты, цехины, гивен, лундоры, рубли... это была удивительная смѣсь изображеній и годовъ, сбившая бы любого нумизмата, самаго некуснаго и опытнаго. Далѣе, кипѣлъ балъ — во всемъ

разгарѣ. Въ трехъ залахъ танцовали; одна изъ нихъ обтянута была голубымъ штофомъ, усеяннымъ золотыми пуговками, другая, украшенная на мавританскій манеръ, покрывалась, въ промежуткахъ колоннъ изъ кедроваго дерева съ позлащенными верхушками, алымъ лѳовскимъ шелкомъ, съ серебряными виноградными лозами; наконецъ, третья зала отражала въ себѣ все, что заключалось въ первыхъ, потому что покрыта была съ верху до низу зеркалами; гирлянды розъ прикрывали линіи соединенія этихъ зеркалъ. Хрустальныя люстры и жирандоли разливали всюду яркій призматическій свѣтъ, и въ заключеніе этого волшебства — сквозь граненныя стекла, служившія дверями въ послѣдней залѣ, видѣлись рѣдкія, чужеземныя растенія, которыя помѣщались въ оранжереѣ. Это была сказка изъ *Тысячи и одной ночи* въ дѣйствительности, и ни Сидбадъ, ни Аладивъ не могли бы создать ничего лучшаго.

Молодая дѣвушка смотрѣла на движущуюся панораму, рисуемую группами въ быстромъ вальсѣ, и была въ восторгѣ; она видѣла передъ собою то, чего даже мечта ея не смѣла создать въ Казафорли.... Этотъ балъ, въ которомъ ожили костюмы двадцати различныхъ эпохъ, поразилъ ее; большіе глаза ея блистали, сладкая улыбка полураскрыла розовыя губки, млыя попки горѣли на паркетѣ. Соединеніе столькихъ чудесъ, всѣ эти замаскированныя лица ослѣпили молодую дѣвушку, голова ея закружилась, она склонила ее на грудь и въ забытіи, машинально продолжала смотрѣть; оцѣпенѣніе это было скоро прервано жужжаніемъ толпы: духъ земли былъ узванъ и всѣ спѣшили склониться передъ нимъ.

— Господа! говорилъ онъ, взявъ Адрію за руку, позвольте мнѣ представить вамъ сеньору Адрію Паулу ди Монте-Новелло.

— Ахъ, какъ она прелестна! кричали со всѣхъ сторонъ, между тѣмъ, какъ Адріа старалась скрыть краску стыдливости въ локонахъ своей прически.

Духъ сдѣлалъ движеніе, что хочетъ идти далѣе, и толпа почтительно разступилась, давая проходъ своему властелину; только одинъ изъ гостей, замѣчательный по своей дородности и очень тяжелой походкѣ, двумъ недостаткамъ, которые трудно скрыть подъ платьемъ магика, — слѣдовалъ за молодой четою очень близко, такъ, что чуть не наступалъ на плащъ горнаго духа.

— Довольна-ли ты? спросилъ послѣдній у молодой дѣвушки.

— Я теперь только узнала всю цѣну жизни и счастья....

— А вотъ, еслибъ вы могли узнать настоящую цѣну нашей вседневной жизни, тогда-то счастье показалось-бы вамъ въ еще

сладостивѣйшей формѣ! вскричалъ съ громкимъ смѣхомъ магикъ, который, какъ тѣнь, слѣдовалъ за двумя гуляющими.

— Кто этотъ сеньоръ? спросила Адрия.

— Этотъ сеньоръ, возразилъ магикъ, не давъ времени духу отвѣтить на вопросъ; этотъ сеньоръ первый его другъ и совѣтникъ.

— Правда? спроси молодая дѣвушка шопотомъ.

— Да, сеньора, рекомендую тебѣ господина Астарота, самаго жирнаго, самаго лѣниваго и самаго бесполезнаго изъ моихъ подвластныхъ.

— Не нападайте на сложеніе моего тѣла, оно не хуже другихъ; толстота имѣетъ свои достоинства: она дѣлаетъ человѣка солиднымъ и разсудительнымъ. Вотъ, сибьорѣ, кажется, нуженъ женихъ, посоветуйте ей выбрать меня, — я буду мужемъ самымъ постояннымъ и вѣрнымъ. Я не претендую на красоту Аполлона Бельведерскаго, но увѣренъ, что сеньора хлопочетъ не столько о красотѣ въ мужѣ, сколько о его достоинствахъ и знаменитости.

— Можетъ-быть, отвѣчала молодая дѣвушка; но, во всякомъ случаѣ, я не выйду замужъ, зажмуривъ глаза, а принять ваше предложеніе, значило-бы почти тоже, потому что вы въ маскѣ...

— Въ такомъ случаѣ, если вамъ угодно, я сниму маску?

— Астаротъ, я тебѣ запрещаю это, прервалъ его духъ. Знаешь-ли, Адрия, какой опасности подвергаетъ тебя этотъ капризь?...

— Какой?

— Ни больше, ни меньше, какъ быть сожженной. Этотъ молодець, совершенно испортился отъ роскошныхъ обѣдовъ, отъ употребленія красныхъ винъ.

— Властелинъ, я вижу вы, ревнивы и потому стараетесь меня очернить, но это чистая клевета, сеньора, увѣряю васъ....

— Все равно, господинъ магикъ, я васъ благодарю за ваше предложеніе, и...

— И?...

— И отказываюсь!

— Жаль.... И Астаротъ тяжело вздохнулъ.

— Бѣдняжка, сказалъ пронически духъ, тебѣ остается одно утѣшеніе: присматривать за приготовленіемъ ужина.

— Хоть-бы онъ удался, по крайней мѣрѣ.

— Геліогабалъ и Лукуллъ обѣщались приложить все свое стараніе; а они, ты знаешь, знатоки въ хорошей кухнѣ.

— Ну, это меня успокоиваетъ; однако все таки не мѣшаетъ самому присмотрѣть за стравлею; — и поклонившись Адриѣ со

всю флегмою голландскаго бургомистра, Астаротъ исчезъ въ толпѣ.

Молодая дѣвушка, въ продолженіе этого разговора, сидѣла на бѣломъ бархатномъ диванѣ, окружавшемъ всю залу; не обращая вниманія на то, что говорилось около нея, она углубилась въ размышленія, разсудокъ ея блуждалъ въ извилистыхъ тропинкахъ неопредѣленной фантазіи.

— О чемъ ты задумалась? сказалъ духъ, уже нѣсколько времени смотрѣвшій на молодую дѣвушку.

— Ты не разсердишься, если я буду говорить откровенно?

— Ребенокъ! взоръ мой проникаетъ въ сердце и меня нельзя обмануть.

— Мнѣ хотѣлось-бы узнать, въ какую очарованную страну занесена я...

— Ты спрашиваешь, куда я перенесъ тебя?... Недалеко, какъ въ вашъ собственный замокъ.... Не вѣришь?... взгляни....

И приподнявъ занавѣсъ окна, духъ показалъ на противоположной сторонѣ двора два освѣщенные окна, одно во второмъ этажѣ, другое въ третьемъ.

— Вотъ комната, изъ которой я увелъ тебя сегодня вечеромъ; другая же принадлежитъ твоему отцу.

— Да.... точно.... я узнаю ихъ....

— И видишь-ли, почтенный баронъ еще не улегся спать, его силуэтъ рисуется въ углубленіи окна.

Въ-самомъ-дѣлѣ, сквозь миткалевую занавѣску видѣлась тѣнь, въ щетинистомъ парикѣ монсеньора Джакомо.

— Ахъ, да! сказала, вздохнувъ, молодая дѣвушка, бѣдный батюшка, онъ вѣрно думаетъ о томъ, какъ-бы меня пристроить.

— И вѣрно не подозреваетъ, что и ты сама здѣсь о томъ-же хлопочешь....

— О! если-бы все зависѣло отъ моей воли, прошептала Адриа, краснѣя, то я не стала бы хлопотать; во мой бѣдный отецъ безпокоится: онъ боится, что послѣ него я останусь безпріютною сиротой, одинокою въ этомъ мірѣ, и чтобы его утѣшить и успокоить, я....

— Ты соглашаешься, какъ почтительная и покорная дочь, выдти поскорѣе за ловкаго, богатаго и знатнаго кавалера? прервалъ духъ. Это примѣръ, по истинѣ, очень поучительный.

— Ты думаешь?

— Нечего дѣлать, надо помочь этому великодушному пожертвованію; пойдѣмъ въ садъ, тамъ никто намъ не помѣшаетъ.

— А развѣ, прошептала робко молодая дѣвушка, я встрѣчу тамъ моего жениха?

— О, конечно; надо, чтобъ вы познакомились; впрочемъ, будь покойна, завтра ты его увидишь.

Духъ пожалъ пальцемъ скрытую пружину, стекла въ стѣнѣ развенѣли и исчезли, образовавъ проходъ въ прекрасный садъ.

Если бы Адріа не была такъ занята своими мыслями, то ее окончательно поразилъ-бы видъ этой оранжереи, наполненной магноліями, камеліями, пальмами и финиковыми деревьями; посрединѣ, три мраморныя наяды, прислонившись къ огромной вазѣ, пропустили сквозь свои тонкіе пальцы потоки воды, которая съ особеннаго рода гармоніею упала на бронзовый камышъ, покрытый позолотою. Птицы тропическихъ странъ, съ яркими перьями, перелетали съ дерева на дерево и оглашали воздухъ причудливыми своими напѣвами.

Это было очаровательное убѣжище; плескъ воды, отдаленные звуки оркестра, пѣніе и воркованіе птицъ, чуть слышный говоръ шумной толпы въ залахъ, и таинственный нестрый полу-свѣтъ отъ китайскихъ фонарей, которыми была украшена эта обширная оранжерея, придавали ей видъ рѣшительно волшебный.

— Садись, сеньора, сказала духъ, указывая на бамбуковое кресло, и выслушай меня внимательно; что я скажу тебѣ, очень важно.

Удивленная торжественностью этого вступленія, которое такъ не согласовалось съ шутивнымъ тономъ, употребляемымъ саркастическимъ духомъ во весь вечеръ, Адріа подняла на него свои блестящіе черные глаза. Онъ продолжалъ:

— Ты требовала, чтобы роскошь и богатство окружали тебя; я уступилъ этому желанію, которое исполнить мнѣ ничего не стоило. За твое желаніе однако жъ, я не потребовалъ никакихъ условій; согласись, что самый уступчивый смертный не былъ бы сговорчивѣе меня.

— Согласна и благодарю тебя отъ чистаго сердца.

— Теперь ты хочешь больше: хочешь мужа молодого, умнаго, богатаго, знатнаго, красавца; то есть, по-крайней-мѣрѣ, годъ счастья, потому что, я не могу дать большаго срока блуждающему огоньку, который вы называете любовью; нужно время, чтобы посѣять, взростить и дать распуститься цвѣтку этому, за которыми всѣ вы стремитесь безъ оглядки и разсужденія.

— Ну?...

— Будь терпѣлива до конца, сеньора; чтобы исполнить твое

требованіе, чтобы осуществить твои мечты, и я долженъ отъ тебя потребовать кое-чего....

— Не требуй многого: ты мнѣ общаешь только одинъ годъ счастья.... Ну, скажи скорѣе, чего ты потребуешь? спросила Адріа, блѣднѣя и съ тайнымъ трепетомъ.

— Подпиши вотъ здѣсь свое имя, и я все исполню.

Духъ поднесъ ей листъ, испещренный красными и черными знаками.

— Однако-жъ не худо мнѣ знать содержаніе этой бумаги, позволъ?... и молодая дѣвушка протянула руку къ свертку.

— Ты ничего не поймешь изъ этой тарабарской грамоты, но я не хочу во зло употребить твою довѣренность. Мнѣ только надобно на память отъ тебя твое прекрасное ямя.

— Я не подпишу, отвѣчала гордо Адріа.

— Какъ хочешь, твоя воля; я однимъ моимъ словомъ все разрушу и ты опять сдѣлаешься бѣдною, какою была сегодня утромъ.

— Остановись!... прошептала со вздохомъ молодая дѣвушка; хорошо, я согласна....

— Подпиши же....

— Моею кровью? робко спросила она.

— Какъ! развѣ ты вѣришь этимъ глупымъ сказкамъ? напрасно.... Вотъ перо и чернила: это гораздо проще и не такъ опасно.

Адріа быстро подписала свое имя на концѣ листа и подала его духу, который, взглянувъ на подпись, свернулъ листъ и положилъ въ свою сумку.

— Теперь, снѣбора, позволъ предложить тебѣ свадебный цвѣтокъ, и, сорвавъ самую лучшую махровую розу, овъ поднесъ ее дѣвушкѣ, которая прикрѣпила ее къ корсажу.

— Сеньоръ повелитель, столъ накрытъ! вскричалъ Астароть, стукнувъ по стеклу.

— Мы сейчасъ идемъ.

Они вошли въ столовую, достойную другихъ комнатъ, нами описанныхъ: четыре времени года, искусно разрисованныя на стѣнахъ, заставляли предчувствовать удовольствіе, которое предстояло за ужиномъ; бѣлый мраморный барельефъ окружалъ всю комнату и представлялъ цвѣты и плоды; кругомъ каминъ изображена была кабанья охота, выдѣланная также изъ бѣлаго мрамора; наконецъ, надъ дверями входа представлялась веселая фламандская пирушка.

Столъ заставленъ былъ чудеснымъ саксонскимъ фарфоромъ и особеннаго рода посудой, избрѣтенною гениальнымъ Бернардомъ

де Палисси; около богемскаго хрустала, сверкали серебряные кубки и золотыя кружки, съ превосходною чеканною работою; тамъ и сямъ, посреди вкусныхъ блюдъ, которыхъ аромать приятно щекоталъ обоняніе, возвышались огромныя японскія вазы съ душистыми цвѣтами. Никогда искусство не могло создать ничего превосходнѣйшаго.

Духъ земли помѣстился по правую сторону Адріи и сталъ ей прислуживать; но утомленная происшествіями ночи, молодая дѣвушка едва прикасалась къ кушаньямъ. Тщетно Астаротъ обращался къ ней съ гастрономическими каламбурами; напрасно также сосѣдъ ея, съ правой стороны, старался развеселить ее забавными разказами: веселость не появлялась на ея миломъ личикѣ.

Однако-жъ, она не могла отказаться отъ нѣсколькихъ капель токайскаго вина; духъ предлагалъ тостъ въ честь красоты и за счастье семейной жизни. Она обмочила губки свои въ винѣ и поставила бокаль передъ собою,—но почти въ то же время почувствовала тяжесть въ головѣ и потемнѣніе въ глазахъ. Инстинктивно старалась она противостоять этому расслабленію, овладѣвавшему ею, но всѣ усилія были бесполезны. Разсудокъ ея темнѣлъ; призвавъ на помощь всю энергію, которая у ней еще оставалась, она попробовала въ послѣдній разъ окинуть туманнымъ взоромъ все собраніе и ей показалось, что вмѣсто масокъ, она видитъ много знакомыхъ лицъ, наконецъ, отяжелѣвшія вѣки ея совершенно закрылись.

— Прощай, чудный сонъ, шептала она едва внятно, и бѣлослая головка ея склонилась на спинку кресель, на которыхъ она сидѣла....

Адріа спала.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

изъ которой видно, что и былъ можетъ иногда казаться неправдоподобною.

Уже давно утренній жаворонокъ оставилъ гнѣздо свое и привѣтствовалъ пѣніемъ новую зорю; звѣзды погасали одна за другою, какъ блѣднѣющія люстры при концѣ бала; ночные туманы, движимые утреннимъ вѣтеркомъ, поднялись въ лазурное пространство и солнце зажгло востокъ. Оно освѣтило уже часть ок-

на Адрию и, не смотря на то, что окно было задернуто занавѣскою, тонкій лучъ, сквозь нескромную скважинку, проскользнулъ въ маленькую комнату.

Поигравъ немного на паркетѣ, онъ перебрался на дѣвичье ложе, такъ-же нецеремонно, какъ какая-нибудь любимая собачка, и какъ будто ему наскучилъ сонъ Адрии, онъ нѣсколько разъ принимался щекотать ея милыя рѣсницы.

Тщетно сонная дѣвушка старалась укрыться отъ его проказъ; лучъ переходилъ съ одного мѣста на другое; когда надоѣдало ему играть ея глазами, онъ отправлялся на румяную щечку или сквозилъ сквозь розовое ушко, какъ будто не могъ разстаться съ ея прелестями. И дѣйствительно, Адриа въ то время была до того мила, что самъ сказочный принцъ навѣрно преклонилъ-бы передъ нею колѣно, какъ онъ сдѣлалъ въ заколдованномъ лѣсу передъ спящей красавицею.

Опустивъ головку на мягкія пряди своихъ распущенныхъ волосъ, она была похожа на Тиціанову Венеру: отрывистыя слова и очаровательныя улыбки шевелили ея губки; ковульсивныя движенія заставляли трепетать нѣжныя члены; наконецъ солнечный лучъ побѣдилъ: Адриа проснулась.

Она открыла глаза и, ослѣпленная дневнымъ свѣтомъ, почти тотчасъ же ихъ закрыла; отяжелѣвшая голова ея склонилась на плечо: молодая дѣвушка не понимала, отчего прежде такая бодрая, она сегодня была такъ утомлена. Черезъ минуту она приподнялась, поднесла свои слабыя, бѣлыя руки къ сонной головкѣ и почувствовала, что начинаетъ припоминать что-то.

Прошедшая ночь представилась ей со всею своею роскошью и великолѣпиемъ; Адриа вспомнила о балѣ, о гостяхъ, которые тѣснились около нея, говоря:

— Какъ она мила! Какъ очаровательна!

Адриа припомнила, до малѣйшей подробности, всѣ обстоятельства вчерашняго вечера, такъ быстро промелькнувшаго; но, по мѣрѣ того, какъ она приходила въ себя, разсудокъ говорилъ ей о невозможности подобнаго происшествія; она покорилась разсудку и, приподнявъ голову, чтобы освободить личико отъ бѣлокурыхъ волосъ, тихо прошептала:

— Какіе странные сны бываютъ иногда!...

Во время этого восклицанія, взоръ ея блуждалъ по комнатѣ; вдругъ она поблѣднѣла и, накинувъ наскоро свой пеньюаръ, бросилась къ столу, на которомъ, въ хрустальномъ стаканѣ, обтянутомъ золотою сѣточкою, находилась прекрасная махровая роза.

Молодая дѣвушка схватила ее дрожащею рукою и, понохавъ, вскричала :

— Это она, я узнаю ее... Но въ такомъ случаѣ это не былъ сонъ! О, я совсѣмъ теряюсь въ догадкахъ!... Эти кадрили, садъ, залы, ужинъ, все это я видѣла? Да, я должна была ихъ видѣть!... но какъ-же случилось, что я нахожусь здѣсь, какъ я могла попасть сюда? Ничего не понимаю, не могу дать себѣ отчета въ этомъ дѣлѣ...

Молодая дѣвушка сложила руки, топнула ножкою и продолжала :

— Не съ ума ли я сошла?... Нѣтъ! эта роза непременно та, которую горный духъ далъ мнѣ, говоря : — «Позволь предложить тебѣ свадебный цвѣтокъ!» — Ахъ, теперь я припоминаю! За ужиномъ я выпила нѣсколько вина и тотчасъ-же ослабѣла и лишилась силъ... да, это такъ!... Сквозь тягостный сонъ, мнѣ представилось, что маски упали, что глаза всѣхъ обратились на меня, и мнѣ казалось, — вѣроятно это была мечта, — мнѣ казалось, что я вижу многихъ изъ моихъ знакомыхъ... Удивительный случай!

Адрия склонила свою голову на грудь и еще разъ старалась вырваться изъ хаоса, въ которомъ блуждалъ ея разсудокъ, подобно летучей мыши, которая залетѣвъ въ комнату, бросается изъ угла въ уголь, не находя отверстія, въ которое она влетѣла.

Между тѣмъ, какъ Адрия размышляла, сильный ударъ раздался за дверью.

— Кто тамъ? спросила молодая дѣвушка, внезапно выведенная изъ задумчивости.

— Адрия, это я, отвѣчалъ голосъ барона; я беспокоюсь, что не вижу тебя до сихъ поръ.

— Развѣ такъ поздно, батюшка?

— Половина двѣнадцатаго, дочь моя; но отвори поскорѣе, мнѣ нужно сообщить тебѣ очень важную новость.

— Ахъ, папаша, вы меня пугаете; что такое?...

— Отвори; разговаривать черезъ двери я не привыкъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, папаша, я одѣваюсь....

Молодая дѣвушка всунула свои бѣлыя ножки въ вышитыя туфли, столь-же маленькія и красивыя, какъ башмачки Садрильоны, и отодвинула задвижку у двери. Баронъ вошелъ торжественно.

— Ну, другъ мой Адрия, я, кажется, напрасно беспокоился о тебѣ.

— А что, папаша, отвѣчала она, цѣлуя его.

— Видишь ли, меня беспокоила твоя вчерашняя усталость —

послѣ путешествія, и притомъ сегодня ты очень долго не являлась къ завтраку....

— Ваша заботливость меня очень трогаетъ, прервала молодая дѣвушка, но будьте покойны, я совершенно здорова; ночью я хорошо отдохнула.

Произнося эту ложь, она покраснѣла....

— Хорошо? точно?—ну, я радъ.... Теперь знаешь-ли, что со мною случилось?

— Нѣтъ, не знаю.

— Представь себѣ.... это просто невѣроятно, баснословно, невозможно!...

— Не мучьте меня; я ужасно любопытна, вы это знаете; расскажите скорѣе эту страшную новость....

— Вотъ въ чемъ дѣло. Сегодня утромъ Бертуччіо пошелъ проводить кучера твоей теткы въ гостиницу, гдѣ оставлена была карета. Позволивъ ему отлучиться, я зналъ, что онъ вернется поздно, потому что на дорогѣ много кабаковъ, а мой вѣрный слуга любитъ на своемъ походѣ дѣлать частыя привалы. Я не мало былъ удивленъ, когда увидѣлъ, что чрезъ четверть часа онъ уже воротился.

— До-сихъ-поръ, я ничего еще не вижу трагическаго....

— Подожди, какое нетерпѣніе! При выходѣ изъ гостиницы, Бертуччіо увидѣлъ незнакомца, который подошелъ къ нему и спросилъ: — Ты, кажется, слуга барона Монте-Новелло?

— Точно такъ, къ вашимъ услугамъ.

— Хорошо, такъ ступай поскорѣе домой и отдай ему, но только непременно ему самому, вотъ это письмо; оно для него чрезвычайно важно. Ступай.

Бертуччіо пошелъ такъ скоро, какъ только можно было идти на его длинныхъ ходуляхъ, и принесъ мнѣ письмо незнакомца.

— Что же это за таинственное посланіе? спросила Адрія.

— Увы! и баронъ вздохнулъ, это-то меня и пугаетъ.... Онъ сунулъ руку въ карманъ и вытащилъ оттуда письмо, на которомъ Адрія примѣтила красную печать, и прочелъ слѣдующее:

«Господинъ баронъ!

« Дочь ваша, сеньора Адрія - Паула, въ эту ночь заключила со мною договоръ, по которому обѣщаетъ принадлежать мнѣ тѣломъ и душою. Не смотря на то, что мнѣ очень жалко разлучить ее съ вами, вы должны разстаться; въ двѣнадцать часовъ дня, я буду у васъ, чтобы потребовать у сеньоры исполненія данныхъ обѣщаній. Извиняйте, господинъ баронъ, за поспѣшность, но обстоятельства, въ которыхъ я нахожусь, принужда-

« ютъ меня предпринять, безъ всякаго отлагательства, весьма дол-
гое путешествіе.

« Имѣю честь. и проч. »

— Подписано...

— Что подписано?

— *Двѣ звѣздочки.*

Молодая дѣвушка, при чтеніи этого письма, чувствовала, какъ холодъ пробѣгалъ по ея тѣлу, отъ головы до ногъ; ужасъ сжалъ ея грудь, дрожащимъ голосомъ она спросила у отца:

— Бертуччіо описалъ вамъ этого незнакомаца?

— Да! онъ сказалъ, что это былъ толстый человѣкъ, съ веселымъ лицомъ и краснымъ носомъ, что, однакожъ, очень странно противорѣчить съ его непонятнымъ требованіемъ.

— Нѣтъ сомнѣнія, прошептала тихо Адрия, это былъ Астаротъ....

— Что? спросилъ баронъ.

— Папенька, надъ нами смѣются; мы не можемъ и не должны вѣрить этой глупой шуткѣ.

— Я тоже думаю.

— Совѣтую вамъ сейчасъ-же обратиться съ жалобой въ полицію.

— Превосходная мысль! я отправлюсь...

Сказавъ это, онъ скрылся.

— Да! вскричала молодая дѣвушка, гнусное предательство!..., Глаза ея остановились на письмѣ, котораго широкая, красная печать, какъ кровавый зрачекъ, смотрѣла на нее.

— Но, я думаю, можно его еще вызвать и узнать...

Адрия налила на лепешечку нѣсколько капель изъ драгоценнаго флакончика и произнесла магическія слова; густой дымъ, какъ въ первый разъ, наполнилъ комнату и когда онъ началъ подниматься къ потолку, молодая дѣвушка увидѣла передъ собою духа, который, какъ и вчера, сказалъ ей:

— Ты меня звала, что тебѣ надо?

— Знакомо-ли тебѣ это письмо?

Духъ горь сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Въ такомъ случаѣ, поведеніе твое безчеловѣчно, продолжала молодая дѣвушка; ты мнѣ обѣщалъ цѣлый годъ счастья, а требуешь меня въ первый-же день этого года.... Ты мнѣ далъ слово, что сегодня я увижу жениха своего, и....

— Женихъ вашъ — у ногъ вашихъ умоляетъ о прощеніи.

И духъ, склонивъ свое благородное и гордое лицо, упалъ на колѣна передъ Адриею.

— Что это значитъ? вскричала она, отступая въ жасъ....

— Это значитъ, что комедія должна кончиться; что пора сдѣлать ей развязку. Чтобы простить меня за нее, вы должны быть столько же добры, сколько прекрасны.

— О какой комедіи говорите вы?

— Я не духъ, а полковникъ Гаэтано, сынъ ювелира Маркизелли, вашего сосѣда. Очарованный вашими прелестями, я просилъ руки вашей: вы отказали, даже не хотѣли меня видѣть; тогда пришла мнѣ мысль подкупить Спавентозу и научить ее отвѣтамъ, которые она должна была вамъ дѣлать...

— Но какимъ образомъ преобразовался нашъ замокъ?

— Отецъ мой одинъ изъ богатѣйшихъ банкировъ Европы, сенюра, и три мильона осуществили вашъ сонъ...

— А общество, которое находилось въ залахъ? повелительно спросила молодая дѣвушка, которой характеръ, по мѣрѣ того, какъ удалялась опасность, приобрѣталъ свойственную ему энергію.

— Это были офицеры моего полка, знатнѣйшіе изъ жителей города, поэты и артисты...

— А бумага, которую я подписала?...

— Свадебный контрактъ; я его вамъ возвращаю, сенюра, если вы этого требуете...

Молодая дѣвушка взяла бумагу и заперла ее въ ящикъ.

— Теперь, сударь, вы должны быть довольны; вы меня подвергли публичному осмѣянію; я не могу теперь нигдѣ показаться, на меня станутъ указывать пальцами; благодарю васъ... и не удерживаю больше.

— Я иду, сенюра, съ горькимъ сожалѣніемъ, сказалъ Гаэтано, вставая, и уношу съ собою вашу ненависть, а можетъ быть еще и хуже—презрѣніе. Желаю вамъ счастья! Мнѣ-же назначены одни страданія въ награду за пламенную страсть къ вамъ, но я надѣюсь—смерть скоро положить имъ предѣлъ.

Говоря это, полковникъ печально поклонился, отеръ ладонью потайную дверь, такъ искусно вдѣланную въ каминъ, что трудно-бы и догадаться о ея существованіи. За дверью представился длинный корридоръ, въ глубинѣ котораго неясно видѣлись великолѣпныя перила лѣстницы. Адріа тотчасъ узнала ее: по ней она вчера сходила въ очарованный дворецъ.

— Какъ, черезъ этотъ проходъ? вскричала она; но я не знала объ его существованіи.

— Онъ былъ сдѣланъ во время вашего пребыванія у тетушки... Еще разъ, сенюра, простите меня и прощайте навсегда! И молодой человѣкъ, съ глазами, полными слезъ, пошелъ къ отверстію.

— Послушайте, остановитесь! кричалъ голосъ барона, съ особеннаго рода измѣненіемъ; вы не уйдете одни, если изгоняютъ духа горь, то и Астаротъ не можетъ оставаться; я рѣшился — ваше царство имѣть для меня свое очарованіе: во-первыхъ, тамъ чудесно ужинаютъ, а во-вторыхъ, тамъ вѣтъ капризныхъ дочерей, разборчивыхъ невѣстъ, безжалостныхъ красавиць....

— Какъ! батюшка! такъ Астаротъ....

— Былъ я, сударыня!

— Безъ того, я вѣрно не осмѣлился-бы.... сказалъ полковникъ, съ тономъ деликатнаго упрека.

— Ахъ, папечка, вы ужасно надо мной подшутили....

— Мнѣ все равно, сударыня, когда шутка не послужила къ вашему исправленію! Я оставляю васъ, вы свободны въ выборѣ, но боюсь, что онъ придетъ слишкомъ поздно и вамъ придется жить одними пустыми мечтами о знатности и богатствѣ — а умереть безобразной старой дѣвой.

Въ это время, Бертуччіо появился у дверей и сказалъ барону:

— Монсеньоръ, нотаріусъ, котораго вы велѣли позвать, ждетъ внизу.

— Пусть онъ убирается отсюда! вскричалъ съ гнѣвомъ Джакомо.

Слуга смотрѣлъ на него глупыми глазами и не трогался съ мѣста.

— Не слышишь, что-ли, безтолковая макарона?

— Сжальтесь надъ бѣднымъ Бертуччіо, батюшка, вѣдь онъ вовсе не знаетъ комедіи, которую мы разыгрываемъ!... И молодая дѣвушка сдѣлала особенное удареніе на словѣ мы.... Другъ мой, сказала она, обращаясь къ Бертуччіо, батюшка велитъ позвать нотаріуса сюда.

Бертуччіо поклонился, и вышелъ.

— Что значить это приказаніе, Адрия?

— Оно значить, папечка, что вамъ не за чѣмъ убираться подъ землю въ горныя ущелья, а можете оставаться здѣсь, въ кругу дѣтей послушныхъ, совѣмъ не капризныхъ и....

— Докончите, умоляю васъ, шепталъ Гаэтано, котораго лицо просвѣтлѣло отъ радости.

— Подойдите, сударь; на какихъ условіяхъ я обѣщалась отдать мою руку?

— Во-первыхъ, чтобы супругъ былъ молодъ....

— Ваши лѣта, сударь?

— Двадцать-восемь, сеньора! Кажется, не старъ?

— Продолжайте.

— Во-вторыхъ, чтобы онъ былъ богатъ....

— Это я знаю, по сегодняшней ночи.

— Въ третьихъ, что-бы онъ былъ хорошъ собою, прервалъ баронъ, надѣюсь, что и это условіе у него на лицо.

Гаэтано покрасивѣлъ и продолжалъ :

— Въ четвертыхъ, чтобы онъ былъ знатенъ....

— Онъ знатенъ, дочь моя, не менѣ насъ. Великій Герцогъ, въ вознагражденіе за его храбрость, позволилъ, если ты выйдешь за него замужъ, присоединить къ фамиліи Монте-Новелло его имя. Я былъ бы радъ, — удостоилъ сказать Свѣтлѣйшій Герцогъ, — еслибъ могъ связать одинъ изъ древнѣйшихъ гербовъ съ достойнѣйшею фамиліею моего герцогства.

— Такъ значить всѣ мои требованія исполнены, сказала молодая дѣвушка, скрывая свою краску на груди отца, который плакалъ отъ радости.

— О, сеньора, благодарю васъ! говорилъ Гаэтано, ставъ на колѣна и покрывая поцѣлуями руки Адриі.

— Теперь, папаша, объясните мнѣ, какимъ образомъ я васъ видѣла, въ одно и тоже время, на балѣ и въ вашей комнатѣ? Ужъ не обладаете-ли и вы даромъ волшебства?

— На балѣ былъ я, а въ окнѣ только мой парикъ на головѣ спящаго на стулѣ Бертуччіо, который тоже занималъ аксессуарную роль въ нашей комедіи.

Бертуччіо показался снова на порогѣ; раскланиваясь подобно режиссеру, обращающемуся къ публикѣ, онъ торжественно провозгласилъ:

— Господинъ нотаріусъ!

Адриа присѣла очень граціозно и подала одну руку Гаэтано, другую своему отцу.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РАЗСКАЗЪ ИНВАЛИДА.

Охъ, старость, старость! Богъ съ тобой!
Засядишь ты на плечи, —
Не расставайся ужъ съ избой
Да жмися только къ печи.

День ясный... ну, нешто, живешь;
А чуть лишь непогода, —
Въ клубокъ свернешься, словно ёжъ,
И станешь, какъ колода.

Эхъ! тотъ-ли былъ, друже, свѣтъ —
Назадъ тому, примѣрно,
Смекаю такъ, какъ сорокъ лѣтъ,
А тридцать пять навѣрно.

Вотъ, былъ я малый! поглядѣть,
Такъ далъ-бы рубль и болѣ:
Здоровъ и силенъ, какъ медвѣдь,
Ретивъ, какъ конь на волѣ.

Ты помнишь-ли французскій годъ?
Я былъ тогда гусаромъ;
И ужъ скажу тебѣ впередъ, —
Хлѣбъ царскій ѣлъ не даромъ.

И если рассказать кому
Про разные примѣры,
Такъ, право, слову твоему
Другой не дастъ и вѣры.

А вотъ, послушай! Помню я,
 Стояли мы подъ Вильной,
 Когда французы къ намъ въ края
 Ворвались съ ратью сильной.

Ну, просимъ милости; у насъ
 Чего не доставало?
 Штыковъ и сабель про запасъ
 Мы сберегли не мало.

Да и не въ людяхъ заппмать
 Намъ ядеръ и картечи;
 Такъ что тутъ много толковать, —
 Мы рады доброй встрѣчи.

Вотъ, ждаты пождать, глядимъ приказъ:
 «Готовиться къ походу!»
 Э! лихо дѣло! да хоть сейчасъ
 Идемъ въ огонь и воду! —

По правдѣ истинной сказать:
 Подратся съ супостатомъ —
 Равнехонькѣ, что пировать
 Въ какомъ пиру богатомъ.

Готово все, лишь на конь сѣсть;
 Чу! слышимъ, перепалка...
 Эге! никакъ... ну, такъ и есть,
 Ужъ завязалась свалка.

Авось и намъ теперь стоять
 Безъ дѣла не придется;
 Глядимъ, — вдругъ, что-же?
 Отступить приказъ намъ отдается.

Пришли подъ Витебскъ... глядь-поглядъ —
 Французъ какъ тутъ за нами;
 Да такъ, проклятый, насъ стоптаты
 И хочеть онъ конами!

Ну, иѣтъ, пріятель, погоди,
 Не снимешь съ волка шубы!
 А вотъ; ты прежде погляди,
 Какъ онъ покажетъ зубы.

Ура!... штыкъ въ дѣло, сабли вонъ,
Картеча засвистала, —
Пошли писать со всѣхъ сторонъ,
Земля вокругъ застонала.

Вошли въ Смоленскъ. Знакомый край,
И городъ со стѣнами, —
Такъ ужъ поганые пускай
Помѣряются съ нами!

Не долго рѣчь объ нихъ велась,
Вдругъ, слышимъ, мать родная!
Подъ, Краснымъ, братцы, поднялась
Баталія какая!

А нашихъ было тамъ... что-бишь?
Дивизія пѣхоты,
Изъ конницы: драгуны лишь
Да казаки-палѣты.

Гм! плохо дѣло! жаль ребятъ!
Вотъ, видимъ, по дорогѣ
Пѣхота тянется назадъ
Въ ужаснѣйшей тревогѣ,

Пальба трещитъ, пыль, дымъ столбомъ,
Полки всѣ въ кучу сбились —
Ну, словомъ, брать, такой содомъ,
Что мы ненадавились.

А непріатели къ ней льнутъ,
Какъ-будто муха къ меду,
И просто, такъ вотъ не даютъ
На шагъ одинъ проходу.

Да сжали такъ со всѣхъ сторонъ,
И столько ихъ накрыло,
Что, думаемъ, ну! брать, пардонъ!
Анъ пѣтъ, не тутъ-то было!

Для русскихъ это ни почему!
Грызутся словно звѣри,
И лѣзутъ грудью на проломъ,
Забывши о потери.

Они въ приклады, въ тесаки
Дерутся, что есть силы,
А ужъ сажаютъ на штыки,
Какъ-бы снопы на вилы.

И долго наши бились такъ,
И много ихъ убито;
Еще-бъ маленько... павѣрнякъ
Была-бъ пѣхота сбита.

Съ резерва нашего вдали
Повывинули пушки,
За разъ скомандовали «пли»!
И баць мои старушки!

Гостинець видно крѣпко былъ
Французамъ не по вкусу, —
Что вмигъ они, вернувши тыль,
Отпраздновали трусу.

Такъ вотъ-что можно сдѣлать, братъ,
Съ отвагой въ свѣтѣ бѣломъ!
Не даромъ же, вѣдь, говорятъ;
Что Богъ владѣетъ смѣлымъ.

Да полно намъ! темно въ избѣ,
Пора на боковую;
А завтра расскажу тебѣ
Исторію другую.

Ө. ШЕРЕМЕТЬЕВСКІЙ.

—
СМЕРТЬ ПОЭТА.

Когда великій человекъ,
На ложѣ муки умираетъ,
Когда его тщеславный вѣкъ
По немъ груститъ, объ немъ рыдаетъ,
Я не жалю! На землѣ
Онъ не для вѣчности родился,
И если на его челѣ
На мигъ лучъ славы отразился,

Онъ жилъ довольно; пусть другимъ
Свое здѣсь мѣсто онъ оставитъ ;
Пусть дастъ просторъ умамъ пустымъ
И о себѣ жалѣть заставитъ.
Но если на разсвѣтѣ дней,
Талантъ свою теряетъ силу
И всѣ мечты души своей
Уноситъ въ темную могилу,
Когда еще не разовѣтъ
Онъ чувствъ и помысловъ полета,
И на зарѣ его убьетъ,
Болѣзни и горе, и работа, —
И какъ его мнѣ жаль тогда,
Педогорѣвшаго волкана,
Кто, какъ падучая звѣзда,
Погасъ безвременно и рано ;
Кто сны таинственной души
Не досказалъ людямъ и свѣту
И умеръ молча и въ тиши,
Подобно древнему поэту.

В. Зотовъ.

Я не люблю смотрѣть на женщину, когда
На балѣ связана своимъ нарядомъ страннымъ,
Въ толпѣ поклонниковъ надменна и горда
И въ обществѣ пустомъ, надутомъ и жеманномъ,
Блеститъ разсчитанной своею красотой
И оболъщаетъ взоръ роскошнымъ новымъ платьемъ,
Прической модною, обновкой выписной,
Улыбкой, смѣхомъ злымъ, подчасъ рукопожатьемъ
И взглядомъ дерзко милымъ. На нее
Люблю смотрѣть я тотчасъ послѣ бала,
Когда кокетство бросивши свое,
Забывши роль, которую играла
И скинувъ маску свѣтскую, она
Приходитъ въ свой покой томна, блѣдна
Отъ танцевъ и усталости ; садится
Задумчиво предъ зеркаломъ, межъ тѣмъ

Ужъ по плечамъ у ней рѣка волосъ струится,
 И розовый вѣнокъ, увядшій не совѣмъ
 Лежитъ у ногъ... и сладостнымъ мечтамъ
 Предавшися, она забыла все : не слышитъ
 Полета времени, и въ думѣ тяжко дышетъ,
 И грудь высокая волнуется у ней
 И искры сыплются и брызжутъ изъ очей.

В. ЗОТОВЪ.

ПРОТИВОРѢЧІЕ

Не знаю самъ за что ее я ненавижу,
 За что я женщину такъ сильно не люблю?
 Хоть грубостью себя во вѣкъ я не унижу,
 Насмѣшкой ѣдкою ее не оскорблю,
 Но часто хочется надъ ней мнѣ посмѣяться
 И дерзкія слова готовы съ устъ сорваться.
 Она ко мнѣ всегда такъ ласкова была,
 Любила говорить со мной, не разъ звала
 Къ себѣ, и я порой, въ безсвязномъ разговорѣ
 Казалось, искру чувствъ встрѣчалъ въ холодномъ взорѣ.
 Къ тому-жъ она не такъ и хороша, чтобъ ей
 Вѣкъ думать объ одной лишь красотѣ своей;
 Она не такъ глупа, чтобъ думать, будто въ свѣтѣ
 Умъ женщинѣ совѣмъ не нуженъ. Всѣ мы дѣти,
 Когда затронута иль самолюбье въ насъ
 Иль гордость глупая; но бѣдная ни мало
 Ни мыслью никогда меня не оскорбляла,
 Ни словомъ. Самъ-же я, напротивъ, не стыдятся,
 (Хотя я ничего дурнаго въ ней не вижу)—
 Безвинно бѣдную не устаю бранить....
 За что? не потому-ль ее я ненавижу,
 Что не могу, не смѣю полюбить?...

В. ЗОТОВЪ.

МОЛИТВА.

Спаситель мой! передъ Твоимъ
 Изображеніемъ святымъ,
 Грѣховной жизнью отягченный,
 Съ живымъ раскаянемъ, въ слезахъ,
 Теперь я падаю во прахъ....
 И вѣрой теплой подкрѣпленный
 Во благость дивную Твою,
 Я о прощеніи молю....
 Молю, очисти отъ заблужденій,
 Отъ злыхъ, лукавыхъ помышленій
 Мой гордый умъ. Душѣ моей
 Пошли святыя упованья,
 Смирн нечистыя желанья
 И погаси огонь страстей....
 Вдохни живительныя силы
 Въ мою измученную грудь,
 Что-бъ могъ свершить я до могилы
 Безукоризненно своей путь.
 Даруй мнѣ кротость и терпѣнье
 Въ лишеньяхъ жизнь переносить,
 Не знать ни зависти, ни мщенья —
 И лишь добромъ за зло платить.
 Что-бъ я, исполненъ совершенства,
 Тебѣ безъ страха могъ предстать.

АРДАЛІОНЪ ЗИМЕНКО.

МОТЫЛЕКЪ.

Полночный часъ. Природа спитъ
 Подъ сѣнью мѣсячнаго свѣта....
 Свѣча таинственно горитъ
 Въ пѣмой обители поэта.
 Окно открыто. Мотылекъ,
 Серебряной покрытый пылью,
 На одинокій огонекъ
 Направилъ радужныя крылья.

Лети назадъ жилище долинь,
 Не вѣйся около сіянья!
 Оно опасно... мигъ одинъ —
 И ты исчезъ изъ мірозданья!

Шутить любовью хочешь ты
 О, дѣва милая — напрасно
 И обаянемъ красоты,
 И взоромъ огненнымъ, прекраснымъ
 Забросить въ пламенную грудь
 Съ притворной лаской искру страсти,
 И послѣ искру ту раздуть
 Твоихъ рѣчей могучей властью!
 Но — вѣрь, пока перегорить
 Душа, исполненная силы,
 Тебя та искра превратитъ
 Въ ничтожный пепелъ — другъ мой милый!

А. РЕЙМЕРСЪ.

—

МОГИЛА.

Quoique jeune, sur la terre
 Je suis déjà solitaire,
 Parmi ceux de ma saison;
 Et quand je dis en moi-même,
 Où sont ceux que ton cœur aime?
 Je regarde le gazon.

Lamartine.

Въ семьѣ безотвѣтныхъ, безмолвныхъ могилъ
 Недавняя насыпь видна,
 Она мнѣ родная; я въ ней схоронилъ
 Все счастье жизни моей.
 Когда гробовою, холодной плитой
 На сердце наляжетъ тоска,
 Я выплачу горе на насыпи той
 И легче становится мнѣ.
 Надежда, что въ лучшемъ, далекомъ краю,
 Увижусь съ моею родной
 Врачуешь увялую душу мою
 И счастье въ небѣ сулить.

П. БУЛЕ

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

ИСТОРИЯ ПѢВИЦЫ.

(Разсказъ Скудо.)

Въ одинъ ясный, августовскій день, въ 1826 году, молодой человекъ, съ задумчивымъ лицомъ и спокойною улыбкою, проходилъ по мирному Сень-Жерменскому предмѣстью. Дѣвочка лѣтъ двѣнадцати взбалтывала грязную воду въ канавкѣ, припѣвая народную пѣсенку:

A la barrière du Maine

On mange de bons goujons... bon.

И при послѣднемъ слогѣ она взяла такой дивный дискантовый *la*, что прохожій вздрогнулъ отъ удивленія. Молодой человекъ остановился, посмотрѣлъ на дѣвочку, и спросилъ: — Ты очень любишь пѣть, моя милая?

— Да, сударь, иногда.

— И хорошо дѣлаешь, потому что у тебя чудесный голосъ.

— Вы думаете? отвѣчала дѣвочка, премило жеманясь.

— Ты учишься музыкѣ?

— Нѣтъ, сударь.

— А хочешь учиться?

— Гдѣ мнѣ учиться; я не богата, какъ вы сами видите...

— Есть школы, въ которыхъ можно учиться даромъ; и если ты хочешь....

— Какъ не хотѣть!

Отд. III.

— Далеко ты живешь?

— Въ двухъ шагахъ.

— Такъ веди меня.

Молодой человѣкъ пошелъ за дѣвочкою, которая вела его, рѣзаясь и прыгая. Они вошли въ длинный темный корридоръ, и потомъ въ комнату, которой нищету и беспорядокъ мы не станемъ описывать. Мать дѣвочки сидѣла въ углу и работала. Молодой человѣкъ почтительно поклонился и узналъ отъ нея, что кромѣ дѣвочки, попавшейся ему на улицѣ, у нея было еще четверо дѣтей, которыхъ она должна была кормить одна, своей работой. Онъ сталъ спрашивать бѣдную мать о необыкновенныхъ способностяхъ, которыя дочь ея оказывала къ музыкѣ; но на всѣ эти вопросы, она отвѣчала только: — Вы видите, сударь, что я слишкомъ бѣдна, чтобы дать ей надлежащее образованіе.... такъ, что незнакомецъ сказалъ ей наконецъ, что если она согласна отдать ему часть своей власти надъ дѣвочкою, онъ позаботится о томъ, чтобы она была принята въ школу пѣнія.

— Я всю жизнь буду благословлять васъ, сударь.

Черезъ нѣсколько мнпуть незнакомецъ ушелъ, взявъ съ собою дѣвочку, которая хохотала во всю дорогу.

Школа классической музыки, основанная Александромъ Шорпомъ, открылась въ 1816 году и исчезла въ 1830. Не смотря на кратковременность своего существованія, она имѣла большое вліяніе на современное музыкальное движеніе и много содѣйствовала къ распространенію истинныхъ началъ искусства. Въ то время, когда начинается нашъ разсказъ, Шорону было пятьдесятъ лѣтъ. Онъ былъ маленькій, кругленькій человѣчекъ, съ лысною почти во всю голову, съ измятымъ личикомъ, но тонкими, красивыми чертами, съ живою, смѣющеюся фizioномією, на которой написана была необыкновенная сердечная доброта; маленькіе глазки его были полны жизни, ума, лукавства; онъ не ходилъ, а бѣгалъ, подпрыгивалъ, напѣвая, посплывая; то вдругъ останавливался въ глубокомъ размышленіи, то опять отправлялся, и приходилъ къ мѣсту назначенія не иначе, какъ послѣ девяти, десяти такихъ станцій. Всѣ движенія его были быстры и рѣзки; говорилъ онъ чрезвычайно скоро и часто ударялъ себя въ лобъ, какъ будто желая скорѣе выбить изъ него мысль, которую хо-

тѣмъ высказать. Вообще онъ былъ человѣкъ необыкновеннаго ума и съ обширнымъ, основательнымъ образованіемъ.

Онъ былъ воспитанникомъ Политехнической школы, тотчасъ по основаніи ея, и былъ на очень хорошемъ счету. Но, увлеченный непреодолимою страстью къ музыкѣ, бросилъ поприще, къ которому его прочили, къ великому неудовольствію своихъ родныхъ. Онъ довольно поздно началъ учиться музыкѣ; когда онъ обратился къ урокамъ ученаго аббата Розе (abbé Roze), ему было уже, по крайней мѣрѣ, лѣтъ двадцать пять. По этому, хотя Шоронъ былъ однимъ изъ первыхъ теоретиковъ своего времени, онъ однако-же никогда не владѣлъ механизмомъ музыкальной композиціи; ему нужны были тишина кабинета и долгое размышленіе, чтобы совладѣть съ самымъ простымъ гармоническимъ сочетаніемъ, и онъ подступалъ къ нимъ съ робостью. Но что его отличало, что дѣлало его человѣкомъ истинно замѣчательнымъ, это — необыкновенная чувствительность, глубокое чувство прекраснаго и истиннаго, основательная и обширная ученость, необыкновенное знаніе исторіи искусства и изумительная проникательность, почти походившая на прозрѣвіе. Дюпре не было еще четырнадцати лѣтъ, у него былъ еще дѣтскій голосъ, когда Шоронъ говорилъ ему: Ты будешь первымъ пѣвцомъ своего времени.»

Вслѣдствіе своей организаціи и своего музыкальнаго образованія, Шоронъ давалъ почти исключительное предпочтеніе старой итальянской школѣ, сочиненіямъ Скарлатти, Перголезе, Порпоры; Онъ знакомилъ своихъ учениковъ съ этими великими художниками заставляя ихъ пѣть эти свѣтлыя, чистыя мелодіи, чуждыя лишнихъ прикрасъ, но богатая своею несравненною красою. Тутъ пѣвецъ предоставляется собственнымъ своимъ силамъ; онъ долженъ бороться съ тѣмъ большими трудностями, что всѣ они заключаются въ выраженіи.

Три раза въ недѣлю, всѣ ученики Шороновой школы, числомъ до ста, собирались въ общемъ классѣ, подъ предѣтельствомъ самого директора. Кто изъ учениковъ Шорона не помнилъ прекраснаго друга изъ Роланда Паччини, исполненнаго молодымъ Дюпре и дѣвицею Дюперронъ, нынѣ госпожею Дюбре:

Médon, vous avez lieu de croire
Que je m'intéresse à vos jours....

При этихъ словахъ, Шоронъ поправлялъ свою шелковую ермолку, засучивалъ рукава, ударялъ въ ладоши и восклицалъ: — Не такъ надо пѣть этотъ речитативъ, не такъ. Вотъ послушайте.

И онъ откашливался и запѣвалъ своимъ жиденькимъ голосомъ:

Médor, vous avez lieu de croire
Que je m'intéresse à vos jours!

Дѣвица Дюперронъ, въ свою очередь, начпнала:

Médor, vous avez lieu de croire...

— Не то, не то, моя милая, совсѣмъ не то! вотъ какъ:

Médor....

(Голосъ его слабѣетъ.)

Vous avez lieu de croire

(Ударяетъ себя въ лобъ, разчувствовавшись.)

Que je m'intéresse à vos jours.

(Тутъ уже онъ не можетъ совладѣть съ своимъ волненіемъ, плачетъ сначала тихо, а потомъ на взрыдъ, и вся школа за нимъ.)

Шоронъ не умѣлъ владѣть тою драгоценною чувствительностію, безъ которой нельзя быть великимъ артистомъ. Онъ былъ слишкомъ впечатлительнъ, слишкомъ предавался минутному чувству. Онъ моталъ руками, пѣлъ, смѣялся, рыдалъ въ пріемной министра, точно также, какъ у себя дома. Онъ былъ добрѣйшій человекъ, услужливый, сострадательный, щедрый, готовый помочь каждому нуждающемуся — совѣтомъ, дѣломъ, даже деньгами. Онъ очень любилъ своихъ учениковъ, которые его просто обожали; онъ умѣлъ возбуждать въ нихъ энтузіазмъ и направлять ихъ на путь, соотвѣтствовавшій ихъ способностямъ. Невозможно было болѣе его любить искусство; онъ былъ преданъ ему душой и тѣломъ; это не преувеличеніе, потому что онъ умеръ съ горя, увидѣвъ, что іюльское правительство бросило его школу.

Каждый годъ онъ совершалъ поѣздки въ провинціи для отысканія голосовъ. Онъ посѣщалъ всѣ мѣстечка, села, деревушки, входилъ въ коллегіи, въ пансіоны, во всѣ учебныя заведенія. Тутъ онъ созывалъ всѣхъ воспитанниковъ. Прежде всего онъ разсматривалъ наружность, потомъ говорилъ: — Ну, спой мнѣ чтонибудь. Сдѣлай гамму, ut, ré, mi, fa, sol.

— Ахъ, ты дурень, ничего не знаешь! ну, спой-же: Ah! vous dirai-je, maman?

Ребенокъ пѣлъ, а Шоронъ отвѣчалъ: — Хорошо, будетъ голосъ; поѣзжай со мною, тебя озолотятъ.

И каждый годъ Шоронъ возвращался въ Парижъ съ дюжиною ребятъ въ чеботахъ, мальчиковъ и дѣвушекъ, и представлялъ ихъ намъ съ неизбѣжною фразою: — «Господа, вотъ надежда Франціи!»

Эта фраза напоминаетъ мнѣ очень забавный анекдотъ изъ его жизни.

Въ числѣ учениковъ, особенно памятныхъ въ Шороповой школѣ, были четверо, которыхъ онъ очень любилъ и всегда выставлялъ впередъ, когда хотѣлъ доказать превосходство своей методы преподаванія; это были: Дюпре, Буланже-Кувце, одинъ изъ лучшихъ учителей пѣнія въ Парижѣ, Вашонъ, котораго уже пѣтъ въ Европѣ, и самъ рассказчикъ. Каждый изъ нихъ, съ большими или меньшими способностями, имѣлъ свой родъ, на который его направлялъ учитель. Дюпре въ шестнадцать лѣтъ уже обладалъ тѣмъ широкимъ стилемъ, тѣмъ чуднымъ *santo spirato*, который доставилъ ему такую славу. По таланту, который обѣщали эти ученики, и по особенной милости, какою они пользовались у основателя заведенія, ихъ величали *артистами*. Былъ-ли гдѣ праздникъ, обѣдъ, вечеръ, Шоронъ отправлялся туда съ своими четырьмя неотлучными. Въ праздничные дни, если у него были деньги, что случалось не всегда, онъ какъ кошка проползалъ въ столовую и говорилъ одному изъ насъ на ухо: — «Не набивайте желудковъ... ужъ будетъ гостинецъ.» — Это значило, что мы отправимся *à la Rapée*, и что онъ насъ угоститъ матлоткою. Вилки тотчасъ опускались; мы смотрѣть не хотѣли на яичницу съ саломъ. Мадамъ Шоронъ, замѣтивъ это, ворчала съ неудовольствіемъ: — «Опять *à la Rapée!*» — Съ чего ты взяла! никто и не думалъ! отвѣчалъ Шоронъ, и съ хохотомъ убѣгалъ изъ столовой.

Однажды онъ пришелъ въ школу запыхавшись и въ сильномъ волненіи; призывалъ насъ четверыхъ, и говоритъ: — «Господа, новость! Министръ двора смѣнень; мѣсто его занялъ господинъ Лористонъ, который такъ не расположенъ къ намъ, что хочетъ закрыть школу. Я съ трудомъ упросилъ его, чтобы онъ не осудилъ насъ, по-крайней-мѣрѣ, не выслушавъ. Нынче вечеромъ мы отправляемся къ нему; и такъ, не робѣть: дѣло идетъ о нашей будущности; надо спѣть, что вы тверже знаете; каждый по аріи, и два дуэта. Поди сюда Дюпре; ты будешь пѣть: — *Oh! que je fus*

bien inspirée! Ты, долговязый Вашонъ, — *Di piacer mi balza il cor*, слышишь? Ну а ты, мой милый венеціанецъ, — *Non più andrai farfallone amogoso...* А, мосье де Лорвстонъ, вамъ угодно насъ распустить, закрыть школу... О! *des amans — Di piacer — Non più andrai* — нѣтъ, не устоишь! нѣтъ, нѣтъ! — а господа Консерваторія выщиплютъ себѣ волосы съ досады! И онъ прыгаль, смѣялся, пѣлъ. — Все уладится, твердилъ онъ, все уладится! Хорошенько вычистите платье, сапоги, да пуговицы хорошенько потрите, чтобы все было за-ново, блестяло. Да смотрите, поменьше ѣсть, слышите -ли? а уже вамъ дадутъ по полурюмочкѣ медаку, чтобы придать бодрости.

Пообѣдавъ, какъ можно легче, и нахлобучивъ огромныя треуголки, принадлежавшія къ нашему мундиру, мы отправились вдоль бульваровъ. Это было въ прекрасный июльскій вечеръ. Луна серебрила верхушки деревь, развѣсившихся надъ нами своимъ густымъ листьемъ. Мы шли молча, каждый съ бумажнымъ сверткомъ въ рукѣ; а впереди тащился нашъ учитель, опустивъ голову и не говоря ни слова. Каждый протверживалъ вполголоса трудный переходъ, бойкую руладу, или затѣйливый кадэнсъ. Такъ пришли мы въ Гренельскую улицу, къ дому министра двора. Крѣпко забились наши сердца, когда швейцарь въ галунахъ провозгласилъ: — господинъ Шоронъ съ учениками!

Мы вошли въ обширную залу, въ которой было человекъ двѣнадцать гостей. Громкій голосъ сказалъ Шорону повелительнымъ тономъ: — Это всѣ ваши ученики?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, это только самые лучшіе: это надежда Франціи.

— Вотъ что! отвѣчалъ господинъ Лорвстонъ, засмѣявшись.

— Ваше превосходительство сами изволите увидѣть, сказалъ Шоронъ, и велѣвъ намъ приблизиться, взялъ каждого изъ насъ поочередно за руку.

— Любовникъ, сказалъ онъ, представляя Дюпре съ его могучею грудью; вотъ Буланже, — *semi-carattere*; Вашонъ — *буффо*; а вотъ и *il signor buffo cantante*.

— У васъ, какъ видно, имѣются въ школѣ таланты всѣхъ родовъ, сказалъ министръ, смѣясь.

— Такъ точно, ваше превосходительство, во всѣхъ родахъ. Дюпре и Скудо, ну, спойте дуэтъ *Bella Nice*.

Мы приблизились къ фортепяно, дрожа всѣмъ тѣломъ, но съ твердою рѣшимостью не удариться лицомъ въ грязь. Папсеронъ садится за фортепяно, чтобы аккомпанировать намъ, беретъ вѣсколько аккордовъ, чтобы дать намъ время оправиться. Наконецъ мы начинаемъ. Кругомъ глубокое молчаніе; всѣ взоры устремлены на насъ. Черезъ десятокъ тактовъ, одобрителный говоръ долетаетъ до нашихъ ушей и подкрѣпляетъ наше мужество. Голоса наши становятся смѣлѣе, чище, звонче; исполненіе одушевляется; громкія рукоплесканія привѣтствуютъ насъ. Прекрасно! слышится со всѣхъ сторонъ. О да, прекрасно, восхитительно, неподобно, подхватываетъ Шоронъ, со слезами на глазахъ. Еще разъ, дѣти мои, еще разъ... Франція спасена, прибавляетъ онъ намъ на ухо.

Вечеръ кончился также благополучно, какъ начался. Вышедши отъ министра, мы бѣгали, скакали, какъ сумасшедшіе, бросали шляпы черезъ деревья. Школа устояла, и съ того времени, когда мы ходили въ оперу, служители говорили, указывая на насъ: — Вотъ идетъ надежда Франціи!

Въ эту-то школу была опредѣлена дѣвочка, которой исторію мы начали рассказывать. Имя ея было Роза Нива. Дѣвица Нива не могла назваться хорошенькою, въ обыкновенномъ смыслѣ слова; она была высока не по лѣтамъ, чрезвычайно худа, и не имѣла той прелести движеній, которая дается воспитаніемъ; но у нея была маленькая и прехорошенькая ножка, прелестная талья, живое и выразительное лицо; черные глаза, полные огня, ротъ немножко большой, но опозтизированный самою обворожительною улыбкою. Она была умна, но умъ ея былъ необработанъ. Все въ ней нужно было пересоздать. А съ ея живымъ, разсѣяннмъ нравомъ, это была очень трудная задача. Къ счастью, ея необыкновенныя способности и чувствительность подавали огромныя надежды. Эта богатая, невоздѣланная натура сильно заинтересовала Рамье, молодаго человѣка высокаго ума и рѣдкой души, бывшаго учителемъ въ школѣ Шорона. Онъ подаль ей руку помощи, и съ этой минуты поставилъ себѣ въ непремѣнную обязанность открыть бѣдной дѣвушкѣ путь къ лучшей будущности; сначала одно только самолюбіе побудило Рамье представить дѣвицу Ниву Шорону, но это чувство скоро измѣнилось, и получило развитіе, которому онъ самъ удивился болѣе всѣхъ.

Дѣвица Нива была принята въ школу и отдана на попеченіе самого Рамье. Классъ Рамье состоялъ изъ взрослыхъ молодыхъ людей и дѣвухекъ. Онъ держалъ его въ такомъ порядкѣ, что никогда не слышно было неприличнаго слова; строгость Рамье на этотъ счетъ сдѣлалась даже предметомъ шутокъ его товарищей.

Первые уроки, которые Рамье давалъ дѣвицѣ Нивѣ, были очень оригинальны. Представивъ се своему классу, онъ подозвалъ ее къ себѣ, и сказалъ: — Мадмуазель Нива, вамъ, вѣроятно, уже наговорили много дурнаго обо мнѣ, не такъ-ли? скажите откровенно, вамъ описали меня строгимъ, взыскательнымъ, сердитымъ, букой?

Нива не отвѣчала на этотъ вопросъ.

— Вотъ я вамъ докажу, что меня оклеветали, продолжалъ Рамье. На завтра я не дамъ вамъ другой работы, какъ только умыть лицо; покажѣтесь съ васъ довольно, а тамъ увидимъ.

Громкій хохотъ всего класса былъ отвѣтомъ на этотъ первый урокъ. На слѣдующій день дѣвица Нива явилась въ классъ по-опрятнѣе.

— Теперь, сказалъ Рамье, извольте заняться своими руками; а какъ это дѣло не очень легкое, то я даю вамъ на отчетку ихъ недѣлю.

Черезъ недѣлю, дѣвицы Нивы узнать нельзя было; ея прекрасные зубы были бѣлы, какъ слоновая кость, платочекъ на шеѣ былъ надѣтъ старательнѣе, волосы причесаны, талія лучше обрисовывалась; однимъ словомъ, она совершенно измѣнилась, въ ней пробудился женскій инстинктъ.

Тогда Рамье приступилъ къ ея музыкальному образованію. Не будучи стѣсненъ ничѣмъ въ направленіи его, онъ строго наблюдалъ за нею; назначалъ ей часы занятій и требовалъ отъ нея точнаго отчета въ употребленіи ея времени. Всѣ дѣйствія дѣвухи были подчинены его контролю, и никто не могъ укрыть ее отъ его бдительности. Ни ея мать, ни Шоронъ, никогда не вступались въ его распоряженія.

Мало-по-малу постоянныя и постепенныя упражненія придали голосу Нивы необыкновенную гибкость и звучность. Восхищенный успѣхами ученицы, Рамье уже не ограничивался однимъ музыкальнымъ ея образованіемъ. Умъ Нивы былъ способенъ ко всему; но не-безъ труда, не безъ многихъ слезъ съ ея стороны, успѣлъ онъ переломить ея строптивый нравъ. Нужно было упо-

треблять строгія мѣры, чтобы приучить ее къ правильному труду. Не разъ дѣвушка грозилась воротиться къ прежней своей жизни; но Рамье былъ непоколебимъ; его желѣзная воля всегда покоряла ее упорство. Впрочемъ, Рамье былъ невыразимо добръ къ Нивѣ; онъ посвящалъ ей все свое время; пренебрегалъ собственными дѣлами, чтобы заниматься ея воспитаніемъ, заботился объ удовлетвореніи всѣхъ ея нуждъ.

Такъ взростала Нива подъ крылышкомъ Рамье. Она уже была не та бѣдная дѣвочка, которую онъ подобралъ на улицѣ; она сдѣлалась прелестною дѣвицею, стройною, ловкою, умѣвшею обращаться и говорить. Онъ не могъ смотрѣть на нее безъ гордости, не могъ слышать похвалы ей, не думая про себя: Я сдѣлалъ ее такою! Какъ часто сердце его прыгало отъ радости, когда онъ слышалъ шопотъ вокругъ нея: Какая прелестная дѣвушка! сколько ума, какой талантъ!

Во время уроковъ, когда она пѣла подлѣ него, и голосъ ея изливался въ полныхъ, выразительныхъ звукахъ, взоры его не сходили съ нея. Онъ смотрѣлъ на нее съ восторгомъ, удерживалъ дыханіе, чтобы не проронить одного изъ тѣхъ звуковъ, которымъ онъ научилъ ее. И не мудрено: Нива была его созданіе, отголосокъ его души! О, какъ отрадно слѣдить такимъ образомъ за развитіемъ юной души, обязанной вамъ жизнію! Рамье посвятилъ три года своей жизни на то, чтобы воспитать эту дѣвушку, чтобы подчинить ее своей волѣ, и теперь, когда онъ достигъ своей цѣли, сдѣлавъ ее прелестною дѣвицею, самое совершенство его произведенія огорчало его; но онъ желалъ бы видѣть ее женщиною, равною себѣ! Это понятно, Рамье былъ влюбленъ въ Ниву. Бѣдная дѣвушка, которую онъ воспиталъ такъ строго, съ которою онъ недавно еще обращался такъ нецеремовно, овладѣла его сердцемъ; онъ преклонялся передъ произведешіемъ своихъ рукъ. Любовь эта была тѣмъ глубже, что онъ не смѣлъ высказать ее. И въ самомъ дѣлѣ, какъ переступить вдругъ пространство, отдѣлявшее его отъ Нивы? какъ сбросить съ себя признаки почти отеческой власти, чтобы открыться ей въ чувствахъ, которыя она ему внушала? какъ отречься отъ строгой роли воспитателя, чтобы преклониться передъ дѣвушкою, которая дрожала отъ одного его взора? А Нива, всѣмъ обязанная ему, боявшаяся его столько-же, какъ приняла-бы она при-

знание въ чувствѣ, которое ей и въ голову не приходило подозрѣвать въ своемъ благодѣтель? Съ другой стороны, Рамье былъ слишкомъ благороденъ, слишкомъ проникнуть важностію дѣла; которое онъ принялъ на себя, чтобы употребить во зло безграживную довѣренность своей питомицы.

Между тѣмъ Нива дѣлала съ каждымъ днемъ новыя успѣхи; она уже превзошла всѣ надежды учителя. Способность ея схватывать самыя тонкія отгѣвки искусства была истинно изумительна. Ея прекрасный голосъ, выразительное лицо, широкій, смѣлый стиль, приводили въ восторгъ всѣхъ видѣвшихъ и слышавшихъ ее; каждый разъ, какъ она пѣла въ классѣ Рамье, конца не было рукоплесканіямъ и кликамъ восхищенія. Въ свѣтъ успѣхи ея были еще блистательнѣе; ее осыпали подарками и привѣтствіями, и она, со слезами на глазахъ, говорила Рамье: — О мой благодѣтель, вамъ обязана я всѣмъ этимъ!

Три года Нива была въ школѣ Шорона, а никто не слышалъ ея, кромѣ учениковъ Рамье. Однажды Шоронъ сказалъ ему: — Когда же доставишь ты намъ счастье услышать твое чудо? — Этотъ вопросъ доказывалъ, что директоръ былъ предубѣжденъ противъ Нивы завистливыми ея соученицами, которыхъ самолюбіе оскорблялось предпочтеніемъ, которое ей оказывалъ Рамье. Назначенъ день для слушанія Нивы. Такія представленія совершались всегда въ общихъ собраніяхъ школы, подъ предсѣдательствомъ самаго Шорона. Это было величественное зрѣлище. Каждый профессоръ поочередно проходилъ съ своими учениками, передъ начальникомъ, который изъявлялъ свое удовольствіе или неудовольствіе. День, назначенный для дебюта Нивы передъ всею школою, былъ въ субботу, въ 1829 году. Вся школа была созвана; было даже много постороннихъ дамъ, которыя, зная романтическую исторію молодой виртуозки, изъявили желаніе слышать ее. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ; всѣмъ любопытно было видѣть результатъ трехгодичнаго ученія; всѣ пришли съ чувствами, болѣе или менѣе, благопріятными или враждебными для дебютантки.

— Ну, мы готовы, говоритъ Шоронъ.

Рамье выводитъ свою ученицу на эстраду. Она дрожитъ, грудь ея высоко воздымается. Рамье сидитъ передъ фортепьяно, сердце его сильно бьется. Вотъ онъ ударилъ нѣсколько аккордовъ, и

шепчетъ Нивѣ: — Не робѣйте! и Нива начинаетъ пѣть эту дивную арію Николини:

Or che son vicino a te,

Stanca son di palpar,

которую такъ превосходно передавала Паста. Когда Нива доходитъ до трогательной фразы:

Tanto amore et tanta fé...

громъ рукоплесканій покрываетъ ея голосъ. Шоронъ бросается на эстраду, плачетъ, какъ ребенокъ, и, обнявъ Ниву, осыпаетъ ее поцѣлуями, не въ силахъ будучи произнести слова. Всѣ ученики встали и окружаютъ своего наставника. Рамье одинъ сидитъ передъ фортепяно, поникнувъ головою и стараясь преодолѣть свое волненіе. Увидѣвъ его, Нива вырывается изъ объятій Шорона, и кидается на шею своему благодѣтелю.

— Bravo, bravo! раздается со всѣхъ сторонъ.

Сцена была чудесная: лучший день въ жизни Рамье.

Съ нѣкотораго времени, Шоронъ далъ Рамье новаго ученика. Это былъ молодой человѣкъ очень пріятной наружности, по имени Рифо. Съ перваго разу, какъ онъ увидѣлъ и услышалъ Ниву, онъ былъ восхищенъ ею. Съ этой минуты онъ не спускалъ съ нея глазъ, всегда находилъ случай сказать ей лестное слово, угодить ей. Этотъ завязывающійся романъ не долго укрывался отъ прозорливости Рамье; онъ былъ имъ очень огорченъ, пытался даже разрушить его; но, какъ обыкновенно бываетъ, старанія его только успили зло.

Однажды, въ воскресенье, въ маѣ 1830 года, Рамье и Нива должны были обѣдать у одной знатной дамы, принимавшей большое участіе въ молодой артисткѣ. Нива отказалась, подъ предлогомъ нездоровья. Рамье отправился одинъ, но едва обѣдъ кончился, онъ поспѣшилъ домой, провѣдать свою ученицу, которой нездоровье беспокоило его. Погода была чудесная, и онъ пошелъ по Нивалидному бульвару. Онъ несъ Нивѣ огромный букетъ цвѣтовъ; на сердцѣ его было легко и радостно, какъ рѣдко бываетъ въ жизни. Вдругъ у него темнѣетъ въ глазахъ, ноги дрожатъ и подгибаются; онъ хочетъ идти, но не можетъ, и принужденъ прислониться къ дереву: онъ узналъ Ниву, шедшую ему на встрѣчу, подъ руку съ Рифо. Рамье не могъ вымолвить слова; жгучій потъ катился по его лицу; его горесть была изъ тѣхъ, которыя не мо-

гутъ облегчаться слезами. Послѣ нѣсколькихъ мгновеній молчанія, Рамье, собравъ все свои силы, пошелъ мимо, не сказавъ ни слова, и оставивъ Ниву въ ужасномъ смущеніи и страхѣ. Для него все было кончено; онъ никогда не говорилъ своей ученицѣ объ этой встрѣчѣ, не дѣлалъ ей упрековъ, продолжалъ заботиться объ ней, какъ будто ничто не измѣнило чувствъ его къ ней. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, разразилась польская революція; школа Шорона была закрыта, а черезъ двѣ недѣли, Рамье уѣхалъ изъ Парижа.

Онъ уже съ полгода жилъ въ одномъ провинціальномъ городѣ, когда пріѣхала туда молодая пѣвица, о которой отзывались съ большими похвалами. Она давала концертъ. Въ назначенный день, зала ратуши была полна, весь городъ съѣхался слушать великую артистку. Музыканты-любители сыграли увертюру, является примадонна. На афишкѣ была объявлена арія Николини. Молодая пѣвица смѣло подходитъ къ фортепьяно, нисколько не смущаясь передъ многочисленною публикою, и съ невыразимою нѣжностью начинаетъ прекрасное адажіо:

Oh che son vicino a te...

и вдругъ на первомъ стихѣ останавливается. Голосъ ея дрожитъ, лицо покрывается смертною блѣдностью; она хочетъ продолжать и не можетъ; слезы брызжутъ изъ ея глазъ; она готова упасть на полъ. Рамье, увидѣвъ это, бросается къ ней на помощь, усаживаетъ ее, беретъ изъ рукъ ея ноты, и поетъ вмѣсто ея:

Oh che son vicino a te

Stanca son di palpitar,

съ такимъ выраженіемъ глубокой, пожирающей тоски, что вся зала поражена, какъ громомъ.

Концертъ не могъ продолжаться, и былъ отмѣненъ. Нива, — это была она, — узнала Рамье, который пропѣвъ арію, вышелъ изъ залы, а на слѣдующее утро уѣхалъ изъ города.

Десять лѣтъ спустя послѣ разсказаннаго происшествія, на театрѣ Королевской Академіи Музыки давали новую оперу, на которую сбѣгался весь Парижъ. Любимая пѣвица публики имѣла въ ней неслыханный успѣхъ. Въ четвертомъ дѣйствіи, въ одной изъ самыхъ драматическихъ сценъ, изъ темнаго уголка партера раздалось вдругъ громкое рыданіе. Это былъ Рамье; онъ плакалъ, какъ ребенокъ, узнавъ Ниву въ модной пѣвицѣ, называвшейся уже Розинною Штолицъ.

МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ ЮГАННА-ХРИСТИАНА БРАНДЕСА, НѢМЕЦКАГО АКТЕРА И ДРАМАТУРГА

XVIII ВѢКА.

.... Vita est nobis aliena magistra.

Жизнь для насъ суровая наставница.

Катонъ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА I.

Въ Майнцѣ мы были очень дружески встрѣчены пѣвицею Гельмутъ и ея мужемъ, которые въ одно время съ нами были при Веймарскомъ театрѣ, а въ настоящее время при капеллѣ курфирста. Очень мило принялъ насъ также мой мангеймскій знакомый Гердтъ. Три дня, которые мы провели въ Майнцѣ, были для насъ настоящимъ праздникомъ, и мы съ трудомъ могли вырваться отъ своихъ гостепріимныхъ друзей. Когда мы наконецъ уѣхали, я увидѣлъ, что во всѣ карманы кареты были засунуты бутылки лучшаго рейнвейну изъ погреба Гердта. Три года спустя, по возвращеніи моемъ изъ Лифляндіи, я видѣлъ того же Гердта въ Гамбургѣ, актеромъ, и довольно порядочнымъ; страсть къ театру заставила его отказаться отъ хорошаго мѣста, которое онъ занималъ въ службѣ курфирета. По прибытіи нашемъ во Франкфуртъ на Май-

нѣ, я получилъ письмо отъ поэта Вертеса, изъ Мангейма, который извѣщалъ меня, что гамбургская дирекція уже ангажировала другихъ актрисъ на роли моей жены и моей дочери; и что если это обстоятельство побудитъ меня возвратиться въ Мангеймъ, то я могу смѣло ожидать тѣхъ же условій, какія были мнѣ предложены прежде, и даже еще выгоднѣйшихъ. Это извѣстiе и сопровождавшее его приглашенiе могли-бы поколебать меня; но, размысливъ хорошенько о томъ, что у меня былъ контрактъ, подписанный гамбургскою дирекціею, что я получилъ даже деньги на проѣздъ, я заключилъ, что сообщенное мнѣ извѣстiе должно быть недоразумѣнiе или ложный слухъ, и рѣшился быть вѣренъ данному слову. Поэтому я просилъ Вертеса благодарить Мангеймскаго директора за предложенiе, и продолжалъ свой путь, нигдѣ не останавливаясь. Въ то же время, для предупрежденiя всякой ошибки, я написалъ, тотчасъ по полученiи Вертесова письма, къ гамбургской дирекціи, извѣщая ее о своемъ выѣздѣ и о днѣ прибытія въ Гамбургъ. Это обстоятельство и гощенiе мое въ Майнцѣ и во Франкфуртѣ были причиною тому, что при проѣздѣ нашемъ чрезъ Гиссенъ, мнѣ невозможно было повидаться съ другомъ моимъ, профессоромъ Шмитомъ, который такъ обидѣлся этимъ мнимымъ невниманiемъ, что пересталъ съ того времени писать ко мнѣ. Съ моей стороны не было однако же никакого невниманiя. Человѣкъ, котораго я послалъ къ нему, пока намъ запрягали лошадей, извѣстить его о моемъ проѣздѣ, и попросить его ко мнѣ, не засталъ его дома; а почтмейстеръ такъ поторопился перемѣнить лошадей, и такъ настоятельно требовалъ, чтобы я ихъ не задерживалъ, что послѣ второй неудачной посылки, я принужденъ былъ сѣсть въ карету и ѣхать, не исполнивъ своего желанiя. Тѣ же обстоятельства не позволили мнѣ останавливаться въ Ганноверѣ и въ Целле, гдѣ у меня также было довольно знакомыхъ.

Какъ скоро мы пріѣхали въ Гамбургъ, господа Фогтъ, Грехе и Бостель, управлявшіе театромъ отъ имени тридцати акціонеровъ, приняли насъ съ необыкновеннымъ почетомъ. Они давали намъ блестящіе праздники, и съ перваго взгляда все предвѣщало намъ долгое и прiятное пребыванiе въ этомъ городѣ. Г-жа Реншубъ, на мѣсто которой была ангажирована моя жена, была отпущена, какъ скоро мы извѣстили дирекцію съ точностью о времени нашего прибытія, и еще до пріѣзда нашего отправилась съ мужемъ въ Мангеймъ. Но къ крайнему нашему удивленiю, мы здѣсь опять встрѣтились съ г-жею Зейлеръ. Она тотчасъ явилась

къ моей женѣ, съ распростертыми объятіями, умоляла ее забыть прежнія неудовольствія и клялась быть ей впредь самымъ вѣрнымъ и преданнымъ другомъ. Къ несчастію, какъ я уже говорилъ, Шарлотта была чрезвычайно живаго нрава. Неожиданная встрѣча такъ поразила ее, что она не могла скрыть своего смущенія и неудовольствія, и воскликнула: — «Какъ, вы опять здѣсь? я, право, думаю, что еслибъ я бѣжала отъ васъ въ бездну ада, то и тамъ столкнулась-бы съ вами».

Изъ этого отвѣта, госпожа Зейлеръ заключила, что ей не такъ легко будетъ примириться съ прежнею своею соперницею, какъ она надѣялась. А какъ она боялась, чтобы мы не помѣшали ей ангажироваться, рассказавъ кое-что о ея интригахъ, то и успѣшила заключить контрактъ съ дирекціею, не разбирая слишкомъ строго условій. Такимъ-образомъ, жена моя опять встрѣтилась съ самою неугомонною изъ своихъ соперницъ, и относительно ролей, осталась почти въ томъ-же положеніи, какъ въ Мангеймѣ.

Дочери моей была такая-же неудача. Знаменитая пѣвица, г-жа Бенда, незадолго передъ тѣмъ поссорилась съ дѣвицею Кейльгольцъ старшею, которая была, конечно, ниже ея, какъ артистка, но имѣла прекрасный голосъ и была очень любима публикою. Она настоятельно требовала отъ дирекціи, чтобы дѣвицѣ Кейльгольцъ было отказано, а какъ дирекція не согласилась на такое несправедливое требованіе, то она отказалась сама. Вслѣдствіе этого происшествія были мы ангажированы, и потому контрактъ съ нами былъ заключенъ такъ успѣшно. Но вскорѣ разнесся слухъ, будто мы возобновили свой контрактъ съ Мангеймскою дирекціею, и Гамбургская дирекція, боясь остаться на мели, успѣшила помириться съ г-жею Бендою, такъ, что когда мы пріѣхали въ Гамбургъ, дочь моя встрѣтила двухъ опасныхъ соперницъ, которыя занимали все главныя роли въ оперѣ, и подобно матери, должна была отказаться отъ своихъ надеждъ, и принять амплу ниже тѣхъ, которыя она занимала до того времени.

Первою ролью, въ которой она явилась здѣсь, была роль Партевінъ въ Виландовой оперѣ «Альцеста». Пѣніе и игра ея удостоились всеобщаго одобренія, несмотря на то, что нѣкоторые строгіе судьи предпочитали ей г-жу Бенду, и были въ томъ совершенно правы. Минна обладала превосходнымъ голосомъ, хорошо знала музыку, была молода и хороша собою; но г-жа Бенда была

уже опытная артистка, вполне развившая свой талантъ, и имѣла болѣе глубины чувства. Впрочемъ, эта видимая неудача имѣла весьма полезныя послѣдствія для молодой артистки. Она удвоила свое стараніе, чтобы достойно состязаться съ соперницею, съ болѣею ревностью принялась за изученіе своего искусства и довела его до того, что черезъ два года самыя строгіе судьи считали счастьемъ слышать ее и признали ее несравненно пьянисткою и одною изъ первыхъ пѣвицъ Германіи.

Все, чего я опасался, по пріѣздѣ своемъ въ Гамбургъ, къ несчастію сбылось. Зависть и интриги мало-по-малу овладѣли театромъ. Я могъ бы, правда, устранить отчасти послѣднія, принявъ должность режиссера, которую мнѣ предлагали по отъѣздѣ актера Борхерса, исправляющую ее до-тѣхъ-поръ. Но театръ былъ въ такомъ состояніи, что режиссеру предстояло только множество заботъ и непріятностей и весьма мало чести и радости; поэтому я предпочелъ уклониться отъ этой должности. Сверхъ того, жена моя имѣла, кромѣ г-жи Зейлеръ, двухъ другихъ соперницъ, почти равныхъ ей по таланту и моложе ея, г-жу Борхерсъ и дѣвицу Реймерсъ, такъ, что, не смотря на всѣ ея заслуги, ей рѣдко давались роли, и по большей части роли ничтожныя. Почти въ такомъ же положеніи была моя дочь, особенно въ комедіи. Что касается до меня, всѣ мои роли были заняты гораздо лучшими актерами. Слѣдовательно театръ могъ очень легко обойтись безъ насъ, и на насъ не обращали почти никакого вниманія.

ГЛАВА II.

Не имѣя почти никакихъ занятій, какъ актеръ, я тѣмъ усерднѣе могъ привѣяться за свои литературныя труды. Я окончилъ свою комедію «*Янъ изъ Занова или помпшицкѣвъ Берлинъ,*» которая и была напечатана въ Гамбургѣ. Затѣмъ я принялся за драму «*Отецъ народа*» и комедію «*Одному по закону, а другому по праву;*» но не успѣлъ окончить этихъ сочиненій, потому что принужденъ былъ снова перекочевать. Комедія «*Наслѣдство или молодой скупецъ,*» была играна здѣсь въ первый разъ, и съ большимъ успѣхомъ. Въ числѣ почтенныхъ и достойныхъ особъ, почтившихъ меня своею дружбою, я иазову даровитаго компози-

тора Швенке младшаго *, который впоследствии назначенъ директоромъ музыки въ Гамбургѣ, на мѣсто Карла - Эмануэла Баха. Онъ написалъ отличную, весьма характеристическую музыку къ антрактамъ моей комедіи «Квирликовичскіе комедіанты».

Однажды встрѣтилъ я на улицѣ человѣка, одѣтаго чрезвычайно просто, въ парикѣ, какіе носили тогда моряки; черты его показались мнѣ знакомыми; я приблизился къ нему, и съ удивленіемъ узналъ подъ этимъ скромнымъ платьемъ одного изъ знаменитѣйшихъ героевъ Германіи, герцога Фридриха Брауншвейгскаго. Я счелъ неприличнымъ остановить его на улицѣ; но тотчасъ явился къ своему давнишнему покровителю на квартиру. Онъ стоялъ въ гостиницѣ, скрывая свое высокое званіе подъ именемъ купеческаго прикащика. Онъ принялъ меня съ обычною своею любезностью, долго разговаривалъ со мною о гамбургскомъ театрѣ, о моихъ занятіяхъ, объ успѣхахъ моей дочери, и отпустилъ меня съ увѣреніемъ въ неизмѣнной своей благосклонности.

Одною изъ первыхъ моихъ заботъ, по пріѣздѣ въ Гамбургъ, было — отыскать вдову покойнаго моего друга и благодѣтеля Дрейера. Послѣ долгихъ усилій, я наконецъ отыскалъ ее въ отдаленномъ и грязномъ переулкѣ, въ полуразвалившемся домикѣ; она занимала крошечную комнату, которой окно, вмѣсто стеколъ, было заклѣнено бумагою; въ комнатѣ было такъ мало свѣту, что едва можно было различать предметы. Тутъ она деживала свой вѣкъ, забытая прежними друзьями, въ ужаснѣйшей нищетѣ. Къ довершенію несчастія, она уже нѣсколько лѣтъ была слѣпа и не могла свискивать себѣ пропитаніе работою. Дочь ея завела нѣчто въ родѣ школы, и этимъ кормила себя и мать; но доходъ отъ шести или семи учениковъ, — больше она не могла брать по тѣснотѣ помѣщенія, — былъ такъ скуденъ, что имъ верѣдко приходилось сидѣть на хлѣбѣ и водѣ. Я ужаснулся при видѣ бѣдственнаго положенія старушки; средства не позволяли мнѣ совершенно извлечь ее изъ нужды; однако-же я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы облегчить ея жалкую участь.

Въ томъ-же домикѣ и почти въ такой-же кавурѣ жила женщи-

* Христіанъ Фридрихъ Готлибъ Швенке, отецъ пяти живущихъ чetyрехъ музыкантовъ Швенке, родился въ 1767, умеръ въ 1822 году. Его духовныя сочиненія, и учено - музыкальныя статьи стяжали ему почетное мѣсто въ исторіи искусства.

на, еще не старая, свискивавшая себѣ пропитаніе шитьемъ, вязаніемъ и всякаго рода рукодѣльными работами. Она видѣла меня, и по уходѣ моемъ стала съ любопытствомъ справляться о моемъ имени, званіи и жительствѣ. Нѣсколько дней спустя она пришла ко мнѣ довольно рано утромъ, съ поклономъ отъ вдовы Дрейеръ и съ предложеніемъ своихъ услугъ; но какъ въ это время мы не нуждались въ швеѣ, то я принужденъ былъ ей отказать. Это, по видимому, очень опечалило ее. Она была одѣта очень чисто, но бѣдно; я заключилъ изъ этого, что она была въ большой нуждѣ, но стыдилась вѣроятно просить вспомошествованія. Въ этомъ предположеніи я открылъ кошелекъ и предложилъ ей небольшую помощь. — «Что вы это! вотъ до чего я дожила!» вскричала она, закрывая лицо руками и крупныя слезы покатались изъ ея глазъ. Это восклицаніе и это движеніе возбудили во мнѣ большое любопытство. Съ самаго прихода ея, я былъ пораженъ благородствомъ ея пріемовъ; стараясь успокоить ее, я рассмотрѣлъ ее внимательно, и мнѣ показалось, будто я гдѣ то видалъ это лицо. Я спросилъ ея имя. — «Вдова Бернеръ», отвѣчала она, едва слышно и потупивъ глаза. Вы видали меня лѣтъ двѣнадцать назадъ, но теперь едва-ли припомните меня.» — Бернеръ! вскричалъ я, это имя моего друга. Неужели... Нѣтъ, невозможно! Бернеръ былъ богатъ, а вы.... — «Былъ», отвѣчала она съ тяжелымъ вздохомъ, и я была счастлива при немъ. Я была женою человѣка, который гордился вашею дружбою и котораго давно уже нѣтъ въ живыхъ. Увы! я была главною виновницею его разоренія, а можетъ быть и его смерти! Мое легкомысліе, мое тщеславіе погубили лучшаго изъ людей и я теперь жестоко наказана....» Слезы и рыданія не позволили ей продолжать. Я самъ былъ такъ удивленъ, такъ пораженъ, что не могъ говорить. Я побѣжалъ за стуломъ и усадилъ несчастную, которая едва стояла на ногахъ. — Умеръ!... тотъ, котораго я такъ любилъ и уважалъ и надѣлся еще увидѣть въ довольствѣ и счастіи!... а вы, — вы его вдова, и въ такой нищетѣ!... какъ это возможно, объясните мнѣ. Помолчавъ нѣсколько минутъ, и собравшись съ силами, она рассказала мнѣ свою исторію.

ГЛАВА III.

— «Вы знали насъ въ блестящемъ положеніи, въ такое время-когда можно было позавидовать нашему семейному счастью. Увольте меня отъ воспоминаній о счастіи, утраченномъ безвоз-

вратно, они для меня слишкомъ тягостны. Я прямо приступлю къ нашимъ несчастіямъ и ихъ источнику. Послѣ того, какъ вы выѣхали изъ Гамбурга, мы еще нѣсколько лѣтъ провели въ этомъ счастливомъ и безмятежномъ положеніи; но скоро наступила пора тревоги и горя. Я захворала; болѣзнь моя была не опасна, но довольно продолжительна. Врачъ приписалъ медленность моего выздоровленія вредному дѣйствию городскаго воздуха и совѣтовалъ мнѣ на нѣкоторое время переѣхать въ деревню. Мужъ мой, не дожидаясь моей просьбы, поспѣшнѣ нанялъ дачу съ садомъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Гамбурга. Чистый, дачный воздухъ, дѣйствительно, благопріятно подѣйствовалъ на мое здоровье и я скоро поправилась. Эта дача мнѣ чрезвычайно понравилась, а какъ она по обстоятельствамъ продавалась очень дешево, то мужъ мой, получивъ въ этомъ году хорошіе барыши, рѣшился купить ее, чтобы сдѣлать мнѣ пріятный подарокъ въ день моего рожденія. Такимъ образомъ я могла жить попеременно, то въ своемъ городскомъ домѣ, то на дачѣ, смотря потому, какъ позволяли время и дѣла. Какъ дача была въ довольно значительномъ разстояніи отъ города, а я была слишкомъ слаба, чтобы совершать этотъ путь пѣшкомъ, то я ѣздила сначала въ наемной каретѣ; но когда здоровье мое довольно поправилось, чтобы мнѣ осмотрѣться покругъ себя, я замѣтила, что всѣ мои сосѣди, безъ исключенія, держали собственные экипажи. Это задѣло за живое мое самолюбіе, которое было не послѣднимъ изъ моихъ недостатковъ. Зная, что мужъ сдѣлаетъ для меня все, что будетъ возможно, я убѣдила его купить мнѣ карету и лошадей. Но едва моя просьба была исполнена, какъ мнѣ показалось, что неприлично мнѣ самой отворять дверцу кареты, чтобы садиться въ нее или выходить изъ нея. Нужно было нанять лакея и сшить ему богатую ливрею. Эта врезавшая роскошь надѣлала много шума между сосѣдами, а мнѣ того только и хотѣлось. Помѣщики, которые до тѣхъ поръ не обращали вниманія на маклершу, разсудили, что теперь имъ можно было водиться со мною, и стали искать моего знакомства. Мое общество имъ понравилось, и они начали безпреставно звать меня къ себѣ и осыпая своими любезностями. До сихъ поръ это не причиняло мнѣ большихъ расходовъ. Скоро я такъ подружился со всѣми, что весь околотокъ составлялъ какъ бы одно семейство, которое гостило попеременно то у одного, то у другаго изъ своихъ членовъ. Наконецъ, наступила зима и привудила меня переѣхать въ городъ. Скоро переѣхали и мои новые друзья и явились ко мнѣ съ визитами; я замѣтила, что сосѣдки мои были одѣты гораздо щеголеватѣе и богаче, чѣмъ на

дачь. Приличіе требовало, чтобы я отдала имъ визитъ; но мнѣ больно и обидно было явиться къ нимъ не такъ хорошо одѣтой. Мужъ мой, къ несчастію, слишкомъ снисходительный къ моимъ прихотямъ, замѣтилъ это, и тотчасъ закупилъ мнѣ самыхъ модныхъ зимнихъ нарядовъ, чтобы я могла состязаться съ своими знакомыми. За визитами послѣдовали обѣды, ужины, балы, концерты, и прочая, и каждое новое приглашеніе было новымъ поводомъ къ издержкамъ и для меня, и для моего мужа. Во всѣхъ домахъ мы видѣли серебро, отличные фарфоры, чудесную мебель; женщины силились затмить другъ друга богатствомъ нарядовъ и количествомъ брилліантовъ. Все это кололо мое самолюбіе, которое возрастало съ каждымъ днемъ. У бѣднаго моего мужа голова шла кругомъ, при мысли о всѣхъ приглашеніяхъ, которыхъ насъ удостоивали и о необходимости отплатить ихъ. Ему оставалось только или стараться жить такъ же открыто и такъ же богато, что было намъ не по силамъ, или вовсе отказаться отъ такихъ разорительныхъ знакомствъ. Онъ охотно выбралъ-бы послѣднее; но какъ такая переменна образа жизни ужасно огорчала и оскорбляла меня, да и онъ самъ боялся, чтобы она не возбуждала подозрѣній на счетъ его дѣлъ и не поколебала его кредита, то онъ долженъ былъ, закрывъ глаза, отдаться на произволъ увлекавшаго его потока и гнаться за первыми богачами города. Скоро мы поставили свой домъ на такую ногу, что онъ могъ считаться однимъ изъ первыхъ въ городѣ.

«Нѣкоторое время, все шло довольно хорошо, потому что мужу моему везло въ торговлѣ, и огромные барыши давали ему средства покрывать наши безразсудные расходы. Но кругъ нашихъ знакомыхъ безпрестанно разширялся, а съ тѣмъ вмѣстѣ и число праздниковъ; наконецъ, не было праздника въ городѣ, на которомъ мы не были-бы въ числѣ почетныхъ гостей, а приличіе требовало, чтобы мы за каждый праздникъ платили праздникомъ. Прежде я сама смотрѣла за хозяйствомъ; по тутъ я принуждена была проводить утро за туалетомъ или въ визитахъ, а вечеръ за картами, и сдать хозяйство на чужія руки. Мужъ мой также, мало по малу, пристрастился къ шумнымъ удовольствіямъ, и сталъ запускать свои дѣла.

«Неудачи въ картахъ, покупка модныхъ нарядовъ, измѣнявшихся почти каждый мѣсяць, и множество другихъ расходовъ ввелъ меня въ долги, которые возрастали съ каждымъ днемъ. Наконецъ займодавцы начали приступать ко мнѣ за своими день-

гамъ, а какъ суммы, которую мужъ давалъ мнѣ каждый мѣсяцъ на наряды, — суммы очень достаточной, — едва хватало на уплату процентовъ нѣкоторымъ жидамъ-ростовщикамъ, у которыхъ я заимала деньги, то я принуждена была открыть мужу свое трудное положеніе. Это было началомъ ужасной катастрофы, которая разорила насъ въ конецъ.

« Мужъ мой, прежде столь веселый и кроткій, даже въ дѣловыхъ сношеніяхъ, вдругъ сталъ задумчивъ и раздражителенъ. Прежде онъ былъ чрезвычайно воздерженъ, но тутъ я стала замѣчать, что онъ приходилъ иногда домой навеселѣ; и если въ этомъ состояніи онъ былъ веселъ, то эта веселость была лихорадочная и онъ начиналъ ребячиться. Однажды, когда онъ былъ въ такомъ состояніи, я воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы открыть ему свою нужду, и просить у него денегъ на уплату долговъ. Зная его безграничную любовь ко мнѣ, я была увѣрена, что онъ только пожуритъ меня и дастъ деньги, но къ великому моему удивленію, выслушавъ мое признаніе, онъ съ яростью бросился на меня и вскричалъ отчаяннымъ голосомъ: — »Такъ и ты также, несчастная?... Хорошо, теперь гибель наша неизбежна!... Впрочемъ, продолжалъ онъ съ безумнымъ хохотомъ, что тутъ много толковать, нѣсколько тысячекъ рейхсталеровъ болѣе или менѣе равно ничего не значать! мнѣ и безъ того не миновать банкротства.» Я остолбенѣла отъ ужаса при этой вѣсти и не могла слова выговорить. Онъ побѣждалъ къ своей каторжѣ, вынулъ нѣсколько писемъ и дрожащею рукою подалъ ихъ мнѣ. — « Читай и ты узнаешь всю истину, » сказалъ онъ, и въ изнеможеніи опустился на стулъ. Частію изъ этихъ писемъ, частію изъ объясненій мужа, я узнала, что незадолго передъ тѣмъ большой торговый домъ въ Лондонѣ, противъ всякаго ожиданія, обанкротился, и вовлекъ въ свое банкротство нѣсколько купцовъ, съ которыми мужъ мой имѣлъ дѣла. Кромѣ того, что онъ самъ лишился чрезъ это значительныхъ суммъ, съ каждою почтою онъ получалъ свои векселя отъ своихъ заграничныхъ корреспондентовъ, пострадавшихъ отъ этого банкротства и суждавшихся въ деньгахъ. Онъ не могъ уплатить ихъ, потому что непомѣрные издержки, въ которыя онъ вошелъ изъ угожденія ко мнѣ, совершенно истощили его средства.

« Какъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ никто изъ друзей, на которыхъ онъ наиболѣе рассчитывалъ, не хотѣлъ сдѣлать ему значительной денежной ссуды, то банкротство его

было неизбежно. По окончаніи конкурснаго слѣдствія, имя его было опубликовано на биржѣ, какъ банкрота *неосторожнаго*. Домъ, дача, экипажи, мебель, серебро, товары, все, что имѣло сколько нибудь цѣнности, было продано съ молотка. Кредиторы раздѣлили между собою выручку, которая не составила и трети ихъ претензій. Бѣдный мужъ мой долженъ былъ, для нашего пропитанія, искать мѣста конторщика въ купеческомъ домѣ. Скоро онъ лишился и этого средства, потому что онъ привыкъ заливать горе виномъ; сначала его держали изъ состраданія, потомъ стали презирать, и наконецъ, все отступились отъ него, какъ отъ горькаго пьяницы. Тогда-то мы впали въ самую глубокую нищету. Несчастный, въ отчаяніи, хотѣлъ ѣхать въ Остъ-Индію или въ Америку, но схватилъ горячку, которая положила конецъ его страданіямъ. Можете себѣ представить мое ужасное положеніе! Я не смыкала глазъ по ночамъ; мысль, что я, своимъ непростительнымъ легкомысліемъ была причиною смерти лучшаго изъ мужей, терзала мою совѣсть. Я была неутѣшна, къ этимъ страданіямъ присоединилось еще оскорбительное поведеніе окружающихъ меня, которые когда то называли себя нашими друзьями. Все отворачивалось отъ меня съ презрѣніемъ, и говорили велухъ, что я разорила и убила мужа; никто не только не подалъ мнѣ помощи, но не изъявилъ даже состраданія къ моей участи. Я написала къ нѣкоторымъ изъ своихъ родныхъ, прося ихъ прислать мнѣ мѣсто; но вездѣ встрѣтила тоже жестокосердіе. Голодъ и нищета принудили меня поступить въ услуженіе къ одной дворянкѣ, жившей въ Гольштейнѣ. Тутъ я могла, по крайней мѣрѣ, удовлетворять самыя необходимыя потребности; но судьба, безпощадно преслѣдовавшая меня, лишила меня и этой послѣдней опоры. Моя покровительница умерла отъ чахотки, которою она страдала уже много лѣтъ. Не находя другаго мѣста, я принуждена была опять переѣхать въ Гамбургъ, нанять комнатку въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ кварталовъ города, и спискивать пропитаніе рукодѣльемъ. Такъ живу я уже нѣсколько лѣтъ, забытая всеми своими прежними друзьями. Не въ такомъ положеніи была я, когда вы видѣли меня въ первый разъ!»

Этотъ рассказъ тронулъ меня до слезъ. Я не могъ не сострадать къ несчастной, не смотря на то, что она своимъ тщеславіемъ и своею расточительностію была одною изъ первыхъ причинъ резорціи и смерти мужа. Къ счастью, у нея не было дѣтей; и хотя тяжела была ея доля, однако же она переносила ее съ до-

стоинствомъ и безъ ропота, а какъ она была трудолюбива и дѣятельна, то положеніе ея не могло сравниться съ положеніемъ вдовы моего благодѣтеля Дрейера. Однако же я счелъ долгомъ помогать ей по своимъ средствамъ, чтобы доказать ей свою благодарность за дружбу, которою почтили меня она и ея мужъ въ свои счастливыя времена.

ГЛАВА IV.

Въ началѣ осени, купцы-акціонеры, на иждевеніи которыхъ содержался до-тѣхъ-поръ театръ, собравшись для разсмотрѣнія его счетовъ и убѣдившись, что значительная часть ихъ взносовъ уже пропала безвозвратно, рѣшились отступиться отъ предпріятія. Кондитеръ Дрейеръ, человекъ богатый, одинъ изъ тридцати акціонеровъ, вызвался взять его на свой счетъ, со всеѣми бывшими на немъ долгами, и назначилъ режиссеромъ моего друга, извѣстнаго драматическаго поэта Бромеля. Эта перемѣна имѣла важныя послѣдствія для меня и моего семейства, потому что новый антрепренеръ плохо понималъ театральное дѣло и видѣлъ въ немъ одно только торговое предпріятіе; онъ заботился объ одномъ, какъ-бы взять побольше барыша и подрѣзывать расходы. Съ этой цѣлью, онъ отказалъ нѣкоторымъ неважнымъ, хотя и полезнымъ членамъ труппы; за тѣмъ, замѣтивъ, что я, моя жена и дочь рѣдко являлись на сценѣ, онъ разсчелъ, что можно обойтись и безъ насъ и противъ всякаго ожиданія отказалъ намъ. Вскорѣ за тѣмъ все пѣвцы и пѣвицы подверглись той же участи. Г-жа Бенда, даровитая артистка, бывшая долго любимницею публики, около этого времени возбудила ея непріязнь слишкомъ откровеннымъ, можетъ быть и не совсемъ справедливымъ отзывомъ о ея вкусѣ, который она имѣла неосторожность сказать вслухъ, въ театрѣ. Публика осталась недовольна при слѣдующемъ представленіи оперы «*Прекрасная Арсенія*», въ которой она исполняла главную роль и не могла пѣть по причинѣ сильнаго насморка. Нѣкоторые разсказывали это происшествіе иначе. Г-жа Бенда незадолго передъ тѣмъ была въ Любекѣ и давала тамъ концертъ, на который явилось очень мало слушателей. Потомъ семейство П., изъ Любека, пріѣхавъ въ Гамбургъ, изъявило желаніе слышать знаменитую пѣвицу и дирекція поспѣшила дать «*Прекрасную Арсенію*». Но г-жа Бенда, взбѣшенная дурнымъ пріемомъ, сдѣланымъ ей въ Любекѣ, и не имѣя возможности помѣшать представленію, сказалась больною, чтобы не пѣть.

Какъ-бы то ни было, но г-жа Бенда была жестоко оскорблена поступкомъ публики и на другой-же день подала въ отставку, на что Дрейеръ согласился, не задумываясь. Однако-же отъездъ г-жи Бенды и моей дочери имѣлъ послѣдствія, которыя Дрейеру не достало догадливости предвидѣть. Лучшія оперы невозможно было давать, и касса стала примѣтно пустѣть. Тогда Дрейеръ рѣшился совсѣмъ закрыть оперу и замѣнить ее великолѣпнымъ балетомъ, который нѣкоторое время привлекалъ многочисленную публику, какъ новинка. Хотя я и мое семейство имѣли мало случаевъ обращать на себя вниманіе публики хорошими ролями, однакоже она была очень недовольна нашимъ удаленіемъ. Изъ множества толковъ, бывшихъ по этому случаю, приведу разсужденіе двухъ кондитеровъ, которое я слышалъ однажды, прогуливаясь на валу.

А. Точно-ли правда, что Брандесы оставляютъ театръ?

Б. Правда, Дрейеръ отказалъ имъ.

А. Ну ужъ этотъ Дрейеръ! за что-ни возьмется, вездѣ надѣлаетъ только глупостей! Преотличные люди, эти Брандесы; дочка-такъ красавица, да и поетъ гораздо лучше, чѣмъ Бенда, или эта крикунья Кейльгольцъ; отецъ славный малый, сочиняетъ для тетара презабавныя пьесы. Ну, и жена его не въ примѣръ лучше толстой Зейлерши, еслибъ только давали ей ходъ.

Б. Все это правда; но у насъ всегда такъ бываетъ, такое уже заведеніе. Чуть попадется къ намъ хорошій актеръ, пойдутъ интриги да зависть, что самъ жизни не радъ. Вотъ, на примѣръ, былъ у насъ Брокманъ. У насъ онъ вышелъ въ люди, у насъ сдѣлался хорошимъ актеромъ; увидѣли, что есть у него талантъ, вотъ и пошелъ ученый дуракъ Виттенбергъ разбирать его по ниточкѣ, — такъ-де хочеть критика. А Акерманъ, болванъ, давай гроши сберегать да выторговывать изъ его жалованья. Вѣнцы-то помнѣе насъ; какъ разъ догадался, да и сманили его.

А. То-же было и съ Шрёдеромъ. За то ужъ и не ждалъ отъ насъ ничего; какъ только подросли крылышки, бросилъ насъ самъ.

Эти добряки воображаютъ, что имъ стоитъ только похлопать и покричать, — что они, впрочемъ, дѣлаютъ не совсѣмъ наобумъ, — чтобы сдѣлать изъ актера артиста. У нихъ также престранные приемы для того, чтобы составить себѣ мнѣніе о пьесѣ или о какомъ либо произведеніи искусства. Меня публика очень жаловала не за игру, которая рѣдко возвышалась надъ посредственностію, а болѣе за мое добродушное обращеніе и за образованность: сужденіе мое имѣло даже большой вѣсъ въ нѣкоторыхъ классахъ

зрителей. Если, напримѣръ, давалась новая пьеса, и я являлся въ партерѣ, ко мнѣ тотчасъ приступали главнѣйшіе изъ этихъ судей ремесленнаго круга, и начиналась бесѣда въ родѣ слѣдующей.

А. Мое почтеніе, господинъ Брандесъ. Если смѣю васъ побеспокоить, скажите мнѣ, на милость, что такое эта пьеса, что даютъ сегодня?

Я. «Ревнивый эсенихъ», Брециера-

А. Это-то я знаю, такъ сказано и на афишкѣ. Но вы скажите мнѣ, если смѣю спросить, есть-ли что хорошее въ пьесѣ? названіе-то не много обѣщаетъ.

Я. Названіе, правда, очень просто, но въ пьесѣ есть много хорошаго; нѣсколько превосходно обрисованныхъ характеровъ, и очень комическія положенія, которымъ весь театръ нахохочется до-сыта.

А. Такъ-съ! (*Обращаясь къ сосѣду.*) Вотъ видишь, кумъ, сегодня даютъ отличную пьесу Брециера; въ пей есть комическія положенія, которымъ мы нахохочемся до-сыта.

Этотъ приговоръ тотчасъ переходилъ изъ устъ въ уста по цѣлому собранію кумовьевъ и пріятелей, находившемуся въ партерѣ.

Б. (*подходя ко мнѣ*). Наше нѣжайшее, почтеніе господинъ Брандесъ! все-ли въ добромъ здоровьи? Нынче дается отличная пьеса Брециера, который мы нахохочемся досыта. Но позвольте узнать, что это за новый актеръ, что будетъ играть?

Я. Онъ изъ Петербурга, и ѣдетъ въ Берлинъ. Если судить по рассказамъ, то онъ долженъ быть очень хорошій актеръ. Увидимъ, какъ повезетъ ему здѣсь.

Б. (*обращаясь къ А.*) Новый актеръ изъ Петербурга, свать, и ѣдетъ въ Берлинъ; должно быть, что хорошій актеръ. Посмотримъ.

И это рѣшеніе объ актерѣ пошло опять по всемъ кумовьямъ и сватьямъ, такимъ-же порядкомъ, какъ приговоръ о пьесѣ.

На плафонѣ партера были изображены бюсты Софокла, Эврипида и Аристофана. Однажды, — это еще было при прежней дирекціи, — одинъ зритель въ родѣ упомянутыхъ, спросилъ актера, сидѣвшаго подлѣ него, что это за *патреты* намалеваны на потолкѣ. — «Неужели вы не узнаете? отвѣчалъ актеръ, который былъ охотникъ подшутить, и терпѣть не могъ дирекціи; это портреты нашихъ трехъ директоровъ: Фогта, Греве и Бостеля.» Вопроситель, не могшій разсмотрѣть сходства, потому-что былъ близорукъ, а зала освѣщалась очень плохо, покачалъ только головою, и сказалъ съ досадою: — «Вишь, чѣмъ насъ дарятъ! давали-бы намъ хорошія пьесы, такъ было-бы за что сказать спасибо; а то вздумали намалевать себя на потолкѣ! невидаль какая!»

Я слышалъ этотъ разговоръ и не могъ удержаться, чтобы не объяснить обманутому, что надъ нимъ подшутили, и не постараться разсѣять его предубѣжденіе противъ директоровъ; но оно было такъ укоренено въ него, что всѣ мои усилія были напрасны, и я долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что собесѣдникъ мой сознался, что они были люди благонамѣренные, честные и умные; — «но, прибавилъ онъ въ заключеніе, ровно ничего не смыслятъ въ театрѣ, то-ли дѣло былъ нашъ Акерманъ!»

ГЛАВА V.

Дочери моей былъ уже шестнадцатый годъ. Ея красота и талантъ могли бы доставить ей очень блестящую партію, потому что безпрестанно сватались къ ней новые женихи. Но она была еще слишкомъ молода и не желала выйти замужъ.

Незадолго передъ тѣмъ, какъ Дрейеръ отказалъ мнѣ, Эльберфельдскій купецъ Маннесъ, возвращавшійся изъ Риги, предложилъ мнѣ отъ имени тамошней дирекціи очень выгодныя условія, если я соглашусь ѣхать въ этотъ городъ; вскорѣ за тѣмъ это предложеніе было возобновлено уже самою дирекціею, и я принялъ его, безъ долгаго размышленія. Условія были въ-самомъ-дѣлѣ соблазнительны: мнѣ давали шесть сотъ червонцевъ въ годъ жалованья, для меня съ женою и дочерью, и два бенефиса, въ случаѣ, если я приму также должность режиссера. Сверхъ того, какъ контрактъ мой въ Гамбургѣ кончался великимъ постомъ, а Рижскій театръ долженъ былъ открыться только осенью, то мнѣ давали за эти полгода бездѣйствія половину условеннаго жалованья и деньги на проѣздъ.

За нѣсколько недѣль до закрытія театра, была дана моя трагедія *Кораблекрушеніе*. Не смотря на свое ничтожество, пьеса имѣла блестящій успѣхъ, чѣмъ она особенно была обязана сценѣ кораблекрушенія съ прекрасною музыкою Франческо Данци, съ перемѣнами декорацій, военными эволюціями, сраженіемъ, и прочая. Ее давали потомъ почти каждый день и театръ былъ всегда полонъ. Третье представленіе, которое Дрейеръ отдалъ въ мою пользу, доставило мнѣ болѣе ста лудоровъ; правда, что директоръ былъ въ такомъ восторгѣ отъ огромныхъ сборовъ, которые давала пьеса, что освободилъ меня отъ платы за оркестръ, освѣщеніе и прочіе расходы.

Будучи совершенно свободенъ отъ всякихъ занятій, я рѣшилъ, по совѣту врача, съѣздить въ Берлинъ, частью для развлечения, частью для того, чтобы оправиться отъ опасной болѣзни, которою я страдалъ нѣсколько мѣсяцевъ. Я хотѣлъ также воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы устроить подписку на концертъ, который дочь моя должна была дать въ этомъ городѣ проездомъ въ Ригу, и лично поблагодарить наслѣднаго принца за золотую табакерку, которую онъ пожаловалъ мнѣ предъ тѣмъ. Всѣ эти желанія исполнились, какъ нельзя лучше. Черезъ мѣсяць подписка была полна; хантра, такъ долго мучившая меня, совершенно пропала, и я возвратился въ Гамбургъ веселъ, здоровъ и въ восторгѣ отъ пріема, сдѣланнаго мнѣ моимъ высокимъ покровителемъ. Между-тѣмъ и дочь моя употребила съ пользою время моего отсутствія. По приглашенію нѣкоторыхъ богатыхъ любителей музыки, она поѣхала въ Любекъ, съ матерью и съ знаменитымъ скрипачемъ Людерсомъ, ѣхавшимъ въ Москву, и дала тамъ два концерта, которые доставили ей обильную жатву и рукоплесканіями и деньгами. Мы почти въ одно время съѣхались въ Гамбургъ, и играли еще нѣсколько разъ передъ закрытіемъ театра, въ лучшихъ своихъ пьесахъ, которыя по отбытіи нашемъ не могли уже идти такъ успѣшно. Между-тѣмъ, я устроилъ свои дѣла, сдѣлалъ кое-какія распоряженія въ пользу вдовъ Дрейера и Бернера, и за тѣмъ мы простились съ Гамбургомъ, и пустились въ свой дальній путь въ Ригу, черезъ Берлинъ.

ГЛАВА VI.

Всѣ берлинскіе друзья наши приняли насъ съ самыми лестными изъявленіями своего уваженія и дружбы; къ сожалѣнію, мы не застали, въ числѣ ихъ, г жи Мары, на уроки которой дочь моя разсчитывала; она незадолго предъ тѣмъ выѣхала изъ Берлина. Къ счастью, въ послѣднюю свою поѣздку, я возобновилъ знакомство съ пѣвцомъ Конціолпи, который съ перваго моего слова охотно согласился замѣнить эту великую наставницу и не щадилъ труда для дальнѣйшаго совершенствованія молодой артистки. Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ въ Берлинъ, я отправился въ Потсдамъ, просить наслѣднаго принца, чтобы онъ удостоилъ своего присутствія концертъ моей дочери. Едва я пріѣхалъ въ гостиницу, какъ явился ко мнѣ придворный лакей и сказалъ, что принцъ, узнавъ, что я въ Потсдамѣ, послалъ пригласить меня на ораторію, которую предполагалось исполнить вечеромъ въ дворцѣ.

Я явился немного раньше назначеннаго времени, и меня тотчас ввели въ кабинетъ, гдѣ принцъ разговаривалъ со мною о нѣмецкой литературѣ и особенно о театрѣ, до самаго начала концерта. Онъ говорилъ между прочимъ о желаніи своемъ содѣйствовать усовершенствованію театра, и очень милостиво дозволилъ мнѣ поднести ему подробный проектъ учрежденія національнаго театра и драматической школы, надъ которыми я уже давно трудился. Нѣсколько лѣтъ спустя, уже по возвращеніи моемъ изъ Лифляндіи, я нашелъ въ Берлинѣ національный театръ, учрежденный отчасти согласво съ моими мыслями; даже директоромъ его былъ Энгель, котораго я именно предлагалъ на эту должность. Только школа, которую я считалъ самымъ необходимымъ условіемъ полнаго успѣха, не была открыта. Впрочемъ, я имѣю причины думать, что сходство между этимъ учрежденіемъ и проектированнымъ мною, было дѣломъ случая, и что мой проектъ былъ оставленъ безъ вниманія.

Возвратившись изъ Потсдама, я принялся за приготовленія къ концерту. Чтобы придать ему больше блеску, я пригласилъ Конціюлини участвовать въ немъ и выпросилъ у наследнаго принца позволеніе скрипачу его капеллы, знаменитому Джіорновекки взять на себя первую скрипку въ акомпанментѣ. Принцъ тотчасъ отдалъ приказанія; но въ день концерта Джіорновекки пріѣхалъ безъ скрипки, говоря, что забылъ ее въ Потсдамѣ.

Наканувъ дня, назначеннаго для концерта, я былъ съ своимъ семействомъ въ гостяхъ у банкира Эфраима, вдругъ дочь моя внезапно заболѣла. Находившійся тутъ искусный врачъ, профессоръ Герцъ, объявилъ, что это начало сильной горячки и что необходимо отложить концертъ до совершеннаго выздоровленія. Болѣзнь съ самаго начала приняла такой видъ, что больную невозможно было перевести, и я долженъ былъ оставить ее съ матерью въ домѣ моего друга Эфраима. Тутъ имѣлъ я случай убѣдиться въ добротѣ этого прекраснаго семейства, которое, также какъ и врачъ, окружало ее самыми неусыпными попеченіями.

Нѣкоторое время жизнь Мишны была въ опасности. Наконецъ однако-же переломъ болѣзни совершился благополучно, и черезъ нѣсколько недѣль можно было дать концертъ. Бакманъ, Бенда и многіе другіе членцы королевской капеллы вызвались безвомездно принять на себя акомпанментъ, а молодой виртуозъ Мартури

заступилъ мѣсто Джіорновекки. Молодая артистка возбудила всеобщій энтузіазмъ, и какъ пьянистка, и какъ пѣвица ; сборъ былъ также очень обилень. Къ сожалѣнію, наследный яринцъ, во время болѣзни моей дочери, уѣхалъ на маневры, и не могъ удостоить концертъ своего присутствія. Отъѣздъ его былъ для меня двойнѣ горестень, какъ путь нашъ шелъ черезъ Митатъ туда въ бытность свою въ Потсдамѣ, я просилъ его высочество дать мнѣ рекомендательное письмо къ герцогу Курляндскому. Мы пробыли нѣсколько лишнихъ недѣль въ Берлинѣ, ожидая его возвращенія ; однако-же, какъ время его пріѣзда было невзвѣстно, а намъ нужно было спѣшить, то я рѣшился напомнить ему объ обѣщаніи письменно, и вскорѣ получилъ самое лестное рекомендательное письмо, чрезъ его гофмаршала Бауера. Графъ Медемъ старшій, также далъ мнѣ рекомендательное письмо къ своей сестрѣ, герцогинѣ.

Во время пребыванія нашего въ Берлинѣ пріѣхалъ въ городъ одинъ молодой иностранецъ и нанялъ квартиру въ томъ-же домѣ, гдѣ мы жили, противъ самыхъ нашихъ оконъ ; мы его видали только взрѣдка у окна, потому что онъ никогда не выходилъ изъ своей комнаты. Актеръ Ланцъ, мой хозяинъ, говорилъ мнѣ, что молодой постоялецъ выдавалъ себя за врача, что онъ казался чрезвычайно застѣнчивъ и грустенъ, и ни съ кѣмъ не видался. Никто не зналъ причины его грусти и его затворнической жизни, но все жалѣли о немъ, потому что онъ былъ тихъ и кротокъ. Вскорѣ по отъѣздѣ нашемъ, другъ мой Бертрамъ писалъ мнѣ, что молодой человекъ, немедленно послѣ нашего выѣзда нанялъ нашу квартиру, и почти безвыходно сидѣлъ въ комнатѣ моей дочери ; черезъ нѣсколько дней, въ полночь, пистолетный выстрѣлъ въ этой комнатѣ разбудилъ весь домъ. Все сбѣжались въ его квартиру, выломали дверь комнаты, и нашли несчастнаго уже мертвымъ и плававшимъ въ крови. Литографированный портретъ моей дочери былъ единственнымъ убранствомъ комнаты. Это обстоятельство, поспѣшность его занять нашу квартиру, его меланхолія, подали поводъ полагать, что онъ еще въ Гамбургѣ полюбилъ мою дочь и переѣхалъ въ Берлинъ вслѣдъ за нами ; что робость не позволила ему открыться, и что наконецъ отъѣздъ ея въ такую отдаленную страну и на долгое время, и безнадежность когда либо ее увидѣть, довели его до отчаянія.

ГЛАВА VII.

Какъ ни заманчиво было наше пребываніе въ Берлинѣ, однакоже пора было подумать объ отъздѣ. Получивъ рекомендательное письмо отъ наследнаго принца, мы тотчасъ простились съ своими берлинскими друзьями и отправились въ Шведтъ. Маркграфъ былъ предупрежденъ о нашемъ скоромъ прибытіи чрезъ своего секретаря Лауера. По счастливому стеченію обстоятельствъ, нѣсколько хорошихъ музыкантовъ съѣхалось въ тоже время въ этотъ городъ. Кромѣ членовъ маркграфской капеллы, между которыми особенно отличались Принцъ, Матесъ, Гейнце и Майнцеръ, мы застали тутъ капельмейстера Гиллера, съ его двумя ученицами, еестрами Подлѣскими, которыхъ онъ подобралъ гдѣ-то на улицѣ бѣдными дѣвочками, сплскивавшими себѣ пропитаніе пѣніемъ и игрою на арфѣ, на публичныхъ гуляньяхъ. Пораженный ихъ прекрасными голосами, онъ взялъ ихъ къ себѣ, обучилъ пѣнію и музыкѣ, а теперь везъ въ Митаву, гдѣ онъ были ангажированы солистками при герцогской капеллѣ. Тутъ-же застали мы Дрезденскаго капельмейстера, Натмана, и двухъ отличныхъ флейтистовъ, братьевъ Турнеровъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ, директоръ театра, Молмеръ, представилъ насъ маркграфу, который принялъ насъ чрезвычайно благосклонно, и приказалъ Лауеру заботиться о томъ, чтобы намъ были доставлены всевозможныя удобства и удовольствія. Послѣ самаго пріятнаго двухъ-недѣльнаго пребыванія, въ теченіе котораго моя жена и дочь нѣсколько разъ имѣли случай явить свои таланты, первая на театрѣ, а вторая въ концертахъ, маркграфъ отпустилъ насъ съ богатыми подарками, и мы отправились въ Штетинъ.

Матушка, которую я не предупредилъ о своемъ посѣщеніи, была вѣдъ себя отъ радости, увидѣвъ нѣжно любимаго сына съ семействомъ; мы также были въ восторгѣ, найдя ее здоровою и веселою, не смотря на ея преклонныя лѣта. Чтобы не терять ни одной минуты времени, которое она могла провести съ нами, она повсюду слѣдовала за нами; и ея материнское сердце билось отъ радости и гордости, при видѣ уваженія, которое оказывали намъ мои сограждане. При каждой встрѣчѣ съ знакомыми, она показывала насъ и говорила: «Вотъ мои дѣти, а я счастливая мать этого семейства.» Нѣсколько рекомендательныхъ писемъ изъ Берлина къ первымъ штетинскимъ домамъ, доставили намъ повсюду самый

лестный пріемъ. Особенно пріятно было намъ увидѣться съ семействомъ Флемингъ и съ провинціальнымъ синдикомъ Паули, однимъ изъ моихъ самыхъ старинныхъ и добрыхъ друзей. Въ наперерывъ старались праздновать нашъ пріѣздъ обѣдами, балами и гуляньями. Любители музыки тотчасъ устроили нѣсколько концертовъ, въ которыхъ Мивна произвела рѣшительно фуроръ. Принцесса Елисавета, сама отличная музыкантша, почтила молодую артистку своимъ высокимъ покровительствомъ, и не разъ призывала ее съ матерью въ свои покои, играла и пѣла съ нею. Однажды я имѣлъ удовольствіе слышать ее изъ смежной комнаты; и хотя меня тутъ поймали, однако-же принцесса нисколько не оскорбилась моимъ нескромнымъ любопытствомъ.

Я очень желалъ остаться долѣе въ родномъ городѣ, еслибъ позволяло время; но надо было ѣхать, чтобы поспѣть къ сроку. Прощаніе было очень тяжело для матушки, для моихъ друзей и для меня, потому что я былъ ангажированъ въ Ригу на нѣсколько лѣтъ, и не могъ надѣяться скоро посѣтить родину.

ГЛАВА VIII.

Мы поѣхали прямо въ Данцигъ, нигдѣ не останавливаясь. Пятнадцать лѣтъ уже не видали мы этого города, и какъ онъ перемѣнился въ это время! Большая часть моихъ старыхъ друзей разъѣхались или умерли. Всего болѣе было мнѣ жаль моего благодѣтеля, сѣдельнаго мастера Шейбера; тщетно искалъ я его дома; онъ былъ снесенъ вмѣстѣ со многими другими, а на мѣстѣ ихъ стояли новыя зданія. Никогда не чувствовалъ я такъ сильно непрочности всего человѣческаго, эта мысль доводила меня до слезъ. Одного изъ моихъ лучшихъ друзей, Юнкера, котораго я зналъ нѣкогда въ довольствѣ, я засталъ въ богадѣльнѣ; однако же онъ былъ доволенъ своею судьбою. Гораздо прискорбиѣе было мнѣ застать другаго, Бюлерса, съ которымъ я подружился въ Кенигсбергѣ, — въ Штольценбергѣ; близъ Данцига, полъ строгимъ арестомъ. Онъ былъ посаженъ по подозрѣнію въ растратѣ общественныхъ денегъ, ввѣренныхъ его храненію; онъ былъ неспособенъ на такой безчестный поступокъ, но враги сдумали обвинить его. Впослѣдствіи невинность его обнаружилась и онъ получилъ даже очень хорошее мѣсто.

Благодаря рекомендательнымъ письмамъ отъ моихъ гамбургскихъ и штетинскихъ друзей, мы скоро познакомились со всѣми лучшими домами въ Данцигѣ. Ученый Вохерсъ, купцы Вагнеръ и Клеркъ, нотаріусъ Глумертъ, и многіе ихъ знакомые, все страстные любители музыки, не хотѣли упустить случая слышать ученицу знаменитой Мары, особенно когда ей предшествовала всюду такая громкая слава. Поэтому, испросивъ нашего согласія, они устроили нѣсколько концертовъ, которые были и въ артистическомъ и въ денежномъ отношеніи, также успѣшны, какъ въ Берлинѣ и въ Штетинѣ. Насъ всѣми силами старались удержать въ Данцигѣ на болѣе продолжительное время; но, намѣреваясь пробить нѣсколько недѣль въ Кенигсбергѣ, куда насъ настоятельно звали родные моей жены, мы должны были уклониться отъ предложеній нашихъ данцигскихъ друзей и продолжать путь.

Въ Кенигсбергѣ насъ приняли еще лучше, чѣмъ мы ожидали. Невозможно описать радости Шарлотты, ея сестры и всего семейства, когда они увидѣлись послѣ безъ малаго двадцати лѣтъ разлуки. Обниманіямъ и цѣлованіямъ конца не было, и послѣ того долго еще никто не могъ говорить отъ радостнаго волненія. Зять мой, благодаря помощи родныхъ и друзей, успѣлъ уже вновь отстроить два дома, сгорѣвшіе во время кенигсбергскаго пожара, и вознаградить всѣ свои убытки. Кромѣ родныхъ, мы увидѣлись опять съ лѣсничимъ Гестервомъ, этимъ почтеннымъ, истиннымъ другомъ, который во всѣхъ моихъ бѣдствіяхъ въ Мюнхенѣ, а потомъ въ Берлинѣ, помогалъ мнѣ совѣтомъ и дѣломъ. Черезъ него мы познакомились съ хирургомъ Герлахомъ, котораго жена, сама музыкантша, чрезвычайно полюбила мою Минну. Съ перваго нашего знакомства, и мужъ, и жена наперерывъ старались доставить намъ всевозможныя удовольствія, предупреждать малѣйшее наше желаніе. Они познакомили насъ со всѣми своими друзьями, такъ что съ нашими прежними знакомствами и съ тѣми лицами, къ которымъ я имѣлъ рекомендательныя письма, около насъ въ короткое время образовался огромный кругъ знакомыхъ, которые всѣ наперерывъ старались угождать намъ и сдѣлать наше пребываніе въ Кенигсбергѣ какъ можно болѣе пріятнымъ,

У Гиппеля я познакомился также съ знаменитымъ философомъ Кантомъ, который былъ въ обществѣ самымъ любезнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. На другой-же день послѣ моего пріѣзда, я имѣлъ счастье видѣть герцога Гольштейнъ-Бекскаго, который жилъ обыкновенно въ Кенигсбергѣ, и узнавъ, что я въ городѣ, тотъ-

часть удостоилъ меня своего посѣщенія, и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ увѣрилъ въ своей постоянной благосклонности.

Кенигсбергская музыкальная публика, предупрежденная о талантѣ и объ успѣхахъ моей дочери письмами изъ Данцига, журнальными статьями и стихотвореніями въ ея честь, пожелала слышать ее. Органистъ Рихтеръ, столько-же извѣстный и какъ пьянистъ, тотчасъ устроилъ концертъ, который имѣлъ огромный успѣхъ. Музыканты, участвовавшіе въ немъ, были такъ восхищены ея пѣніемъ, что отказались отъ платы, говоря, что достаточно награждены честью содѣйствовать такой даровитой артисткѣ. Это рѣдкій и лестный знакъ уваженія, который дѣлаетъ столько-же чести безкорыстію артистовъ, какъ и той, которая удостоилась такого почета.

Мы провели нѣсколько недѣль самымъ пріятнымъ образомъ, окруженные угожденіями родныхъ и друзей и уваженіемъ публики, и не разъ желали, чтобы Кенигсбергъ былъ цѣлью нашего путешествія. Но осень приближалась исполненными шагами и напоминала намъ, что пора перекочевывать. Съ прискорбіемъ простились мы съ добрыми кенигсбергцами и продолжали свой путь въ Митаву на Тильзитъ, и Литву.

ГЛАВА IX.

Въ Тильзитѣ ожидала мою жену новая радость: свиданіе съ дядею, почтеннымъ суперинтендантомъ Ранпе, который воспиталъ ее по смерти ея родителей. Старикъ плакалъ отъ радости, обнимая свою питомицу и видя ее счастливою супругою и матерью. Мы провели нѣсколько прекрасныхъ дней въ кругу его семейства; но судьба актера безпрестанно вырывается изъ объятій милыхъ ему людей, чтобы кочевать по міру.

Какъ только мы вступили въ предѣлы Курляндіи, я былъ пораженъ различіемъ между здѣшними постоянными дворами и тѣмъ, что я видѣлъ въ Помераніи и Пруссіи. Ихъ удобство и дешевизна изумительны; всюду, подъ соломеннымъ кровомъ, путешественникъ находитъ нѣсколько чистыхъ комнатъ, оклеенныхъ бумагою или окрашенныхъ; въ каждой комнатѣ очень опрятная постель, съ ситцевымъ, а иногда и съ шелковымъ одѣяломъ, съ чистыми простынями, занавѣсы на окнахъ, мягкія стулья и очень

порядочная мебель; вездѣ принимали насъ чрезвычайно вѣжливо, и когда мы требовали обѣда или ужина, подавали намъ нѣсколько вкусныхъ блюдъ, какихъ едва ли можно было бы ожидать въ гостиницѣ въ большомъ городѣ; трактирщики спрашивали насъ, какого вина мы прикажемъ подать, потому что у нихъ всегда есть обильный запасъ хорошихъ винъ, даже французскихъ и венгерскихъ, и вѣхъ лучшихъ данцигскихъ водокъ. Плата за все это, если принять въ расчетъ качество припасовъ и испразность прислуги, самая умѣренная. За то другая половина дома, назначенная для крестьянъ и изношниковъ, грязна и отвратительна до невѣроятія. Это совершенно польская изба, только немножко почище; по крайней мѣрѣ я не видалъ тутъ, какъ въ польскихъ избахъ, куръ, утокъ и поросятъ. Почти все эти постоялые дворы содержатся на счетъ помѣщиковъ, а трактирщикъ тутъ только управитель. Въ Лифляндіи ужъ совсѣмъ не то; тамъ не найдете ни той опрятности, ни тѣхъ удобствъ, ни этой дешевизны.

Старый пріятель мой Гунъ, съ которымъ я былъ очень друженъ въ Лейпцигѣ, былъ въ это время въ своемъ родномъ городѣ и занималъ должность коронаго адвоката. Онъ вышелъ къ намъ на встрѣчу съ распростертыми объятіями и принялъ насъ, какъ истинный другъ, не щадя ни труда, ни заботъ, чтобы быть намъ полезнымъ, въ чемъ только могъ. Какъ скоро я отдохнулъ отъ дороги, первую моею заботою было представиться герцогу и его супругѣ, и вручить имъ рекомендательныя письма, полученные въ Берлинѣ отъ наслѣднаго принца прусскаго и отъ графа Медема. Оба приняли меня чрезвычайно ласково и дозволили мнѣ на слѣдующій день представить имъ жену и дочь. Вернувшись домой, я нашелъ тамъ нѣсколько корзинокъ отборныхъ винъ, присланныхъ герцогомъ въ знакъ его благоволенія.

Капельмейстеръ Гиллеръ, котораго я оставилъ два мѣсяца передъ тѣмъ въ Шведтѣ, былъ уже въ Митавѣ съ своими ученицами. Скоро назначенъ былъ концертъ при дворѣ. Обѣ сестры Подлѣсекія произвели фуроръ своимъ прекраснымъ талантомъ. Дочь моя была также приглашена участвовать въ концертѣ и удостоилась всеобщаго одобренія за свою игру на фортепьяно и за пѣніе.

Въ короткое время, проведенное нами въ Митавѣ, мы познакомились со многими учеными, артистами и другими лицами. Особенно лестна была для насъ дружба супруги камергера фонъ Ре-

ка, родной сестры герцогини. Это была женщина необыкновенно добраго сердца, чрезвычайно образованная, и даже съ успѣхомъ подвизавшаяся на поприщѣ поэзіи, подъ скромнымъ именемъ Элизы. Она не только нѣсколько разъ удостоивала меня своихъ писемъ, но даже включила меня въ число своихъ короткихъ друзей.

Герцогъ также съ каждымъ днемъ оказывалъ намъ новыя милости, онъ нѣсколько разъ приглашалъ насъ въ свои загородныя дворцы и самъ показывалъ намъ все ихъ достопримѣчательности. При этомъ я не могъ надвинуться разнообразію и обширности его свѣденій. Съ удивленіемъ узналъ я, что многія замѣчательныя произведенія искусствъ, находившіяся въ его богатыхъ собраніяхъ, были работа его крѣпостныхъ людей, которыхъ онъ образовалъ, посылалъ на свой счетъ за границу, и которые дѣлались такимъ образомъ замѣчательными художниками. Онъ съ прискорбіемъ узналъ, что мы были ангажированы на рижскій театръ, потому что онъ очень желалъ бы удержать насъ при своемъ дворѣ и въ своей службѣ. Однако же онъ не отказывался отъ надежды видѣть со временемъ свое желаніе исполненнымъ.

Сколько удовольствія доставили намъ въ Митавѣ пребываніе двора и общество нашихъ друзей, столько же скучнымъ показался намъ самый городъ. Въ частныхъ домахъ можно встрѣчать любезное и образованное общество; но въ публичныхъ мѣстахъ скука невыносимая. Улицы по большей части немощеныя, и осенью, при постоянныхъ дождяхъ, нельзя пройти пѣшкомъ даже къ сосѣдъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грязь накапливается цѣлыми горами, потому что ее никогда не свозятъ. Однажды рижскій острякъ страшивалъ однажды трактирщика, у котораго онъ остановился: — «Ну, что братецъ, когда-то митавская грязь будетъ праздновать свой юбилей на рынкѣ?» Все старанія герцога устроить порядочныя мостовыя, встрѣчали непреодолимыя препятствія; даже приказъ его, чтобы каждый крестьянинъ, въѣзжающій въ городъ съ телегою, привозилъ нѣсколько булыгъ для улучшенія мостовой, никогда не могъ быть приведенъ въ исполненіе.

Антрпренеръ Рижскаго театра, желавшій, чтобы мы скорѣе прибыли въ Ригу, узнавъ, что мы въ Митавѣ, и видя, что мы остаемся тамъ, по его мнѣнію, слишкомъ долго, послалъ актера Паузера, бывшаго нѣкогда подъ моимъ управленіемъ въ Дрезденѣ, пригласить насъ поспѣшить отъѣздомъ. Какъ я получилъ уже отъ него жалованье, то я нашелъ его требованіе совершенно спра-

ведливимъ, и поспѣшилъ проститься съ своими покровителями и съ друзьями. Герцогъ и герцогиня съ сожалѣніемъ отпустили насъ. Какъ дочь моя нѣсколько разъ участвовала въ придворныхъ концертахъ, то герцогъ наградилъ ее нѣсколькими богатыми нарядами и прекраснымъ брилліантовымъ перстнемъ, а мнѣ подарилъ одну золотую и нѣсколько серебряныхъ медалей. Мы выѣхали изъ Митавы, тронутые до глубины души милостями герцога и его супруги, и благополучно прибыли въ Ригу, послѣ шести мѣсяцевъ самыхъ пріятныхъ разъѣздовъ.

ЮМОРИСТИКА.

ЗАМОГИЛЬНЫЯ ЗАПИСКИ

ЗОЯ МАРКОВИЧА ЧЕЧЕТКИНА,

ЕГО ЖИЗНЬ, НАЗИДАТЕЛЬНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ И СТРАНСТВОВАНІЯ ПО
БѢЛОМУ СВѢТУ.

(Присланны изъ Камчатки.)

ГЛАВА I.

Зой Маркычъ изумленъ Петербургомъ. — Наилучшая гостинница. — Онъ ѣдетъ на желѣзную дорогу. — Казусъ съ кондукторомъ омнибуса. — Поразительное событіе въ городской каретѣ. — Встрѣча съ благороднѣйшимъ петербургцомъ. — Прогулка по Невскому Проспекту. — Пассажъ во всемъ блескѣ. — Излеровскіе пирожки, отъ которыхъ страдаетъ скромность Зоя Маркыча. — Посѣщеніе благороднѣйшаго петербуржца. — Дѣло рѣшено: За золотомъ — въ Калифорнію!

18.... Мая 14.

Наконецъ я въ Петербургъ!... Вотъ штуку-то удралъ, ужъ по-
длинно молодецъ!... Прежде объ этомъ я только позволялъ себѣ
мечтать, а теперь вотъ поли: говорю смѣло, бойко и громко: Зой
Маркычъ Чечеткинъ, сынъ отставнаго аптекаря — въ Петербургъ!
Однакожь.... странно!... Какъ это я, человѣкъ, право, не то, что-

бы взбалмочный, или какой-нибудь тамъ глупый — вдругъ... на, вотъ!... Проживъ слишкомъ сорокъ лѣтъ, со дня своего рожденія, въ глубокихъ снѣгахъ Камчатки, сроднившись съ бурятскими юртами и сушеною рыбой — ни съ того, ни съ сего рискнулъ покинуть родной Петропавловскъ — и для чего? чтобы мыкаться по бѣлому свѣту — и отъ роду ничего ни писавши исключая приходорасходныхъ счетовъ для памяти, рѣшаюся вести путевыя записки для потомства.... Но, если такая рѣшимость и рискъ есть добродѣтель людей съ душою возвышенною, то-есть, этакую.... какъ бишь её?... то я, слѣдовательно, человѣкъ-то выхожу порядочный!

Какъ теперь помню.... назадъ тому мѣсяцевъ семь, погода стояла чрезвычайно нехорошая, несносная до того, что ее Камчадалы называли даже скверною.... Вѣтеръ вылъ вотъ словно пѣсъ голодный, пощелкивая зубами, то-есть выюшками въ моей печкѣ, снѣгъ валилъ сугробами подъ окны и у дверей, а морозъ, точно беспокойный домовой, шаталъ и трещалъ бревнами, то въ томъ, то въ другомъ углу моего крошечнаго домика.... О мѣа, по неизмѣнной привычкѣ всѣхъ лѣннихъ лакеевъ, храпѣлъ такъ громко, что иногда заглушалъ вой цѣпнаго Барбоса и стоишь вѣтра.... я же, въ тепло наваченномъ халатѣ, сидѣлъ на постелѣ, поджавъ подъ себя ноги — и думалъ: А что, вѣдь есть, говорятъ, этакія страны благодатныя, гдѣ совершенно не нужны теплый халатъ и медвѣжья шуба, гдѣ лимоны, маслѣнки и всякіе такіе вкусные плоды — ни почемъ, просто въ полѣ растутъ.... А женщины, говорятъ, тамъ такія красавицы, что стоишь только взглянуть на нихъ, такъ прямо и хватайся обѣими руками за лѣвый бокъ, иначе не удержишь ни кошелька, ни сердца!... Вотъ хоть бы, напримѣръ, Италія, какъ поразскажетъ шкиперъ Мירוѣдовъ.... Фу, ты пропасть! удивленіе, да и только.... Воздухъ, говоритъ, тамъ этакой, благорастворенный, съ благоуханіемъ такимъ, что вотъ такъ-бы пригоршнями и глоталъ его, а цвѣты, говоритъ — понюхать, такъ что твой одеколонъ. Женщины, говоритъ, претакія — сирены просто, говоритъ, глаза у нихъ черные, большіе, съ огонькомъ — губки этакія малиновыя, ну и волосы тоже, какъ смоль, да всѣ въ кудряхъ.... Небо всегда голубое — снѣгу, говоритъ, и въ поминѣ нѣтъ.... Народъ все веселый: поетъ соловьемъ.... Чудная страна!... Да! — а чтобы этакъ.... человѣкъ я одинокій, денегъ у меня, не говоря велухъ, — куры не клюютъ.... Что бы махнуть, да людей посмотретьъ и себя показать? Съ этими словами я крикнулъ: Оумка!

— Трубку съ? Сейчасъ! отвѣчалъ Оомка, прыгнувъ съ печки.

— Не трубку, братецъ.... Трубка вздоръ, есть дѣло поважнѣе— поди-ко сюда, отвѣчалъ я.

Оомка почесалъ въ затылкѣ, заложилъ за спину руку, и облокотился на косякъ дверей, уставилъ на меня свои заspanные глаза.

— Какъ ты думаешь, началъ я, — вѣдь скучно здѣсь — въ Камчаткѣ?

— Кабы не покойный мой баринъ, Царство ему небесное, который завезъ меня сюда, — такъ я бы и ни, ни!... Ни за что бы и не заглянулъ въ эту мерзлую трущобу.... Право такъ.

— Ну, а вѣдь есть, братецъ, говорить, страны благодатныя... вотъ хоть-бы Италія!...

— Какъ же съ, знаю, бывалъ тамъ съ покойникомъ баринномъ... Эта, вотъ видите ли, Италія-то въ Триестѣ.... Славная такая тамъ рыба.... Тепло таково.... Раки морскія водятся — большущіе такіе... вино выпьемъ, а виноградъ только-что не на крышахъ собираютъ. Ужъ подлинно...

— Ну, а женщины тамъ, братецъ.... женщины каковы?... Правда, что красивы.... съ огонькомъ?

— Глазечки вотъ такъ и бѣгаютъ, какъ плотва... ну, и этакъ, примѣрно, смуглыя такія, походка вальяжная.... во всемъ такой авантажъ проглядываетъ.... Славная сторона!... Вотъ былъ тоже въ Бразеліи: что за климатъ — всяческія удовольствія выпьемъ.... Народъ какой угодно есть; и черный, и желтый, и бѣлый... Ну, и въ синякахъ попадаютъ тоже.... Птицы все разноперыя, рыбы золотыя.... И вино тоже не дорого съ!

— Эхъ, братецъ, разшевелилъ ты мое сердце.... Ыдемъ путешествовать!... сказалъ я.

— Славно бы, сударь....

— Да.... Ыдемъ!... Вѣдь я человѣкъ одинокій?...

— Какъ-же съ.... Понятно съ.... вѣстимо, какъ персть одинъ....

— Ну... тото-же!... Куда-жь бы прежде?... А?... въ Петербургъ, что-ли?

— Хоть въ Питеръ, а тамъ ужъ и на всѣ четыре стороны....

— Дѣло. Такъ будь готовъ, послѣ завтра мы отправляемся.

Подумаешь, на чемъ только не выѣзжаютъ люди! Всякая-то скотина везла меня изъ Петропавловска до Петербурга — и со-

баки, и олени, и лошади. Въ первые дни моего путешествія, закупоренный въ дрянныя салазки камчадаловъ, я крѣпко сожалѣлъ о покинутомъ Петропавловскѣ; но когда миновалась степная, снѣжная дорога, когда я пересѣлъ въ почтовую телѣжку и, повѣшенный подъ дугою валдаецъ, звякнулъ и залился въ переливахъ, сердце мое задрезжало, какъ разбитая тарелка, самъ я помолодѣлъ десятию годами и пересталъ сожалѣть о вьюгахъ и ураганахъ Сибири. Въ Москвѣ я купилъ трючку соврасенькихъ и покатилъ въ Петербургъ. — Было довольно поздно, когда мы въѣхали въ городъ и остановились у подъезда гостиницы... Чемоданы мои потащили наверхъ, въ отведенный мнѣ номеръ, Оомка отправился въ конюшню распрягать лошадей; я же, измученный и усталый, бросился въ постель и заснулъ богатырскимъ...

Славная гостиница!... Говорятъ половые, вишь-ли первая въ городѣ. Чистота такая во всемъ необыкновенная, большихъ таракановъ почти нѣтъ, правда, кой гдѣ поймашь глазомъ паутинку, а въ ней паука, или тамъ заползетъ изъ кровати какой-нибудь десятокъ этихъ... но за то ужъ бѣлье столовое, что твой снѣгъ, бѣлое; на салфеткѣ да на скатерти много два, три пятнышка, и то неизбежныя, масляныя, а другихъ какихъ-либо ужъ нѣтъ.... Самъ хозяинъ за всемъ смотритъ... Ну, и кушанье тоже — поваръ готовитъ, все такое красивое, фигурное.... Подадутъ винегретъ — словно нарисованъ.... Очень хорошо!... Начивка-то внутри маленько жесткая, ну, да — это у меня ужъ знать зубы послабли отъ мороза.

Завтра начинаю осматривать городъ. Хозяинъ гостиницы советуетъ мнѣ съѣздить въ Царское село — на машинѣ... Какъ же это на машинѣ? Странно!... экой городъ... стало-быть, здѣсь мои соврасенькія только будутъ овецъ ѣсть.... На машинѣ!... Какъ же это? Посмотримъ.... увидимъ.... очень интересно! Однако пора завтракать.... Экой городъ! все какъ на почтовыхъ: лакея надо — звони, ѣсть-охота — звони.... Просто языкъ здѣсь дѣло постороннее, деньги только да колокольчикъ.... А, сколько, я думаю, прозвонили тутъ денежекъ!...

Мая 15.

Надо же было случиться такой оказіи, какую я записываю сегодня. Вотъ, подумаешь : когда бы зналъ, гдѣ упадешь, подослалъ бы соломки. Право, диковина, какъ это я могъ такъ опростоволоситься.... Въ Камчаткѣ, кажется, отъ Кузьмы Назарыча до моего Оомки включительно все называли меня человѣкомъ не глупымъ и дальновиднымъ.... На же, вотъ поди — экой грѣхъ случился.... Совѣстно въ форточку носъ высунуть.... Въдь здѣсь такой городъ, просто бѣдовый ! я чай, въ газетахъ ужъ тиснули, что вотъ дескать, пріѣзжій оттудаго-то, Зой Маркычъ Четкинъ, сбѣгалъ по природной своей глупости вотъ то и то.... Лакеи гостиницы смотрятъ на меня, да, каналы, изъ подтишка и улыбаются.... Отвернешься, они переглянулись — и на зубки.... Чего ты зубокалашишь ? спросилъ я лакея, который поутру принесъ мнѣ умыться. — «Такъ-съ, я.... ничего.» — Какъ, ничего?... На тебѣ дуракъ, полтинникъ на водку — не смѣйся !... Знаю, чему ты улыбаешься !... Охъ, плутъ народъ ! Лакей взялъ деньги и посмотрѣлъ на меня такимъ глазомъ, что вотъ такъ и просвѣчивалась въ немъ невинность.... Эхъ, бѣдовая исторія. — Запишу для памяти и въ назиданіе потомству.

Вчера утромъ, взявъ я съ собой Оомку и отправился съ непремѣннымъ намѣреніемъ побывать въ Царскомъ сель. Только что перешелъ черезъ дорогу — вижу, стоитъ какая-то карета.... Просто огромный лакированный курятникъ на колесахъ, запряженный парюю рослыхъ коней, которые, отвѣся губы, дремали вмѣстѣ съ кучеромъ.... Курятникъ не-то, чтобы неуклюжій, нѣтъ, куда за нимъ и моему тарантасу, купленному въ Москвѣ на Болотѣ, гораздо лучше.... на немъ написано четко и золотыми литерами, по бѣлому полю : «Царскосельская желѣзная дорога». Эге!... Такъ вотъ она !... Что же это ? — мнѣ просто въ глаза наплевали, подумалъ я.... Экую слили пулю, вишь ты — сама ѣздитъ.... А эти тощіе одры для чего-же ? Я человѣкъ то не то, чтобы дуракъ, тотчасъ смекнуть : обыточное ли дѣло, чтобы безъ лошадей можно было ѣздить.... Натурально нѣтъ ! А все лакей, прощельга ! А въдь какъ клялся, что вотъ дескать сударь — возьмете билетъ, заплатите деньги, сядете — въ какой-то огонь, что ли.... ужъ не припомню, что онъ вралъ тутъ.... да говорить, машина свиснетъ.... Вишь-ты, мошенникъ — свиснетъ !... и по-

ѣхала... Ну, ужъ только питерцы — молодпы пылить! Вотъ, пораздумавши, я и подошелъ къ лакею, который стоялъ на запяткахъ. — А что, братецъ, за провозъ съ персоны? спросилъ я.

— Десять копѣекъ серебромъ, отвѣчалъ лакей, скинувъ клеенчатую шапку, и закрывъ ею дырочку на полѣ сюртука.

Такой учтивый — немного и запросилъ. Ну, а съ прїѣзжаго, нездѣшняго, — все равно? продолжалъ я.

— Все равно-съ.

Сѣли мы съ Ѳомкой. Мѣста было довольно. Должно быть питерцы уже до сыта наглядѣлись на Царское село, а потому, кромѣ насъ, никого больше не было въ каретѣ. Вотъ спрашиваю — скоро ли? Лакей взглянулъ на часы — и говорить: ѣдемъ, пошолъ! Карета встряхнулась, покачнулась съ боку на бокъ, и мѣрно застучала по мостовой. Лошадки, какъ видно, не торопились: звать овсеца не предвидѣлось.

— Что-же это, сударь, — сказалъ Ѳомка, вы изволили говорить, что мы поѣдемъ безъ лошадей — и скоро прескоро, — а тутъ, съ вашего позволенія, оно выходить, какъ-бы, то есть — съ кислымъ молокомъ.

— Обманули, разбойники... Обманули, братецъ... Здѣсь, что ни слово, то надуванція. Что ни скажутъ, такъ все раскуси, разжуй, да подумай; а то будешь простакомъ, такъ пожалуй, увѣрять, что нашему брату и по воздуху летать можно... Чудакъ!... ты и повѣрилъ?... Вѣдь я посмѣялся только, я тотчасъ смекнулъ, что это вздоръ... такъ-себѣ — пуля! Ну, разсуди самъ, когда-бы можно было обойтись безъ лошадей... такъ на кой прахъ и конскіе заводы? А? ну — зачѣмъ?

— Совершенно справедливо, сударь... сказать правду матку — мнѣ много говорили разныхъ глупостей...

— Гм... что-жъ-бы еще такое? спросилъ я.

— Да, — вотъ съ, будто бы въ Питерѣ снимаютъ патреты безъ кисти, красокъ и карандаша.... а такъ....

— Какъ-такъ?

— Да такъ — просто.... говорятъ, на солнце что-ли надо глядѣть, такъ и будетъ патреть....

— Ну-у — штука!.... Экую дурь городяць, да если-бы это было можно.... такъ на что намъ живописцы?... Не надо ихъ!... Зачѣмъ Академія?... Да дудки!... не вѣрь, братецъ.... Кто это нагородилъ тебѣ?

— Горничная тѣхъ пріѣзжихъ господъ, которые остановились въ сосѣдствѣ съ нами нумеръ....

— Гм... вишь ты — и бабы-то здѣсь балясничаютъ.... ну ужъ городокъ.... и что пользы нести такую околесную.... вонъ, хоть бы самъ хозяинъ гостиницы, увѣряетъ меня вчера, что у него горитъ какой-то квасъ.... фокусники народъ! А все для того, чтобы подурочить нашего брата сибиряка, да деньгу лишнюю содрать.... Что это? ужъ пріѣхали? вскричалъ я, замѣтивъ, что карета остановилась....

— Пріѣхали.... пожалуйста-съ.... отвѣчалъ лакей, отворяя дверцы.

— Какъ, ужъ мы въ Царскомъ селѣ?...

— Ни какъ-нѣтъ-съ: это Семеновскій полкъ, а вотъ контора....

Ухъ! тутъ я не выдержалъ и вспылилъ. Что мнѣ въ твоей конторѣ, разбойникъ ты этакой! вскричалъ я.... Вези меня тотчасъ въ Царское село....

— Помилуйте, сударь.... что вы?

— Что я?... Ты хочешь знать, что?...

— Да вы шумите изъ пустяковъ: всякому извѣстно, что мы не возимъ въ Царское село :...

— Какъ не возите? какъ!... А это, что написано?... *Царско-сельская желѣзная дорога!*... Морочь неграмотныхъ, а кто на грамотѣ поломалъ зубы и спину, того не проведешь!... вскричалъ я, взбѣшенный до нельзя.... добрыхъ людей обманывать.... Я васъ, питевцы!... Я васъ выучу.... Омка! пошелъ за полиціей.... Вишь ты, даромъ деньги брать хотятъ.... Вѣрно одумался, что за два гривенника не сходно.... А кто велѣлъ тебѣ столько спрашивать!... попроси — прибавлю.... такъ нѣтъ, дескать надую — и концы въ воду....

Омка хотѣлъ было бѣжать, да не могъ продраться, народу собралось множество, всѣ хохочуть, кто ихъ знаетъ чему.... По

счастью, вдругъ выступилъ одинъ — господинъ должно быть, изъ вальяжныхъ, такой, видно благовоспитанный, товкой обходительности и наружность такая... же ву при. «Что это здѣсь случилось?» — спросилъ онъ. Я выступилъ на средину и съ подобающею ясностію, рассказалъ ему въ чемъ дѣло.

— Вы несправедливы, милостивый государь, сказалъ онъ съ такою пронзительной улыбкою, что у меня мурашки по спинѣ запрыгали. Карета эта, не то, что-бы такая карета, которая, то есть, ѣздила бы въ Царское село... она ѣздитъ только домашины... сама-же машина дѣйствительно есть и посредствомъ вскипяченной воды ходитъ сама собою, безъ всякой упряжи, на дистанціи двадцати-пяти верстъ, безостановочно, со свистомъ и пыхтѣніемъ, ради предосторожности.

При этихъ словахъ меня обдало кипяткомъ... опростоволосившись такимъ незавиднымъ манеромъ, я не находилъ словъ къ своему извиненію...

Указали мнѣ машину, да ужъ поздно было — она уѣхала. Все что-то не вѣрится, чтобы машина сама ѣздила... Дорогу-то я видѣлъ... не хитрая : просто — постланы желѣзныя полосы... Посмотрю въ другой разъ... если только правда, то со временемъ — заведу свою машину... Что-жъ — лошадей кормить падо, а она ѣсть не проситъ, палилъ въ нее кипятку, сѣлъ — свистнула — и покатилъ себѣ, куда глаза глядятъ.

Возвращаясь домой, купилъ я двѣ корзины раковъ... славное блюдо!... Смерть люблю его... да такъ нечаянно: мальчишка дорогой навязалъ. Съ корзинами и Ѳомкой, сѣлъ я опять въ карету. На этотъ разъ ѣдущихъ было такъ много, что даже стало довольно душно... Подлѣ меня помѣщался какой-то невысокій, толстый господинъ, въ гороховомъ балахонѣ, съ переламутровыми пуговицами въ пятакъ, въ бархатной фуражкѣ, смуглый, съ черными курчавыми волосами, въ золотыхъ очкахъ, утонувшихъ въ жирномъ переноси... Онъ безпрестанно ворочался, со сѣлъ и моргалъ сѣрыми глазками, запуская ихъ, то въ мой карманъ, то подъ козырекъ моего картуза...

— Простите моей нескромности, сказалъ онъ, нѣсколько пришипевшая и приевистываая... вы... кажется, недавно сюда прѣехали?...

— Да-съ, оно не такъ давно, отвѣчалъ я.

— Ну, вотъ я не ошибся, я васъ встрѣтилъ на одной изъ подгородныхъ станцій, нѣсколько дней тому назадъ... И на этомъ разговоръ между нами завязался. По всему было замѣтно, что мой сосѣдъ малый съ образованіемъ и съ чрезвычайно добрымъ сердцемъ. Съ такимъ простодушіемъ, но впрочемъ довольно деликатно, онъ спросилъ меня: откуда я, сколько со мною денегъ, куда думаю, не скучно ли мнѣ... Словомъ, принялъ во мнѣ совершенно родственное участіе, просилъ къ себѣ... Я, говоритъ, человѣкъ семейный, у меня, говоритъ, свой домъ... общество прекрасное... много обяжете вашимъ знакомствомъ! — и вручилъ мнѣ карточку, на которой, кромѣ адреса, было написано: Ростиславъ Владиміровичъ Черемисовъ...

Вдругъ, въ ту минуту, какъ я задумался надъ карточкой, рассуждая о томъ: изъ какого-бы слова образовалась такая странная фамилія, въ каретѣ поднялся страшный гвалтъ, крикъ, пискъ, — раки мои расплзлись... нѣсколько дамъ тутъ же попадали въ обморокъ съ крикомъ: ой! грызеть! ой щиплетъ!... Толстый господинъ, какъ сумасшедшій, кричалъ, что ракъ съѣлъ у него въ бумажникѣ — сторублевую ассигнацію... Омокъ было бросился собирать плотоядныхъ; но дамы рѣшительно возетали противу этого... Я же, растерявъ раковъ, растерялся и самъ до того, что безъ картуза, съ однимъ изъ злодѣевъ, повизшемъ на моей жилеткѣ, воротился домой, какъ помѣшанный...

Завтра отправляюсь къ г. Черемисову... очень жаль его ассигнаціи... вѣдь онъ человѣкъ семейный, какъ самъ сказалъ мнѣ... О, я возвращу ему эти съѣденныя сто рублей... ракъ-то шельма, самъ гроша не стоитъ, а съѣлъ такую гибель денегъ!... Вотъ что обидно...

16 Мая. Вечеръ.

Сегодня — я, какъ говорится, въ своей тарелкѣ, и отъ чистаго сердца желалъ-бы всегда приниматься за мой дневникъ съ такимъ отраднымъ расположеніемъ. Ну, теперь скажу откровенно, что и между питерцами есть добрые люди... Хоть-бы этотъ г. Черемисовъ, сокровище — не человѣкъ! ей-ей, сокровище!... умный такой, обходительный, чистѣйшей души человѣкъ, и

даже говорить, что сочинитель — ну, что хочешь — всё добродѣтели въ немъ. Свой домъ, свои лошади, станки разные... чудный человекъ!... да и затѣяли-же мы съ нимъ штуку... ѣдемъ золото копать!... Да, копать-таки — просто копать!...

Но всему свой порядокъ и потому запишу всё случай настоящего дня съ той минуты, какъ я всталъ съ постели правою ногою... Именно, правою... встану я лѣвою, какъ вчера, и повторились-бы тѣ же неприятыя исторіи.

Утро было такое — самое упойтельное. Солнце во всемъ своемъ великолѣпнн пыло по голубой скатерти небесъ... Съ той минуты, какъ я познакомился съ г. Черемисовымъ, я какъ-то настроенъ пофантазировать и, мнѣ кажется, начинаю даже говорить такимъ прекраснымъ языкомъ, вотъ словно въ романѣ. Такъ солнце-то пыло, а я между тѣмъ одѣвался и думалъ: пройдуся по Невскому, потомъ заверну въ Пассажъ... Непремѣнно надо посмотрѣть на это необыкновенное зданіе; говорятъ, даже на театрѣ поютъ, что въ мірѣ нѣтъ такого по огромности и пустотѣ... Потомъ, позавтракаю у Измера, говорятъ, необыкновенный мастеръ на всё штуки, особенно — гдѣ дѣло коснется до разныхъ этакихъ пирожковъ, такіе говорятъ, пирожки, что одно названіе вкуснѣй начинки, — и потомъ отираюсь къ г. Черемисову. Съ этими мыслями, лишенный картуза, я выпросилъ у хозяйки гостиницы на прокатъ шляпу — и отирался.

Невскій Проспектъ я прошѣлъ въ полномъ очарованіи, восторгѣ и упоеніи... Меня толкали во всё стороны... Дамы въ лорнетку такъ и смотрятъ: звать замѣтили мою стройную фигуру, мой правильный носъ, съ горбикомъ, который, не знаю почему, заѣзжій къ намъ живописецъ называлъ *греческимъ*. Сначала я было обидѣлся, да онъ растолковалъ, что это вишь-ли похвала. Ну, вотъ я посмотрѣлъ въ зеркало — дѣйствительно, похвальный носъ, такой солидный, знаете, не то, чтобы сморчокъ какой-нибудь. Ну-съ, иду дальше: извошки съ необыкновеннымъ почтениемъ на перерывъ предлагаютъ прокатиться, да такіе усердные, чуть не до драки, одинъ даже было за воротъ меня схватилъ — насильно хотѣлъ посадить на какую-то лицейку. Но я былъ ослѣпленъ красотою встрѣчныхъ красавицъ, блѣдныхъ, томныхъ, тонкихъ, перетовкихъ; я былъ очарованъ блестящими русскими магазинами, съ иностранными белендрями; важною поступью

накихъ то этакихъ разныхъ господъ: ные въ очкахъ, другіе со стеклышкомъ, вставленнымъ въ глазъ, а то съ лорнетками... видно здѣсь повальная слѣпота ходитъ. Одно дурно: русскіе-то, настоящіе коренные питерцы, какъ кажется и не показываются на Невскомъ... Вездѣ вотъ такъ и жужжать по-французски, да на другихъ разныхъ діалектахъ,—преобидно... Въ родномъ городѣ, какъ чужой... хочешь что нибудь спросить и не у кого... все выходитъ!... и не поймешь, что они тамъ себѣ лепечуть. Чрезъ полчаса по выходѣ изъ дому, я былъ уже на подъѣздѣ Пассажа. Усатый, рослый такой лакей, одѣтый въ голубую ливрею, нисколько не мятою, и съ такимъ широкимъ галуномъ черезъ плечо, настежъ распахнулъ мнѣ двери... Вотъ, подумалъ я, подымаясь по лѣсенкѣ, есть люди, для которыхъ вездѣ каждая дверь закрыта, а тутъ только носъ покажи въ стеклѣ, тотчасъ заходили петли... очень гостепріимно!... Что это за прелесть!.. Непремѣнно, какъ только накопаю съ Черемисовымъ золота, выстрою точно такую же штуку... Прелесть, совершенство!... Зеркала, бронза, парке, доскутыя разныя на столбикахъ, немножко почерѣвшихъ съ виду, въ магазинахъ—роскошь: все такъ чинно разставлено, бюсты, этажерки, хорошенькія жевщины и папиросы; животныя разныя диковинныя увидишь—телятъ съ двумя головами, кошечекъ о двухъ лапкахъ, ящеровъ ученыхъ, мамзелей красивыхъ, французовъ полосатыхъ — дѣйствительно панорама Индіи. Запахъ наипрекраснѣйшій; такъ тебя и обдастъ—то подовыми пирогами, то жареной телятніной, съ примѣсью Жуковского табаку — слюньки просто потекутъ. Удивительное съѣстное благовоніе! Я впивалъ въ себя всю усладу блаженства и пришелъ къ Излеру—ужъ съ такимъ аппетитомъ, что пирожки только держись.

Едва я только переступилъ порогъ комнаты, наполненной толпою мужчинъ — и конфектами, какъ ко мнѣ подошелъ какой-то хорошенькій мальчикъ въ черномъ сюртучкѣ и въ зеленомъ передникѣ...

— Вамъ съ, спросилъ онъ... Фреомлини, или Фавни-Эльслеръ?...

— Вотъ тебѣ и разъ!... Куда же это меня занесло? подумалъ я... тутъ живутъ какія то иностранки... Нѣтъ-съ, извините... ни ту, ни другую... ошибся... не имѣю удовольствія... отвѣчалъ я, сконфузившись, мое почтеніе...

— А!.. Мое почтеніе... сейчасъ, отвѣчалъ мальчикъ... Не прикажете-ли поцѣлуйчиковъ!

— Что!.. поцѣлуйчиковъ... какихъ? спросилъ я, смотря во всё глаза на мальчика.

— Свѣжихъ, сегодняшнихъ... отвѣчалъ онъ, по видимому, смѣясь надъ моимъ замѣшательствомъ.

— Какъ сегодняшнихъ, то-есть, что это... у васъ вчера отъ Фанни... а сегодня отъ Фрецполини, что-ли? спросилъ я...

— Нѣтъ, тѣ сами по себѣ, а это особенно, но всё хороши у насъ, сударь...

— То есть, какъ это?

— Совершенно всё... вонъ господа кушаютъ...

— Что? поцѣлуй?...

— Да-съ... и Фанни, и Мое почтеніе и Фрецполини...

— Ничего, братецъ, не понимаю... Какъ! господа кушаютъ мое почтеніе — и поцѣлуй...

— Очень просто-съ... прикажите подать!...

— Да что-же это такое?...

— Пирожки съ...

— А!.. пирожки! вскричалъ я, покотившись со смѣху... Ну, такъ братецъ, такъ-бы и сказалъ! давай мнѣ Фанни... и поцѣлуйевъ, больше поцѣлуйевъ!..

Я выпилъ рюмку хересу — и цѣлкомъ проглотилъ Фанни, потомъ поцѣлуй, потомъ опять Фанни и семь поцѣлуйевъ... По истинѣ, поцѣлуйчики хоть куда — жирные, смачные, горячіе такіе, губы жгутъ просто... Ну, ужъ подлинно этотъ Измеръ, куда должно быть затѣйникъ большой... Вѣдь придумалъ же, — простой, маленькій, невзрачный пирогъ назвать Фанни-Эльслеръ и поцѣлуйемъ съ почтеніемъ...

Въ два часа я былъ у дверей Черемисова, у которыхъ толпилось человѣкъ пять какихъ-то купцовъ, бравившихся съ засаленнымъ лакеемъ....

— Говорятъ вамъ, нѣтъ барина дома! кричалъ онъ. — Нѣтъ, есть! отвѣчала одна сибирка, я видѣлъ его — онъ у окна сидѣлъ...

— Не оняъ... это барынинь пудель...

— Толкуй тутъ... нѣшто нельзя отличить барина отъ пуделя, собака-то ваша развѣ въ очкахъ ходитъ?

— Да нѣтъ его, говорятъ вамъ,... придите въ другой разъ...

— Какъ, спросилъ я, такъ г. Черемисова нѣтъ дома?

— Да съ... нѣтъ съ, отвѣчалъ засаленный лакей... Позвольте спросить, продолжалъ онъ, вы не тотъ-ли господинъ, у котораго вчера распозлисъ раки... Фамилію-то вашу, извините, я запомнилъ.

— Да, да—тотъ самый! отвѣчалъ я, хоть и досадно было, что дуракъ при всѣхъ такъ и звякнулъ объ глушыхъ ракахъ.

— Такъ пожалуйста, продолжалъ онъ, они просили васъ маленько обождать... скоро будутъ...

— Ну, вотъ видишь!.. заревѣла толпа, а говорилъ, что онъ уѣхалъ въ Царское село!..

Минуту спустя, я былъ въ гостиной господина Черемисова, встрѣтивъ къ немалому изумленію и самого хозяина, курчавая голова котораго съ какою-то неразгаданною улыбкою высунулась на встрѣчу мнѣ изъ за желтой занавѣски на дверяхъ.

— А!... Зой Маркычъ... весьма вамъ обязанъ... очень, очень... говорилъ онъ, протягивая ко мнѣ руку и не измѣняя своей улыбки.

— Какъ... это вы? дома! прощенталъ я...

— Для васъ только, мой дорогой Зой Маркычъ... Прощу садиться... безъ церемоніи... пожалуйста...

— Скажите, продолжалъ я, а васъ тамъ ожидаетъ цѣлая ватага купцовъ.

— Пусть ихъ... Надоѣли !... Знаете, русскій человѣкъ призна-

теленъ.... На дняхъ мнѣ удалось оказать имъ особенное одолженіе.... благодареніе, можно сказать — товаръ ихъ пристроилъ.... Ну, вотъ теперь они и запрашиваютъ отблагодарить меня.... да что мнѣ, терпѣть не могу этихъ сердечныхъ изліяній.... Я люблю дѣлать добро, не запрашиваясь на благодарность.... Я вамъ скажу, если бы знали всѣ мои подвиги благотворительности, то облагодѣтельствованные мною, право, кажется, давно-бы задушили меня.... Ну съ, какъ вы вчера?...

— Да такъ же, отвѣчалъ я, потерялъ картузь.... опростоволился...

— Жаль.... А вотъ у меня, такъ ассигнацію....

— Да, да... канальскій ракъ — и какъ это ему помогло.... удивляюсь.... Впрочемъ вы, любезнѣйшій Ростиславъ Владиміровичъ, продолжалъ я — эти деньги считайте за мною....

— Фя! что вы.... помилуйте.... кто въ нашъ вѣкъ погонится за сто рублями серебромъ, когда золото ни-почемъ....

— Какъ ни-почемъ?...

— Да такъ. Стоитъ только взять лопату, да побольше ящикъ.... потомъ крошечку порыться въ землѣ и ящикъ полонъ золота....

— Вы меня удивляете, просто.... Гдѣ-же это такая богатая земля.... Здѣсь подъ Петербургомъ?...

— И, пѣтъ.... это въ Америкѣ.... въ Калифорніи....

— Вы шутите?

— Нисколько.... я вотъ только ищущу капиталиста себѣ въ товарищи и скоро отправилюсь копать золото....

— Вы?... Но какъ же это? вскричалъ я. Признаюсь, сердце во мнѣ дрогнуло при мысли о цѣлыхъ ящикахъ сокровища, изъ-за котораго проливается столько пота и крови.

— Очень просто, отвѣчалъ онъ, возьму мѣсто на пароходѣ до Любека, оттуда пересяду на судно, которое идетъ въ Америку. Теперь почти вся Европа переселяется въ Калифорнію и случая искать долго не нужно....

— Скажите, какое дѣло! да это вмѣстѣ сопряжено и съ удовольствіемъ путешествія?

— Какъ же... еще съ какимъ удовольствіемъ... сколько прекрасныхъ странъ обниметъ вашъ взоръ на пути къ неизсякаемому богатству, сколько изучите дивной, роскошной природы... Сколько встрѣчь, восторговъ, наслажденій...

Я дрожалъ, я млѣлъ... Какой-то невидимый гевій связалъ меня съ этимъ рѣдкимъ человѣкомъ, думалъ я... Рѣшено — иду съ нимъ въ долю...

— Ростиславъ Владиміровичъ! сказала я... Какую сумму долженъ внести вамъ капиталистъ, котораго вы ищите и который долженъ быть съ вами въ долѣ...

— Миѣ внести?... почти шопотомъ сказалъ онъ и лицо его какъ-то странно искривилось... Да, да... внести! продолжалъ онъ быстро и скороговоркою... тысячъ... тысячъ... тыщенокъ этакъ, да тысячь сто серебромъ на первый случай придется... говорилъ онъ дрожа и заикаясь...

— Только!..

— Да... но послѣ... само собою разумѣется... Покамѣстъ — только...

— И такъ... я вашъ товарищъ... сказалъ я торжественно.

Мы молча и крѣпко пожали другъ другу руки.

День прошелъ незамѣтно въ разговорахъ о предстоящей поѣздкѣ. Мы рѣшили сперва ѣхать въ Лондонъ и уже оттуда отправиться въ Калифорнію... Совершенно счастливый и довольный собою, какъ нельзя болѣе, я растаялъ съ моимъ новымъ и задумчивымъ другомъ...

Бду въ Калифорнію, ѣду вмѣстѣ со всею Европою, накопаю пять кораблей золота... Женюсь на первой красавицѣ въ мірѣ... Выстрою дивный Пассажъ... заведу фабрики, заводы, открою блестящій магазинъ съ заморскими белеядрасами... и имя Зоя загромитъ изъ конца въ конецъ вселенной, подъ звуки пересыпающихся червонцевъ...

Только одну недѣлю мы проживемъ здѣсь, а потомъ — маршъ.

Завтра отправляюсь въ театръ... а теперь усну въ сладкихъ мечтахъ о золотозносной Калифорніи...

Вот случай! Говори-же послѣ этого, что его нѣтъ; а какого онъ мнѣ подтолкнулъ друга!

Удивительный человекъ Ростиславъ Черемисовъ! Сто рублей не взялъ, что ракъ съѣлъ, и только сто тысячъ проситъ за ящикъ золота.... наоблагороднѣйшая душа!

До завтра!

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Машенька или Еще отецъ и дочь. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ и четырехъ картинахъ, А. Т.

Царскій приказъ. Историческій (?) анекдотъ въ одномъ дѣйствіи и трехъ картинахъ, съ хоромъ пѣсенниковъ и народнымъ праздникомъ. Соч. Н. Круглополева.

Мнимая Фанни Эльслеръ. Оригинальный водевилъ à propos, въ двухъ картинахъ. Соч. ***.

Сцены Офеліи изъ трагедіи «Гамлетъ», Шекспира.
(Бенефисъ г. Толченова I.)

Волшебная ночь на Минеральныхъ водахъ. Продолженіе комедіи «Дядюшкинъ фракъ и Тетюшкинъ капотъ», шутка въ двухъ отдѣленіяхъ, соч. Н. Я. Яковлевскаго.

Женихъ на паръ или Съ чѣмъ подѣхалъ, съ тѣмъ и отѣхалъ! Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Г***.

Морской волкъ. Драма въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго К. Тарновскимъ.

(Бенефисъ г-жи Сосницкой.)

Въ два бенефиса четыре пьесы русскаго сочиненія и притомъ довольно значительныя, по крайности по объему — это роскошь. Нельзя не порадоваться такому преуспѣнію драматической литера-

туры. Но радость, какъ и все брѣнное міра сего, бываетъ недолговѣчна. И въ настоящемъ случаѣ она продолжается только до тѣхъ поръ, пока видишь это преуспѣніе драматической литературы на афишкахъ, и не познакомишься съ нимъ поближе на сценѣ. Всѣ тѣ люди, отъ которыхъ можно ожидать для театра живительныхъ созданий, болѣе или менѣе продумавшихъ и носящихъ въ себѣ зерно мысли, замолкли совершенно. Гоголь, Кукольникъ, Ободовскій, Загоскинъ, Геденовъ, Тургеневъ, Павловъ и другіе — ничего не пишутъ для сцены. Являются имена новыя, но не вносятъ въ область драматургіи ничего новаго, кромѣ подражанія прежнимъ образцамъ по подновленной выкройкѣ. А между тѣмъ помосты сцены постоянно заняты издѣліями золотой посредственности, которыя не прибавляютъ ни единой лепты въ сокровищницу литературы и ни на волосъ не подвигаютъ искусства впередъ. Отсутствіе всякой мысли и остроумія, шутки, вовсе не забавныя, натянутыя, а подчасъ и черезъ-чуръ циническія, вотъ общій характеръ обыденныхъ бенефисныхъ компіляцій. При такомъ положеніи драматургіи, невольно смотришь снисходительно даже на незрѣлый и неорганическій трудъ, если въ немъ замѣчаешь хотя слабые проблески таланта, двѣ или три отрадныя минуты, или характеръ мало-мальски жизненно обрисованный.

Къ такого рода произведеніямъ принадлежатъ и четыре русскія пьесы двухъ бенефисовъ, о которыхъ мы намѣрены говорить.

Главная и значительнѣйшая изъ нихъ, безъ всякаго сомнѣнія, драма «*Машенька*», передѣланная неизвѣстнымъ авторомъ изъ прекрасной стихотворной повѣсти Майкова, помѣщенной два года тому въ «Петербургскомъ Сборникѣ.» Передѣлывать повѣсти въ драмы — задача очень трудная, съ которою иногда не могутъ справиться и самые опытные и талатливые драматурги. Доказательствомъ тому могутъ служить всѣ передѣлки покойнаго Кн. Шаховскаго, который каждую значительную литературную новостъ старался перенести на сцену. Его «*Финнъ*», передѣланный изъ эпизода «*Руслана и Людмилы*», «*Керимъ-Гирей*», передѣланный изъ «*Бахчисарайскаго фонтана*», кромѣ прекрасныхъ стиховъ, нѣсколькихъ остроумныхъ мыслей и немногихъ живыхъ сценъ, представляютъ длинную вереницу разказовъ и лирическихъ мѣстъ, безъ движенія и внутренней жизни, болѣе утомительныхъ, чѣмъ интересныхъ для зрителей. Еще неудачнѣе его передѣлки «*Рославлева*». Загоскина, и «*Пиковой дамы*» — Пушкина. Но у кн. Шаховскаго, недостатокъ драматическаго движенія вознаграждался, по крайней мѣрѣ, строгою логическою послѣдовательностію въ

ходъ драмы и органическою связью въ дѣйствіи: одво явленіе было у него слѣдствіемъ другаго, и каждое положеніе вытекало изъ предшествовавшаго событія. Если лица его дѣйствовали слабо, то ихъ нельзя было упрекнуть, чтобъ они дѣйствовали неразумно; если характеры ихъ выходили иногда вялы и безжизненны, за то они всегда были опредѣлительны. Оттого, каждая изъ пьесъ такого рода кн. Шаховскаго, теряющая на сценѣ отъ недостатка внутренняго движенія, много выигрываетъ въ чтеніи, относительно интереса и занимательности.

Мы съ умысломъ упомянули о недостаткахъ передѣлокъ опытнѣйшаго русскаго драматурга, чтобы извинить молодаго автора «Машеньки» за то, что онъ впалъ въ тѣже самыя погрѣшности. Но извиняя его за погрѣшности, общія съ князя Шаховскимъ, нельзя не обвинить его за отсутствіе достоинствъ князя Шаховскаго: за недостатокъ логической связи и опредѣлительности дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, въ драмѣ «Машенька» все дѣлается по щучьему велѣнію, безъ всякихъ побудительныхъ причинъ; зритель видитъ только одиѣ послѣдствія, сильныя катастрофы, но не знаетъ какими нравственными путями онѣ приведены и что побуждало этихъ людей дѣйствовать именно такъ, а не иначе, когда на ихъ выборъ былъ предоставленъ гораздо простѣйшій и кратчайшій путь для достиженія той же самой цѣли.

Чтобы точнѣе опредѣлить наше обвиненіе, расскажемъ вкратцѣ содержаніе драмы.

Василій Тихавичъ Крупа, старичекъ простой, но добрый, души не слышитъ въ своей дочкѣ Машенькѣ. При началѣ дѣйствія, онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ ея пріѣзда въ свой бѣдный, но опрятный домикъ на Пескахъ, и старается убраться, какъ можно привлекательнѣе, чтобы недостатокъ аристократической роскоши замѣнить хотя изысканной чистотою. Надо вамъ сказать, что Машенька до сихъ поръ жила въ богатомъ домѣ знаменитой княгини, которая ее воспитывала и любила, какъ дочь. Зачѣмъ она вдругъ покидаетъ домъ своей благодѣтельницы и переѣзжаетъ въ бѣдную лачужку своего отца—авторъ не объяснилъ. Встрѣча старика съ нею—потокъ нѣжности, ласки и добродушія. Крупа созвалъ всѣхъ своихъ пріятелей-сосѣдей, чтобы достойно торжествовать водвореніе дочери подъ отцовскимъ кровомъ и имѣть свидѣтелей своей гордости и своего счастья. Являются пять оригиналовъ, или вѣрнѣе сказать, такихъ карриатуръ, какихъ не только въ Петербургѣ, но даже и во всѣмъ бѣломъ свѣтѣ не найдешь. Разумѣется, Машенькѣ въ сообществѣ ихъ чрезвычайно скучно: она предпочитаетъ побѣгать по саду, помечтать надъ

книгою. Но едва оригиналы, вмѣстѣ съ Василиемъ Тиханычемъ, отправились за неизбѣжный преферансъ, въ комнату является молодой офицеръ Звоинцевъ. И Машенька и онъ очень удивлены, что встрѣчаютъ другъ друга въ этомъ домѣ: они уже давно знакомы и видались у княгини. — «Вызачѣмъ здѣсь?» — спрашиваетъ онъ. — Я здѣсь живу, это домъ папаши. А вы зачѣмъ сюда пожаловали? спрашиваетъ она въ свою очередь. — «Я такъ; шелъ мимо да и зашелъ. Думалъ, что тутъ живетъ знакомый.» — Какъ будто можно зайти въ любой незнакомый домъ, на томъ основаніи, что идешь мимо его! Несмотря на нелѣпость причины; Машенька, по видимому, очень довольна ею; а онъ, чтобы не терять золотого времени, ни съ того, ни съ другаго — признается ей въ любви.

Во второй картинѣ Машенька въ саду. Вдругъ влетаетъ Звоинцевъ и говоритъ, чтобы она съ нимъ бѣжала, а иначе онъ застрѣлится. Машенька, несмотря на любовь свою къ отцу, послѣ слабой борьбы, бѣжитъ, оставляя старику записку. Выходитъ Василій Тиханычъ, кличетъ, ищетъ ее, беспокоится... и наконецъ находитъ роковую записку, которая поражаетъ его сердце смертельнымъ ударомъ.

Теперь спрашивается: зачѣмъ увозить Звоинцевъ Машеньку? зачѣмъ Машенькѣ бѣжать изъ отцовскаго дома, когда къ счастью ихъ нѣтъ ни малѣйшаго препятствія? Отецъ такъ любитъ ее, что одно о намека на взаимную любовь молодыхъ людей достаточно, чтобы онъ согласился на ихъ бракъ? Нѣтъ причинъ, а между тѣмъ это дѣлается. И характеръ Машеньки совершенно обезображенъ этимъ бесполезнымъ и преступнымъ побѣгомъ. Зритель съ этой минуты не чувствуетъ къ ней ни малѣйшаго участія и героизмъ пьесы становится уже не она, а Василій Тиханычъ.

Въ третьей картинѣ, происходящей годъ спустя послѣ побѣга, Звоинцевъ бросаетъ Машеньку и поручаетъ другу своему Гвоздареву, оставшему усаду, объявить ей объ этомъ. Она въ отчаяніи, и тутъ только начинаетъ понимать свое значеніе въ отношеніи къ Звоинцеву, значеніе, котораго, видите ли, не умѣла постигнуть въ теченіе цѣлаго года. Гвоздаревъ старается ее утѣшить по своему и даже предлагаетъ ей свою любовь, но бѣдная дѣвушка, оскорбленная, униженная, раскаявающаяся, отвергаетъ ее.

Въ четвертой картинѣ старикъ Крупа, больной, обезсиленный горестью, тоскуетъ въ своемъ садикѣ, вспоминаетъ о своей дочери съ презрѣніемъ — и вотъ она у ногъ его, проситъ прощенія, въ слезахъ раскаянія, — и онъ прощаетъ.

Конечно, во всемъ этомъ должны быть очень эффектныя, пате-

тичскія сцены, но что толку въ патетизмѣ, который притянутъ такими паспльственными средствами? Въ третьей картинѣ наивность Машеньки переходитъ уже за предѣлы всякаго вѣроятія, тогда, какъ увѣренность ея въ честныхъ намѣреніяхъ Звонинцева могла бы быть основана на какихъ нибудь законныхъ данныхъ, еслибъ авторъ потрудился ихъ придумать и объяснить.

Одинъ только характеръ старика Василя Тихавыча выдержанъ отъ зачала до конца. Это прекрасное лицо выкупаетъ всё несообразности пьесы. Но оно хорошо именно потому, что цѣлкомъ взято изъ повѣсти, гдѣ оно ярко и подробно очерчено.

Г. Самойловъ явился въ этомъ характерѣ истинно великимъ художникомъ. Мы уже разъ сказали, что г. Самойловъ по роду своего творчества, ближе всѣхъ намъ извѣстныхъ актеровъ подходитъ къ величайшему современному сценическому артисту — Буффѣ. Въ этой роли это мнѣніе еще болше оправдалось. Соелпнять въ такой степени комизмъ, самый простой и благородный, съ высокимъ драматизмомъ, не натянутымъ и естественнымъ — можетъ только человѣкъ, глубоко чувствующій и вполне понимающій свое призваніе. Скажемъ, положи руку на сердце, никогда еще г. Мартыновъ не возбуждалъ въ насъ того пріятнаго, не паспльственнаго смѣха, какой возбуждалъ этотъ простой, веселый старичекъ Крупа, то забавный ворчунъ, то дѣтски комическій отецъ; и никогда не были мы такъ потрясены до глубины души ни одной изъ первоклассныхъ ролей нашихъ трагиковъ, какъ потрясали насъ рыданія отчаяннаго отца, когда онъ узнаетъ о побѣгѣ дочери, этой нѣмою, но выразительной горестью, когда онъ почитаетъ ее уже совершенно для себя потерянной. Превосходнѣе создать характеръ, простѣе, художественнѣе и отчетливѣе его выполнить — рѣшительно невозможно. Не говоря уже о томъ, что вся роль продумана и ведена съ глубокимъ знаніемъ сердца человѣческаго и съ мастерствомъ неподражаемымъ, есть у г. Самойлова мѣста — высоко художническія. Такъ, на-примѣръ, минута свиданія съ дочерью — въ первой картинѣ; минута, когда онъ ее ищетъ въ саду — во второй картинѣ, и гдѣ сквозитъ педовѣріе къ тому, чтобы она могла уйти изъ дому, проглядываетъ уже боязнь и тревога душевная; минута его тоски — въ четвертой картинѣ, и наконецъ минута, когда онъ ядигъ ее передъ собою на колѣнахъ — поразительно прекрасны и насковъ проникнуты чувствомъ и жизненностію. Одна такая роль на любой европейской сценѣ поставила бы г. Самойлова въ разрядъ первоклассныхъ сценическихъ художниковъ, и намъ тѣмъ прискорбиѣе, что русскіе журналы, перѣдко превозносящіе другихъ

актеровъ за пошлые фарсы и гримасы, такъ холодно и слегка отозвались о созданіи, заслуживающемъ полнаго вниманія эстетиковъ. Насъ нельзя упрекнуть въ щедрости на похвалы и превознесенія, мы судимъ искусство въ его проявленіи, оставляя въ сторонѣ актера; мы нерѣдко даже высказывали горькія истины тому же самому г. Самойлову, когда онъ того заслуживалъ, но мы всегда на сторонѣ таланта, когда того требуетъ истина. Г. Самойловъ нерѣдко занималъ роли подражанія или передразниванія, недостойныя его дарованія, но теперь, въ трехъ бенефисахъ сряду, онъ создалъ три такіе типа, которые въ настоящее время даютъ ему полное и неотъемлемое право на названіе перваго комика пашей сцены. Мы рѣшительно не знаемъ другаго актера, который вмѣстѣ былъ-бы такъ глубокъ, такъ забавенъ — безъ натяжки, вѣренъ натурѣ — безъ пересолу, типиченъ — безъ утрировки, точенъ и опредѣлителенъ — даже въ мелочахъ, твердъ въ своей роли и проникнутъ характеромъ отъ начала до конца, какъ г. Самойловъ. А главное, насъ радуетъ то, что г. Самойловъ съ каждымъ годомъ двигается впередъ, съ каждой ролью совершенствуется, тогда какъ другіе съ блестящей точки только пятятся назадъ и съ каждой новой ролью падаютъ все ниже.

Вотъ, для примѣра, еще одно прекрасное созданіе г. Самойлова, совершенно новое и поразительно вѣрное: это купецъ *Фалл*, въ комедіи: «Женихъ на парѣ.»

Сюжетъ этой комедіи короче воробьиного носа и держится весь на одномъ характерѣ, разбогатѣвшаго Шуккиндворца, который на старости затѣялъ жениться, при посредствѣ одной барыни, занимающейся чѣмъ-то въ родѣ ремесла свахи. Онъ пріѣзжаетъ къ ней смотрѣть рекомендованную ею старую, вѣтренную и вертлявую барышню Волнову, а между тѣмъ засматривается на молодевскую приятельницу Волновой—Вѣрочку. Старая вдова Кискина, воспитательница Вѣрочки, и не прочь было отъ такого зажиточнаго жениха, но Барсовъ, старый инвалидъ и ея пріятель, отговариваетъ ее и почти насильно заставляетъ выдать Вѣрочку за его племянника, Голубкова, котораго молодая дѣвушка давно любитъ. А Шуккиндворецъ женится на Волновой.

Всякій пойметъ, что для двухъ актовъ это содержаніе слишкомъ бѣдно и что комедія вслѣдствіе того очень растянута. Движенія въ пьесѣ вовсе нѣтъ, все основано на однихъ разговорахъ. Но одно лицо купца *Фалла* составляетъ весь интересъ комедіи, И г. Самойловъ вынесъ всю пьесу на раменахъ своего богатырскаго таланта и умѣлъ сдѣлать ее интересною для зрителей вѣрностію колорита, который онъ придалъ представляемому лицу.

Тутъ у него каждый звукъ, каждое движеніе схвачены съ натуры. Въ этомъ купцѣ нѣтъ утрировки костюма и разговора, какую мы встрѣчаемъ въ большей части типовъ г. Григорьева 2, въ немъ все вѣрно и естественно до нельзя, а между тѣмъ фигура эта своей оригинальностію смѣшитъ васъ до слезъ. Даже самыя тонкія черты этого характера не ускользнули отъ наблюдательности г. Самойлова, который производитъ въ этой роли такой фуроръ, что его вызываютъ послѣ каждого явленія.

Роль вертявой прыгуньи Волновой — не по лѣтамъ и не по свойству таланта г-жи Сосницкой, и потому эта отличная артистка была въ ней какъ-то не въ своей тарелкѣ. Въ ней не доставало ни живости, ни скороговорки, необходимыхъ для этого характера, довольно удачно нарисованнаго авторомъ. Роль эта слишкомъ естественна, чтобы допустить въ ней хотя малѣйшую натяжку, между тѣмъ у Сосницкой она вся вышла натянутою. Опять невольно вспомнишь живой, натуральный талантъ г-жи Линской, для которой на нашей сценѣ нѣтъ замѣны. Вообще вся пьеса, за исключеніемъ г. Самойлова, была разыграна болѣе, чѣмъ слабо. Жаль было видѣть тутъ г-жу Жулеву, которой дарованіе заслуживаетъ ролей болѣе значительныхъ, чѣмъ безгласныя, аксессуарныя лица.

Буало говоритъ, что шутка перестаетъ быть забавною, когда повторяется. Посмотрѣвъ на сценѣ «Волшебную ночь» которая есть продолженіе шутки «Дядюшкинъ фракъ и тетюшкинъ капотъ», мы съ нимъ вполне согласились. И въ «Дядюшкиномъ фракѣ» мысль нѣсколько натянута, но тамъ она, по крайней мѣрѣ, оригинальна и даетъ случай къ забавнымъ положеніямъ, которыя истекаютъ изъ нея сами собою, естественнымъ образомъ. Въ продолженіи этой шутки, авторъ прибѣгнулъ къ нѣкоторому насилію и повторилъ ту же мысль. Тамъ дядюшка зашилъ 30 тысячъ въ старый фракъ, здѣсь тетюшка зашила ту же сумму въ дѣтское одѣяло, полагая, что ея племянничекъ Сморчковъ женатъ и что у него есть уже маленькій сморчекъ. Видите-ли, Сморчковъ, промотавъ свои тридцать тысячъ, находится въ томъ-же положеніи, въ какомъ былъ до присылки дядюшкина фрака, то-есть, въ положеніи — непременно жениться. Вотъ онъ и выбралъ Катеньку Индѣйкину — и чтобы дебютировать приличнымъ образомъ, хочетъ вести всю семью Индѣйкиныхъ въ бенефисъ И. И. Излера, на «Волшебную ночь.» Для осуществленія этого проэкта недостаетъ ему только десяти рублей серебромъ. Пока онъ ломаетъ себѣ голову, гдѣ бы ихъ достать, пріѣзжаетъ дядюшка Маркель Савичъ съ тетюшкою Акулиной Савишной. Старикъ требуетъ, чтобы племянникъ представилъ ему жену, о которой нахвасталъ въ письмѣ, и показалъ

маленькаго сморчка. А тутъ на бѣду является Индѣйкинъ съ дочерью. Какъ выпутаться изъ бѣды! Сморчковъ приглашаетъ дядю на свою дачу, гдѣ у него будутъ гости, и везетъ всѣхъ на Миперальныя воды на праздникъ Излера, увѣривъ старика, что Катенька Индѣйкина его жена, а заведеніе Излера — его дача. Изъ этого громаднаго неправдоподобія выходятъ разныя забавныя, хотя вовсе ненатуральныя, сцены, которыя окончились-бы на самой первой, еслибъ старики Сморчковъ и Индѣйкинъ хотѣли понять, первый, что человѣкъ, который хочетъ жениться, не можетъ имѣть жены и сына, а второй, что человѣкъ, который имѣетъ жену и сына, не можетъ жениться. Но авторъ заставляетъ ихъ довольно неловко играть въ гулючки до самой развязки шутки. Пьеса невѣроятна, но смѣшна: отчасти для фарса-этого и довольно. Признаемся, мы ожидали отъ нея гораздо больше эффекта, чѣмъ она произвела на сценѣ. Г. Мартыновъ, который такъ забавенъ въ «Дядюшкиномъ фракѣ» ничего не сдѣлалъ изъ роли своей въ «Волшебной ночи.» Незнаемъ, оттого-ли, что характеръ Сморчкова здѣсь довольно вялъ, или оттого, что г. Самойловъ былъ такъ превосходенъ въ предшествовавшей комедіи «Женихъ на парѣ», но г. Мартыновъ на этотъ разъ не произвелъ обычнаго впечатленія на зрителей и былъ встрѣченъ довольно холодно. Много вредитъ пьесѣ и то, что въ ней гибель дѣйствующихъ лицъ, а по русской пословицѣ: у семи нянекъ дитя безъ глазу.

Четвертая пьеса «Царскій приказъ», названная *историческимъ анекдотомъ*, до того слаба и незначительна, что не заслуживаетъ даже критики. Это сто пятидесятая пьеса изъ Петровскихъ временъ, въ сто пятьдесятъ разъ ничтожнѣйшая всѣхъ предыдущихъ. Въ пьесѣ, которой дѣйствіе происходитъ въ извѣстную данную эпоху, долженъ быть сохраненъ, по крайней мѣрѣ, колоритъ временъ и мѣста. Посмотрите, какъ хороши всѣ повѣсти этой эпохи подъ перомъ Кукольника: невольно переносятся во времена великаго преобразователя Россіи и живешь тогдашнею жизнью, входилъ въ тогдашніе нравы. Здѣсь ничего подобнаго нѣтъ, и отнимите у актеровъ костюмы Петрова времени, вы не догадаетесь, когда и гдѣ происходитъ дѣйствіе. Содержаніе ужъ до того незатѣйливо, что его даже нельзя назвать вымысломъ. У купца Тресковатова есть пригожая дочь, Мавруша, и безобразная старая племянница, Фекла. Онъ ихъ, разумѣется, по тогдашнему времени, держитъ въ заперти. Не смотря на то, одинъ офицеръ какъ-то увидалъ его дочку и она ему пригласилась. Но купецъ никакъ не рѣшится отдать дочери за человѣка, который скоблитъ бороду бритвой и носитъ басурманское платье. Вдругъ выходитъ повѣстка,

чтобы отцы съ семействами явились на гулянье въ Лѣтній садъ. Тресковатовъ въ отчаяніи. Какъ вести туда Маврушу? А, ну, какъ ее увидитъ офицеръ, да посватается? — Вотъ онъ вмѣсто дочери беретъ съ собою Оеклу, разрядивъ ее въ жемчуги и брилліанты. Обманъ открывається, и хитрый купецъ, чтобъ выдти изъ бѣды и спастись отъ наказанія, отдаетъ дочь за офицера, а Оеклу, со всѣми брилліантами, долженъ уступить магистратскому хожалому. — Въ пьесѣ нѣтъ ни жизни, ни правды, ни веселости.

Остается намъ еще сказать нѣсколько словъ о драмѣ «Морской волкъ». Начинается съ того, что волкъ этотъ вовсе не волкъ, а человекъ — въ волчьей шкурѣ, а притомъ онъ и не морской, а сухопутный, потому что это просто корабельный мастеръ Перикъ, котораго прозвали *волкомъ* за его угрюмой крутой нравъ, а *морскимъ* за то, что онъ корабельщикъ. У волка есть молоденькая дочка Аріюнна. Оливье Тьерри, лейтенантъ фрегата, страшно влюбился въ хорошенькую волчицу, но боясь несогласія волка, который его не любитъ, уговорилъ ее тайно съ нимъ обвѣнчаться, а самъ, поступивъ къ отцу ея въ работники, надѣется усердіемъ, ласкою, услужливостію свискать его расположеніе и прощеніе. Не тутъ — то было. Волкъ рычитъ попрежнему. Тогда молодой человекъ рѣшается увезти свою жену въ Америку. Волкъ ихъ преслѣдуетъ и видитъ крушеніе ихъ корабля и общую гибель. Но молодые супруги спаслись и живутъ очень счастливо въ Америкѣ, какъ вдругъ является туда морской волкъ. Тьерри, чтобы избавиться отъ него, увѣряетъ, что дочь его погибла. Аріюнна, услышавъ голосъ отца, съ восторгомъ кидается въ его объятія. Старикъ и теперь не простилъ бы своихъ дѣтей, но онъ видитъ маленькихъ внучатъ, которые называютъ его дѣдушкой, — и слезная мелодрама оканчивается трогательной семейною картиной.

Разыгрывать тутъ было не много: рѣзкихъ характеровъ въ драмѣ нѣтъ, истинныхъ страстей также. Морскаго волка представлялъ господинъ Сосеницкій. Признаемся откровенно, мы съ сожалѣніемъ смотримъ на этого хорошаго комика, когда онъ является въ драматическихъ характерахъ. Въ немъ рѣшительно нѣтъ папетического вачала, и привыкнувъ къ его отлично-иѣрцной, отчетливой и естественной дикціи — въ комедіи, какъ-то странно слышать въ устахъ его какую-то напыщенную рѣчь, выражаемую постоянно монотонно-плаксивымъ голосомъ. Слезы въ голосѣ не трогаютъ зрителя, когда ихъ нѣтъ въ душѣ; чувство тогда только производитъ впечатлѣніе на сценѣ, когда само

для себя отыскиваетъ вѣрные звуки, но придумать звуки, которыя-бы выражали душу, очень трудно, даже невозможно. Во всей этой драмѣ есть одна только прекрасная комическая сцена, сцена свиданія плотника Куку съ его женою Марго, съ которою онъ жилъ, какъ кошка съ собакою; эта сцена тоже не новость, она слишкомъ живо напоминаетъ такую же сцену Данила и Ритты въ оперѣ «Цампа». Но сцена эта была очень забавно разыграна господою Сосницкою и господиномъ Марковецкимъ.

Не станемъ распространяться о старыхъ пьесахъ, которыя прибавлены къ бенефисамъ такъ, для счета, и о которыхъ было уже говорено больше, чѣмъ онѣ заслуживаютъ. Скажемъ только, что грустно намъ смотрѣть какъ - то, когда послѣ дивно созданной господиномъ Самойловымъ роли въ «Машенькѣ», господинъ Мартыновъ, считающійся первымъ комикомъ, является въ жевской юбкѣ, чтобы заслужить рукоплесканія пляскою карикатурной качучи, въ фарсѣ «Мнимая Фанни Эльслеръ!» Тутъ невольно вспомнишь стихъ:

Отъ великаго до смѣшнаго одинъ только шагъ!

Дурочка. Драма въ одномъ дѣйствіи, съ пѣніемъ, сочиненіе г-на Ф.

Голубой капотъ. Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Соч. кн. К-ва.

Чѣмъ не пожертвуешь для дочери! Комедія въ одномъ дѣйствіи, съ куплетами, переводъ съ французскаго г-на Желтухина.

Зала для стрижки волосъ. Шутка въ одномъ дѣйствіи, соч. г-на Григорьева 1.

(Бенефисъ госпожи Валберховой.)

Вотъ и еще двѣ оригинальныя, то есть, русскія пьесы! Откровенно говоря, при всѣхъ несовершенствахъ русской драматической литературы, все-таки пріятнѣе видѣть пьесу въ своихъ, русскихъ, чѣмъ въ чужеземныхъ нравахъ, вовсе несходныхъ съ нашими ни въ одномъ отношеніи. А ужъ о передѣлкахъ, гдѣ одни иностранныя имена мѣняются на русскія, и говорить нечего! Ничто не можетъ быть досаднѣе, какъ видѣть на сценѣ людей, носящихъ коренныя, русскія имена и дѣйствующихъ и говорящихъ рѣшительно въ противность русскимъ учрежденіямъ, обычаямъ и привычкамъ. По духу языка — они русскіе, по духу дѣйствій и мыслей — неизвѣстно, что за люди

Пьесы бенефиса госпожи Валберховой не виновны въ такой замашкѣ: это чисто русскіе вымыслы, и въ чисто русской оболочкѣ.

Драма Дурочка заключается въ послѣдствіяхъ событія, совершившагося за вѣсколько лѣтъ до начала дѣйствія. Значить, настоящей - то катастрофы, настоящей - то драмы на сценѣ нѣтъ. Все объясняется разговорами, дѣйствія мало, и потому зритель, до самаго конца, видя передъ собою несчастное существо, лишённое разсудка, но не зная какой случай былъ причиною этого несчастія, чувствуетъ самое слабое участіе къ героямъ драмы. Въ этомъ вся ошибка автора. Олицетвори онъ самое событіе -- драма его производила - бы вдвое больше эффекта, потому - что тогда страсти и страданія выразились бы въ настоящій моментъ своего развитія, а не въ воспоминаніи, какъ теперь.

Вотъ въ чемъ дѣло. Молодой столичный левъ Бельтовъ, оставшись единственнымъ наслѣдникомъ послѣ отца, пріѣзжаетъ въ свою деревню, но по гордости не хочетъ сближаться и знакомиться съ своими бѣдными сосѣдями. Однакожь, дочь одного изъ этихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, Сашенька, гдѣ - то видѣла его, говорила съ нимъ и влюбилась въ него до безумія. Между тѣмъ, Бельтовъ, приводя свои дѣла въ порядокъ, поручаетъ управителю-сутьягѣ порѣшить нѣкоторыя спорныя дѣла по землямъ, а самъ уѣзжаетъ въ столицу. Управитель заводитъ процессъ съ отцомъ Сашеньки, и разными крючками и кляузами оттягиваетъ у него все малевкое его имѣніе. При извѣстіи объ этомъ, старикъ умираетъ отъ апоплексическаго удара, а дочь, страстно его любившая и оставшаяся теперь безъ куска хлѣба и помощи — сходитъ съ ума.

Все это случилось до начала драмы. Въ самой-же драмѣ вотъ что происходитъ: крестьяне Бельтова ждутъ пріѣзда своего господина, который нѣсколько лѣтъ прожилъ за границею. Пономарь приготовилъ привѣтствіе въ стихахъ, староста — хлѣбъ - соль, какъ водится. Но тутъ - же въ толпѣ все вьется дурочка Саша и вотъ ее всѣ гонятъ, чтобы она какъ-нибудь не надѣлала глупостей въ присутствіи барина. По счастью, ее застаётъ тетка молодого Бельтова и беретъ подъ свое покровительство. Пріѣзжаетъ самъ Бельтовъ и на вопросъ тетки, какъ проводилъ онъ время въ чужихъ краяхъ, отвѣчаетъ, — что скучно, грустно, что постоянно терзался совѣстью и не могъ изгладить изъ сердца преступленія, которое невольно совершилъ. При такомъ открытіи, тетка приходитъ въ изумленіе и ужасъ, и проситъ разъяснить загадку. Тогда Бельтовъ рассказываетъ ей все, что мы вамъ рассказали вначалѣ статьи. Прибѣгаетъ дурочка Саша и узнаетъ Бельтова. Она обременяетъ его упреками, называетъ убійцею своего отца, зло-

дѣмъ, растерзавшимъ ея сердце за то только, что оно его страстно любило. Бельтовъ всячески старается образумить дурочку и наконецъ говорить, что гоговъ исправить едѣланное зло, отдавъ ей свое имѣніе, руку и сердце. При такомъ обѣщаніи, сумасшедшая приходитъ въ себя, бросается въ объятія Бельтова и драмѣ счастливой конецъ.

Роль дурочки или сѣумасшедшей исполняла г-жа Самойлова 2, и употребляла чрезвычайно много старанія, чтобы едѣлать ее эффектною. Нѣкоторыя минуты были ею выражены прекрасно, но цѣлое какъ-то не клеилось: то вы видѣли въ этомъ лицѣ Офелію, то простую русскую пидютку, какихъ обыкновенно въ деревняхъ называютъ *дурочками*. Минута, когда Саша узнаетъ Бельтова и рассказываетъ о его поступкѣ остальнымъ лицамъ, какъ-то неопредѣлительна: вы не знаете, говорить-ли это сумасшедшая въ сильнѣйшемъ бреду своей болѣзни, или это тотъ мигъ, когда ра судокъ опять вступаетъ въ свои права и раскрываетъ все раны души несчастной. Словомъ, въ созданіи этого характера недостаетъ вѣрнаго колорита и истины: въ немъ все придумано, ничто не подмѣчено и не прочувствовано. Можетъ быть, это впечатлѣніе, произведенное игрою г-жи Самойловой, было-бы не такъ рѣзко, еслибъ въ предшествовавшемъ бенефисѣ не давали сценъ Офеліи изъ «Гамлета», въ которыхъ г-жа Жулева развиваетъ такъ много жизненности и задуманнаго чувства, безъ потрясающихъ театральныхъ эффектовъ.

Голубой капотъ, комедія вв. К-ва, очень милая и умная пьеска. За исключеніемъ небольшихъ промаховъ противъ условій сцены, она ведена живо и занимательно. Познакомимъ читателя съ ея содержаніемъ:

Доринскій, человѣкъ очень простой, безъ свѣтскаго образованія, но умный, добрый и честный, женился на дѣвушкѣ, воспитанной по модѣ. Скоро быть дѣловаго человѣка, занятаго утромъ исправленіемъ своей служебной должности, а вечеромъ имущаго себя небольшого разеѣванія въ обществѣ сослуживцевъ, показался Надеждѣ Николаевнѣ Доринской чрезвычайно монотоннымъ, а главное вовсе не *тоннымъ*. Она начинаетъ учить мужа, какъ должно держать себя въ обществѣ, какъ ходить, стоять, говорить и кланяться, чтобы походить на человѣка высшаго круга, на свѣтскаго льва. Доринскому не подѣтъ перевоспитываться и онъ старается доказать женѣ, что главное достоинство человѣка и гражданина состоитъ въ его умѣ, трудолюбіи и заслугахъ, а не въ шарканьяхъ ногъ. Но какъ переувѣрить молодую, легкомысленную женщину, у которой съ дѣтства набиты разные

вздоры въ голову. Она ставитъ мужу въ образецъ Стрѣльскаго, молодатаго фата, тунейца, который убиваетъ свое состояніе на пустяки и частенько сталъ похаживать въ домъ Доринскаго. Это зараждаетъ въ мужѣ ревность и подозрѣніе. Онъ, по обыкновенію, уѣзжаетъ въ клубъ, давъ себѣ слово быть осторожнымъ. Едва онъ за дверь, какъ вдругъ является и глупый левъ Стрѣльскій, и находя г-жу Доринскую въ голубомъ капотѣ, который онъ ей прежде выхвалялъ въ своихъ пошлыхъ комплиментахъ, почитаетъ себя вправѣ сдѣлать ей призываніе въ любви, бросившись передъ нею на колѣна. Въ эту патетическую минуту входитъ мужъ. Стрѣльскій съ удивительною ловкостью и находчивостью притворяется, что поднялъ платокъ г-жи Доринской. Но мужъ ея не протакъ, его не проведешь подобными фокусъ-покусами, онъ тотчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло, и рѣшился проучить молодца. Съ удивительною ласкою приглашаетъ онъ его отужинать, проситъ жену все приготовить и велитъ подать на столъ всѣ бутылки съ виномъ, водкою и ромомъ, какія только у нихъ есть въ запасѣ. Пока жена отправляется хлопотать обѣ ужинѣ, Доринскій очень серьезно выражаетъ франту, какъ глупъ и дерзокъ его поступокъ въ отношеніи къ его женѣ, а въ наказаніе за то и для примиренія требуетъ, чтобы онъ непременно роспилъ съ нимъ все, что есть у него въ запасѣ испитомаго. Надо васъ предупредить, что Надежда Николаевна чувствуетъ непреодолимое отвращеніе отъ пьяницъ, и что Стрѣльскій увѣрилъ ее, что онъ кромѣ одного наперстка малаги съ бисквитомъ, въ жизнь свою не прикасался ни къ одному вину. Начинается ужинъ и невинный Стрѣльскій до того наслаждается винами и ромомъ, что подъ конецъ рѣшительно теряетъ разсудокъ и явно высказываетъ гнусныя свои правила. Доринскій отправляетъ его домой и пользуется этимъ случаемъ, чтобы дать своей женѣ хорошенькій урокъ, котораго смыслъ заключается въ старинной поговоркѣ: *не все то золото, что блеститъ!* Жена сознается въ своей ошибкѣ, и супруги продолжаютъ жить счастливо.

Пьеска эта, написанная съ истинно нравственною и поучительною цѣлью, и написанная притомъ очень хорошими стихами, имѣла заслуженный успѣхъ на сценѣ и была довольно недурно разыграна г-ми Григорьевымъ 1, Мартыновымъ и г-жею Жулевой. Впрочемъ, намъ кажется, она еще больше выиграла бы, еслибъ роль роль свѣтскаго фата, льва, который смѣшопъ только по положенію, въ которое поставленъ, выполнилъ г. Максимовъ 1. Эта роль вовсе не въ характерѣ таланта г. Мартынова, и чело-
 ловѣкъ, какимъ онъ является на сцену, совсѣмъ не похожъ

на описаніе, сдѣланное мечтательницею въ первомъ явленіи комедіи, и на тотъ образецъ свѣтскости, который она выставляетъ въ примѣръ своему мужу. За то г. Григорьевъ былъ вѣренъ и хорошъ, какъ нельзя больше. Притомъ онъ одинъ умѣетъ говорить стихами естественно и безъ натяжки и, какъ артистъ совѣтливый и трудолюбивый, знаетъ, что роль въ стихахъ *должно твердо выучивать наизусть.*

Другой случай, взятый изъ семейнаго быта, столь же назидательный, представляетъ намъ водевилъ: «Чѣмъ не по жертвуешь для дочери!»

Дѣйствіе этой умной пьески происходитъ въ Парижѣ, стало быть, въ ней изображаются нравы французскіе, а не наши. У насъ подобныя обстоятельства не возможны, но не менѣе того содержаніе пьесы заключаетъ въ себѣ прекрасный нравственный урокъ.

Г. Дюринеръ и жена его, проживши восемнадцать лѣтъ въ ладу и согласіи, и взростивъ дочь Луизу, наконецъ, вслѣдствіе наущеній одного процыры, Пероке, челоѵка не совѣмъ съ честными намѣреніями, поссорились до того, что не только разстались, но даже хотятъ разводиться. Это въ нравахъ Франціи и не противорѣчитъ ея законамъ. Между тѣмъ, къ дочери ихъ присватался достойный молодой челоѵкъ Артуръ, котораго Луиза страстно любитъ. Обстоятельство это на нѣсколько времени сближаетъ супруговъ, но они не скрываютъ другъ отъ друга взаимной ненависти. Пріѣзжаетъ наконецъ другъ ихъ семейства, старикъ Жирардо, отецъ Артура. Видя доброе согласіе супруговъ, честный провинціалъ не можетъ скрыть своего восторга, ибо предвидитъ ту же участь и для своего сына. «Да, говоритъ онъ, счастье родителей вѣрная порука и за счастье дѣтей! Я ни за что не позволилъ бы своему сыну жениться даже на самой достойнѣйшей дѣвушкѣ, еслибъ зналъ, что родители ея живутъ неладно, или и того хуже — въ разводѣ. Ну, скажите пожалуйста, какой это примѣръ для молодыхъ людей? Тфу! просто гадко и подумать.» — Такое мнѣніе старика, заставляетъ господина и г-жу Дюринеръ разыгрывать роль нѣжныхъ голубковъ, чтобъ не разрушить счастья дочери, а подъ конецъ, послѣ многихъ неловкихъ, истинно комическихъ положеній, сознать истину словъ своего стараго друга, нелѣпность своей ссоры и навсегда примириться.

Пьеса ведена очень хорошо, и, несмотря на подержанный сю-

жетъ, представляетъ много положеній довольно новыхъ и замысловатыхъ.

Лучше всѣхъ въ этомъ водевилѣ были г. Марковецкій, въ роли Жирардо, и г. Каратыгинъ 2, въ роли Дюринера. Остальные лица справились съ своимъ дѣломъ съ грѣшкомъ пополамъ. Мы воображаемъ, какой успѣхъ должна имѣть эта пьеса въ старательной обстановкѣ на французскомъ театрѣ.

Говорить о «Залѣ» (а не *зало*, такого слова нѣтъ въ русскомъ языкѣ) для стрижки волосъ — нечего. Эта разноязычная шутка, въ которой такъ забавны Моръ, Верне и Мартыновъ, давнымъ давно известна всѣмъ посѣтителямъ театра, однако, какъ вѣрная картинка, и теперь еще срываетъ улыбку.

Вообще надо отдать полную справедливость совѣстному и умному выбору пьесъ нашей сценической ветеранки. Бенефисъ г-жи Валберховой не производилъ взрывовъ восторга, перѣдко совершенно безсознательнаго, но оставилъ въ зрителяхъ самое пріятное впечатлѣніе. По-крайней-мѣрѣ, вкусъ ихъ и эстетическое чувство не оскорблялись пьесами, въ родѣ фарса: «Старикъ и двое молодыхъ.»

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

L'AVENTURIÈRE, комедія въ стихахъ, соч. Эмиля Ожье —
 LA PETITE FADETTE, комедія Жоржа Занда.

Г. Ожье писатель съ большимъ драматическимъ дарованіемъ, уже знакомый намъ по своему прекрасному произведенію «Габріель», за которое онъ удостоился академической преміи въ семь тысячъ франковъ и ордена Почетнаго Легіона. Владѣя звучнымъ и выразительнымъ стихомъ, г. Ожье особенно отличается умѣньемъ выбрать сюжетъ, мастерски расположить ходъ драмы. Кромѣ того, у него всегда ввиду нравственная цѣль, что въ наше время — большая рѣдкость между французскими драматургами.

Комедія L'Aventurière написана имъ прежде «Габріели» и быть можетъ, какъ первый трудъ молодого писателя, она нѣсколько слабѣ послѣдней, но не смотря на это, она весьма далеко оставляетъ за собою все произведенія современныхъ французскихъ драматурговъ. Вотъ ея сюжетъ.

Богатый падуанскій гражданинъ, Мукарадъ, забывая свои шестьдесятъ лѣтъ и назойливую сѣдину, по общей слабости всѣхъ, переступившихъ за грань полъ-вѣка, намѣренъ подарить свое имя и остывшее сердце какой-то Клориндѣ, особѣ, не пользующейся особенными привилегіями завидной репутаціи, которая красотою, хитростію, обаятельною улыбкою и коварнымъ взглядомъ совершенно завоевала старика. Намѣреніе его рѣшительно. И чтобы поставить на своемъ, старикъ перессорился съ родными, друзьями и знакомыми. Онъ даже не думаетъ о предполагаемомъ бракѣ дочери съ ея двоюроднымъ братомъ.

Въ это время сынъ его Фабрицій, покинувшій назадъ тому тринадцать лѣтъ родной кровъ и испытавшій все неудачи скитальческой жизни, все зло разгула и безпечности, возвращается въ отчій домъ, полный чистаго раскаянія и надежды на прощеніе отца. Въ эти тринадцать лѣтъ, бурная жизнь до того измѣнила молодого человѣка, что родная сестра и двоюродный братъ, которыхъ онъ застанетъ какъ жениха и невѣсту, — не узнаютъ его. — Открывшись имъ, Фабрицій узнаетъ въ свою очередь ихъ общее горе и намѣреніе отца.. Эта новость не испугала молодого человѣка. Готовый на спасеніе сестры и отца, Фабри-

цій въ надеждѣ, что старикъ не узнаетъ его послѣ долгой разлуки, какъ не узнали братъ и сестра, тотчасъ-же придумываетъ планъ, которымъ-бы можно было разрушить коварные замыслы кокетки Клориды. Пользуясь обстоятельствами, молодой человекъ пишетъ отцу письмо, въ которомъ рекомендуетъ ему своего друга и самъ подъ вымышленнымъ именемъ является къ старику.

Мукарадь радушно принимаетъ мнимаго друга своего сына, котораго уже считалъ погибшимъ и даже высказывается, что сынъ все еще милъ и дорогъ его сердцу. Между тѣмъ, появленіе Фабриціа безпокоитъ Клориду, успѣвшую удалить изъ дома старика всѣхъ его ближнихъ, всѣхъ, кто только, по дружбѣ или изъ привязанности къ нему, могъ-бы раскрыть передъ нимъ всю безразсудность его намѣренія. Хитрая и предусмотрительная кокетка поручаетъ своему брату Аннибалу, большому негодяю, развѣдать о молодомъ человекѣ. Фабрицій и Аннибалъ остаются одни, каждый съ намѣреніемъ вывѣдать что-нибудь у новаго знакомаго... И вотъ за сытнымъ завтракомъ они начинаютъ съ того, что говоря другъ другу наивные комплементы, обязательно наполняютъ дружескіе стаканы. Аннибалъ, изъ особенной признательности къ славному малому, написалъ первый... Дѣло пошло на откровенность... Голова его закружилась, сердце растаяло вмѣстѣ съ памятью — и онъ прямо сознается, что сестра его актриса, а самъ онъ актеръ мадрическаго театра — и что наука жить на счетъ ближняго — прекрасная наука! Въ эту минуту является старикъ съ Клоридою и слышитъ слова ея брата. Гордость и сознание достоинства воскресаютъ тогда въ старомъ гражданинѣ... Бракъ съ странствующею фигляркою кажется ему дѣломъ позорнымъ, и онъ приказываетъ Клоридѣ оставить свой домъ навсегда. Фабрицій, обрадованный счастливымъ результатомъ первой своей попытки, бѣжитъ за посылками, чтобы выпроводить изъ родительскаго дома откровеннаго Аннибала и его замысловатую сестрицу. Но послѣдняя не измѣняетъ ни себѣ, ни своему искусству, и скоро успѣваетъ разжалобить влюбленнаго старика. Фабрицій снова находитъ Мукарада у ногъ Клориды... Не теряя бодрости отъ этой первой неудачи и наученный опытомъ, онъ рѣшается на другую попытку — и придумываетъ новый планъ. Отъ имени своего онъ пишетъ къ старику письмо, въ которомъ объявляетъ ему по секрету, что податель перваго письма — совсѣмъ не тотъ, за кого онъ выдаетъ себя, — но что онъ богатый вѣмецкій князь, никогда странствующій, съ непремѣннымъ желаніемъ, по страсти къ романтическимъ приключеніямъ.

стрѣтить женщину, которая-бы полюбила въ немъ его самого, а не титулъ и богатство. Клоринда узнаетъ эту тайну. Фабрицій, вѣрный своей роли и своему плану, прикидывается очарованнымъ. Въ первую минуту его признаній странствующая актриса не рѣшается измѣнить надеждамъ и любви старика, но уязвленная презрѣніемъ, съ которымъ смотрятъ на нее всѣ въ этомъ домѣ,—она готова отвѣтить на страстный вызовъ князя, чтобы разомъ стать выше тѣхъ, которые пренебрегаютъ ею... Она согласна даже бѣжать съ Фабриціемъ... Но въ ту минуту, какъ Фабрицій падаетъ предъ нею на колѣна... является Макарадъ, и осыпая его упреками, требуетъ удовлетворенія. Фабрицій отказывается. Тогда испуганный старикъ, не владея собою, заноситъ на него руку, чтобы оскорбленіемъ принудить къ поединку.... — Батюшка... остановитесь! вскрикиваетъ Фабрицій — и тѣмъ обнаруживаетъ свою тайну, высказывая отцу всю чистоту своихъ намѣреній... Отецъ не вѣритъ его словамъ и, подстрекаемый Клориндою, не хочетъ его болѣе видѣть. Тогда Фабрицій, осужденный на новую и страшную разлуку съ отцовскимъ домомъ, гдѣ думалъ найти покой и счастье, гдѣ надѣялся отогрѣть свое бѣдное, изможденное сердце, оставаясь одинъ съ Клориндою, высказываетъ ей всю свою ненависть и презрѣніе. — «Вы забываете съ кѣмъ говорите... Не мѣшало-бы помнить, что я скоро приму названіе вашей матери!...» отвѣчаетъ ему Клоринда. Весь ужасъ, вся дерзость этихъ словъ пали огненными искрами на сердце Фабрицій... Задыхаясь отъ гнѣва, онъ напоминаетъ Клориндѣ о ея ничтожествѣ, ея бродячую жизнь, грозно разоблачая передъ нею весь ужасъ ея нравственнаго паденія... Фабрицій оставляетъ Клоринду въ пыткахъ горькаго сознанія, подъ гнетомъ терзаній совѣсти.

Сильная и могучая тирада молодого человѣка страшно и больно уязвила душу Клоринды, отуманенную страстями. Въ это тяжелое мгновеніе въ памяти ея ожило все минувшее — жалкое и безотрадное.... Въ первый разъ она услышала языкъ чести и достоинства... и въ первый разъ сердце забилося на призывъ истины... Языкъ, голосъ и взглядъ Фабриція произвели на нее сильное и непостижимое впечатлѣніе... Душа ея впервые встрепенулась для истиннаго чувства... Эта мгновенная любовь обогородила Клоринду въ собственныхъ глазахъ ея.. Совѣсть и раскаяніе проснулись въ ней... И готовая примирить отца съ сыномъ, она сама признается во всемъ старику, оставляя домъ его, въ который едва не внесла вѣчнаго раздора.

Нельзя не сознаться, что въ этой комедіи Г. Ожье есть нѣсколь-

ко мѣсть поразительно прекрасныхъ. Последняя сцена Фабриція съ Клориндою, которую исполнили г-жа Вольнисъ и г. Бертонъ съ художественнымъ совершенствомъ, есть вершина драматическаго искусства.

ЛА РЕТИТЕ ФАДЕТТЕ, комедія—передѣланная изъ романа Жоржъ-Заида самимъ-же авторомъ, или вѣрнѣе, самою авторшею. Она можетъ служить доказательствомъ тому, что иногда и передѣлки удаются: разыгранная-же любимцами нашей французской труппы, комедія эта невольно оставляетъ въ памяти зрителя незабываемый сюжетъ свой.

Ландри (г. Бертонъ), молодой поселянинъ, первый запѣвало, плясунъ и красавецъ своего околотка, потерялъ теленка. Цѣлая ночь прошла въ напрасныхъ поискахъ — и суевѣрный крестьянинъ, какъ тутъ, очутился въ самую полночь около урочища, гдѣ, по росказнямъ старухъ и трусовъ, водятся лѣшіе и привидѣнія. На берегу завѣтнаго ручья онъ видитъ хижину, въ которой блещетъ огонь. Казалось-бы вотъ и ночлегъ, и пріютъ.... Но Ландри совсемъ не то показалось. Онъ не трусливый мужикъ и хотя на десятерыхъ готовъ, да только на живыхъ, а не на мертвецовъ, или не на тѣхъ, за кого, по его мнѣнію, лѣсовикъ можетъ превратить его въ сороку или зайца.... Струсилъ Ландри, онъ лицомъ къ лицу съ хижиною хорошенькой Фадетты — которой мать слыветъ за колдунью.... Въ глазахъ у него зарябило; подшуривая ихъ и дрожа отъ страха, онъ даже замѣтилъ у хижины блуждающіе огни, которые принялъ за освѣщеніе на шабашѣ... Стуча отъ страха зубами, онъ сунулся носомъ въ какой-то кустъ. Въ это время Фадетта собирала цѣлебныя травы и набрела на бѣднаго Ландри. Хитрая дѣвочка всегда знала обо всемъ, что дѣлается въ деревнѣ. На этотъ разъ она даже знала, гдѣ теленокъ Ландри. Посмѣявшись сначала надъ трусостію красиваго парня, она ободрила его потомъ и, сказавъ, гдѣ его теленокъ, вызвалась проводить за ручей.

За свое доброе дѣло Фадетта, разумѣется, потребовала вознагражденія, тѣмъ болѣе, что Ландри самъ обѣщалъ ей отплатить за это доброе дѣло услугой, какой-бы она ни потребовала. Озадачила-же Фадетта красиваго парня, когда потребовала, чтобы онъ танцевалъ весь вечеръ на сельскомъ праздникѣ только съ нею одною и ни съ кѣмъ болѣе.... Ландри готовъ проплясать хоть цѣлый годъ, да только не съ Фадеттою... отъ этой дѣвочки бѣгали всѣ его товарищи... Дочь колдуньи, всегда оборванная, да, пожалуй, еще и злая... Страшно, совѣстно, пожалуй еще испортить. Но вѣрный своему слову, Ландри согласился. Вотъ и праздникъ, вотъ и Фа-

детта, а съ нею и Ландри, надъ которымъ вслухъ смѣются зубоскалы. Чтожь-бы вы думали? Вѣдь въ самомъ дѣлѣ дѣвочка испортила красавца... Какъ послушалъ онъ ея рѣчей, да поглядѣлъ на нее пристальнѣе, сердце въ немъ и съежилось, какъ губка. Перемолвилъ еще разикъ другой съ Фадеттой, видитъ дѣло худо; если не женится на дочери колдуньи, то зачахнетъ да и пропадетъ, какъ пропалъ его теленокъ. Ландри къ отцу, благослови, батюшка, чаху... Фадетта такая добрая, умная... красавица... Отецъ было сначала и слышать не хотѣлъ о Фадеттѣ, да какъ увидѣлъ въ рукахъ ея корзинку, а въ ней нѣсколько тысячъ франковъ то и.... Но, вамъ извѣстно, что всякій Ландри, во всякой комедіи, женится на какой нибудь Фадеттѣ...

Г жа Майеръ (*Фадетта*) и г. Бертонъ (*Ландри*) очень мило разыграли эту пьеску, послѣ которой на нашей Михайловской сценѣ явилось еще нѣсколько драмъ, комедій и водевилей, но они едва ли не всѣ принадлежать къ числу двѣнадцати дюжинъ, составляя сами по себѣ тринадцатую, а потому мы обо всей группѣ умалчиваемъ, а скажемъ нѣсколько словъ о самыхъ затѣйливѣйшихъ изъ нихъ.

Изъ пьесъ, которыя составляли бенефисъ г. Варле, особенно заслуживаетъ вниманія главная пьеса этого вечера, трехъ-актанная комедія—соц. Серре: «*La raix à tout prix*», (*Миръ — во что бы то ни стало*). Она написана очень хорошими стихами—и замѣчательна еще и тѣмъ, что выходитъ изъ ряда будничныхъ сюжетовъ. Вотъ ея содержаніе:

Мосье Дюпонъ, мужъ какихъ мало и какіе многимъ нужны... Правда, за нимъ есть старые грѣшки; но неболѣе, какъ старые... Теперь же онъ человекъ съ большими достоинствами, тѣмъ болѣе, что въ немъ добродѣтель снисхожденія къ слабостямъ ближняго и уступчивость—развиты въ высшей степени. Глядя на него, можно прослезиться отъ умиленія, какъ онъ покоренъ — капризной и сварливой женщиной, — женой, которая грызетъ ему голову съ утра до поздней ночи — и визжитъ надъ ухомъ, какъ пила... Однако при всемъ своемъ рѣдкомъ терпѣніи — бѣдный мосье Дюпонъ, не владея тою высокою мудростію, какою отличался Сократъ, отвѣчавшій равнодушною улыбкою на выходки Ксантисы, рѣшается своему задушевному другу высказать свои несчастія и даже просить его совѣта. Другъ, какъ и всякой-бы на его мѣстѣ, не отказывается Дюпону въ совѣтѣ. Онъ рассказываетъ ему случай изъ своей жизни. — «Жена моя, говоритъ почтенный Дюпи, была точно такого-же свойства, какъ и твоя, съ тою-же любовью къ капризамъ, съ тѣмъ-же характеромъ, нетерпящимъ домашняго

спокойствія... Но я ее вылечилъ... и очень просто. Однажды, я уѣхалъ со двора, съ непремѣннымъ намѣреніемъ тотчасъ-же воротиться домой. Разумѣется, я воротился неожиданно, вошелъ прямо на половину моей жены... Тамъ я нашелъ некстати отворенное окно, — а на столѣ очень кстати забытые къмъ-то часы съ репетиціею.»—Мосье Дюпону неловко; разскажь этотъ ему не правится.—«Съ тѣхъ поръ, продолжаетъ обязательный другъ, если жена моя наморщится, или готовится разсердиться—я спрашиваю: который часъ?—Если она капризничаетъ—часы мои непремѣнно бьютъ и играютъ...Если она бравится, часы мои вѣшаютъ на стѣнку—и миръ водворяется»... Исторія эта, какъ будто знакома Мосье Дюпону и онъ начинаетъ опасаться, чтобы и съ нимъ не случилось чего вибудъ въ этомъ невинномъ родѣ... А случай какъ тутъ... Какой-то молодой человекъ, влюбленный въ Мамзель Люси, племянницу Дюпона, является къ женѣ страдальца и вымачивая руку Люси, цѣлуетъ обѣ ручки ея тетушки... А мосье Дюпонъ, какъ тутъ, останавливается въ дверяхъ, пораженный неожиданнымъ зрѣлищемъ—и въ то же время совершенно уничтоженный музыкаю часовъ, о которыхъ разсказывалъ ему другъ его, и которые въ эту минуту оказались на рабочемъ столѣкъ сварливой его супруги... Рецептъ пріятеля совершенно излечилъ жену Дюпона и водворилъ прочный и ожидаемый миръ въ его домѣ.

Пьеса была разыграна превосходно гг. Бертономъ, Мондидье и г-жею Вольниель.

«L'homme heureux» (*Счастливчикъ*), если незамысловатый, то веселый и забавный водевилъ. Въ немъ только два дѣйствующихъ лица.

Мосье Кателень—однѣ изъ тѣхъ блаженныхъ смертныхъ, которыми, какъ говорится,—и умирать не падо. Въ самомъ дѣлѣ — зачѣмъ-бы умирать ему? 30,000 франковъ годового дохода, хорошенькая жена, семейный миръ, ароматическая сигара, старое вино, отсутствіе подагры,—присутствіе неизмѣннаго благополучія.. ну, словомъ жизнь, которою можно похвастать....—и Мосье Кателень, встрѣтитъ-ли пріятеля—тотчасъ говорить ему о своемъ счастьи, поглядитъ-ли малютку, сунувъ ему въ ротъ леденецъ или конфекту—непремѣнно добавитъ: «Она сладка, какъ жизнь моя, душечка»....За чѣмъ-бы умирать Мосье Кателеню?.. А смерть, какъ тутъ — на носу... Полный нѣги и довольства, онъ, требуетъ стаканъ сахарной воды, выпиваетъ ее медленно, методически, со всѣми претензіями на усладу—и уже снова готовъ заговорить о своемъ благополучіи, какъ вдругъ получаетъ питье, въ которомъ именно сказано, что его хотятъ отравить стаканомъ сахар-

ной воды... Ужасъ! Счастливый человѣкъ, въ одно мгновеніе дѣлается самымъ злополучнымъ смертнымъ... Онъ уже чувствуетъ, какъ холодѣетъ кровь въ его жилахъ, какъ ядъ быстро разлился въ немъ.... Мосье Кателень мучится, готовится разстаться съ жизнью и даже пишетъ завѣщаніе... Все кончено для счастливца, минуты его сочтены.... Но вотъ является пріятель, который подшутилъ надъ страдальцемъ, для того только, чтобы отучить его отъ страсти кричать всѣмъ и каждому о своемъ благополучіи, — и утѣшаетъ мнимо-умирающаго....

Пьеска эта много обязана своимъ успѣхомъ прекрасной игрѣ г. Барду.

«UN VIEIL INNOCENT» (*Старый невинникъ*), водевиль въ одномъ дѣйствіи. Здѣсь вы не безъ удовольствія встрѣчаетесь съ однимъ изъ тѣхъ забавныхъ старичковъ, которые, забывая свою сѣдину и полсотни морщинъ, никакъ ни хотятъ помириться съ мыслью, что заря ихъ жизни уже не взойдетъ болѣе.... Почтенный старецъ непременно хочетъ любить, потому что не любилъ съ молодости и еще не испыталъ этого чувства. Что такое любовь? спрашиваетъ онъ у своей молодой воспитанницы и молодого воспитанника, влюбленныхъ другъ въ друга. И молодые люди—такъ вѣрно, такъ заманчиво и обольстительно рисуютъ ему счастье влюбленнаго сердца, что старикъ въ то-же мгновеніе чувствуетъ воспламененіе своей крови и призваніе къ страсти... Словомъ, онъ влюбляется въ свою воспитанницу. Но скоро, къ счастью разскащиковъ, старикъ попадаетъ на истину, которой они ему недосказали, именно, что любовь творитъ иногда глупости — и покорный это истинѣ, старый мудрецъ отказывается отъ юности и красоты въ пользу своей домоправительцы, которая двадцать лѣтъ ждала его призванія.

Четвертою и послѣднею пьескою бенефиса г. Варле была одноактная комедія водевиль:

«EMBRASSONS - NOUS, FOLLEVILLE!» (*Обнимемся, Фоллевиль!*) — полная шуму, звону, дребезжанія битыхъ вазъ, сервизовъ, статуэтокъ, не лишенная даже пощечины. Въ ней характеры вспыльчивы, горячи и раздражительны. Молодая дѣвушка, танцующая на балѣ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, за его неловкость, отъ которой она чуть не упала, въ порывѣ гнѣва даетъ ему—назидательную пощечину. Юноша является на другой день къ отцу вспыльчивой красавицы и, не имѣя возможности вызвать ее на дуэль, проситъ съ досады руки, которая его ударила. Здѣсь гг. Лемениль и Мовидье сердились превосходно, — исполнивъ, какъ нельзя лучше, свои роли.

Въ заключеніе спектакля были живыя картины, взятая изъ иллюстрованнаго сочиненія Гранвиля. Богатство костюмовъ, удачное освѣщеніе и превосходныя декорации — все это вмѣстѣ произвело пріятное впечатлѣніе на зрителей. А оркестръ, дирижируемый на этотъ разъ г. Жоссомъ — капельмейстеромъ парижскаго театра Комической Оперы, прекраснымъ исполненіемъ четырехъ пьесъ, соч. г. Жосса, возбудилъ единодушное одобреніе публики.

III.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Составъ ея. — *Новые артисты:* Аделаида Кортези, — Энрико Тамберликъ, — Альбина Маррай, — Фавни Персіяни. — *Композиторъ* Чезаре Пуньи. — *Ихъ дебюты, средства и биографическіе очерки.*

Оперный сезонъ нынѣшняго года открытъ! Артисты съѣхались, хоры сѣлись и 27 сентября распахнулись наконецъ двери великолѣпнаго нашего Большаго Театра. Раздались энергическіе аккорды Верди, сладкія мелодіи Беллини, игривые мотивы Довизетти. Весь Петербургъ опять наслаждается превосходно-составленной оперою.

Надо принести полную благодарность заботливой Дирекціи, которая съ такимъ усердіемъ старается угодить прехотливому вкусу нашей публики и украсить помосты опернаго театра всеми лучшими талантами, которыми гордится современная Европа. Съ каждымъ годомъ оперная труппа наша полиѣтеть, украшается новыми артистами и становится все совершеннѣе. Прошлагодній составъ ея былъ прекрасенъ, нынѣшній еще лучше. Г-жу Фреоллиани — замѣнила нынче первая представительница искусства пѣнія, неподражаемая Персіяни; г-жу Корбари — двѣ пѣвицы съ отличнымъ талантомъ; г-на Гардони — прекрасный, сильный теноръ Тамберликъ. Комическая опера, которая сиротѣла въ прошломъ году, теперь опять ожила при новыхъ средствахъ. Первые лица оперы принадлежать къ разряду первостепенныхъ дарованій, вторыя — превосходны; аксессуары — люди съ замѣчательными средствами. Чего не можно давать, при такомъ составѣ оперы? Что не произведетъ эффекта при такой обстановкѣ?

То, что мы слышимъ на нашей оперной сценѣ, не услышишь ни въ одномъ изъ театровъ европейскихъ столицъ. Тамъ участвуетъ одинъ великій пѣвецъ или одна знаменитая пѣвица въ оперѣ; это рѣдкость, если ихъ бываетъ двое, а остальные партіи распределяются между посредственностями: у насъ въ любой оперѣ вы находите цѣлый букетъ величайшихъ талантовъ и стройность, съ которою поддерживаютъ ихъ лица второстепенныя, хо-

ры и оркестръ, по истинѣ, достойны изумленія. Мы здѣсь такъ избалованы совершенствомъ нашихъ итальянскихъ спектаклей, что часто морщимся оттого, отчего пришли бы въ восторгъ во всякомъ другомъ мѣстѣ. Надо постранствовать по Европѣ, приглядѣться къ заграничнымъ сценамъ, такъ усердно прославляемымъ словоохотными фельетонами, чтобы вполнѣ понять и оцѣнить заслугу въ этомъ отношеніи нашей Дирекціи.

Начнемъ обзорѣніе наше нынѣшняго опернаго сезона съ знакомства съ новыми сюжетами нашей оперы. Изложимъ вкратцѣ ихъ біографіи, укажемъ на ихъ средства и упомянемъ слегка о ихъ первыхъ дебютахъ, не дѣлая окончательнаго заключенія о ихъ дарованіяхъ, потому что по одному и двумъ представленіямъ нельзя совершенно обсудить артиста, который въ первый разъ является передъ незнакомой ему публикою и въ новомъ театрѣ.

Свѣденія о жизни и первыхъ заслугахъ этихъ артистовъ мы заимствуемъ изъ иностранныхъ журналовъ, преимущественно итальянскихъ и англійскихъ, стало быть, за совершенную точность ихъ—отвѣчать не можемъ. Добавимъ ихъ только описаніемъ тѣхъ впечатлѣній, какія таланты артистовъ произвели на петербургскую публику, во время первыхъ ихъ дебютовъ на нашей сценѣ.

I.

АДЕЛАИДА КОРТЕЗИ.

Это одна изъ извѣстныхъ пѣвицъ Италіи, которой имя, если не сдѣлалось еще европейскимъ, то будетъ имъ непременно, въ самомъ непродолжительномъ времени. Такое заключеніе мы дѣлаемъ по тѣмъ быстрымъ и необыкновеннымъ успѣхамъ, которыми она, еще очень недавно начавъ свое сценическое поприще, обратила уже на себя вниманіе взыскательной итальянской публики, которую не одинъ разъ приводила въ восторгъ своимъ пѣніемъ. Аделаида Кортези, дочь извѣстнаго хореографа Антонія Кортези. Она одолжена первыми своими уроками Чеккерини, камеръ пѣвцу Великаго герцога Тосканскаго и окончательнымъ образованіемъ Романи, итальянца строгаго стила, имя котораго, между множествомъ именъ замѣчательныхъ европейскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, отмѣчено еще другою славою: славою умнаго и добросовѣстнаго наставника и руководителя молодыхъ талантовъ. Кромѣ методы пѣнія, Аделаида Кортези одолжена Романи еще и знаніемъ сценическаго искусства, а съ нимъ и музыкальной декламациі.

Первый дебютъ ея ознаменованъ былъ успѣхомъ блистательнымъ. Весною 1847 г., г-жа Кортези, восемнадцати лѣтъ отъ роду, въ полномъ развитіи красоты и еще неоперившагося таланта, въ первый разъ появилась на сценѣ театра Pergola во Флоренціи, въ оперѣ Донизетти «*Джемма ди Верзи.*» Этотъ первый и прекрасный дебютъ, ознаменованный единодушнымъ восторгомъ итальянскихъ фельетонистовъ, имѣлъ слѣдствіемъ, что молодую артистку тотчасъ ангажировали на первыя партіи въ Миланскій театръ *la Scala*. — Здѣсь, зимою 1848, она пѣла въ первый разъ *Норму*, и 35 разъ сряду, исполняя эту партію, не сходила съ подмостковъ сцены, осыпаясь заслуженными рукоплесканіями и раздѣляя славу съ извѣстнымъ въ Италіи теноромъ Мирате (въ роли *Полліона*) и пѣвицею Шюцъ (въ *Адалджизъ*). Это успѣхъ, можно сказать, колоссальный, какимъ въ Миланѣ рѣдкая пѣвица пользуется, особливо въ трудной партіи *Нормы*, въ которой у миланцевъ такъ много сильныхъ и неизгладимыхъ воспоминаній. Въ этой партіи на сценѣ *la Scala* выступали и великая Паста; и энергическая Гейнефеттеръ, и увлекательная Гассельтъ-Бартъ и Тадолини. Успѣхъ г-жи Кортези можетъ быть вѣрнымъ ручательствомъ дарованія сознательнаго и могучаго, потому-что, кромѣ истиннаго и высокаго таланта, ничто не заставитъ нетерпѣливыхъ и переменчивыхъ итальянцевъ смотрѣть и слушать одно и то же тридцать пять разъ сряду.

Вслѣдъ за тѣмъ возникли безпокойства въ Миланѣ, театръ былъ закрытъ, испуганныя артистки бѣжали во все стороны. Г-жа Кортези удалилась во Флоренцію, къ своему семейству, и не прежде появилась опять на свое счастливое поприще, какъ въ 1849 г., по открытіи Миланскаго театра.

Таже встрѣча, тотъ-же восторгъ, тѣже вѣнки, цвѣты, сонеты и мадригалы привѣтствовали молодую пѣвицу, во всехъ ея послѣдующихъ дебютахъ на этомъ театрѣ, во все три главныя сезона.

Зимою торжествомъ ея искусства были партіи: — *Эльвиры*, въ «*Эрнани;*» *Ромео*, въ «*Капулетти и Монтеки;*» — весною: партіи *Адины*, въ «*Любовномъ напитокѣ,*» *Амины*, въ «*Сомнамбулѣ,*» и *Джизельды* въ оперѣ Донизетти «*Гајо nel imbarazzo;*» осенью, въ «*Черномъ Доминѣ,*» собственно для нея написанномъ г-мъ Росси и въ партіи *Джизельды*, въ «*Ломбардахъ.*»

Съ наступленіемъ 1850 года, Аделанда Кортези перешла на Венеціанскій театръ *Фениче*, гдѣ ея обаятельный талантъ и отличное знаніе дѣла заслужили ей всеобщія рукоплесканія. Здѣсь появлялась она, въ партіяхъ: *Амалии*, въ «*Разбойникахъ,*» оперѣ

Верди, въ *Медь*, Пиччини, и наконецъ въ *Елисаветъ де-Валуа*, оперѣ, написанной единственно для нея молодымъ композиторомъ Буссала.

Настоящее призваніе этой молодой и талантливой артистки — роли чисто драматическія, но не смотря на то, она очень хороша и въ роляхъ комическихъ. Это рѣдкое разнообразіе ея таланта заслужило ей въ Италіи названіе : *женскаго Ронкони*.

Пока г-жа Кортези дебютировала на нашей сценѣ только въ одной роли, именно въ *Джизельдѣ* въ «Ломбардахъ.»

Робость, необходимая спутница даже величайшихъ знаменитостей, когда онѣ выступаютъ впервые передъ новой публикой, на незнакомой сценѣ и въ чужеземномъ городѣ, робость эта, очень извинительная въ молодой артисткѣ, и свидѣтельствующая о ея внутреннемъ сознаніи, была замѣтна и въ г-жѣ Кортези при выходѣ ея на помосты Петербургской сцены. Несмотря на эту робость и смущеніе, талантъ ея обнаружился въ сильной степени и были мѣста, гдѣ она была увлекательна. Къ этимъ мѣстамъ принадлежали фраза ея въ финалѣ: *Nò, Dio nol vuole!* арія «*Qual prodigio*» и знаменитое *trio* третьяго акта. Здѣсь выказала она все свое искусство, всю гибкость голоса и энергію. Голосъ г-жи Кортези высокій сопрано, очень звучный, но нѣсколько рѣзкій (*perçant*); онъ имѣетъ пріятный металлъ (*timbre*) и въ высшей октавѣ чрезвычайно мягокъ, особливо въ нѣкоторыхъ нотахъ.

Г-жа Кортези поетъ съ одушевленіемъ, часто увлекается и нерѣдко силой и энергіей своего пѣнія напоминаетъ Джулію Борси, пѣвицу безспорно чрезвычайно замѣчательную. Видно, что г-жа Кортези много училась и училась у наставниковъ, хорошо знакомыхъ съ чистой, строгой итальянской методою: она владѣетъ голосомъ легко, свободно, переводитъ дыханіе незамѣтно, выдаетъ звуки во всей ихъ чистотѣ и полнотѣ. Вокализація ея безукоризненна, украшенія придуманы со вкусомъ и выполняются ею съ удивительной точностію. Она мастерски умѣетъ выдерживать ноту, доводитъ ее *кресцендо* до *фортиссимо* и потомъ возвращается диминуэндо до самаго тихаго звука, подобно зампрающему эху. Присоедините къ этому пріятную наружность и вы поймете, что г-жа Кортези съ перваго своего появленія заслужила самый лестный пріемъ отъ публики, которая умѣла понять, чѣмъ можетъ сдѣлаться эта робкая пѣвица для нашей оперы.

II.

ЭРИКО ТАМБЕРЛИКЪ.

Эрико Тамберликъ, прекрасный теноръ *di forza*, дебютировалъ на нашей сцѣнѣ вмѣстѣ съ г-ю Кортези, 27-го числа, минувшаго мѣсяца. Какъ молодой и талантливый артистъ, онъ заслуживаетъ того, чтобы мы познакомили нашихъ читателей съ его первыми успѣхами.

Уроженецъ Рима, воспитанникъ школы Назари и Донзелли, Тамберликъ получилъ первые уроки музыки въ Неаполѣ, подъ руководствомъ Гюльельми. 1841 года, онъ вступилъ на сцену въ Неаполѣ, не только съ успѣхомъ, но даже со славою. Первые его роли были: *Теобальдо*, въ «Капулетти и Монтеки,» потомъ *Аржиріо* въ «Танкредѣ,» и *Эдгаръ* въ «Лючіи де-Ламмермуръ.»

Ему было тогда съ небольшимъ двадцать лѣтъ. Успѣхъ его былъ такъ великъ, что за отсутствіемъ двухъ любимцевъ неаполитанской публики, теноровъ Бассадони и Фрасквини, онъ одинъ вполне занялъ весь ихъ репертуаръ и замѣнялъ ихъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. — Въ первые годы своего появленія на сценическое поприще, Эрико Тамберликъ успѣлъ объѣздить едва-ли не всю Италію и Испанію, оставляя по себѣ въ каждомъ уголкѣ ихъ самыя пріятныя воспоминанія. Слава и успѣхъ его доказываются уже однимъ тѣмъ, что оперы: «Шведскіе Рудокопы,» *Бруно*, «Анна Лапри,» *Батиста*, «Феничія,» *Кіарамонти* и «Констанція Арагонская» — *Лилло*, были написаны композиторами собственно для него. — Въ 1844 г., вмѣстѣ съ бассомъ Баттели и примадонною Россіи Каччіа, онъ дебютировалъ въ Лиссабонѣ, откуда въ началѣ слѣдующаго года отправился въ Кадиксъ. Слава его росла съ каждымъ днемъ, и въ концѣ этаго-же года онъ былъ вызванъ въ столицу Испаніи, чтобы занять мѣсто перваго тенора на королевскомъ Мадридскомъ театрѣ. Здѣсь онъ приобрѣлъ любовь публики въ такой мѣрѣ, что былъ ангажированъ на три сезона сряду. Вѣрный своему артистическому призванію, онъ смѣло шелъ впередъ, не останавливаясь ни на одной особенно удавшейся ему партіи, и въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ онъ изучилъ и исполнилъ все трудныя и значительныя партіи новаго репертуара, какъ итальянской, такъ и нѣмецкой и французской музыки.

Изъ Мадрита онъ перешелъ въ Барселону, гдѣ также пробылъ три года. Наконецъ, при составѣ Ковентгарденской оперной труппы

пы въ нынѣшнемъ году, онъ былъ вызванъ въ Лондонъ, гдѣ имѣлъ огромный успѣхъ, не смотря на соперничество Маріо, Ривза и Маральти. Здѣсь онъ впервые пѣлъ съ первыми оперными знаменитостями Европы: Гризи, Виардо, Кастаньянъ, Де-Мерикъ Ронconi и Тамбурини, и показалъ себя вполнѣ ихъ достойнымъ. Партія *Полліона*, въ «*Нормъ*» была исполнена имъ съ огромнымъ успѣхомъ. Но истиннымъ торжествомъ для него была роль *Фіорелло* въ «*Фенеллѣ*» Обера. Въ этой партіи онъ произвелъ всеобщій восторгъ силой своего пѣнія и энергическою игрою.

Мы уже сказали, что Энрико Тамберликъ дебютировалъ на нашей сценѣ въ прошедшемъ мѣсяцѣ — въ партіи *Оронта* въ «*Ломбардахъ*»; остается сказать только, какое впечатлѣніе онъ произвелъ на нашу публику, которая довольно благоразумна, чтобы не полагаться слѣпо на громкія славы, создаваемыя артистамъ иностранными журналами, а хочетъ всегда провѣрить ихъ истину собственнымъ чувствомъ и сужденіемъ.

Петербургская публика въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ имѣла случай переслушать всѣхъ vynѣшнихъ знаменитѣйшихъ европейскихъ теноровъ, за исключеніемъ одного Иванова, котораго слава, кажется, уже и въ Европѣ закатилась. Говоря всѣхъ теноровъ, мы подразумѣваемъ собственно *итальянскихъ*, потому что изъ пѣвцовъ нѣмецкой и французской музыки, Петербургъ не видѣлъ еще на своей сценѣ двухъ лучшихъ и величайшихъ теноровъ: Дрезденскаго — Тихачка, и Парижскаго — Роже. Но прослушавъ всѣхъ итальянцевъ, публика могла убѣдиться, что гиганты пѣнія, подобные Рубини, рождаются вѣками и что артисты съ такими голосами и дарованіями, какъ Маріо и Гуаско, явленія чрезвычайно рѣдкія и замѣчательныя. Это научило насъ смотрѣть гораздо снисходительнѣе на другихъ дебютантовъ въ теноровыхъ партіяхъ и оцѣнять ихъ исключительныя достоинства съ болѣею справедливостію. На этомъ основаніи и г-ну Тамберлику простили недостатки молодости и неопытности, излишество порыва и не совершенство методы, въ силу звучнаго, пріятнаго голоса и теплоты его пѣнія.

Голосъ у г. Тамберлика грудной, натуральный; въ немъ много силы и металла; грудное верхнее *до* — ему ни почемъ. Увлекаясь чувствомъ, онъ иногда форсируетъ голосъ; но за то въ звукѣ его много свѣжести и чистоты. Въ мѣстахъ минорныхъ у него встрѣчаются ноты самыя симпатическія, идущія прямо къ душѣ. Природа дала г. Тамберлику замѣчательныя средства, но они еще не вполнѣ облагоустроены наукою, и недостатокъ тонкаго искусства часто мѣшаетъ ему выказать ихъ въ полномъ блескѣ.

Но это такіе недостатки, которые должны исчезать съ каждымъ днемъ, по-мѣрѣ упражненія, особливо въ такой образцовой школѣ, какую представляетъ составъ нынѣшней нашей оперы.

Публика прослушала г. Тамберлика съ большимъ удовольствіемъ, принимала и провожала его съ апподисманами. Партія, выбранная имъ для перваго дебюта, не изъ самыхъ благодарныхъ, однако-жъ онъ и въ ней нашелъ случай показать исключительныя достоинства своего таланта. Каватина во второмъ дѣйствіи *Ломбардовъ*: *la mia letizia*, финальное тріо третьяго дѣйствія и *арія видѣнія* въ четвертомъ актѣ — были пропѣты имъ съ большимъ чувствомъ и увлеченіемъ. Особливо произвелъ онъ сильное впечатлѣніе окончательною фразою тріо: *in ciel t'attendo!* Тутъ было столько души и выразительности, что публика невольно потребовала повторенія.

Во второй дебютъ свой, въ партіи Эрнеста, въ оперѣ Донизетти *«Донъ Паскуале»*, г. Тамберликъ умѣлъ поддержать счастливое впечатлѣніе, произведенное имъ при первомъ появленіи на сцену. Особливо хорошо пропѣта имъ *арія*: *Cercherò lontana terra*, и серенада съ хоромъ подъ звуки арфы. Вообще, г. Тамберликъ явленіе очень пріятное на нашей сценѣ и въ партіяхъ, не занимаемыхъ г. Маріо, будетъ служить ему очень пріятною замѣною.

III.

АЛЬБИНА МАРРАЙ.

Случай играетъ очень важную роль въ жизни смертныхъ.... Это старая истина, которая какъ ни изнашивается отъ употребленія, а все будетъ нова. Случай часто помогаетъ даже и таланту, и нерѣдко составляетъ славу артисту. Не похлопочи за Альбину Маррай счастливый случай, имя ея, быть можетъ, до-сихъ-поръ еще не пользовалось-бы извѣстностію. Въ 1848 году, Филармоническое общество Флоренціи, предполагавшее дать большой концертъ въ пользу бѣдныхъ, за *внезапною* болѣзнію примадонны, рѣшилось отдать ея партію для исполненія шестнадцатилѣтней, еще неопытной ученицѣ, Альбинѣ Маррай.... Несмотря на то, что предложеніе это было сдѣлано молодой пѣвицѣ менѣе, чѣмъ за сутки, она, съ необыкновенною смѣлостію и съ замѣчательнымъ талантомъ, выполнила соло въ хорѣ Россіи «Вѣра, На-

дежда и Любовь» Финалъ изъ «Donna del Lago» и большую арію изъ «Самирамиды». Ея чистый, — звучный голосъ, умѣнье владѣть имъ, и выразительность, превзошли ожиданіе слушателей. Всѣ думали услышать робкую ученицу, а вышла самоувѣренная артистка. Россини, бывшій распорядителемъ этого концерта, былъ въ совершенномъ восторгѣ, что нашелъ въ Альбинѣ Маррай столько данныхъ для образованія хорошей оперной пѣвицы. Съ этого неожиданнаго и счастливаго дебюта, знаменитый композиторъ усердно занялся миленькою дебютанкою и сталъ ея постояннымъ руководителемъ. Въ мартѣ 1849 года, по ходатайству Россини, она дебютировала на театрѣ San-Carlo въ партіи «*Беатриче ди Тенда*». При появленіи на афишѣ ея имени, еще незнакомаго Неаполитанцамъ, публика явилась толпою въ спектакль, удивленная дерзостью 18 лѣтней, неопытной пѣвицы, рѣшившейся явиться въ роль несравненной Тадоливи; но увидя эту хорошенькую фигуру, съ ея живыми глазками, услышавъ ея не сильный, но пріятный голосъ, публика съ первыхъ-же нотъ забыла свое негодованіе и приветствовала молодую артистку рукоплесканіями. Этотъ второй удачный случай доставилъ дѣвицѣ Маррай ангажементъ на цѣлый годъ. Въ продолженіе этого времени она пѣла: *Розину* («Севильскій Цирюльникъ») — *Матильду* въ «Коррадинѣ», *Авигею* въ «Новуходоносорѣ» Верди. По окончаніи сезона на San-Carlo она перешла на сцену театра *Фондо*, куда еще до поступленія на первую неаполитанскую сцену была аганжирована импресариомъ Ланнари, по просьбѣ и рекомендаціи Россини.

Альбина Маррай родилась въ Миланѣ, 1832 года. Отецъ ея былъ хорошій музыкантъ, мать, Фанни Маррай, извѣстная пѣвица. Имъ-то обязана она своимъ музыкальнымъ образованіемъ и пѣвческимъ талантомъ.

Голосъ ея не обширенъ, не силенъ, но чистъ, свѣжъ, вѣренъ и пріятно ласкаетъ слухъ, она довольно легко исполняетъ трудные пассажи и особенно хороша тамъ, гдѣ требуется нѣжность и сладость пѣнія, то-есть, въ операхъ болѣе лирическихъ, чѣмъ драматическихъ. Любимые ея композиторы — Россини и Беллини, которыхъ музыка, полная пѣги, чувства и сладкихъ мелодій, совершенно въ области ея таланта.

Альбина Маррай дебютировала у насъ въ роли кокетливой вдовы *Норины*, въ оперѣ «Доиъ-Паскуале». Роль эта, какъ нельзя больше шла къ ея миловидной наружности, быстрымъ глазкамъ, одушевленному личику, и тонкой, граціозной талии; къ этому надо прибавить, что г-жа Маррай очень ловкая актриса и довольно мило умѣетъ выражать разныя волненія души. Звукъ ея голоса дѣвствен-

ною своею свѣжестью и пѣвностию невольно задобриваетъ въ ея пользу слушателей. Переходы отъ грудныхъ нотъ къ горловымъ у нея довольно искусно скрыты. Въ этой партіи мы замѣтили мѣсто, гдѣ она очень легко доходитъ до высокаго *Re b*. Если въ искусствѣ вокализаций, г-жа Маррай не можетъ еще стать на ряду съ первоклассными пѣвицами, то въ ней видно много таланта природнаго, много ловкости и смѣлости, которыя часто выкупаютъ недостатки рутинныя.

Всю роль вообще она исполнила очень ровно и мило. Приѣмъ, сдѣланный ей публикою — былъ самый радушный.

Пусть называютъ насъ иностранцы *бѣлыми медвѣдями*, но никто не упрекнетъ насъ, чтобы мы не умѣли цѣнить молодость и красоту.

IV.

ФАННИ ПЕРСИЯНИ.

Фанни Персіяни принадлежитъ къ небольшому семейству знаменитѣйшихъ современныхъ пѣвицъ, и, по смерти Милабранъ, нераздѣльно съ г-жею Зонтагъ (графинею Росси) занимаетъ между ними первенство по мастерству пѣнія и необычайной обработанности голоса.

Слава этой артистки составила еще подъ ея дѣвичьей фамиліею — и имя Фанни Такинарди гремѣло во всей Европѣ на ряду съ именемъ Пасты и Гарсиа (Малибранъ). Она родилась 4-го октября 1812 года въ Римѣ. Отецъ ея Николо Такинарди былъ извѣстенъ въ Италіи, какъ отличный теноръ. Онъ составилъ себѣ хорошее состояніе постояннымъ, тридцатилѣтнимъ трудомъ, и давая дочери блестящее воспитаніе, вовсе не думалъ назначать ее для драматическаго поприща. Узнавъ всю тщету театральныхъ лавровъ, испивъ всю горечь закулисной жизни, онъ желалъ для своей любимой Фанни только одного домашняго мира, среди наслажденій семейной жизни. Онъ хотѣлъ, чтобъ изъ нея вышла добрая жена, разумная мать. Планы Николо Такинарди, касательно Фанни, были вполне раздѣляемы его женою, женщиною простой и кроткой. Еслибъ кто тогда предсказалъ старикамъ громкую славу, которою нынѣ пользуется г-жа Персіяни, они того почти-бы сумазбродомъ. Несмотря однакожъ на строгое воспитаніе и

отчужденіе отъ всего мірскаго, въ Фанни съ равней поры начали выказываться непреложные признаки ея будущаго призванія. Такъ, напримѣръ, девятилѣтнею дѣвочкою, когда ей на урокъ слѣдовало пѣть съ отцемъ арію или дуэтъ изъ какой нибудь оперы, она непремѣнно изъ разныхъ лоскутьевъ составляла себѣ костюмъ, подходящій къ характеру лица, чью партію она выполняла. Тогда уже она умѣла придавать своему дѣтскому голосу выразительность и гибкость, удивительныя въ ребенкѣ. Разъ даже, знаменитѣйшая пѣвица того времени, Монбелли, прослушавъ Фанни во время урока, который дѣвочка брала у своего отца, до того была восхищена ея пѣніемъ, что со слезами восторга бросилась обнимать ее, и не находя словъ для ея похвалы, тутъ-же сочинила въ честь ея советъ. Фанни въ это время наступалъ одиннадцатый годъ. Похвала такого судьи, какъ была Монбелли, пробудила въ душѣ дѣвушки все артистическое самолюбіе: съ этой минуты она стала желать рукоплесканій и арены болѣе широкой для своего таланта. Черезъ два года послѣ того г-жа Такиварди умерла, и Фанни съ необыкновенной ревностію принялась за изученіе музыки; успѣхи ея росли не по днямъ, а по часамъ, голосъ развивался и пріобрѣталъ силу и полноту. У отца ея иногда по вечерамъ собирались его друзья и артисты: передъ ними молодая Фанни старалась провѣрить себя; — громкія ихъ рукоплесканія и откровенный восторгъ вскорѣ увѣрили ее, что она достигла уже высокой степени въ искусствѣ. Повсюду заговорили о дивномъ голосѣ и талантѣ молодой пѣвицы, и общая молва наконецъ достигла до Великаго Герцога Тосканскаго, придворѣ котораго Такиварди служилъ камеръ-пѣвцомъ. Герцогъ пожелалъ лично удостовѣриться въ геніальности Фанни, и вотъ дочь Такиварди, впервые появилась передъ цвѣтомъ тосканской публики въ придворномъ концертѣ. Всѣ были до того восхищены необыкновенными ея способностями, что Герцогъ счелъ нужнымъ дать восемь концертовъ во время великаго поста, на которыхъ молодая пѣвица играла первую роль. Съ этой минуты Фанни Такиварди единодушно была провозглашена первою дилетанткою Италіи. Импрессаріи всѣхъ извѣстѣйшихъ театровъ на перерывѣ пріѣзжали къ старику Такиварди, съ самыми завидными предложеніями, чтобы авгажировать дочь его на партіи примадонны, но старикъ, вѣрно исполняя желаніе жены своей, которая на смертномъ одрѣ взяла съ него и съ дочери обѣщаніе, что Фанни до замужства не поступитъ на сцену, рѣшительно всѣмъ отказывалъ.

Въ это время импрессаріо театра *Пергола* во Флоренціи для

наступавшаго карнавала 1828 года нуждался въ новыхъ операхъ. Но гдѣ было ихъ взять? Беллини и Довизетти уже подрядились писать оперы для другихъ сценъ. Ему отрекомендовали молодого человѣка съ большимъ талантомъ, который былъ товарищемъ Беллини въ Неапольской Королевской Консерватори. Онъ его выписалъ. Молодой композиторъ тотчасъ принялся за дѣло и написалъ оперу «Данай, царь Аргосскій», въ которой главная партія назначалась для Джуліи Гризи. Онъ былъ представленъ въ домъ Такиварди, который охотно согласился помогать ему своими совѣтами и опытностію и, полюбивъ молодого человѣка, принявъ его даже подъ свое покровительство. Каждый нумеръ новой оперы былъ сперва испробованъ у Такиварди и женскія партіи при этомъ обыкновенно исполняла Фанни. Дивный голосъ, чудное мастерство молодой дѣвушки, а еще болѣе ея простой, милый нравъ и черные, выразительные глаза совсѣмъ окружили голову молодому маэстро. Но и Фанни оставалась къ нему неравнодушною: вмѣстѣ съ голосами, во время дуэтовъ, сливались и сердца ихъ, полные огнемъ первой обаятельной страсти. Старикъ скоро замѣтилъ, что огонь молодыхъ людей слишкомъ сильно и быстро разгарается и нашелъ вужнымъ разлучить ихъ. Молодой композиторъ безъ имени и состоянія, на его глаза, не представляя выгодной партіи для дочери. Но вскорѣ онъ убѣдился изъ постоянныхъ слезъ и болѣзни Фанни, что это умозаключеніе пришло ему въ голову слишкомъ поздно. Притомъ, опера была сыграна и произвела фуроръ, какъ и должно было ожидать отъ труда, внушеннаго чистѣйшею любовью; на композитора посыпались заказы и деньги; имя его загремѣло и старикъ, пригласивъ его къ себѣ, вручилъ ему руку своей дочери съ словами: «требую одного: сдѣлай ее счастливою!» — Композиторъ исполнилъ требованіе вполне; онъ назывался — *Персіани*.

По бракъ былъ отложенъ на три года. Въ это время, Персіани, внушаемый своей страстью и сладкою надеждою, успѣлъ составить себѣ значительное имя. Онъ написалъ нѣсколько оперъ для театровъ *Фениче* — въ Венеціи, *la Scala* — въ Миланѣ, которыми свѣжіе, могучіе таланты Гризи, Рубини и Тамбурини доставили огромный успѣхъ. Въ 1831 году — восемнадцати лѣтъ отъ роду — Фанни Такиварди сдѣлалась госпожею Персіани.

Полная своимъ семейнымъ счастіемъ, которое еще увеличилось рожденіемъ сына, Фанни провела первые полтора года своего замужества въ совершенномъ уединеніи, въ загородномъ домикѣ

близъ Ливорно. Но тутъ, осенью 1832 года, неожиданный и странный случай совершенно измѣнилъ участь и предназначеніе госпожи Персіани.

Въ Ливорно ставили тогда новую оперу «*Франческа ди Римини*», въ которой двѣ знаменитыя пѣвицы должны были вступать въ состязаніе въ двухъ главныхъ партіяхъ. Одна изъ этихъ пѣвицъ была Гриси, другую ожидали изъ Флоренціи. Репетиціи и обстановка между тѣмъ продолжались; наконецъ была назначена и генеральная репетиція и журналы провозгласили день, когда опера должна идти въ первый разъ. Билеты расхватали, чуть не съ бою. Но представьте ужасъ импрессаріо, отчаяніе композитора, негодованіе артистовъ, когда наканунѣ главной пробы, вдругъ получаютъ письмо изъ Флоренціи, что ожидаемая прималова не можетъ быть въ Ливорно ранѣе исхода осени, потому что удержана тамъ по непремѣнному требованію публики. Что дѣлать? отложить оперу невозможно, публика будетъ въ страшномъ негодованіи.... Вдругъ одному изъ пѣвцовъ приходитъ счастливая мысль попросить госпожу Персіани принять эту роль на себя. Утопающій хватается за соломенку; импрессаріо, не разсуждая о всей цѣлости мысли предложить молодой женщицѣ, никогда не выступавшей на сцену, исполнить трудную и значительную партію въ два дни срока, скачетъ, сломя голову, къ артисткѣ. Фанни сначала изумлена, она принимаетъ это за шутку, но видя отчаяніе импрессаріо и неотступныя просьбы любителей музыки, рѣшительно отказывается. Побѣжденная наконецъ настояніями артистовъ и просьбою мужа, она даетъ слово. И вотъ она дебютируетъ въ первый разъ на сценѣ, безъ всякаго приготовленія, въ роли Франчески ди Римини. Успѣхъ ея былъ колоссальный. После такого торжества ей уже невозможно было оставить начатаго поприща. Черезъ нѣсколько недѣль она подписала контрактъ съ падуанскимъ театромъ, гдѣ дебютировала она просто цѣлымъ рядомъ овацій. Изъ Падуи она перешла въ Венецію, гдѣ дебютировала ролью *Аменанды* въ «*Танкредъ*» — Россіи. Здѣсь провозгласили ее единогласно первою пѣвицей, въ отношеніи къ вокализаци и умѣвью владѣть своими средствами.

Весною 1833 года госпожа Персіани была ангажирована въ Миланъ, куда достигла уже слава о ея артистическихъ побѣдахъ въ Венеціи. Здѣсь, на театрѣ Карканьо, она явилась въ «*Беатричѣ ди Тенда*» и въ «*Сонамбулъ*». Восторгъ миланцевъ не зналъ предѣловъ: всѣ наперерывъ старались выказывать молодой пѣвицѣ

свою любовь, уваженіе и удивленіе; лавровые вѣнки, цвѣты и со-веты сыпались ей на сцену; журналы наполняли столбцы свои ди-орамбами въ честь ея таланта; поэты и живописцы приносили ей дань своего восторга; Романи написалъ объ ней чуть не цѣ-лую поэму; Брюловъ списалъ ея портретъ во вѣсть роста.

Осенью того-же года госпожа Персіяни отправилась въ Римъ. Здѣсь нарочно для нея были написаны оперы: «I Promessi Sposi» и «Misantropia e Sentimento». Изъ Рима она возвратилась во Флоренцію, гдѣ Донизетти ждалъ ее съ новой партіей въ оперѣ своей «Розамунда». Тутъ она въ первый разъ пѣла съ теноромъ Дюпре, котораго слава только что зарождалась. Оттуда она от-правилась въ Неаполь, гдѣ на театрѣ Санъ-Карло дебютировала въ оперѣ «Деревенскія пѣвицы», Фиораванти, съ Лаблашемъ, и въ «Любовномъ напитокѣ»—Донизетти. Изъ Неаполя она перешла въ Геную: здѣсь торжествомъ ея и мужа ея была опера его сочине-нія «Данао». Затѣмъ Пиза пожелала насладиться пѣніемъ знаме-нитой артистки: тутъ она выступила въ роли Дездемоны въ «Отел-ло»—Россини, а потомъ въ новой оперѣ Донизетти «Уго, графъ Парижскій». Наконецъ въ 1836 году она создаетъ на сценѣ Санъ-Карло въ Неаполь роль *Лючіи Ламермурской*, которую Донизет-ти нарочно написалъ для нея. Все это путешествіе ея по знаме-нитѣйшимъ сценамъ Италіи — было рядомъ торжествъ, самыхъ блистательныхъ, и эпохою, которую музыкальная публика Италіи до-сихъ поръ забыть не можетъ.

По случаю кончины королевы Неаполитанской, театръ былъ за-крытъ. Госпожа Персіяни отправилась во Флоренцію, гдѣ талап-ливый мужъ ея написалъ и поставилъ лучшую свою оперу «*Ине-су де Кастро*». Слава пѣвицы Персіяни загремѣла по всей арти-стической Европѣ. Всѣ значительнѣйшія столицы захотѣли послу-шать дивнаго соловья Италіи. Тогдашній богатый импрессарио двухъ значительнѣйшихъ оперъ въ Парижѣ и Лондонѣ успѣшилъ во Флоренцію, чтобы сдѣлать ей самыя выгодныя и лестныя предложенія и убѣдять выступить на его сценахъ, передъ аристо-кратическою лондонскою и артистическою парижскою публикою. Контрактъ былъ заключенъ на три года.

До начала новаго своего ангажемента, госпожа Персіяни, ве-сною 1837 года посѣтила Вѣну и произвела тамъ такой неслыхан-ный фуроръ, что императоръ пожаловалъ ей почетный титулъ пер-вой своей придворной пѣвицы.

Здѣсь кстати расскажемъ анекдотъ, который показываетъ, какое высокое мнѣніе имѣли о ея необыкновенномъ талантѣ величайшіе артисты того времени. Спонтини былъ отъ нея безъ ума; Мейерберъ предсказывалъ ей, что она одна останется наслѣдницею той высокой школы пѣнія, того чистаго, безукоризненнаго вкуса въ искусствѣ, которые въ новомъ поколѣніи артистовъ начинали уже исчезать совершенно. Въ одинъ изъ спектаклей на Неапольской сценѣ, въ 1835 году, госпожа Персіяни выполняла нарочно для нея написанную партію «Лючіи Ламермурской». Послѣ перваго дѣйствія, когда она въ уборной была занята своимъ костюмомъ для втораго акта, дверь тихо отворилась и въ уборную вошла молодая, красивая женщина. Растроганнымъ голосомъ стала она благодарить пѣвицу за то несказанное удовольствіе, которое она доставила ей своимъ пѣніемъ.

— Доставьте мнѣ одну радость, прибавила она, я хотѣла бы увѣнчать васъ лаврами, къ несчастію у меня нѣтъ даже вѣнка изъ цвѣтовъ, чтобы возложить его на вашу голову; позвольте же мнѣ составить вамъ вѣнокъ изъ вашей-же собственной прелестной косы: это тѣмъ болѣе прилично, что великимъ своимъ мастерствомъ и талантомъ вы никому не обязаны, кромѣ собственнаго своего генія.

И незнакомка, быстро ухватясь за косу изумленной пѣвицы, начала ее заплетать и прищипывать на ея головѣ въ видѣ замысловатаго вѣнца.

Незнакомка эта была — великая Малибранъ, пѣвица, которая не имѣла себѣ подобныхъ. Оперная царица, какъ-бы предчувствуя скорую свою кончину, хотѣла сама возложить вѣнокъ на главу преемницы своей славы.

Наконецъ наступилъ день отъѣзда въ Парижъ, проводы пѣвицы были настоящею оваціею; не только артисты, художники, писатели собрались, чтобы пожелать ей новыхъ лавровъ, но и знатнѣйшіе жители города спѣшили изъявить ей знаки своей любви и привязанности подарками и восторженными криками. Поэтъ Романи благословилъ ее на новый путь сонетомъ, который былъ потомъ перепечатанъ во всѣхъ журналахъ. Вотъ онъ:

«Обитатели береговъ Сены и Темзы, увидя тебя, великою въ котурнѣ, обольстительно-прелестною въ нарядахъ Таліи, извлекающую слезы умиленія и увлекающую сердца

красотою и искусствомъ, снесутъ къ ногамъ твоимъ золото и великія произведенія художества, которыми гордится Парижъ и Лондонъ; но я знаю, что для твоего великодушнаго сердца никакія сокровища міра не замѣнятъ лавровъ, которыя произрастаетъ, для великихъ талантовъ, земля, тебя родившая!»

Наконецъ, въ октябрѣ 1837 года, Персіяни въ первый разъ выступила на парижской сценѣ въ «Соамбуль». Необыкновенная робость, овладѣвающая ею при каждомъ появленіи передъ новою артистическою публикою, овладѣла ею до того, что она не въ силахъ была выказать всѣхъ блистательныхъ качествъ своего таланта. Она возвратилась изъ театра домой — въ слезахъ и отчаяніи, недовольная сама собою, несмотря на шумныя рукоплесканія и вызовы публики. Она до того была неутѣшна, что уже готова была заплатить неустойку директору и возвратиться въ Италію, но друзья и артисты, поклонники ея дарованія, успѣли отклонить ее отъ этого намѣренія. Послѣдующіе дебюты г-жи Персіяни были настоящимъ торжествомъ: робость исчезла и парижская публика имѣла возможность оцѣнить всѣ рѣдкія достоинства этого чуднаго голоса, всю прелесть необычайнаго искусства этой артистки въ «Любовномъ напитокѣ», «Севильскомъ цирюльничѣ», въ «Тайномъ бракѣ», «Лучин», «Линдѣ де-Шамуни», «Матильдѣ ди Собранъ» и новой оперѣ ея мужа «Привидѣніе», написанной нарочно для парижской сцены. Съ этихъ поръ до нынѣ г-жа Персіяни была постоянной любимицей и украшеніемъ лондонской и парижской сценъ. Только въ 1845 и 1846 годахъ, она имѣла отпуски на три мѣсяца, въ которые пѣла въ Вѣнѣ и въ Мадридѣ, куда бы приглашена королевою Испанской Изабеллой.

Г-жа Персіяни исключительный примѣръ между артистами: всѣ начинали свое поприще съ успѣхами, препятствіями, съ огромнымъ трудомъ и постепенно достигали пѣвѣстности; она съ перваго шага приобрѣла громкую славу и прямо стала на ряду съ значительнѣйшими артистами. Продолжительная ея дѣятельность на сценѣ сдѣлала ее пѣвицею высшаго круга, заслужила ей почести при дворахъ и вниманіе и награды монарховъ. Безукоризненная жизнь, постоянная страсть къ искусству и прекрасный характеръ окружили ее всеобщимъ уваженіемъ и любовью повсюду, гдѣ она являлась.

Къ намъ г-жа Персіяни пріѣхала немножко поздно, но не от-

носительно ея таланта, который до нынѣ юнъ и неподражаемъ. Подобно г-жѣ Зонтагъ, для Персіани въ пѣніи не существуетъ трудностей, голосъ ея чистъ, обширенъ, силенъ, серебристъ, а гибокъ и обработанъ до такой степени, что можетъ состязаться со скрипкою въ самыхъ труднѣйшихъ пассажахъ. Въ пѣніи этой артистки преобладаетъ вкусъ, самый изысканный, изящество и щеголеватость, которыя не допускаютъ эффектовъ, часто поразительныхъ, но довольно грубыхъ, къ которымъ нерѣдко прибѣгаютъ для возбужденія вѣсторговъ другія, даже знаменитыя пѣвицы.

Всѣ эти рѣдкія достоинства встрѣтили мы въ г-жѣ Персіани и при первомъ дебютѣ ея на нашей сценѣ въ «Сонамбулъ» Белини, который самъ отдалъ ей эту роль, написанную имъ для Малибранъ.

Рубини, старшій товарищъ г-жи Персіани и первый знатокъ въ искусствѣ пѣнія, въ бытность свою здѣсь, говорилъ: «Я знаю теперь только одну пѣвицу, изъ моихъ соотечественницъ, передъ которою преклоняю колѣно: это Персіани.» — Дѣйствительно, прослушавъ, во время путешествія по Европѣ, почти всѣ знаменитости современной оперы, я невольно вспомнилъ слова ветерана-пѣвца, когда впервые слушалъ г-жу Персіани въ роли «Лучія», въ Парижѣ, осенью 1846 года. Теперь, въ роли Амны, я нашелъ ее тою-же совершенной, безукоризненной артисткою, какою она была за четыре года, и восторгъ, возбужденный ея исполненіемъ въ публикѣ, явно свидѣтельствовалъ, что я не ошибся въ своемъ взглядѣ. Несмотря на то, что г-жа Персіани для перваго дебюта избрала партію, въ которой публика наша такъ любила г-жу Виардо, не смотря на то, что лѣта ея не совсѣмъ гармонировали съ характеромъ молоденькой, наивной крестьяночки, несмотря на то наконецъ, что въ этой партіи она болѣе привыкла видѣть возлѣ себя неподражаемаго Рубини, который своимъ дивнымъ голосомъ, энергіею и гениальностью своего пѣнія, могъ поддерживать и возвышать усилія хорошей пѣвицы, г-жа Персіани вынесла рѣшительную побѣду въ партіи Амны. Первая арія была исполнена ею съ точностію, чистотой и искусствомъ неподражаемыми; финалъ втораго акта вѣдетъ ею превосходно; молитва въ третьемъ дѣйствіи — въ устахъ ея верхъ чистаго, неизысканнаго, возвышеннаго пѣнія; наконецъ окончательная арія выполнена изумительно, хотя она не возбуждала въ слушателяхъ тѣхъ восторговъ, какія производила у г-жи Виардо-

Гарсиа, у которой нижнія, контральтовые ноты полнѣе и гуще, и потому при переходѣ къ намъ производили поразительный эффектъ.

Приобрѣтя г-жу Персіяни, оперная сцена наша украсилась талантомъ первокласснымъ, который непременно придастъ нынѣшнему сезону новый блескъ и доставитъ публикѣ много наслаждений, доселѣ еще неиспытанныхъ.

Не описываемъ наружности г-жи Персіяни, потому что дадимъ ей портретъ, нарисованный въ Парижѣ извѣстнымъ художникомъ Эмилемъ Ласалемъ.

Г. Маріо, замѣнивъ въ «Сопамбулѣ» неподражаемаго Рубини, умѣлъ отыскать въ огромномъ запасѣ своего таланта, такіе новые звуки и столько сладко-употельнаго, что публика, забывая свой прежній кумирь, привѣтствовала его самыми восторженными рукоплесканіями и вызовами.

IV.

БАЛЕТЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Жизель или Виллисы. Большой фантастическій балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ, сочиненіе *Теофила Готье* и *хореографа Корали.* Музыка *Адольфа Адана.* Первый дебютъ парижской танцовщицы, г-жи Карлотты Гризи.

Балетъ нашъ, который въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ оживился вслѣдствіе нѣсколькихъ ролей прекрасно созданныхъ г-жею Андреяною, и потомъ отъ дебютовъ Фанни Эльслеръ, и въ нынѣшнемъ году представляетъ свою новинку. На сцену нашу ангажирована *бывшая* первая танцовщица Парижской Большой Оперы, г-жа Карлотта Гризи.

Г-жа Гризи избрала для перваго своего дебюта роль *Жизели*, въ балетѣ того-же имени, который былъ поставленъ въ Парижѣ. — Мы давно уже знакомы съ этимъ очаровательнымъ преданіемъ, такъ ловко выраженнымъ пантомимою хореографа Корали и звуками композитора Адана. Петербургская публика не разъ имѣла случай любоваться въ главной роли талантомъ нашей русской танцовщицы, Е. И. Андреяновой, послѣ возвращенія ея изъ славнаго путешествія по Германіи, Италіи и Франціи. Г-жа Андреянова видѣла въ этой роли Карлотту Гризи, и передала ее намъ со всею граціей и тонкимъ умомъ, составляющими характеристическое отличіе ея замѣчательнаго дарованія. Поэтому появленіе г-жи Карлотты въ партіи *Жизели* не могло быть слишкомъ поразительною новостью для нашей публики. Несмотря на то, въ которые ея *танцы* заслужили рукоплесканія. Но прежде, чѣмъ мы станемъ говорить объ исполненіи и отличительныхъ свойствахъ таланта г-жи Карлотты, познакомимъ читателя съ ея біографіею и предшествовавшими заслугами искуству.

Карлотта Гризи, кузина знаменитой пѣвицы Джуліи Гризи, родилась въ Миланѣ, еще ребенкомъ ее отдали въ тамошнюю консерваторію. Здѣсь показала она особенную склонность къ тан-

цамъ и тогдашній балетмейстеръ Гилье принялъ ее подъ свое покровительство, имѣя ввиду воспользоваться способностію малютки — для театра. Она дѣлала быстрые успѣхи въ танцахъ, такъ, что по прошестіи двухъ лѣтъ, когда балетмейстеръ Джіанини сочинилъ для театра Каннабіана новыи мнѳологическій балетъ, онъ могъ уже употребить восьмилѣтнюю Карлотту для роли Амура. Съ этого дебюта Карлотту довольно часто занимали въ представленіяхъ и она повемогу освоеналась со сценою и привыкала появляться передъ публикою. Такъ провела она время до четырнадцатилѣтняго своего возраста. Въ это время сошла со сцены губимая миланцами танцовщица Эберлей, и посѣтители театра въ шутку прозвали Карлотту Гризи *маленькою Эберлей*, потому что она съ большимъ искусствомъ передразнивала манеры и па знаменитаго своего образца.

Четырнадцать лѣтъ Карлотту повезли въ Неаполь. Здѣсь увидѣлъ ее знаменитый нашъ танцовщикъ и хореографъ Перо, и былъ удивленъ апломбомъ, силою и самоувѣренностію, съ которыми танцевала молодая дѣвушка. Онъ поощрилъ ея старанія и обѣщаль помогать ей своими совѣтами.

Пользуясь его участіемъ, молодая Гризи отправилась въ Парижъ, гдѣ постоянно училась.

Въ 1842 году она была допущена въ первый разъ до дебюта въ Большой Оперѣ, въ новомъ па, которое Перо сочинилъ для оперы Довизетти «*Фаворитка*». Публика приняла ее благосклонно, и вслѣдствіе того, она стала являться и въ балетахъ въ роляхъ корифей. Вскорѣ потомъ открылось мѣсто первой танцовщицы, за отъездомъ Фанни Эльслеръ, и Корали поспѣшилъ создать свою *Жизель*, въ которой главная роль была поручена Карлоттѣ Гризи. Этотъ балетъ былъ основаніемъ славыэтой танцовщицы.

Несмотря на взыскательность парижанъ, на ихъ строгую требовательность, Карлотта заслужила общія рукоплесканія за отчетливость и чистоту своихъ танцевъ, и дебютъ ея можетъ назваться блистательнымъ. Впослѣдствіи, для нея собственнѳо на Парижской оперной сценѣ были поставлены балеты: «*Пери*», «*Гентская Красавица*», «*Пять чужезъвъ*», «*Пишмица Фей*», «*Сумбурица*» (*Le diable à quatre*), въ которыхъ всякое появленіе Карлотты Гризи было пріветствуемо возгласами фельетонистовъ и со-

провождается громкими одобреніями поклонниковъ ея таланта. Въ Парижѣ пробыла она восемь лѣтъ и ежегодно пользуясь, на основаніи контракта, трехъ мѣсячнымъ отпускомъ, она успѣла нѣсколько разъ побывать въ Лондонѣ, гдѣ между прочимъ участвовала въ знаменитомъ *pas de quatre*, соч. Пуньи и Перо, вмѣстѣ съ Тальони, Эльслеръ и Черитто.

Брюссель привѣтствовалъ Карлотту Гризи въ 1847 году, откуда она въ 1849 году прибыла въ Берлинъ. И здѣсь строіе и хладнокровныя нѣмцы отдали полную справедливость ея *танцамъ* и замѣчательному ея апломбу на сценѣ.

Карлотта Гризи принадлежитъ къ разряду классическихъ танцовщицъ,—Дюверне, Фицъ-Жемсъ, Юлія Деварень, мамзель Легалау, наследницы знаменитой Бяготини. Но она многихъ изъ нихъ превзошла своею легкостію и отчетливостію въ выдѣлкѣ трудныхъ па, и необыкновенною силою мышцъ. Карлотта выступила на парижской сценѣ въ самомъ расцвѣтѣ красоты и молодости, Апплодисманы, цвѣты, вѣнки, вздохи, стихи все-посыпалось на прелестную дебютантку, подобно Данаидѣ дождю: фельетоны стали воспѣвать ее въ самыхъ восторженныхъ фразахъ, Жюль Жаненъ измилъ все свое обольстительное краснорѣчіе, поэтъ Дюфанъ возгласилъ ей дионрамбъ, и слава ея была упрочена.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ блестящихъ атрибутовъ таланта и заслуги и мы составили себѣ предварительное, заглазное понятіе о г жѣ Карлоттѣ, и теперь можемъ порадоваться, что намъ доставленъ случай провѣрить точность этого понятія на дѣлѣ. Мы увидимъ Карлотту во всѣхъ важнѣйшихъ роляхъ, въ которыхъ она заслужила печатныя превознесенія.

Дебютъ Карлоты на нашей сценѣ, столь богатой собственными хореографическими талантами, происходилъ 8-го октября. Внѣшность Карлотты Гризи не поражаетъ съ перваго взгляда. Она женщина невысокаго роста, съ лицомъ круглымъ, не очень правильнымъ, но съ чертами живыми и веселыми. Большіе глаза ея блестящи и выразительны; ножки крошечныя, руки роскошно округлены. По виду почти трудно повѣрить, что она итальянка, дочь знойнаго юга.

Подъ словомъ *танцовщица*, въ современномъ его значеніи, мы условились подразумѣвать сочетаніе четырехъ главныхъ хореографическихъ

ческихъ достоинствъ въ женщинѣ: античную красоту пластички, грацію движеній, выразительность мимики и наконецъ высшее искусство танцованія. Часть этихъ достоинствъ приобрѣтается трудомъ, навыкомъ, изученіемъ; другая часть дается самою природою, и возможна только при извѣстныхъ условіяхъ тѣлосложенія и внѣшней красоты. Каждое изъ этихъ достоинствъ имѣеть опять свое подраздѣленіе. Такъ, напримѣръ, отъ танцевъ требуется: *чистота* въ отдѣлкѣ па, *легкость* въ поворотахъ и скачкахъ, *твердость* въ носкѣ въ трудныя минуты, *округлость* въ движеніи ногъ и рукъ.

Въ этомъ отношеніи Карлота Гризи артистка изумительная, и знатоки дѣла отдадутъ всегда справедливость рѣдкимъ ея достоинствамъ. Употребляя народное выраженіе, можно сказать, она *ногами жемчугъ носитъ!* Что за точность, вѣрность, чистота въ отдѣлкѣ каждаго па! Она легка, какъ перо, порхаетъ на сценѣ бабочкою; въ быстрыхъ движеніяхъ увлекательна. Увѣренность въ своемъ дѣлѣ или апломбъ придаетъ ея танцованію еще больше прелести. Носки ея, какъ будто стальные, она танцуетъ на нихъ и дѣлаеть самые смѣлые повороты, какъ-бы на всей подошвѣ. *Танцы* ея заслуживали всеобщія рукоплесканія.

Что касается до мимики г-жи Гризи, то она не всегда вѣрна и выразительна. Въ танцовщицѣ, занимающей первыя роли въ балетахъ, мимика весьма важное дѣло. Она должна ею передавать не только чувства и волненія своей души, но и обрисовывать самый характеръ дѣйствующаго лица. Жесты Карлотты быстры, ветерпѣливы, отрывисты, и потому въ иныхъ мѣстахъ лишены той граціи и благородства, которые возбуждаютъ въ зрителѣ невольное участіе къ героини мимической драмы. Правда, въ настоящее время, когда главное вниманіе танцовщицъ обращено преимущественно на танцы, между ними маю встрѣчается хорошихъ мимистокъ. Важное искусство это утрачивается съ каждымъ годомъ, однакожъ и теперь между первоклассными танцовщицами есть удивительныя мимистки. Фавни-Эльслеръ въ этомъ отношеніи можетъ служить идеаломъ совершенства, и наша талантливая Андриянова владѣеть этимъ искусствомъ въ высокой степени. Созданный ею характеръ *Сатаниллы* — есть превосходное мимическое твореніе и свидѣтельствуетъ о глубинѣ чувства и тонкомъ умѣ артистки.

Въ первомъ дѣйствіи *Жизели* сцена объясненія любви выпол-

пена г-жею Гризи довольно игриво, хотя нѣсколько холодно; послѣдняя сцена, сумасшествія, изысканна и немножко натянута, хотя и эффектна. Мы того мнѣнія, что во всѣхъ родахъ драматическаго творчества, даже и въ балетѣ, натура должна первенствовать, если артистъ хочетъ дѣлать вѣрныя и прочныя завоеванія. Во второмъ актѣ, Жизель обращается уже въ вилису; сцена и танецъ ея при свиданіи съ Альбертомъ, выполнены ею мастерски; опасенія за него выражены прекрасно, но потомъ когда, по повелѣнію царицы вилисей, она должна *затанцовать его до смерти*, она увлекается и забываетъ о внутреннемъ своемъ страданіи за участь возлюбленнаго. Вообще, когда г-жа Гризи начинаетъ какое-нибудь *па*, она становится танцовщицею и перестаетъ быть дѣйствующимъ лицомъ. Все вниманіе ея обращено на высокое ея искусство танцованія, и на это время драма лишается въ ней дѣятельной участницы.

Говорятъ, что г-жа Гризи неподражаема въ роляхъ корзищицы въ балетѣ «*Со вѣзмъ приборомъ сатана или сумбурица жена*» (*Le diable à quatre*), который, какъ слышно, ставится теперь на нашей сценѣ. Ждемъ съ нетерпѣніемъ этого праздника. А пока будемъ аплодировать Карлоттѣ въ извѣстныхъ намъ уже балетахъ, и отъ души восхищаться ея *танцами*, благодаря счастливый случай, который доставилъ намъ возможность познакомиться съ этимъ прославленнымъ талантомъ парижской сцены.

ЦЕСАРЬ ПУНЬИ.

(Композиторъ.)

Во время торжества и юбилея въ Караваджіо былъ предложенъ конкурсъ для сочиненія большой миссы, судьей котораго назначался Бергамскій капельмейстеръ, глава всѣхъ духовныхъ композиторовъ Италія, знаменитый Симонъ Майеръ. Соискателями на конкурсъ явились: Меркаванте, Донизетти и Пуньи. Первенство было присуждено миссѣ послѣдняго. Въ ней пѣли партію соло: Рубини, братъ его Джіордани и Давидъ-отецъ, причемъ болѣе трехъ сотъ человекъ пѣвцовъ и музыкантовъ составляли оркестръ. Самъ Майеръ дирижировалъ сопранами. И старикъ не ошибся въ своемъ приговорѣ... Едва раздалась чудная пѣснь великаго Рубини, едва выказалась всѣ красоты и совершенства миссы молодаго Пуньи, сердце художника невыдержало... Съ глазами полными слезъ, въ избыткѣ восторга и признательности — старикъ Майеръ обнялъ молодаго композитора, предсказывая ему самую блестящую будущность. Но это торжество не было первымъ торжествомъ молодаго композитора и первымъ доказательствомъ его высокаго таланта. Еще семи лѣтъ отъ роду, будучи воспитанникомъ Миланской Консерваторіи, въ которой онъ получилъ первое образованіе, — Чезаро-Пуньи обратилъ на себя особенное вниманіе знаменитаго Винтера, слышавшаго исполненіе его симфоній. — Этого было достаточно, чтобы Винтеръ принялъ радужное участіе въ малюткѣ. Подъ его руководствомъ, а потомъ, пользуясь совѣтами извѣстнаго Азіоли, Пуньи съ ревностью продолжалъ изучать законы музыкальнаго творчества. Впослѣдствіи, часто посѣщая Модену, гдѣ при дворѣ Великаго Герцога, онъ исполнялъ лучшія духовныя композиціи, Пуньи написалъ нѣ-

сколько прекрасныхъ миссъ, совершенно оправдывавшихъ смѣлыя ожиданія его наставниковъ, въ числѣ которыхъ были извѣстный композиторъ Азіоли и незабвенный учитель музыки нашего Театрального Училища, Солива. Послѣ торжества въ Караваджіо, Пуньи написалъ нѣсколько оперъ, для Миланскаго театра *Каннабиана*, потомъ на театрѣ *la Scala* онъ постановилъ для тенора Донзелли, для пѣвицъ: сопрано Шульцъ и контральто Павтанелли оперу «*Миценіе*,» отдавъ въ тоже время на Триестскій театръ другую оперу: «*Ричардъ Единбургскій*». По возвращеніи въ Миланъ, онъ былъ назначенъ директоромъ музыки Императорскихъ театровъ — и написалъ нѣсколько прекрасныхъ балетовъ и симфоній. Здѣсь его симфонія «*Кананъ*» написанная для двухъ оркестровъ и исполненная на театрѣ Скалы, въ концертѣ, данномъ знаменитою Пастою въ пользу богоугодныхъ заведеній. Симфонія эта имѣла успѣхъ необыкновенный.

Въ 1834 г. Чезаро-Пуньи, назначенный директоромъ музыкальнаго института въ Парижѣ, посвѣдшаго названіе «*Casino Paganini*» — положивъ на музыку кантату, написанную для открытія этого института извѣстнымъ литераторомъ Мери. Не смотря на то, что управленіе Большой Оперы воспрепятствовало публичному исполненію этой кантаты, на репетицію которой собралось все музыкальныя знаменитости, успѣхъ ея былъ совершенный и огромный.

Чезаро Пуньи принадлежитъ къ числу лучшихъ балетныхъ композиторовъ. Къ этому роду музыки еще въ самой ранней молодости онъ выказывалъ особенную склонность и изъ множества балетовъ, написанныхъ имъ въ послѣдствіи, почти нѣтъ ни одного, который не обнаруживалъ-бы значительныхъ красотъ. Первые его балеты, получившіе особенную извѣстность, были написаны имъ около 1825 г. въ Миланѣ. Вотъ они: «*Макбетъ*,» «*Осада Кале*,» «*Замокъ Кемпльвортъ*,» «*Аделанда Французская*» и другія, Потомъ вслѣдъ за прекрасною своею симфоніею «*Кананъ*» была имъ написана музыка для балета «*Послѣдній часъ осужденнаго*» составленнаго балетмейстеромъ Гапри. — «*Ундина*,» «*Эмеральда*,» «*Катарина*,» «*Лалла Рукъ*,» «*Сиракузскіе рудокопы*,» «*Превращеніе*,» «*Первая танцовщица*» — все эти балеты были созданы Пуньи въ Лондонѣ, для первыхъ балетныхъ артистовъ: Маріи Тальони, Фавни-Эльслеръ, Карлотты Гризи, Перо, Фавни Сень-Леонъ (Черито), Люсін Гравъ. По возвращеніи въ Парижъ, Пуньи написалъ музы-

ку балетовъ: «Чертова скрипка», «Маритантка», «Мраморная дочь» и «Стелла» для Черито и Сенъ-Леона. Вотъ труды Чезаро-Пуны, композитора множества прекрасныхъ, хотя и легкихъ, оперъ — и балетовъ, ангажированнаго на нынѣшнюю зиму на Петербургскую сцену.

ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

(Письмо изъ Парижа отъ $\frac{1}{13}$ октября.)

Дѣятельность парижскихъ театровъ начинаетъ по немногу оживляться. Безпрестанно являются новыя пьесы, которыя если не всегда удачны, особенно если смотрѣть на нихъ не просто какъ на сценическія представленія, а какъ на произведенія искусства, то по крайней мѣрѣ писаны не съ плеча, какъ большая часть лѣтнихъ пьесъ.

Большая Опера до времени еще не даетъ ничего новаго, потому что имѣетъ другіе источники доходовъ. Такъ какъ этотъ театръ былъ закрытъ на нѣсколько мѣсяцевъ, по случаю передѣлокъ, то весь Парижъ несется взглянуть на него въ его новомъ нарядѣ. Притомъ и для тѣхъ, кому все равно, будутъ-ли стѣны театра красныя или сѣрыя, стоятъ-ли въ ложахъ стулья или ксамейки, кто ходитъ въ театръ для представленія, а не для театра, и для тѣхъ Большая Опера имѣетъ большую силу притяженія безъ новыхъ пьесъ. Этотъ магнитъ, привлекающій публику въ его обновленныя стѣны, а франки въ его кассу, — Альбони въ роляхъ Леоноры въ «*Фавориткѣ*» — Донизетти, и Одетты въ «*Карль VI*» — Галеви. Съ достопамятнаго отреченія директора Леона Пилье и пѣвицы г-жи Штольцъ, эти двѣ роли, лучшія изъ всего репертуара, не были замѣщены совершенно удовлетворительно. Г-жи Массонъ, Жюльенъ (Julienne) Мекилье, и нѣкоторыя другія попеременно являлись въ нихъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, но всѣ онѣ были артистки, только что выступавшія на драматическое поприще, смотрѣли напарижскую Большую Оперу, какъ на средство дать извѣстность своему имени, и, послѣ нѣсколькихъ дебютовъ, ангажировались, кто на большія провинціальныя сцены, кто въ Бельгію. Притомъ самые голоса ихъ, чи-

стые сопрано, не совсѣмъ соотвѣствовали партіямъ, писаннымъ для глубокаго меццо-сопрано, почти для контральто. По этому возобновленіе этихъ двухъ оперъ, принадлежащихъ къ числу самыхъ любимыхъ публикою, съ великою артисткою въ главныхъ роляхъ, — настоящій праздникъ для Парижа. Рукоплесканіямъ цвѣтамъ, вызовамъ конца вѣтъ. Дѣйствительно, въ отношеніи голоса и пѣнія нельзя ничего желать совершеннѣе Альбони; если можно ее въ чемъ упрекнуть, такъ это развѣ въ недостаткѣ драматизма, особенно послѣ г-жи Штольцъ, которая, не смотря на свой истощенный голосъ, всегда увлекала слушателей драматическою силою исполненія. Но и въ драматизмѣ г-жа Альбони очевидно совершенствуется съ каждымъ днемъ, такъ, что можно надѣяться, что она векорѣ совершенно изгладитъ изъ памяти публики свою предшественницу. Обстановка оперъ самая блистательная. Роже, достойный преемникъ и соперникъ Дюпре, Барузале, — прибавили бы мы еще имя Левассѣра, чтобы не подвергнуться упреку въ неблагодарности къ заслуженному артисту, который нѣкогда былъ такъ дивно хорошъ въ роляхъ Бертрама и Марсея; но долгъ нашъ — прежде всего говорить правду, и судить артиста въ настоящемъ, не ослѣпляясь воспоминаніями прошедшаго; а въ настоящемъ слишкомъ ясно видно, что если въ Левассѣрѣ живо еще артистическое вдохновеніе, то матеріальныя средства измѣняютъ ему, и слушатель можетъ только угадывать его намѣренія.

Въ непродолжительномъ времени ожидаютъ г-жу Віардо, съ пріѣздомъ которой вѣроятно пойдутъ опять оперы «Пророкъ» и «Гугеноты.» Мы внесли въ нашъ отчетъ новое произведеніе гг. Скриба и Адана, явившееся мѣсяца два назадъ на театрѣ Комической Оперы. Спѣшимъ исправить оплошность. Эта опера называется «Жиральда, или новая Душенька». Составители французскихъ оперныхъ либретто уже давно приучили насъ къ такимъ сложнымъ и путаннымъ интригамъ, что въ нихъ и не осмотришься; но никогда еще не встрѣчали мы такой путаницы, какъ въ настоящей оперѣ. Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи, въ Галиціи, въ этомъ Эльдорадо комическихъ оперъ. Жиральда, хорошенькая дѣвушка, которую противъ воли выдаютъ за мельника Живеса, любившагося въ ея триста червонцевъ. Вы сами угадываете,

что если она не хочет выходить за назначеннаго ей жениха, то это оттого, что сердце ея отдало другому. Этотъ другой — донъ Манозль, котораго она безпрестанно встрѣчаетъ около своего дома, и о которомъ она знаетъ только, что онъ очень знатенъ, очень богатъ, очень хорошо говоритъ и очень ее любитъ. Мы съ вами знаемъ кромѣ того, что дядя донъ Манозля, человѣкъ еще болѣе знатный и богатый, не позволяетъ ему жениться. Донъ Манозль очень боится, чтобы у него не отбили возлюбленную. Въ этомъ затруднительномъ положеніи, донъ Манозль не находитъ другаго средства, какъ заплатить Жинесу шестьсотъ червонцевъ, чтобы онъ уступилъ ему невѣсту, и позволилъ ему вмѣсто него идти къ вѣщу. Но едва они возвращаются изъ церкви, какъ знатный дядя выходитъ на встрѣчу молодымъ, поздравить ихъ и донъ Манозль принужденъ бѣжать, оставая молодую жену на рукахъ Жинеса. Во второмъ дѣйствіи начинается кутерьма. Жиральда приходитъ на мельницу съ Жинесомъ, котораго она считаетъ своимъ мужемъ. Свѣча вдругъ гаснетъ, и Жиральда узнаетъ голосъ своего возлюбленнаго, который объясняетъ ей, какимъ образомъ онъ сталъ ея мужемъ вмѣсто Жинеса. Радость не заставляетъ Жиральду забыть женскую слабость: любопытство; она хочетъ знать, также ли хорошо лицо ея мужа, какъ пріятенъ его голосъ. Между тѣмъ, какъ она идетъ за огнемъ, на мельницу приходитъ дядя донъ Манозля. Донъ Манозль прячется, пославъ сначала Жинеса къ теткѣ. Жиральда возвращается съ огнемъ, но на мельницѣ видно шалить домовой, свѣча опять гаснетъ, и вотъ донъ Манозль, его дядя и Жиральда въ темнотѣ гоняются другъ за другомъ, точно играютъ въ жмурки; донъ Манозля, жена его слишкомъ хорошо знаетъ его голосъ, чтобы ошибиться. Между тѣмъ является Жинесъ, и принявъ дядю за племянника, отдаетъ первому отчетъ въ исполненіи порученія, полученнаго отъ втораго. Дядя, конечно, ничего не понимаетъ, кромѣ того, что сейчасъ явится его супруга. И дядя и племянникъ прячутся, и когда приходитъ супруга, въ комнатѣ нѣтъ никого, кромѣ донъ Яфета, который и самъ не знаетъ, какъ онъ попалъ съ балкона въ комнату. Всѣ расходятся въ полномъ убѣжденіи, что донъ Яфетъ мужъ Жиральды, даже она сама это думаетъ, хотя ей очень обидно видѣть, что избранный ея сердца оказался старикомъ. Всѣхъ болѣе затрудняетъ это положеніе донъ Яфета; потому что онъ уже женатъ, но скры-

заетъ свою жену отъ глазъ своего друга; ну что, если вдругъ откроется, что онъ женатъ? да его сочтутъ двоеженцемъ, пожалуй повѣсять!... Часть его опасенія сбывается; бракъ его съ Розинною открывается, и чтобы избѣгнуть вистѣлицы, онъ принужденъ объяснить, что онъ самъ не понимаетъ, какъ попалъ въ мужа Жиральды, и не знаетъ даже гдѣ она, потому что ее похитили изъ его кареты на возвратномъ пути съ заколдованной мельницы. Жиральда, между тѣмъ, какъ Душенька, еще не видѣла своего мужа. Однакоже донъ Манозль, понявъ, что опасно шутить огнемъ, рѣшается во всемъ сознаться дядѣ. После этого дядя простилъ его, а Жиральда можетъ, сколько душъ угодно, насмотрѣться на мужа. Мы выпустили еще множество уморительныхъ сценъ, потому что въ разсказѣ нѣтъ возможности уловить всю эту путаницу. Музыка новой оперы вполне достойна автора «Престонскаго пивовара», «Почтальона изъ Лонжумо», и дюжины другихъ оперъ, пользующихся болѣею или меньшею славою; она легка, плавна, пѣвуча; но не должно отъ нея ожидать ни новосты идей, ни оригинальности оборотовъ, ни яркости колорита. Впрочемъ, опера имѣла большой успѣхъ, чѣмъ она преимущественно обязана исполненію. Роль Жиральды занимала молодая, вновь ангажированная пѣвица, Феликсъ Миолапъ, которая съ самыхъ первыхъ своихъ дебютовъ стяжала себѣ почетное мѣсто въ очаровательной труппѣ Комической Оперы.

Съ нѣкотораго времени публика съ особеннымъ удовольствіемъ смотритъ произведенія старинныхъ композиторовъ. Недавно еще говорили мы о возобновеніи «Соловья» Лесюэра, и «Жано и Колена», Николо Пзуара, и вотъ опять возобновляется пьеса еще постарше, «Ревнивый женихъ» Гретри, представленная въ первый разъ въ 1778 году. Съ того времени пьеса эта была нѣсколько разъ возобновляема, но съ 1830 года уже не являлась на сценѣ. Только нѣсколько мѣсяцевъ назадъ Консерваторія вздумала дать ее для своего годичнаго испытанія учениковъ, поручивъ профессору Баттону подновить нѣсколько инструментовку, что онъ исполнилъ съ большимъ знаніемъ дѣла и вкусомъ. Представленіе имѣло такой успѣхъ, что Комическая Опера рѣшилась воспользоваться мыслью, и, по всемъ вѣроятіямъ, не останется отъ того въ накладѣ. Либретто, какъ для большей части оперъ Гретри, написано

знаменитымъ чудакомъ прошлаго вѣка, англичаниномъ Гельзомъ (Holes), болѣе извѣстнымъ подъ французскимъ именемъ Дея (d'Hele), и оправдываетъ слова, сказанныя о немъ однимъ новѣйшимъ критикомъ, что онъ могъ придумывать самыя хорошенкіе сюжеты, но не умѣлъ писать ихъ, потому что каждое лишнее слово казалось ему грѣхомъ, и каждая повѣсть его умѣщалась на нѣсколькихъ страничкахъ. Все содержаніе ревниваго жениха заключается въ томъ, что Лопà де ла Плата очень желаетъ выдать за мужъ свою дочь вдову, но принскиваетъ такого жениха, который не потребоваль-бы ей приданого, находящагося у него въ торговомъ оборотѣ. Такой женихъ былъ-бы подъ рукою, еслибы мавританская ревность донна Алонзо не пугала Леонору. На бѣду же есть пища его ревности, потому что французскій офицеръ Флориваль влюбленъ въ сестру Леонору, и по продѣлкамъ камеристки адресуетъ все свои письма Леонорѣ. Между женихами чуть не доходитъ до дуэли, но Леонора и Изабелла поспѣваютъ во время, чтобы объяснить ошибку и заключить пьесу двумя свадьбами. Впрочемъ, Гельзь хорошо зналъ музыку и потребности оперы, и при всей краткости либретто, въ немъ много удачныхъ положеній для композитора, которыми Гретри умѣлъ превосходно воспользоваться. Это, безспорно, одно изъ лучшихъ его произведеній, и оно долго еще будетъ доставлять удовольствіе слушателямъ, не смотря на нѣкоторыя устарѣлыя формы. Особенно финаль третьяго дѣйствія можно назвать образцовымъ въ своемъ родѣ.

Французскій Театръ, обыкновенно довольно скудный на новости, поставилъ двѣ новыя комедіи, одну Леона Гильера, «Бракъ при Регентѣ», въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ; другую г. Эдуарда Фусье, «Гераклитъ и Демокритъ», въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.

Самое названіе комедіи Гильера показываетъ, къ какому роду произведеній она принадлежитъ. Это картина восемнадцатаго вѣка, совсѣмъ его хорошими и дурными сторонами; картина, написанная живо, бойко, рельефно. Этимъ и выборомъ лицъ она нѣсколько сбиваетъ на комедію историческую; но интрига самая слабая сторона комедіи; она такъ запутана, такъ переполнена мяскими обстоятельствами, что для того, чтобы разказать ее, пришлось бы перебрать всю пьесу, сцену за сценою. При всѣхъ

своихъ недостаткахъ, она изобличаетъ въ авторѣ человѣка умнаго, наблюдательнаго, не гоняющагося за минутнымъ эффектомъ, а всего выше ставящаго добросовѣстное исполненіе предпринимаемаго труда. Между прочими особенностями его комедіи, замѣтимъ довольно странную мысль возобновить балетныя интермедіи, какія встрѣчаются довольно часто въ комедіяхъ Мольера и Омы Корнеля. Балеты, сочиненные Леружемъ, сами по себѣ очень недурны, но намъ кажется, что ихъ очень можно бы выпустить, и что комедія оттого не только ничего-бы не утратила, а пожалуй еще выиграла бы тѣмъ, что вниманіе зрителей не развлекалось бы этою фантазмагорическою рамкою.

Комедія господина Фусье есть также возвращеніе къ старинѣ, къ той комедіи XVII и XVIII вѣковъ, которая своими типическими характерами, условными нарядами, усвоенными каждому характеру, показываетъ свое двухстороннее родство съ итальянскими масками и испанскою комедіею de la cara y espada. Имена Гераклита и Демокрита употреблены здѣсь только для обозначенія характера двухъ дѣйствующихъ лицъ, изъ которыхъ одинъ видитъ все на свѣтѣ въ черномъ свѣтѣ, а другой все въ розовомъ. Между этихъ двухъ чудаковъ видимъ мы ихъ хорошенькую кузину Люсилію, которая непременно должна выдти за одного изъ нихъ потому что иначе она лишится богатаго наслѣдства, которое чухиха тетка завѣщала ей подъ этимъ условіемъ. Само собою разумѣется, что ей не нравится ни вѣчно улыбающійся Демокритъ, ни плакса Гераклитъ, и чтобы принудить ихъ отказаться отъ нея, она пишетъ обоимъ записки совершенно противоположныхъ характера каждому. Но на бѣду они получаютъ эти записки за бутылкою вина, вино же производитъ на нихъ то странное дѣйствіе, что они обыкновенно мѣняются ролями. Слѣдовательно и записки производятъ дѣйствіе совершенно противное желанному, и они болѣе, чѣмъ когда влюблены въ хорошенькую кузину, и готовы за нее стрѣляться. Ей остается одно средство отъ нихъ избавиться, сознаться откровенно, что она ихъ не любитъ, а любитъ дядю, воспитавшаго ее. Она рѣшается, и о радость! въ завѣщаніи тетки есть приписка, которую она должна была узнать только по выборѣ мужа! Эта приписка гласитъ, что буде ей не понравятся кузены, она вольна выбрать дядю, не лишаясь еще наслѣдства.

Комедія разыграна превосходно и имѣетъ огромный успѣхъ.

Театръ Драматической Гимназіи, въ комедіи водевилѣ «*Пріятельская бѣсѣда*», господь Давркура и Арвера, рѣшился, кажется, возстать на защиту человѣческой дружбы, которая съ такихъ незапамятныхъ временъ служитъ оселкомъ, на которомъ господа сатирики и остряки, въ стихахъ и прозѣ, въ книгахъ и на сценахъ, точатъ свои злые языки. И давно пора! не потому, чтобы мы слишкомъ вѣрили въ прочность человѣческой дружбы, хотя и не со всѣмъ отвергаемъ ея возможность, но кому не надоѣстъ вѣчно слышать одну и ту же пѣснь. И такъ, господа Давкуръ и Арверъ представляютъ намъ молодаго человѣка, который встрѣчая повсюду неудачу, рѣшается прибѣгнуть къ послѣднему средству: созвать своихъ школьныхъ товарищей на пріятельскую пирушку, и просить ихъ помощи. Ожиданіе его оправдывается; пріятель можетъ быть, подъ шумомъ шампанскаго, — устроятъ его, какъ нельзя лучше: доставляютъ ему приличное мѣсто, мирятъ его съ отцомъ возлюбленной, изблещаютъ негодая, который вездѣ перечилъ ему, и въ конецъ концовъ, женятъ его на прелестной дѣвушкѣ, съ прехорошенькимъ приданымъ. О дружба! стало быть ты не мнѣ, не мечта, не созданіе празднаго ума и глупаго сердца! — а впрочемъ, почему знать, можетъ быть друзья наши потому остальцы друзьями, что некому было кинуть имъ кость!

При всей скудости содержанія, въ пьесѣ много удачныхъ сценъ, много веселости, остроумныхъ словъ и она слушается съ удовольствіемъ.

Довольно милъ также водевилъ господь Комбруса и Любиза «*Женихъ, бѣгуцій отъ счастья*», данный на томъ же театрѣ. Представьте себѣ молодаго человѣка, который влюбленъ по уши въ хорошенькую дѣвушку и любимъ ею столько же, и которому стоитъ слово сказать, чтобы быть ея счастливымъ мужемъ, и который, между тѣмъ, не смѣетъ сказать этого слова. Правда у Франсины есть другой женихъ; но тотъ женихъ болванъ и она его терпѣть не можетъ. Скажи только Жоржъ слово, и тому жениху будетъ дана чистая отставка, а Франсина такая умница что ей не трудно будетъ упробить своего папеньку. Но это роковое слово все какъ-то останавливается въ горлѣ у Жоржа, и долго-бы еще вязло тамъ, еслибъ Франсина не рѣшилась вырвать его во что бы ни стало. Чего ужъ она не дѣлаетъ, а Жоржъ все нѣмъ, какъ рыба. Однажды, послѣ долгихъ

усилій, она доводитъ его до того, что онъ въ порывѣ восторга рѣшается чмокнуть ея бѣлую ручку, да такъ громко, что сбѣгаетъ весь домъ, и въ главѣ его самъ папенька. Франсина окомпрометирована; папенька, кузены, женихъ въ ужасномъ гнѣвѣ; а плутовка лукаво улыбается; она достигла своей цѣли. Жоржъ, волею не волею, долженъ на ней жепиться. И дѣйствительно, Жоржъ объясняетъ, что онъ ее давно любитъ, и ничего такъ не желаетъ, какъ ея руки. Затѣмъ папенька и кузены успокоиваются, Жоржъ и Франсина въ восторгѣ; одинъ только отставной женихъ стоитъ, выпучивъ глаза. Впрочемъ, онъ скоро утѣшается; онъ хотѣлъ только жениться, на Франсинѣ или на другой, это ему все равно.

Затѣйливое названіе «*Порохъ и мука*», которое неизвѣстно съ чего, господинъ Антье и Роже де-Бовуаръ вздумали дать своему новому водевилю, привлекло въ Театръ Разнообразія многочисленную толпу, ожидавшую особенной потѣхи. Но господинъ Роже-де-Бовуаръ, сколько намъ помнится, никогда не былъ особенно счастливъ въ своихъ драматическихъ попыткахъ, а настоящая попытка нисколько не удачнѣе прежнихъ. Это старинный анекдотъ, который мы нѣкогда читали въ какой-то азбукѣ, только съ другими именами, о томъ, какъ при какой-то осадѣ Гента, комендантъ едва не прогулялъ вѣрнопный ему городъ, явившись на свиданіе къ племянницѣ командующаго непріятельскимъ войскомъ, которая строитъ ему эту предательскую штуку въ отмщеніе за какую-то старинную обиду. Къ счастью, молодой мельникъ, проникнувъ замыслы герцогини, разрушаетъ ихъ и тѣмъ спасаетъ честь маркиза Сувре, гентскаго коменданта. Содержаніе водевиля, какъ видите, очень тоще; въ добавокъ онъ очень неловко веденъ, растянутъ, тяжелъ, загроможденъ лишними сценами и длинными разсказами, и вообще наводитъ смертельную скуку.

Другая пьеса Театра Разнообразія называется «*День и ночь*», и принадлежитъ перу господина Альфонса Ройе и Густава Вааза. Она не то, чтобы рѣшительно дурна, но имѣетъ, по крайней-мѣрѣ, два лишнихъ дѣйствія; еслибъ изъ пяти сократить ее въ три дѣйствія, выкинувъ нѣкоторыя длинноты, нѣкоторыя подробности, вовсе не ведущія къ дѣлу, она много бы выиграла. Все дѣло въ томъ, что одинъ американскій дядя завѣщалъ миллионъ долларовъ тому, кто по своей добродѣтели окажется достойнѣйшимъ того подарка. Рѣшеніе этого вопроса онъ представилъ господину

Викторину Дарбуа, который и рыщет по Парижу для отысканія такого феникса. Много предоставляется ему людей, которые, съ перваго взгляда, кажется, вполне удовлетворяютъ требованіямъ завѣшателя; но стоить только обернуть медаль, чтобы убѣдиться, что вся жизнь ихъ раздѣлена на двѣ половины, лицевую — для свѣта, и изнанку — для себя. Равиане, напримѣръ, прекрасный человекъ, честный, добрый, но зачѣмъ онъ такъ часто заглядываетъ за кулисы Большой Оперы, оставляя жену дома? мадамъ Равиане не остается у него въ долгу; при немъ она зла, сварлива, бранчива, а чуть онъ со двора, лицо ея проясняется, она умилно улыбается и дѣлается вѣжной голубицею. Мосье Лоссеръ днемъ безкорыстный, неподкупный адвокатъ, ревнитель правды, защитникъ оскорбленной невинности, — а вечеромъ шулеръ первой руки! Послѣ долгихъ поисковъ, Дарбуа наконецъ находитъ требуемое сокровище, молодую дѣвушку, вполне достойную быть обладательницею милліона. Дарбуа приходитъ въ такой восторгъ отъ добродѣтели мамзель Алины, что вмѣстѣ съ дядинымъ милліономъ предлагаетъ ей свою руку. Нельзя-ли в туть обернуть медаль? не думаетъ-ли Дарбуа, что онъ самъ достойнѣйшій наследникъ? авторы этого не рѣшаютъ.

Представленіе было чрезвычайно шумно.

Театръ Водевилья, противъ обыкновенія, не отличается обиліемъ новостей. Изъ трехъ новыхъ пьесъ, только двѣ могутъ въ некоторое время продержаться на сценѣ; это «*Потѣха и благодарняніе*», водевиль въ одномъ дѣйствіи, господь Коллио и Даваржэ, и «*Мостовья въ загонъ*», водевиль-обозрніе господь Лёвена, Брунсвика и Артура Боплаца.

«*Потѣха и благодарняніе*», старая пѣсня о томъ, какъ скупой и жестокосердый домохозяинъ требуетъ уплаты за квартиру отъ двухъ молодыхъ художниковъ, у которыхъ въ карманахъ много надеждъ, но мало денегъ, и грозитъ засадить ихъ въ долговое отдѣленіе; и какъ хорошенькая гризетка закладываетъ все свое имущество, чтобы выручить сосѣдей. Но сердце гризетки мстительно, и она не можетъ довольствоваться этимъ; ей надо еще, чтобъ скряга Бодрюшонъ далъ приданое невѣстѣ одного изъ молодыхъ людей. Разными продѣлками, она ставитъ его въ такое неловкое положеніе, что ему надо или драться съ женихомъ или заплатить десять тысячъ франковъ; какъ ни тяжело

ему разставаться съ деньгами, а страхъ преодолевается, и онъ соглашается на все.

Театръ Монгансье кормить своихъ посѣтителей фарсами болѣе или менѣе забавными, болѣе или менѣе пошлыми.

«Надежный присмотръ» (*La fille bien gardée*), комедія гг. Лабиса и Марка Мишеля, написанъ исключительно для семилѣтней Монталанъ, занимающей въ ней главную роль; которая, сказать мимоходомъ, не слишкомъ хорошо принаровлена къ ея лѣтамъ. Содержаніе пьесы очень просто: баронесса Фласкомонъ, женщина добрая, недалекая, имѣетъ при себѣ одиннадцатилѣтнюю дочь, Берту, которую она любитъ и балуетъ, какъ нельзя болѣе. Но баронесса еще сама молода, любитъ балы и общество, и оставляетъ дѣвочку подъ присмотромъ лакея и горничной, къ которымъ она имѣетъ неограниченное довѣріе. Хорошо присмотръ, нечего сказать! Едва барыня со дворя, барышню укладываютъ спать, а вѣрные слуги принимаютъ гостей или сами отправляются въ гости или къ Мабиллю. Это тѣмъ опаснѣе, что Берта умна не по лѣтамъ, и тотчасъ смекнула, что подмѣтивъ тайны своихъ надзирателей, она можетъ держать ихъ въ рукахъ и заставляя ихъ исполнять все ея прихоти. Сначала она заставляетъ ихъ играть съ нею въ дѣтскія игры; но вотъ къ лакею приходятъ его пріятеля, и она непремѣнно хочетъ бесѣдовать съ ними, мало того; требуетъ отъ горничной, чтобы она везла ее съ собою на балъ къ Мабиллю. Во всемъ этомъ въ шалостяхъ рѣзвой дѣвочки, въ хитростяхъ прислуги, которая старается скрыть отъ барыни, возвратившейся рапѣе, чѣмъ общала, много забавнаго, много уморительнаго комизма; и маленькая Монталанъ дѣйствительно рѣдкость между удивительными дѣтьми, она исполняетъ свою трудную роль съ непостижимымъ умомъ и искусствомъ; но какъ угодно, а на насъ это явленіе дѣвочки въ такихъ неприличныхъ для ея лѣтъ положеніяхъ, производитъ очень непріятное впечатлѣніе, и мы не желали бы, чтобы гг. Лабисъ и Маркъ-Мишель нашли много подражателей.

«Невинные негодяи», комедія водевилей гг. Лефранка и Варкусена, сколько намъ помнится, ничто, иное какъ передѣлка старинной, пьесы. Это исторія о мужѣ, — время регентства, который не думаетъ о женѣ, и кутитъ во все лопатки до тѣхъ поръ, пока не видитъ что его молоденькая и хорошенькая жена слишкомъ заслушивается

влюбленныхъ рѣчей молодого офицера. Ревность пробуждаетъ въ немъ сознаніе своей вины и понятіе о своемъ долгѣ и въ тоже время раскрываетъ его глаза въ красотѣ и прекраснымъ качествамъ жены. Онъ кается, клянется загладить прошедшее и пьеса кончается, къ общему удовольствію, мировою.

«*Дядина шкура*» довольно забавный фарсъ гг. Варена и Жюля де-Премарё. Молодой художникъ Тибюрсе и студентъ Просперъ живутъ со дня на день, кругомъ въ долгу, утѣшаясь въ незavidномъ настоящемъ блестящими надеждами на будущее, пока не пріѣзжаетъ ихъ дядя изъ Калифорніи... Изъ Калифорніи! ужъ навѣрно съ цѣлыми грудами золота! а онъ еще такой добрый; написалъ племянникамъ, что хочетъ жить и раздѣлить съ ними всѣ свои сокровища! О милый, великодушный, безцѣнный дядя! дядя, какихъ нѣтъ ни въ дѣйствительности, ни въ водевиляхъ! Вотъ наши племяннички призапнимаютъ денегъ на дядину шкуру, и заживаютъ на славу, чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ дядею миллионеромъ. Дядя дѣйствительно пріѣзжаетъ въ очень попошеномъ платьѣ, — но всѣ дяди-милліонеры чудачки! — побратки дѣлится съ племянниками квартиру, столъ, всѣ удобства, какія они могутъ ему доставить, а о сокровищахъ и не заикнется; — ничего, онъ хочетъ испытать милыхъ племянничковъ! — А племянничкамъ приходится очень плохо; добрые люди, давшіе имъ денегъ займы на дядину шкуру, пристають къ горлу за уплатою; невѣста Тибюрсе, польстившаяся было на калифорнское золото, отказывается ему наотрѣзъ. Племянники пристають къ дядѣ, чтобы онъ подѣлился съ ними обѣщаннымъ сокровищемъ.— «Извольте, говоритъ онъ; скромное довольство, снисканное трудомъ, порядкомъ и бережливостію, величайшее сокровище на землѣ, и это то сокровище, доставилъ мнѣ долготѣнній опытъ.» Племянничкамъ остается только приняться за работу, чтобы расплатиться съ долгами, и зарубить себѣ на память: «Не сули шкуры, пока не убилъ медвѣдя.»

«*Грассо и Равель*», фарсъ въ родѣ тѣхъ, какіе, слыхали мы, водятся и въ Петербургѣ, и которыхъ весь комизмъ заключается въ томъ, что два актера называютъ другъ друга Мартышкою и Животиною.

Успѣхъ драматическихъ пословицъ на Французскомъ Театрѣ соблазнилъ и театръ Монтансье, который въ свою очередь по-

ставилъ пословицу гг. Анри-де Кока и Шарля Потье: *Кого любишь, съ тѣмъ бранишься*. Содержаніе очень незатѣйливо. Это мужъ и жена, которые съ утра до вечера ссорятся и бранятся изъ пустяковъ, такъ, что сосѣдамъ рѣшительно покою нѣтъ; оба считаютъ себя жертвами и ужасно несчастными, не догадываясь, что сами они виноваты своему несчастію. Это могло-бы еще долго продолжаться, еслибъ благоразумная сосѣдка не посоветовала имъ покончить разомъ, разойтись законнымъ порядкомъ. Этого достаточно; разставаясь на всю жизнь, нельзя не проститься; на прощаніи сердца обонхъ супруговъ смягчаются, они плачутъ, забываютъ свои ссоры, или скорѣе убѣждаются, что ссорились только оттого, что любятъ другъ друга; и вотъ они обвиняются, какъ вѣжные голубки, и клянутся вѣкъ не разставаться, а заботиться только о томъ, какъ бы угождать другъ другу.

Новая драма Александра Дюма, *Капитанъ Лажонкьеръ*, подтверждаетъ то, что мы говорили въ послѣднемъ отчетѣ, именно, что источникъ, изъ котораго онъ черпалъ, чрезвычайно оскудѣлъ, такъ, что знаменитый драматургъ принужденъ прибѣгать къ книгамъ, давно уже поставленнымъ на сцену. Нѣсколько лѣтъ назадъ на Французскомъ Театрѣ явилась трескучая драма *Дочь Регента*, заимствованная изъ романа того-же названія, и имѣла очень сомнительный успѣхъ. *Капитанъ Лажонкьеръ* — второе изданіе этой драмы подъ другимъ названіемъ, и съ тѣмъ усовершенствованіемъ, что въ нее внесены тѣ сцены романа, которыя не вошли въ первую. Рассказывать ея содержанія не стоитъ, потому что всемъ извѣстенъ романъ, изъ котораго она заимствована, и переложеніе такихъ романовъ на сцену. Скажемъ только, что *Капитанъ Лажонкьеръ* вполнѣ достоинъ своихъ старшихъ братьевъ, и едва-ли будетъ подъ новымъ названіемъ имѣть больше успѣха, чѣмъ подъ прежнимъ.

На дняхъ ждутъ открытія театровъ Одеона и Сент-Мартенскихъ Воротъ, и заранѣе прославляютъ новую шулерскую и разбойничью драму, которую г. Леонъ Гозланъ приготовилъ для послѣдняго, подъ затѣйливымъ названіемъ *Жельзная нога*.

СМЪСЪ.

ДОСТОВѢРНЫЕ РАЗСКАЗЫ ОБЪ АБАЗИИ.

(Воспоминанія офицера, бывшаго въ плѣну у Абазеховъ.)

X.

Соколиная битва. — Охота на кабановъ и медвѣдей. — Кудри-Али. — Встрѣчь. — Страшный сосѣдь. — Торговля плѣнными. — Ярмарки. — Сейлема. — Продажа. — Праздникъ тюльпана. — Султанша Валиде.

Говоря о военномъ дѣлѣ, о разбояхъ и наѣздахъ горцевъ Абхазіи, мы здѣсь-же можемъ сказать кстати нѣсколько словъ объ охотѣ ихъ на звѣрей и о торговлѣ плѣнными или ясырями, ибо то и другое связывается между собою весьма тѣсно, имѣя главною цѣлю удадь, молодечество и отвагу, а приобрѣтеніе и наживу — цѣлю уже второстепенною.

Въ мелкой охотѣ, гоняясь за птицами, горцы, болѣшею частію употребляютъ или стрѣлу, или коршуна и сокола. Послѣдніе, впрочемъ, въ Абхазіи цѣнятся весьма дорого, потому что сами Абазехи не умѣютъ ни поймать, ни выучить ихъ. Здѣсь ученые коршуны и соколы покупаются у сосѣднихъ племенъ.

Въ бывшее время княжескіе соколы не однажды рѣшали споры цѣлыхъ враждующихъ ауловъ. Позади селенія *Айбуга*, въ Кайдаржакской долинѣ и теперь еще туземцы указываютъ коническую скалу, замѣчательную по одной изъ соколиныхъ битвъ и названную «Скалою княжескаго сокола.» Въ 1787 году, когда посланцы лжепророка Шихъ-Мансура пришли въ горную Абхазію, аулъ Айбуга, болѣе всѣхъ вѣрный своимъ прежнимъ религіознымъ по-

нѣтіямъ и поддерживаемый въ нихъ однимъ изъ плѣнныхъ грузинскихъ священниковъ, сильно возсталъ на этихъ посланцовъ Шихъ-Мансура и даже на своихъ сосѣдей, ихъ слушавшихъ. Слѣдствіемъ этого была вражда, разумѣется, сопровождаемая убійствами, барантами и пожарами. Наконецъ, осенью 1788 г., аулъ Айбуга былъ осажденъ многочисленными врагами, подкрѣпленными отрядомъ чеченцевъ, первыхъ послѣдователей Шихъ-Мансура. Несмотря на многочисленность непріятеля и его кровожадное изувѣрство, старый Гачъ-Агаръ, старшина Айбуга, вѣрный своему слову, не сдавался и не соглашался измѣнить своимъ понятіямъ и вѣрѣ отцовъ. Заваливъ камнями и перебитымъ скотомъ тѣсныи, представлявшія единственный входъ въ аулъ, онъ три мѣсяца выдерживалъ страшную осаду; дѣлая иногда въ одну ночь по пяти и шести отчаянныхъ вылазокъ и всегда съ успѣхомъ, но не безъ урона... Скоро голодъ и болѣзни совершенно истощили осажденныхъ и нѣкоторые изъ храбрыхъ товарищей Гачъ-Агара, стали уже поговаривать о сдачѣ. Тогда Гачъ-агаръ, поставивъ у своей сакли деревянный крестъ, созвалъ къ нему горсть храбрыхъ, заставилъ ихъ дать клятву не измѣнять начатому дѣлу, и въ ту же ночь рѣшился ударить на осажденныхъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ неуспѣха уже никому не возвращаться въ аулъ и вѣсѣмъ лечь на мѣстѣ. Женщинамъ и старикамъ было предложено или умереть, чтобы избѣжать позора и страшной мести враговъ, или участвовать въ дѣлѣ. Горячки и дряхлые старцы согласились на послѣднее. Въ то же время и мулла Асафаръ, любимецъ и правая рука Шихъ-Мансура, предводительствовавшей толпами своихъ послѣдователей, еще до наступленія ночи бросился съ чеченцами на послѣдній и отчаянный приступъ, разсчитавъ, какъ казалось, на вѣрный успѣхъ. Айбугцы встрѣтили его градомъ камней и пуль и выслали въ передовомъ отрядѣ всѣхъ своихъ женщинъ... Съ воплемъ и крикомъ, отчаянно бросились послѣднія на изумленныхъ чеченцевъ, смяли первую ихъ линію и, къ довершенію своего необыкновеннаго подвига, вырвали изъ толпы враговъ муллу Асафара, и при громкихъ кликахъ восторга, на рукахъ внесли его въ Айбугъ... Повѣсить! растерзать его! ревѣла толпа айбугцевъ, готовая исполнить свое намѣреніе, въ то время, какъ чеченцы, умирая на кивжалахъ абазеховъ, истощали все свое мужество и отчаянную храбрость, желая выручить предводителя. Къ нимъ каждое мно-

веніе прибывали отряды абазеховъ. Айбугцы, выдерживая быстрый напоръ враговъ, подъ пѣсни своихъ бардовъ, воспѣвавшихъ доблесть женщинъ, — уже накинули позорную петлю на шею муллы Асафара.... Потерявъ всякую надежду на избавленіе, Мулла рѣшился пожертвовать своею славою и вилами Шихъ Мансура. — «Остановитесь!» вскричалъ онъ, разодравъ свою верхнюю одежду и бросивъ ее въ толпу чеченцевъ, что было знакомъ мира.... Въ тоже мгновеніе смолкла перестрѣлка, враги разошлись, и только въ нѣкоторыхъ еще мѣстахъ длилась ожесточенная битва, поддерживаемая рукопашнымъ поединкомъ. Асафаръ обратился тогда къ Гачь-Агару, наказыль тьму лести его сподвижникамъ, расположивъ ихъ тѣмъ нѣсколько въ свою пользу. Потомъ далъ понять айбугцамъ, что смерть его не можетъ остаться не отмщенною, и что если они успеютъ завалить всѣ свои овраги и пропасти тѣлами его дружины, то нѣтъ сомнѣнія, что на мѣсто ея явится другая и, наконецъ третья. — «Аллахъ еще милостивъ къ вамъ, добавилъ онъ.... Не хочу проливать кровь храбрыхъ.... Но, чтобы знать, кто правъ, кто виноватъ изъ насъ въ этой враждѣ, рѣшимъ споръ поединкомъ.... Пусть изъ каждой враждующей стороны явится по одному смѣлому и ловкому наѣзднику.... Пусть сразятся они и тогда побѣдившій скажетъ врагамъ своимъ: — Кровь братій и отцевъ вашихъ, пролитая вами, да обратится въ море огня джехенгема для васъ!...»

— Согласенъ, отвѣчалъ старый Гачь-Агаръ, но мои одноаульцы, всѣ до одного изранены, а изъ твоей дружины легко найти бодрого и мало бывшаго въ дѣлѣ наѣздника, слѣдовательно бой будетъ неравенъ и мы проигрываемъ.... Не лучше-ли рѣшить споръ поединкомъ соколовъ?

Предложеніе было принято и вѣсть о договорѣ быстро пробѣжала по рядамъ осаждавшихъ.

Солнце Абхазіи уже тонуло за вершинами громаднхъ скалъ, бросая на косогоры далекія тѣни сосенъ, какъ два красивыхъ сокола, спущенные съ рукъ старшины и муллы, стрѣлою понеслись за дикимъ голубемъ.... Соколъ Асафара, отмѣченный серебряною цѣпочкою, привязанною къ его шеѣ, первый достигъ свою жертву, но противникъ его не медлилъ, и опсавъ надъ нимъ быстрый кругъ, съ визгомъ ударилъ его широкимъ крыломъ своимъ, такъ ловко и сильно, что перья и пухъ посыпались изъ

последняго.... Минута была рѣшительная.... Теперь соколъ Асафара, бросивъ свою жертву, закрутилъ около врага, стараясь подняться выше его и нанести ему ударъ острымъ клювомъ.... Но перватый герой Айбуга, уступая по видимому въ величинѣ и силѣ соколу Асафара, не уступалъ ему въ ловкости и хитрости. Быстрыми зигзаками и смѣлыми поворотами онъ каждое мгновение обманывалъ врага, изготавивъ страшныя когти.... Нетерпѣливый Гачь-Агаръ, зная смѣтливость своего сокола, рѣшился на отчаянную попытку, которая должна была непременно и скоро окончить поединокъ.... Въ ту минуту, какъ соколы довольно низко спустились надъ ауломъ, онъ приказалъ въ средину ихъ бросить молодого орленка.... Забывая ратоборство, горячій и молодой соколъ Асафара бросился за орломъ, и не прошло мгновенія, какъ онъ былъ уже въ когтяхъ своего противника... Тяжело размахивая крыльями и едва удерживая свою жертву, соколъ Гачь-Агара, при радостныхъ кликахъ айбугцевъ, опустился на ближнюю скалу, и растерзалъ противника. Споръ былъ рѣшенъ. Пристыженные Абазехи, друзья Асафара, тутъ-же измѣнили ему, перешли на сторону айбугцевъ и вѣрно бы повѣсили Асафара, если-бы честный и великодушный Гачь-Агаръ, не защитилъ врага своего.

Приятною и любимую охотою, между горцами считается охота на медвѣдей и кабановъ. Выслѣдить звѣря Абазехи всегда отправляются партіями, отъ трехъ до пяти человекъ, но въ первую минуту его появленія, на битву выходитъ только одинъ, много два: прочіе охотники остаются зрителями, готовыми, въ случаѣ нужды, всегда подать помощь товарищу. Борьба съ медвѣдемъ у нихъ считается дѣломъ легкимъ и обыкновеннымъ, потому что звѣря нельзя раздражить скоро, а главное, его медленность въ движеніяхъ даетъ часто опытному охотнику время изготавиться къ ратоборству.... На медвѣда Абазехи всегда выходятъ вооруженные только однимъ кинжаломъ и рѣдко остаются побѣжденными. Охота-же на кабана, какъ требующая болѣе смѣлости, опыта и снаровки, имѣетъ только своихъ привилегированныхъ джигитовъ, и не всякій горецъ рѣшится выслѣдить кабана съ одною шашкою, какъ это вообще дѣлается. Кровожадность, свирѣпость и быстрота, съ которою бросается кабанъ на своего противника, изумительны и ужасны. Надо владѣть всею дерзостію

горца, всею его мужествомъ, силою и проворствомъ, чтобы въ первую минуту встрѣчи со звѣремъ, увернуться изъ подъ его острыхъ клыковъ и, не дѣлая ни одного шага назадъ, тутъ-же нанести ему ударъ вѣрный и рѣшительный, иначе никакая помощь не спасаетъ охотника.

Множество сказокъ и пѣсенъ сложили горные Абазехи про Цебельдинскаго охотника Кудри-Али, который всю жизнь свою, почти съ младенческаго возраста, провелъ въ лѣсахъ и дебряхъ Абхазіи, гоняясь за медвѣдями и волками, или просиживая цѣлые дни и ночи въ топкихъ рѣчныхъ болотахъ и выжидая тамъ кабановъ. Случалось, что онъ заходилъ иногда и въ аулы, но рѣшительно только для того, чтобы показать свое безстрашіе, искусство и ловкость. Часто ввиду цѣлаго селенія, по случаю какого нибудь торжества или праздника, Кудри-Али за пять абазовъ потѣшалъ горцевъ кабаньими или медвѣжьими травлями, гдѣ жертвою для пойманныхъ въ капканы звѣрей былъ онъ самъ.— Разсказываютъ, что однажды въ праздникъ Мизитхи, въ долинѣ Адзгара падъ безъимянною рѣкою онъ одинъ, вооруженный только княжаломъ, положилъ на мѣстѣ семь дикихъ кабановъ и медвѣдя. Съ тѣхъ поръ безъимянная рѣка носитъ названіе Кудри-Али. И вотъ какъ погибъ славный охотникъ. Кочуя изъ страны въ другую, Кудри-Али, самъ не зная какъ, однажды забрелъ въ Аварію.... Время подходило къ ночи. Охотникъ прошелъ два, три нагорныхъ аула и, встрѣчая одни только голыя скалы, готовъ былъ заплакать отъ дасады, лишенный въ первый разъ въ жизни ночлега подъ дубомъ или полувѣковой чинарою.... Какъ вдругъ, къ большому и неожиданному его удовольствію, вправо, за небольшою рѣчкою, мелькнули развалины зѣмка, а за ними черныи и косматый боръ. И сегодня я также, подумалъ Кудри Али, какъ и всегда сладко усну подъ напѣвы шакалокъ и рѣвъ медвѣдя.... Съ этими мыслями охотникъ снялъ съ себя бурку и чекмень, вскинулъ ихъ на конецъ винтовки, а ее на плечо и, напѣвая одну изъ своихъ браконьерскихъ мелодій, пустился въ бродъ черезъ рѣчку.... Окруженный непроницаемою тьмою, Кудри-Али достигъ наконецъ развалинъ зѣмка.... и остолбенѣлъ отъ удовольствія. Въ окнахъ подвального этажа развалинъ блеснулъ огонь, тутъ же слышались говоръ, дребезжаніе зурнъ и пѣсни. Кудри-Али подошелъ къ окну и снова улыбнулся отъ удовольствія, поймавъ по-

сомъ струйку табачнаго дыма и запахъ вареной баранины. Нѣтъ сомнѣнiя, подумаль онъ, что это пируютъ или охотники, или почные воры, которыхъ мы, горцы, зовемъ храбрыми наѣздниками, а люди, немножко почестивѣ насъ—хищниками.... Во всякомъ случаѣ, встрѣча прiятная и для меня назидательная!... Не долго думаль Кудри-Али: вскарабкался, какъ кошка на окно, и прыгнулъ въ самую средину пирующихъ.

— Шайтанъ или его посланникъ! вскричали изумленные горцы, при видѣ гостя, и схватились за свои кинжалы....

— Ни тотъ, ни другой, весело отвѣчалъ Кудри-Али, не забывая повторить ихъ непрiязненнаго движенiя....

— Откуда ты?

— Изъ окна....

— Видѣли.... Но вѣрно у тебя есть имя, если только тебя мать родила, а не волчица.... Кто ты?

— Я.... Кудри-Али.... падишахъ всехъ адигскихъ и абезскихъ лѣсовъ....

— Кудри-Али?... Изъ Абазiи! вскричалъ одинъ старый горецъ.... Не тотъ-ли Кудри-Али, который лѣтъ семь тому назадъ потѣшалъ нашего хана, въ Хунзахѣ, кабаньею травлею....

— А.... ты меня знаешь.... Ба! ба! старый знакомый, Али-Искеръ!... Коли не ошибаюсь, ханскiй нукеръ и старшина всехъ ханскихъ собакъ....

— Эге, да позолотятся твои зюльфары, если вздумаешь отроить ихъ... Черезъ семь лѣтъ узналъ меня, какъ свою винтовку.... не смотря на то, что я окривѣлъ на старости лѣтъ.... Садись-же, прiятель.... кетати пришелъ.... Вотъ тебѣ бурдюкъ кахетинскаго и кусокъ кабана, котораго мы подстрѣлили сегодня.... Право, кетати, продолжалъ старый Али-Искеръ, ты намъ можешь въ важномъ дѣлѣ.... Три дня и три ночи, какъ мы гоняемся по ханскому приказу за тигрицею, безъ шкуры которой не велѣно и въ аулъ показываться....

При этомъ кусокъ шашлыка остановился въ горлѣ Кудри-Али.... Онъ задрожаль отъ восторга....

— Тигрица! вскричалъ абазехъ.... гдѣ?

— Здѣсь, вотъ въ этомъ лѣсу.... и слѣдъ нашли, да все уходитъ, а ужъ надо-бы уложить ее.... Что-же ты не ѣшь? Клянусь всею хиною, которую извела на своемъ вѣку моя бабушка,

отъ такого кабана не отказался - бы и жидъ съ вершинъ Фартама.... Право....

— Не хочу.... сытъ, отвѣчалъ абазехъ.... Гдѣ моя винтовка? продолжалъ онъ, накинувъ на себя бурку.

— Эге.... куда это ты?

— На тигрицу....

— Ночью, и одинъ? Подожди разсвѣта, пойдемъ все вмѣстѣ.... понадежныѣ будетъ....

— Не хочу ждать.... Хотите, идемъ сейчасъ, а ужъ тигрицы не уступлю вамъ.

Аварцы не спорили, и Кудри-Али, распросивъ только примѣты, по которымъ можно было открыть слѣдъ звѣря, отправился одинъ на отчанный поискъ....

Вой шакаловъ, пронзительный плачь ночнаго филина, да рѣзскій вѣтеръ встрѣтили въ мрачномъ и едва проходимомъ лѣсу охотника. Привычный къ такимъ сценамъ, которыя отняли-бы все мужество и смѣлость у всякаго храбреца, Кудри-Али безпечно подавался впередъ, сбрасывая съ себя то жабъ, то мелкихъ змѣй или стегая пагайкою неучтивыхъ шакаловъ. Время проходило быстро, а Кудри-Али брелъ, самъ не зная куда. Бурка и чекмень его уже были изодраны въ клочья.... Онъ потерялъ кабардинку и, истощая послѣднія усилія, измученный и усталый, едва передвигалъ окровавленные ноги. Наконецъ, усталость побѣдила чувствуя все свое истощеніе, мучимый жаждою, онъ отыскалъ какую-то землянку, болѣе похожую на глубокой ровъ и ползкомъ спустился въ нее.... Осмотрѣвъ пистолеты и переѣбнивъ на одномъ изъ нихъ кремень, Кудри-Али, на всякій случай, взвелъ курокъ пистолета и не выпуская его изъ руки.... скоро задремалъ и заснулъ....

Лѣсъ проснулся.... Бѣлки и дикія кошки запрыгали по его вѣтвямъ, весело зачирикали пташки, встрѣчая прекрасное утро аварской весны.... И блѣдный свѣтъ, пробившись сквозь чашу чинаръ и дуба, упалъ сѣроватою тѣнью на оврагъ, въ которомъ спалъ безпечный Кудри-Али....

Но вотъ онъ проснулся.... И сердце его, быть можетъ въ первый разъ, облилось холодною кровью минутной боязни.... Врагъ, котораго онъ искалъ цѣлую ночь, забывшись своимъ страшнымъ сномъ, лежалъ подлѣ него, положивъ переднюю лапу на плечо

охотника... Кудри-Али понялъ, что настала послѣдній часть его и кровавымъ взглядомъ окинулъ закраины оврага... Тамъ блестяли восемь винтовокъ, почти уставленные въ его голову....

— Стрѣлять ли?... прошепталъ Али-Искеръ.

— Кудри-Али нахмурилъ брови и быстро повелъ глазами, какъ-бы говоря этимъ: жди. Съ этимъ послѣднимъ и едва замѣтнымъ движеніемъ, онъ медленно и осторожно придвинулъ дуло пистолета къ уху тигрицы.... и брякнулъ куркомъ. Раненный звѣрь не успѣлъ еще очнуться, какъ ловкій Кудри-Али, въ два прыжка достигъ закраины оврага и изготовилъ кинжалъ. Стрѣлай! вскричалъ Али-Искеръ.... Но уже было поздно.... Прыжокъ, и тигрица, свившись кольцомъ, поднялась надъ головами охотниковъ, рухнувъ всею тяжестію на абазеха.... Сотня ударовъ посыпалась на разъяренного звѣря, но не прошло и мгновенія, какъ уже подъ нимъ лежалъ истерзанный и обезображенный трупъ славнаго Кудри-Али....

Похищать людей украдкою, въ мирное время, или подъ видомъ баранты, даже и у близкихъ сосѣдей, между всеми горцами Кавказа считалось всегда за молодечество, дававшее право на жизнь и свободу похищеннаго ясыря.—На основаніи этого челоѣколюбиваго права плѣнникъ тотчасъ переходилъ изъ рукъ въ руки, отъ владѣльца къ другому, продаваемый сначала за винтовку или кинжалъ, потомъ за нѣсколько патроновъ пороху или кусокъ холста и наконецъ попадалъ въ руки расчетливаго еврея или армянина и, въ числѣ сотни подобныхъ ему несчастливцевъ, приводился на рынки: Анапы, Кадосы, Изгаура, Сугумъ-Кале, Поти и Батумы. Тутъ плѣнные скупались гуртомъ турецкими купцами, и, заключенные въ душный трюмъ и грязную палубу кочермы, перевозились для выгоднаго сбыту въ Египетъ, Константинополь и Левантскіе порты. Въ первомъ, красивые и статные горцы продавались египетскимъ деямъ, у которыхъ они пополняли славное въ свое время войско мамелюковъ. Горянки, болѣею частью, были продаваемы на рынкахъ и базарахъ Константинополя, откуда за дорогую цѣну переходили въ гаремы знатныхъ и богатыхъ турокъ. Абазехи, какъ болѣе приближенные къ мѣсту сбыта своихъ ясырей, едва-ли не слыли лѣтъ за сорокъ предъ симъ самыми страшными и опасными хищниками по всему

падному Кавказу, безпрестанно налетая шайками, то на Мингрелію и Имеретію, то вторгаясь въ земли закубанскихъ черкесовъ. На востокъ, въ свою очередь, грозою Грузіи и Кахетіи были хищные лезгинны; но отдаленныя отъ Чернаго моря, какъ отъ главнаго мѣста сбыта плѣнныхъ, они раздѣлили ремесло на двѣ общины, изъ которыхъ одна — грабила, другая — покупала. Для этой цѣли у нихъ учреждены были два сборныя мѣста, или двѣ ярмарки. Одна въ деревнѣ Ендери (Аксаевской области), а другая въ Джаряхъ (въ Лезгинстанѣ). Изъ Ендери скованныхъ плѣнниковъ проводили большими партіями, скрытыми тропинками, по едва протореннымъ стежкамъ, избѣгая русскихъ постовъ, черезъ земли чеченцевъ, винушей и черкесовъ, до Анапы. Иногда эти караваны отправлялись черезъ Куманскую и Кубанскую степи въ Крымъ, а оттуда въ Константинополь. Но теперь эту дорогу загородилъ русскій штыкъ. За женщинами, во время пути, имѣлся особый присмотръ. Имъ давались даже ослы и лошади. Изъ Джарь, также скрытными путями, плѣнные проводились, едва проходимыми лѣсами и ущельями, до Ахалцыха; а оттуда къ черноморскимъ пристанямъ на Пати и Батумъ.

Со времени занятія русскими войсками Грузіи, черноморской береговой линіи и съ появленія у Абхазскихъ береговъ Сухумскаго отряда нашихъ крейсировъ, торгъ плѣнными встрѣтилъ сильныя препятствія и постепенно сталъ уменьшаться. Теперь только одна Абхазія еще сбываетъ своихъ красавицъ за порохъ и оружіе, но рѣдко, очень рѣдко удается турецкимъ контрабандистамъ ускользнуть изъ виду зоркихъ моряковъ.

Были плѣнники, которымъ свѣтила счастливая звѣзда... Такъ напримѣръ, султанъ египетскій Баркокъ, основавшій въ 1382 г., вторую династію мамелюковъ, подъ именемъ Бергиты или Черкасы, былъ простой, плѣнный черкесъ. Онъ былъ проданъ въ неволю роднымъ отцемъ.

Вотъ другой примѣръ, основанный на историческомъ фактѣ, который я представляю здѣсь въ короткомъ разсказѣ:

17** г., въ одинъ изъ жаркихъ іюльскихъ дней, лѣвымъ и песчанымъ берегомъ Псифо, два тощихъ вола ташили вѣтхую арбу. Измученныя животныя, почти спаленныя полдневнымъ солнцемъ, понурявъ рогатую голову и глубокомысленно чавкая жвачку, ка-

задось, сдѣлавъ еще вѣсколько шаговъ, готовы были рухнуть на мѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ зной былъ нестерпимъ.... Кругомъ, въ необозримой Натухайской степи, царствовало могильное спокойствіе; казалось, все живое замерло подъ гнетомъ зноя и только одинъ печальный и рѣзкій скрипъ арбы, изрѣдка заставляя вздрогнуть притаившагося въ прибрежномъ камышѣ степнаго журавля.

— Душно, жарко, Сейлема; сказалъ старій горець, управлявшій волами, обращаясь съ восклицаніемъ къ своей спутницѣ, молодой и красивой черкешенкѣ...

— А кто виноватъ, почти шопотомъ отвѣчала дѣвушка.... За чѣмъ не переждалъ у кувака полдня, для чего въ такую пору, когда добрый черкешъ я ясыря, хоть будь онъ даже гяуръ, пожалѣетъ выгнать изъ сакли, ты пустился въ дорогу?

— Тс.... Сейлема, не упрекай меня, у меня свои расчеты.... На нашихъ изморенныхъ волахъ, сама видишь, скоро и далеко не уѣдешь, а мнѣ чрезъ три дня должно быть въ Анапѣ, чтобы застать тамъ караванъ Гассана или догнать его на дорогѣ....

При имени турецкаго купца Гассана, дѣвушка, съ худо скрываемымъ испугомъ, устала на отца свои большіе, черные глаза....

Старикъ смѣшался и, избѣгая взгляда дочери, закрутилъ бичемъ надъ волами....

— А.... понимаю.... простонала Сейлема и невыдержанныя слезы брызнули изъ глазъ ея.... Въ нѣмой тоскѣ, съ глухимъ рыданіемъ, дѣвушка закрыла лицо свое руками и припала къ плечу отца....

— Пропадай ты, женская догадка, — шепталъ послѣдній, не находя въ первую минуту словъ въ утѣшеніе дочери.... Я не сказалъ еще ни слова, а она ужъ.... Сейлема, Сейлема! я тебя спрашиваю, кто научилъ тебя плакать при имени Гассана? сказалъ онъ....

— Отецъ!... Отецъ! вскричала дѣвушка, обвивъ своими нѣжными руками шею старика.... Не продавай меня.... О, не продавай!...

— Эге.... такъ ты....

— Я все знаю, я поняла твои желанія.... Но пощади меня, какъ кровь свою!...

— Дуракъ, дуракъ Атажукъ, шепталъ старикъ, не давай дѣв-

ченкѣ царапать твоего сердца... Сейлема, продолжалъ онъ, переставъ плакать. Ужъ если ты догадалась, такъ я тебѣ скажу, что тутъ.... и старикъ замылся. Слезы и нѣмая, но тяжелая тоска дочери, разбередили его черствое сердце....

— Отецъ, ради праха отца твоего, воротись въ родной аулъ... оставь меня у груди твоей, у твоего сердца.... Не пугайся бѣдности.... Я.... я все буду для тебя... День и ночь въ трудѣ, въ тяжкомъ трудѣ, я сгублю красоту свою, силу, молодость, но сберегу твою старость....

— Сейлема.... что задумано, то сдѣлано, отвѣчалъ старикъ. Съ твоей-ли красотой, съ твоимъ-ли легкимъ станомъ, съ твоими-ли зарницею-глазами, гибнуть и умирать надъ черствымъ нищенскимъ чурекомъ въ горахъ нашихъ? Нѣтъ! пусть моя Сейлема будетъ первою одалыкою султанскаго гарема, первою мыслию души властителя правовѣрныхъ.... Пусть шелкъ и парча обовѣтъ твой станъ, пусть сто дѣвъ, рабынь твоихъ, расплетутъ и заплетутъ твою шелковую косу.... Сейлема, послушай отца.... Лучше жемчужныя цѣпи, чѣмъ горькія слезы свободы... пропадай онъ! Такъ.... такъ, не говори мнѣ о разлукѣ.... день, два.... а тамъ цвѣты, лютня.... горы сладостей.... сотня рабовъ, груди жемчугу и алмазовъ.... и... видишь-ли.... ты начинаешь улыбаться!...

Дѣвушка тяжело вздохнула и опустила на грудь голову, въ ту минуту, какъ старый Атажукъ, завидѣвъ въ полуверстѣ отъ себя караванъ Гассана, съ крикомъ, — вотъ онъ! погналъ воловъ....

Караванъ купца раскидывалъ палатки, переводя въ нихъ своихъ плѣвицъ изъ душныхъ и неуклюжихъ кузововъ, сплетѣнныхъ изъ камыша въ видѣ корзины, въ то время, какъ горецъ остановилъ своихъ воловъ подлѣ палатки Гассана.

Веселою и радостною улыбкою встрѣтилъ купецъ своихъ гостей.

— Алейкюмъ-саламъ, сказалъ онъ, положивъ на сердце правую руку.

— Саламъ-алеикюмъ, отвѣчалъ горецъ на обычное прिवѣтствіе.... Я сдержалъ слово, продолжалъ онъ, указывая на дочь....

— Вижу, вижу.... красавица.... чудо.... ростъ.... станъ... глаза.... Покрой-же, сердце мое, ее скорѣе чадрую.... видишь солнце.... можетъ загорѣть она.... Вотъ товаръ, такъ товаръ.... стоитъ злата....

Сейлема, дрожа всѣми членами, не могла произнести ни одного звука и только помутившійся взоръ ея высказывалъ все страшное состояніе уязвленной, растерзанной души.

По знаку Гассана двѣ черныя дѣвушки, закутавъ Сейлему въ чадру, увели ее въ особую палатку, прежде, чѣмъ она успѣла бросить прощальный взглядъ на отца....

Прошло пять лѣтъ. Старый Атажукъ раскидалъ по свѣту золото, вырученное за красавицу дочь, и почти въ лохмотьяхъ нищаго, исправляя въ караванъ-сераяхъ и кофейняхъ должность масальджи или сказочника, бродилъ по улицамъ Константинополя. Съ нуждою всегда являются воспоминанія минувшаго и мысль о Сейлемѣ сдѣлалась неисходною его мыслию.... Сердце болѣло въ груди его о ней и о той страшной минутѣ, когда даже, не сказавъ прости дочери, онъ отказалъ ея слезамъ, промѣнявъ родную ласку на золото. Хотя бы одинъ разъ взглянуть на нее, часто думалъ старикъ, полюбоваться ея счастіемъ, если она счастлива, и я бы умеръ спокойно. Кому продана Сейлема, и гдѣ она, этого не могъ узнать Атажукъ, потому, что Гассана уже не было видно на базарахъ.

Наступилъ апрѣль, а съ нимъ вмѣстѣ и праздникъ Тюльпана, обыкновенно отправляемый каждую весну въ сералѣ. Въ этотъ день на дворѣ серала строится деревянная галерея, подъ крышею которой, на фигурныхъ лавкахъ, ставятся амфитеатромъ роскошныя вазы и карфины съ тюльпанами. Надъ ними возвышаются великолѣпныя клѣтки съ султанскими канарейками и хрустальные шары, налитые разноцвѣтными водами. Галерея, пирамиды, башенки и все строеніе, окружающее дворъ, бываютъ убраны также цвѣтами и плошками, что дѣлаетъ видъ чрезвычайно пріятный. Среди двора раскидывается султанскій шатеръ, предъ которымъ раскладываютъ подарки, присылаемые отъ вельможъ и назначаемые женщинамъ серала, которыя въ пышныхъ и роскошныхъ своихъ нарядахъ становятся между цвѣтами, подъ напѣвъ своихъ страстныхъ и мелодическихъ пѣсень.

Вмѣстѣ съ толпами народа, бросившагося хоть позѣвать на ворота серала, пришелъ на праздникъ и Атажукъ.... Смѣлый и безпечный, какъ горецъ, онъ неудовольствовался постоять влѣдъ праздника и, подстрѣкаемый мыслию увидѣть между султанскими женщинами дочь свою, старикъ ловко успѣлъ проскользнуть

между рядами янычаръ, и пробрался на дворъ.... Но здѣсь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ шатра первой султанши, янычары за мѣтили дерзкаго горца и бросились на него....

На первый вопросъ, сдѣланный Атажуку, онъ не отвѣчалъ и двинулся впередъ.... Тогда его схватили.... Атажукъ не давался и завязалъ страшный споръ....

— Покажите дочь мою! кричалъ иступленный старикъ, я хочу ее видѣть! На шумъ явился Кизларъ-ага, и по его слову янычары скрутили Атажука.... Въ ту же минуту Кизларъ-Агу позвали къ первой султаншѣ.... Старика вывели къ наружной стѣнѣ серая и, при громкомъ смѣхѣ толпы, втолкнули въ караульню.

Какъ безумный опустился на лавку Атажукъ, уставивъ без-мысленный взоръ на караульнаго янычара...

— Что я сдѣлалъ? спросилъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, какъ-бы стараясь привести себѣ на память минувшее.

— Грозился книжломъ и ругался, какъ пьяный, отвѣчалъ съ усмѣшкою янычаръ....

— Гмъ!... Ну, а что же теперь мнѣ сдѣлають?

— Отрѣжутъ языкъ, чтобы ты не ругался, и отрубятъ руку, чтобы не грозилъ....

— Отрѣжутъ.... и отрубятъ, повторилъ въ раздумьи Атажукъ.... О, я позволилъ-бы отрѣзать и другую руку за одинъ только взглядъ на мою Сейлему! сказалъ съ тяжелымъ вздохомъ старикъ.

— Не хлопочи, товарищъ, подхватилъ съ новою усмѣшкою янычаръ, позволенія твоего на это не спросятъ.... Вотъ сейчасъ увидишь.... Кажется, къ тебѣ на расправу идетъ самъ Кизларъ-ага.

Караульный не успѣлъ еще кончить словъ своихъ, какъ загремѣлъ запоръ дверей и на порогѣ ихъ показался Кизларъ-ага, сопровождаемый тремя черными.

— Ты ли взять за шумъ на дворѣ серая? спросилъ начальникъ султанскаго гарема, обращаясь къ Атажуку.

— Я, твердо отвѣчалъ послѣдній.

— Иди за мною.

— Ну, одной буйной головой меньше будетъ, подумалъ янычаръ, запирая двери и располагаясь вздремнуть на просторѣ....

Окруженный черными и слѣдуя за Кизларъ-Агою, старикъ, миновавъ блестящій изумрудами огней дворъ серая и пройдя садъ гарема, вступилъ въ роскошно-освѣщенный кіоскъ, въ которомъ,

при серебряномъ шумѣ фонтана, слышался веселый пацѣвъ лютни.

— Вотъ онъ, солнце свѣта,—сказалъ Кызларъ ага, выдвигая впередъ горца и обращаясь къ статной и красивой одалыкѣ.

Атажукъ поднялъ глаза на султаншу, и съ воплемъ: Сейлема!... дочь моя! упалъ къ ногамъ ея....

Дѣйствительно, султанша Валиде, мать турецкаго султана, Селима III, была черкешенка, дочь простаго закубанскаго горца Атажука.

В. САВИНОВЪ.

ИТАЛЬЯНСКІЕ ИМПРОВИЗАТОРЫ.

Племя итальянскихъ импровизаторовъ, когда-то столь обильное, исчезло теперь совершенно. Какая-бы ни была тому причина, утомленіе-ли умовъ или расположеніе къ болѣе серьезнымъ занятіямъ, только теперь не видно уже прежнихъ народныхъ поэтовъ Италіи, которые, бывало, сберутъ вокругъ себя толпу, выпросятъ себѣ тему, призадумаются на минуту, потомъ, съ сверкающими глазами, откинувъ волосы назадъ, съ одушевленнымъ лицомъ, какъ древніе барды, хлынутъ потокомъ мысли, чувствъ и картинъ, потокомъ, изливающимся въ безчисленныхъ струяхъ звучныхъ, гармоническихъ стиховъ. Поэтическая импровизація, этотъ роскошный цвѣтокъ юга, который могъ только развиваться подъ яснымъ небомъ Флоренціи и Рима, увялъ навсегда. Здѣсь, замѣтимъ кстати, что всѣ почти импровизаторы были родомъ изъ Тосканы или изъ Венеціанскихъ владѣній, преимущественно изъ Сіены, или Вероны.

Теперь, быть можетъ, настоящая пора бросить внимательный взглядъ на минувшій и отжившій вѣкъ импровизаціи, и дать себѣ отчетъ: должно-ли жалѣть объ немъ, или оставаться равнодушнымъ къ его паденію и такимъ образомъ проститься съ этою наивною поэзією, которая переносила насъ въ тѣ минувшія времена, когда такъ называемый *языкъ боговъ*, былъ вдохновеніемъ, а не ремесломъ, какъ нынѣ.

Если вѣрить преданію, первые импровизаторы были современники Петрарки, который научилъ ихъ сопровождать свои пѣсни

звуками гитары, по примѣру провансальскихъ трубадуровъ и труверовъ. Тогда употребляли они въ своихъ импровизаціяхъ языкъ латинскій, единственный, которымъ говорили ученые и поэты; и конечно, вслушиваясь, какъ въ устахъ ихъ оживало угасшее воспоминаніе о величіи Рима, на языкѣ Виргиліевъ и Катулловъ, можно было подумать, что на голосъ этихъ новыхъ Амфіоновъ, древній Римъ цесарей возсоздается на развалинахъ Рима духовнаго. Древнѣйшій изъ импровизаторовъ былъ Серафано д'Аквила (около 1500 г.), состязавшійся славою съ самимъ Петраркою. Христофоро Флорентинскій, прозванный *выспреннѣйшимъ* (altissimo), Сорди, Аврелио Брандалини и братъ его Рафаэлю (все трое слѣпые), наконецъ, Бернардо Аккольти, прозванный *единственнымъ* (unico), принадлежатъ къ тому-же періоду. За ними въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка упоминаются еще имена: Николо Леоничено, Маріо Фимельзо, Паморилло Засси, Ипполито Феррарскій, Батиста Строчци, Перо, Николо Фринчюти, и Чезаро да-Фано. Но никто изъ нихъ не стяжалъ такой громкой извѣстности, какъ Бернардо Аккольти. Когда онъ намѣревался импровизировать публично, лавки закрывались, дѣла останавливались, народъ валлъ толпами, пѣшій и конный, изъ сосѣднихъ деревень и городовъ, и тѣснился вокругъ вдохновеннаго поэта, сначала безмолвный, неподвижный, потомъ съ глухимъ ропотомъ, какъ море, въ грудь котораго порхнулъ вѣтеръ.

Послѣ паденія греческой имперіи, ученые, избѣгая пожара константинопольскаго и меча Мухаммеда II, со всѣхъ сторонъ стекались въ Италію и, въ отплату за оказанное имъ гостепріимство, распространяли вкусъ къ своему языку, литературѣ и нѣкоторымъ обычаямъ, между которыми преимущественно былъ обычай украшать празднества пѣніемъ и импровизаціями. По смерти Льва X, импровизаторы оставили латинскій языкъ и приняли народный, освященный уже образцовыми произведеніями Боккачіо и Данте. Эта перемѣна языка естественно должна была увеличить число ихъ: мы упомянемъ здѣсь только о замѣчательнѣйшихъ между ними.

Первый по времени, а быть можетъ и по уму, былъ Сильвіо Антоніано, родившійся въ 1540 г., въ Римѣ, отъ бѣдныхъ родителей и возвысившійся своими талантами до кардинальскаго достоинства. Онъ считался ученымъ знаткомъ древнихъ языковъ

и славился свѣденіями во веѣхъ тогда существовавшихъ наукахъ. Современники, за импровизаторскій талантъ, прозвали его *Роеііно*. Рассказываютъ, что однажды вечеромъ, онъ импровизировалъ въ деревнѣ предъ многочисленнымъ обществомъ, и соловей, привлеченный мелодіею его голоса, перепархивая съ вѣтки на вѣтку, сѣлъ наконецъ на самое ближнее дерево, чтобы состязаться съ нимъ въ гармоніи. Это одушевило Антоніано новымъ энтузіазмомъ; онъ бросилъ тему, на которую импровизировалъ, обратился къ своему пернатому сопернику и изобразилъ пѣніе его въ такихъ очаровательныхъ, гармоническихъ и сильныхъ стихахъ, что слушатели были тронуты до слезъ, чувствуя себя перенесенными въ баснословный міръ древности, этою чудесною борьбою соловья и поэта.

Преемникъ его былъ кавалеръ *Пефретти* (1747 г.), обладавшій отличнымъ вкусомъ и чудесною памятью, такъ, что могъ говорить о каждомъ предметѣ мѣрнымъ языкомъ, и импровизировать отъ пяти до шестисотъ стиховъ, отличавшихся красотою и силою. Во время импровизаціи онъ имѣлъ видъ вдохновеннаго и обыкновенно при концѣ падалъ безъ чувствъ, полумертвый. Любимѣйшій метръ его была октава; онъ обыкновенно пѣлъ свои стихи, чтобы имѣть возможность сбираться съ мыслями и вѣрнѣе соблюдать мѣру, при чемъ аккомпанировали ему на гитарѣ. *Бенедиктъ XIII* удостоилъ его чести триумфа, который тогда не былъ еще обезславленъ незаслуженнымъ обращеніемъ на людей недостойныхъ; — ибо лавръ *Капитолія* въ то время украшалъ только чело *Петрарки* и гробъ *Тасса*. вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ онъ право римскаго гражданства и дозволеніе прибавить лавровый вѣнокъ къ своему гербу.

Метастазіо, въ своей юности, показалъ опыты рѣдкаго таланта импровизаціи; но они стоили ему чрезвычайнаго напряженія и почти сверхъ-естественныхъ усилій. Черезъ нѣсколько минутъ онъ впадалъ въ совершенное изнеможеніе, такъ, что надо было приводить его въ чувство сильнѣйшими средствами, и онъ возвращалъ свои силы не прежде, какъ проведя въ постелѣ цѣлыя сутки. Чтобы сохранить жизнь свою, онъ долженъ былъ бросить это опасное искусство.

Доселѣ исчисляли мы только мужчинъ, отличившихся искусствомъ импровизаціи; но оно въ равной степени было удѣломъ

и женщинъ, которыхъ гибкій оргацъ и чувствительная душа, какъ будто нарочно созданы для него. Квардія упоминаетъ о трехъ древнѣйшихъ импровизаторкахъ: Чячили Микели, изъ Венеціи, Джіованнѣ де-Сантѣ, и о Барбарѣ Корреджіо. Италія съ гордостію повторяетъ имена Коринны Бандеттини, родившейся 1756 г., въ Луккѣ и прозванной этрурскою Амариллою*, Фантастичи, Маццей; послѣдняя превосходила всѣхъ гармоніею стиховъ и невѣроятною плодovitостію воображенія.

Въ позднѣйшія времена, славилсь: Зукко, Джіоски и Зарпччи. Послѣдній родился въ Ареццо и вышелъ на сцену въ 1816 году, во Флоренціи. Въ Парижѣ, онъ импровизировалъ съ большимъ успѣхомъ трагедію: Миссолунги (1826 г.), а за импровизацію во Флоренціи, трагедія же: «Смерть Маріи Стуртъ», возведенъ въ дворянское достоинство.

Но всѣ эти послѣдніе отблески умирающей поэзіи, подобно духамъ, пришлецамъ другихъ вѣковъ и другаго міра, только изумляли свою отчизну, находя въ ней болѣе дивящихся, чѣмъ подражающихъ; они, какъ послѣдніе жрецы огня, тщились всѣми силами сберечь умирающія его искры, которыя съ ихъ смертію должны были угаснуть непременно, по недостатку питанія.

Довольно этихъ славныхъ именъ, которыя носятя по Италіи изъ конца въ конецъ еще и донынѣ. Но грустно взглянуть на ихъ неппрочную славу, а она должна быть такова для импровизатора. Сравнивая мракъ, въ которомъ они погружены теперь, съ тѣмъ блескомъ, которымъ вѣкогда пользовались, нельзя не пожалѣть о непрочности этой славы. Тысячи импровизаторовъ слѣдовали другъ за другомъ въ Италіи, послѣ возраженія наукъ; и безпамятная, неблагодарная отчизна, не сохранила почти ни одного изъ ихъ произведеній. Впрочемъ, импровизаторы сами сознаются, что ихъ творенія не заслуживаютъ печати и чтенія. Таково мнѣніе самаго Перфетти, и это истина. Критика, вооруженная апотомическимъ ножемъ, не имѣетъ никакой силы надъ этими легкими созданіями, которыя, какъ мыльные пузыри, сверкая яркими, пестрыми цвѣтами, разлетаются при малѣйшемъ прикосновеніи. Импровизаторы имѣютъ нужду въ слушателяхъ съ страда-

* Она импровизировала оду на побѣды Суворова въ Италіи, которая съ двумя другими напечатана въ Луккѣ, 1814 года.

тельно-напряженнымъ вниманіемъ, которые, подобно имъ самимъ увлекались-бы, которые сами спѣшили-бы на встрѣчу мыслямъ и чувствованіямъ, имъ сообщаемымъ. Каждое слово ихъ должно, какъ электрическая искра, передаваться вдругъ десятку тысячъ слушателей, и, чтобы произвести полное дѣйствіе, оно имѣетъ необходимую нужду въ единодушномъ одобреніи, мгновенномъ одушевленіи, игрѣ фязіономіи и жестовъ, живомъ очарованіи голоса... Отнимите у нихъ эти матеріальныя средства и вы убьете весь ихъ геній.

По нашему мнѣнію, только недостатокъ таланта бываетъ причиною того, что эти люди дѣлаются импровизаторами: они импровизируютъ потому, что не могутъ быть поэтами. Поэту внимаютъ его отечество, часто весь свѣтъ, его вѣкъ и вся будущность; на импровизатора дивятся, какъ на жирафа, или какъ на ученую собаку, изумляясь легкости, съ которою онъ подбираетъ римы, такъ какъ изумляются ярмарочному фиглярю, когда онъ выкидываетъ разные фокусы-покусы.

Извѣстно изреченіе Монти объ импровизаторѣ Джіанти, любимцѣ Наполеона, получившемъ отъ него титулъ императорскаго импровизатора: «Натура сдѣлала все, чтобы изъ него вышелъ великій поэтъ, сказалъ Монти; но Джіанти не хотѣлъ выполнить ея цѣли, онъ сдѣлался только импровизаторомъ.»

ВЗГЛЯДЪ НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ХАРЬКОВСКОЙ ТРУППЫ.

(Статья I-я.)

Давно уже статьи о харьковскомъ театрѣ не появляются въ печати. Что-же этому причиною? — Неужели театръ нашъ до того упалъ, что не заслуживаетъ вниманія гг. рецензентовъ? — О, вѣтъ, протестую противъ этого! Правда, въ судьбѣ его произошли немаловажныя перемѣны: въ статьѣ о немъ, вы, папримѣръ, не встрѣтите уже именъ ни г-жи Млотковской, ни г. Дранше, бывшихъ постоянными любимцами харьковской публики. Первая перешла на одесскую сцену, послѣдній умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ и въ полномъ развитіи прекраснаго, комическаго дарованія. Эти двѣ потери никогда ни, по-крайней-мѣрѣ, не скоро изгладятся изъ памяти харьковской публики. Мы не увидимъ *Офелии*, *Сусанны* и

Біанконелли, Вероники и Маргариты *, какова была г-жа Млотковская. Мы не увидимъ *Морковкина* и *Буки*, *Ягодкина*, *Наца* и *Грифьяка*, каковъ былъ г. Дранше. Лишились также мы и *Максимова*, занимавшаго амплау *jeune premier*: онъ тоже перешелъ на одесскую сцену. Многаго мы лишились, но все это еще не доказываетъ, чтобы у насъ не было артистовъ, достойныхъ вниманія.

Прежде, чѣмъ будемъ говорить о новыхъ лицахъ, поступившихъ на харьковскую сцену, перечислимъ имена и заслуги артистовъ, оставшихся на нашей сценѣ изъ прежней труппы. Начнемъ съ артистокъ.

Г-жа Федорова постояннымъ и умнымъ изученіемъ своихъ ролей заслуживаетъ, по справедливости, первенство. Въ сильныхъ драматическихъ характерахъ мы не знаемъ ей соперницъ. Въ роляхъ *Тизбы*, «*Елизаветы*, *Марины Мишкек*», *Маріи Стюартъ*, *Боярыни Морозовой*, *Софьи Витольдовны* — она прекрасна! Отчетливымъ и умнымъ выполненіемъ ролей, она покорила наконецъ предубѣжденіе, господствовавшее противъ нея въ публикѣ. Богатство, вкусъ и изящество въ костюмировкѣ также составляютъ отличительную черту этой артистки. За недостаткомъ хорошей водевильной актрисы, или иначе сказать: за отсутствіемъ г-жи Млотковской, она занимаетъ нѣкоторыя роли и въ водевиляхъ, но, по нашему мнѣнію, г-жа Федорова, изъ уваженія къ самой себѣ, не должна браться за нихъ, потому что ни нравственно, ни физически она нисколько не походитъ на легкихъ водевильныхъ героинь. Драма и высокая комедія — вотъ мѣсто, которое она съ честью можетъ занимать и не на провинціальной сценѣ. Словомъ, г-жа Федорова — наша Каратыгина!

Г-жа Ладина на роли комическихъ старухъ, свахъ, кумушекъ и нянюшекъ — актриса съ рѣдкимъ дарованіемъ. Сколько мы припомнимъ, то у г-жи Лединой не было достойныхъ соперницъ. Явилась было какая-то Гусева съ непремѣннымъ намѣреніемъ потягаться съ нею, уничтожить ее... насмѣшила насъ — и за добра ума убралась въ Калугу.

Г-жа Кравченкова. Какъ пріятно слѣдить за развитіемъ таланта и какъ, напротивъ, грустно видѣть, когда дарованіе, вмѣсто того,

* «Заколдованный принцъ». За эту роль г-жа Млотковская при первомъ представленіи вызвана была десять разъ. *Сог.*

чтобы съ лѣтами крѣпнуть, совершенствоваться — слабѣть, уничтожается!—Года три назадъ г-жа Кравченкова во многихъ роляхъ была хороша, а въ нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, *Микаэлы*, («*Дочь Карла Смьлаго*»), *Катерины* («*Венеціанская актриса*»), *Marii* («*Материнское благословеніе*»), она была и очень хороша. Съ нѣкоторыхъ-же поръ она и въ этихъ роляхъ неузнаваема. Прежде она увлекала, заставляла публику сочувствовать ея страданіямъ,—теперь-же эти страданія въ самомъ снисходительномъ зрителѣ поражаютъ невольную улыбку. Дивись, не понимаю, какъ можетъ опытная актриса дѣлать такіе промахи, какіе замѣтны въ г-жѣ Кравченковой. Даже въ произношеніи словъ она исключила изъ алфавита буквы *ш, ж, ч, щ*, и замѣнила ихъ *са, зе, це, сца*; такъ, вапримѣръ, вмѣсто *счастливая, мужъ, жена, чижикъ, шалунъ*, она произноситъ: *счастливая, музъ, жена, цижикъ, салунъ*, и проч.—Въ особенности-же въ роляхъ дамъ выешаго тона, это искаженіе словъ доводитъ она до звуковъ непонятныхъ! Отчего-же это происходитъ? — Неужели отъ ложнаго понятія, что шепелянье составляетъ необходимое условіе свѣтскаго обращенія и утонченности? Но въ этомъ могла-бы заблуждаться молодая актриса, а не актриса, прослужившая на сценѣ двадцать лѣтъ! — Да не подумаютъ опять, чтобы природа обочала ее этими буквами: нѣтъ — и въ доказательство г-жа Кравченкова ошибкой иногда промолвитъ слово правильно — и послѣ, какъ-бы спохватясь, вѣщимъ искаженіемъ старается поправить эту дѣльную ошибку. Не дѣлаетъ чести также этой актрисѣ, что она позволяетъ себѣ фамильярность съ публикой: не рѣдко, безъ всякой видимой причины, начинаетъ она хохотать, такъ, изъ одного кокетства; это бы ничего еще въ водевилѣ, но въ драмѣ, въ самыхъ патетическихъ сценахъ, какъ, напримѣръ, замѣтили мы за нею въ «*Старой Мызь*», когда г-жа Федорова, въ роли *Луизы*, превосходно читаетъ письмо отцу, письмо, избличающее *Луизу* въ проступкѣ.... когда сценическій эффектъ растрогиваетъ многихъ зрителей до слезъ.... Воля ваша: такую сцену охлаждать неумѣстными улыбками — походитъ на явный умыселъ ослабить впечатлѣніе, производимое прекраснымъ исполненіемъ другихъ дѣйствующихъ лицъ... Или недавно въ драмѣ «*Жизнь игрока*», исполняя роль *Амалии*, она хохотала въ самыхъ сильныхъ сценахъ: что было причиной ея хохоту — намъ неизвѣстно! Неуже-

ли положеніе несчастной *Амалии*, по ея понятіямъ, требовало этой, по вашему, неумѣстной и неприличной веселости!? Или, не думала ли г-жа Кравченкова, подъ личиной наивной шалуньи, скрыть свое безсиліе въ этой роли?... Какъ-бы то ни было, но, по нашему мнѣнію, это ничто иное, какъ неделикатное испытаніе терпѣнія снисходительной публики.. Но я ужъ слишкомъ распространился о г-жѣ Кравченковой; сознаюсь: увлекся желаніемъ ей исправленія, потому-что, повторяю, она не безъ дарованія!

Г-жа Толченова. Рецензенты, писавшіе объ этой актрисѣ, много повредили ей. Въ самомъ дѣлѣ, читая безпрерывно постоянные на нее нападки, могла ли извѣстная, менѣе образованная часть публики, не увлечься ими?... И велѣдствіе этихъ то печатныхъ приговоровъ пристрастныхъ судей, на г-жу Толченову стали смотрѣть у насъ съ какимъ-то предубѣжденіемъ, которое, однакожъ, волей могучаго времени и постояннымъ стараніемъ г-жи Толченовой, мало по-малу стало искорепляться. Наше мнѣніе объ этой актрисѣ таково: она не можетъ соперничать талантомъ ни съ г-жей Млотковской, ни съ г-жею Оедоровой, но все-же она актриса не лишняя, не только при современномъ состояніи харьковской труппы, бѣдной водевильными сюжетами, но не была-бы лишнею и при болѣе цвѣтущемъ ея положеніи. Наружность г-жи Толченовой привлекательна,—одѣвается она совкусомъ; не достаетъ въ ней только увѣренности въ самой себѣ; робость, естественно родившаяся подъ влияніемъ рецензій, и слабый голосъ лишаютъ ее средствъ исполнять роли такъ, какъ бы она могла: но за всемъ тѣмъ, большую часть занимаемыхъ ею ролей исполняетъ она вполне удовлетворительно; въ нѣкоторыхъ же, какъ, на примѣръ, *Мадлены* («*Что и деньги безъ ума*»), *Марины*, («*Сумбурица жена*»), «*Невпринной*» («*Полюбовная едѣлка*»), г-жа Толченова болѣе, чѣмъ хороша, — въ особенности-же въ роли *Марины*, гдѣ она заставляетъ забывать г-жу Кравченкову съ ея главною въ пьесѣ ролью.

Г-жа Соленикъ рѣдко появляется на сценѣ, впрочемъ она все занимаемая ею роли выполняетъ безукоризненно, а въ послѣднее время въ драмахъ «*Братья*» и «*Старая Мыза*,» въ первой *матери*, въ послѣдней *Леоны*, исполнила даже такъ, что заслужила единодушный вызовъ. Говоря о заслугахъ этой актрисы, нельзя умолчать о постоянно твердомъ знаніи ею ролей.

Г-жа Боброва занимаетъ роли втораго ампуа и не рѣдко бываетъ очень недурна. Не имѣя особенной манеры въ пѣніи, она владѣетъ прекраснымъ голосомъ, и иногда поетъ очень мило.

Изъ артистовъ поговоримъ о гг. Толченовѣ, Соленикѣ, Львовѣ, Бобровѣ, Прохоровѣ, и потомъ перейдемъ къ обзору новыхъ лицъ, поступившихъ на харьковскую сцену въ текущемъ 1849 — 1850 театральномъ году.

Г. Толченовъ. Какъ режиссеръ, онъ обладаетъ достаточнымъ знаніемъ для провинціальной сцены. Многимъ обязанъ Харьковскій театръ его распорядительности: обставить въ провинціи пьесы, какъ «*Старая мыза*», «*Смерть Ляпунова*» и подобныя имъ — не легко, а онъ это исполнилъ очень удовлетворительно! Какъ артистъ, онъ тоже заслуживаетъ полнаго вниманія и благодарности публики: въ драмѣ, водевилѣ, комедіи, оперѣ, вездѣ имѣетъ онъ мѣсто между первыми лицами, и вездѣ хорошъ. И въ самомъ дѣлѣ, г. Толченовъ, участвуя въ каждомъ представленіи, занимая всѣвозможныя ампуа, пикогда еще, и ни за одну роль, не заслужилъ неодобренія зрителей. Мы видимъ его ежедневно то героемъ въ драмѣ, то старымъ удальцомъ, то шалуномъ-гусаромъ, то серьезнымъ старикомъ, то свѣтскимъ волокитой — и всегда, и во всемъ, онъ вѣренъ изображаемому характеру, такъ, что остается удивляться его разнообразію, трудолюбію и любви его къ искусству. Въ текущемъ театральномъ году прекрасно исполнены имъ драматическія роли *Жоржса*, (драма *Влюбленный левъ*), *Монтеклена*, (др. «*Старая мыза*»), *Генриха*, (др. «*Любовь и ревность*»), и нѣкоторыя другія. — Изъ прежнихъ онъ заслуживаетъ полной похвалы за выполненіе ролей *Артура*, (др. «*Артуръ, или 16 лѣтъ спустя*»), *Антонія*, (др. «*Антоній*»), *Владимира Заревского*, въ драмѣ того же названія.

Г. Соленикъ, даровитый, чуждый всякихъ фарсовъ и гаерства, комикъ, пользуется постоянно любовью нашей публики. Его упрекаютъ нѣкоторые въ однообразіи — согласенъ; но за то онъ искупаетъ этотъ недостатокъ чрезвычайно живою игрой; на сценѣ онъ какъ будто дома; зная сцену въ совершенствѣ, онъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не впадаетъ въ замѣшательство, не постигаетъ затрудненій, не вѣдаетъ трудностей... Живость и одушевленіе игры его вошли въ поговорку. Г. Соленикъ нашъ харьковскій Щепкипъ.

Г. Львовъ прекрасный для провинціи драматическій артистъ; при хорошемъ ростѣ, обладая сильнымъ и звучнымъ органомъ, видною сценическою наружностію, онъ прекрасно исполняетъ роли: *Ляпунова*, («Смерть Ляпунова»), *Велизарія*, («Велизарій»), *Ляпунова*, («Скопинъ Шуйскій»), *Гамлета*, («Гамлетъ»), *Басенка*, («*Бояринъ Ѳеодоръ Васильевичъ Басенокъ*»), и Всегдашнее твердое знаніе ролей также неотъемлемое достоинство этого артиста.

Г. Бобровъ. Рѣдкая пьеса, въ которой не участвовалъ бызтотъ трудолюбивый и заслуженный ветеранъ нашей сцены, и рѣдкая роль, которую-бы онъ не исполнилъ старательно и добросовѣстно: вотъ заслуги этого артиста.

Г. Прохоровъ комикъ съ дарованіемъ, но рѣдко является на сцену. Если это его вина... то жаль, что онъ пренебрегаетъ своимъ дарованіемъ!

Теперь обратимся ко вновь поступившимъ на нашу сцену.

Г-жа Майерова молода, стройна, ловка, съ прекраснымъ, сильнымъ голосомъ, сопрано, виднымъ ростомъ и пріятною сценическою наружностію. На первый дебютъ предстала она предъ харьковскую публичку въ роли «*Дочери Полка*» и единодушными аплодисманами и вызовами была почтена пріѣзжая гостья! Съ тѣхъ поръ она уже переиграла много ролей, удачно и неудачно, смотря потому, въ какой степени роли эти подходилъ къ ея характеру, Роли: *Маріи*, (оп. «*Дочь второго Полка*»), *Катерины*, («*Любовное зелье*»), *Люциліи* («*Сердце женичины*») *Нелли*, («*Невеста Рѣки*»). исполняются ею прекрасно, и вообще въ роляхъ вѣрстьянокъ, субретокъ и наивныхъ дѣвушекъ она неукоризненна. Прекрасный голосъ ея заслуживаетъ, чтобы имъ заняться, и тогда она могла бы смѣло взяться за любую оперу. Но или г-жа Майерова не подозреваетъ этого, или не желаетъ трудиться на избранномъ ею поприщѣ, только, къ сожалѣнію нашему, мы не рѣдко подмѣчаемъ въ ней недостатокъ методы, безъ которой и прекрасный ея голосъ теряетъ свою прелесть!... Ахъ да, было-бы несправедливо умолчать еще объ одномъ важномъ ея недостаткѣ: она часто говоритъ вмѣсто *тебѣ*, *память*, *тибѣ*, *память* и проч. — Положимъ, что это не болѣе, какъ привычка къ мѣстному выговору, но ради искусства и способностей, щедро дарованныхъ ей природою, надобно бы постараться искоренить эту привычку. Учитесь и учитесь пѣть, г-жа Майерова, изучайте ваши роли, —

въ васъ все есть: и умъ, и красота, и голосъ, недостаетъ только старанія и опытности. Не грѣшите же противъ искусства, учитесь, и вы будете замѣчательною артисткой.

Г. *Алексѣевъ*. Со смертію незабвеннаго для харьковской публики Дранше, ампула комика, буффа, долгое время на нашей сценѣ не имѣло достойнаго представителя, и оттого пьесы, которыхъ интересъ сосредоточенъ на этихъ роляхъ, рѣдко давались на нашей сценѣ. Но появленіе г. Алексѣева страшно порадовало съ нихъ пыль; это насъ порадовало. Первый дебютъ его былъ въ роли *Наца* (въ вод. «*Дезертиръ*»), въ которомъ такъ чудно хорошо былъ Дранше, что и было причиною, что г. Алексѣевъ не произвелъ особеннаго эффекта. Начались сравненія съ Дранше, и большая часть публики отдала преимущество послѣднему. Дранше успѣлъ поселить въ насъ убѣжденіе, что въ провинціи встрѣтить достойнаго ему соперника невозможно, и вотъ самоувѣренно явился предъ нами г. Алексѣевъ, когда еще не остыла память и любовь къ его предшественнику!... Трудно было поэтому Алексѣеву идти противъ общаго убѣжденія въ незамѣнимости Дранше, но время взяло свое и это убѣжденіе мало по-малу искоренилось: въ немъ мы видимъ, если не вполнѣ замѣнишаго намъ Дранше, то во многомъ на него похожаго. Правда, есть роли, въ которыхъ онъ далеко ниже Дранше, но есть и такія, въ которыхъ не только не уступаетъ, но даже превосходитъ его, какъ напр. въ роляхъ *Ганса* (вод. «*Закалдованный Принцъ*»), *Жано Бизу* («*Любовное зелье*»). Вообще въ роляхъ *простаковъ* онъ очень хорошъ,—въ роляхъ-же стариковъ въ немъ замѣтенъ важный недостатокъ: превращаясь въ старика, онъ не подчиняется условію лѣтъ свои приемы и голосъ, которые конечно, съ сѣдвой неизбѣжно должны дѣлаться слабѣе. У него же, напротивъ, голосъ остается такимъ же сильнымъ и звучнымъ!... Разумѣется, этотъ недостатокъ удобо-исправимъ, о чемъ, вѣроятно, позаботится г. Алексѣевъ.

Г. *Копыловъ*. Этотъ актеръ еще очень молодъ и потому не будемъ строги къ нему. Въ немъ замѣтна неопытность, робость, неразвязность на сценѣ, какая-то вялость, но при средствахъ, данныхъ ему природою, при стараніи, какое въ немъ замѣтно, эти недостатки со временемъ, надѣмся, исчезнутъ. За то у него, хотя и слабый, но пріятный голосокъ, и въ опереттѣ «*Швейцар-*

ская женщина,» публика слушала его съ замѣтнымъ удовольствіемъ. Большею частію занимаетъ онъ вторыя роли молодыхъ людей, дублируя амплуа Г. Толченова.

Въ слѣдующей статьѣ я приступлю къ обзору дѣятельности на харьковской сценѣ.

С. М.

ИСТОРИЯ ВОЗДУШНАГО ШАРА И НОВѢЙШІЕ УСПѢХИ ВОЗДУХОПЛАВАНІЯ.

Первые шары во Франціи.—Братья Монгольфье.—Шарль.—Каламбуръ.—Пилатръ де Розье.—Бланшаръ.—Парашютъ.—Гарнеринъ, Журданъ, Гелюссакъ, и прочіе.—Прежніе опыты.—Кавалло.—Сумасшествіе.—Юсифъ Галліенъ.—Отецъ Лема.—Скалигеръ.—Голубь Архитаса.—Древніе шары.—Новая система направленія воздушныхъ полетовъ.—Предпріятіе Монтемайора въ Мадридѣ.

Въ четвергъ, 5 го іюня 1782 года, государственные чины Виваре собрались, по приглашенію братьевъ Монгольфье, бумажныхъ фабрикантовъ въ Анноне, вокругъ огромнаго холстиннаго мѣшка, покрытаго бумагою и окруженнаго тесемочной сѣтью. Все это лежало на помостѣ въ 16 футовъ поверхности, и было прикрѣплено съ четырехъ угловъ веревками, которыя соединялись съ сѣткою. Мѣшокъ, сѣть и рама были вѣсомъ около 500 фунтовъ. Этой машинѣ, по словамъ обонхъ фабрикантовъ, было назначено, по законамъ физики, подняться до предѣловъ метеоровъ. Смотри на этотъ жалкій снарядъ, многимъ показалось, что братья Монгольфье сошли съ ума. Несмотря на то, посредствомъ зажженной мокрой соломы подъ помостомъ, и еще въ некоторыхъ составовъ, брошенныхъ въ пламя, мѣшокъ вздулся и округился въ глобусъ, величиною въ 110 футовъ окружности. Братья Монгольфье подрѣзали веревки, которыя придерживали шаръ, и менѣе, нежели въ 10 минутъ, онъ поднялся на 4000 футовъ надъ головами изумленныхъ зрителей. — Восторгъ замѣнилъ изумленіе, и сановники Виварскіе изложили дѣло объ этихъ опытахъ въ пиндарическихъ выраженіяхъ. Вскорѣ газета *Mercur de France* возвѣстила ученой Европѣ, что задача Архитаса, признанная безумствомъ всѣми академіями, была рѣшена неизвѣстными промышленниками.

Считаю лишнимъ разсказывать о впечатлѣніи, которое произвелъ въ Парижѣ аннонейскій опытъ. — Завоеванія въ Америкѣ вышли изъ моды, и все обратилось къ воздухо-плаванію. Между-тѣмъ, какъ ученые добывались таинственнаго состава, физикъ, по имени Шарль, объяснилъ законы движенія воздушнаго шара братьевъ Монгольфье, и доказалъ, что его полетъ совершился отъ расширенія теплотворомъ внутренняго воздуха, посредствомъ котораго, вздутый шаръ подымался надъ массою воздуха болѣе тяжелой, нежели его собственный объемъ, и содержимый въ немъ разряженный воздухъ. — Въмѣсто того, чтобъ употреблять воздухъ расширенный временнымъ огнемъ, Шарль предложилъ наполнить шаръ холетиною, обмокнутою въ каучукъ съ горящимъ газомъ (водородомъ), который, будучи легче атмосферическаго воздуха на поверхности земли, долженъ былъ произвести то же дѣйствіе, съ тою только разницею, что воздухъ, расширяемый огнемъ, теряетъ свою гибкость, проходя черезъ слои атмосферы, съ которыми онъ уравнивается въ теплотворѣ, между-тѣмъ, какъ употребляя горючій газъ, шаръ долженъ неопредѣленно поддерживаться въ атмосферическихъ предѣлахъ, которыхъ сгущеніе равняется газовому. — По показанію Шарля, мнимый тайный составъ братьевъ Монгольфье (который, какъ узнали въ послѣдствіи, состоялъ изъ изрубленнаго волоса и шерсти) было фиглярство, недостойное науки. Парижане, счастливые тѣмъ, что имѣютъ у себя физика, могущаго соперничать съ братьями Монгольфье, сдѣлали произвольно народную подписку, первую во Франціи, и въ два дня они доставили Шарлю средства соорудить шаръ.

Онъ поручилъ это дѣло инженеру Роберту, который построилъ шаръ въ огромной мастерской на площади Побѣды. — Сдѣлали первый опытъ, въ самой мастерской, наполнивъ его горючимъ газомъ, и рѣшили, что наполнивъ его водородомъ, перенесутъ ночью, на огромныхъ носилкахъ, въ арену, построенную посреди Марсова Поля, гдѣ ему слѣдовало подняться на другой день.

Этотъ шаръ, вздутый на 12 футовъ въ діаметръ, несомый на носилкахъ четырьмя людьми, которымъ предшествовали зажженные факелы и которыхъ сопровождалъ пѣшій и конный караулъ, казался тѣмъ-то фантастическимъ. — Кучера, которымъ онъ встрѣчался надорогѣ, были такъ поражены имъ, что первымъ движеніемъ ихъ было остановить свой экипажъ, пока тянулось шествіе

27 августа 1783 г., вся столица была на ногахъ. — Ждали съ нетерпѣніемъ, достойнымъ парижскаго любопытства, часа, назначеннаго для испытанія. Шарль и Робертъ занимались дополненіемъ газа, утраченнаго шаромъ во время его земнаго путешествія, какъ вдругъ, возлѣ ограды, что-то зашевелилось, и похожее на паденіе камня посреди тихаго озера, докатилось волной до послѣдняго ряда любопытныхъ. Это былъ Юсефъ Монгольѣ, котораго Шарль грубо вытолкнулъ, въ то время, какъ онъ пробирался въ самую средину арены. Наконецъ пробило пять часовъ, раздался пушечный выстрѣлъ, и при восклицаніяхъ цѣлаго народа, шаръ Шарля поднялся мѣнѣе, нежели въ 2 минуты, на 500 сажень, и скрылся въ облакахъ. Проливный дождь не могъ разсѣять толпы, неистово провожавшей то появленіе, то исчезаніе воздушнаго шара, объ которомъ возвѣщаль съ своей стороны громкій голосъ артиллерійскаго инвалида. — Наконецъ, видя, что шаръ болѣе не показывается, толпа медленно разошлась. Самые сильные ревнители побѣждали справиться, что сдѣлалось съ шаромъ. Шаръ поддерживался въ воздухѣ три четверти часа; но Шарль надулъ его чрезъ мѣру, и потому расширеніе водорода въ слояхъ воздуха, мѣнѣе сгущеннаго, прорвалъ верхнюю часть шара, и онъ упалъ на землю. Жители деревни, принявъ шаръ за чудовище, вооружились вилами и косами, и пошли на него тѣсною колонною, изрубили въ куски и торжественно влекли его оболочку до появленія конныхъ, прискакавшихъ собрать его остатки.

Слава братьевъ Монгольѣ помрачилась; весь Парижъ былъ за Шарля. Академія Наукъ вступилась въ дѣло и взяла сторону братьевъ Монгольѣ. Она велѣла сдѣлать шаръ въ 70 футовъ вышины и 40 въ діаметрѣ, подъ надзоромъ Юсефа Монгольѣ; его наполнили дымомъ; Монгольѣ не забылъ къ тому-же прибавить изрубленной шерсти; но не смотря на всю эту предосторожность, дождь пошелъ на переکورъ опыту, академическій шаръ, поднявшись изъ сада С. Антуанскаго предмѣстья, не достигъ 50 футовъ и упалъ со стыдомъ на одинъ изъ домовъ того-же самаго предмѣстья.

Академія смутилась, Монгольѣ впалъ въ отчаяніе. Чтобъ ихъ утѣшить, Людовикъ XVI приказалъ, чтобъ испытаніе воздушнаго шара, долженствующее быть при немъ въ Версали, было сдѣлано Монгольѣе.

Монгольѣе и Академія снова принялись за работу и вы-

строили для королевскаго опыта, шаръ въ 71 футовъ вышины и 41 въ діаметрѣ. Шаръ этотъ, спущенный въ Версали, 19 сентября, подвнялъ клѣтку, въ которой сидѣли баранъ, пѣтухъ и фазанъ. Онъ не поднялся выше 240 сажени и упалъ въ участокъ Вокресонскаго лѣса, гдѣ сторожа видѣли его медленное паденіе. Баранъ, пѣтухъ и фазанъ, по видимому, не были утомлены этимъ путешествіемъ.

Это испытаніе дало Монгольѣе преимущество надъ шарами горючаго газа, которые, хотя поднимались и выше, но рвались каждый разъ отъ разширительной силы водорода. Партизаны Монгольѣе выпустили въ свѣтъ картину, представляющую шаръ Шарля, лопнувшій въ облакахъ, а физика, съ открытымъ ротомъ и протянутыми руками по направленію шара, съ латинскою надписью: *Carolus expectat! — Charles attend (charlatan)*.

Партизаны Шарля отвѣчали болѣе или менѣе остроумными выходками, воспослѣдовало нѣсколько дуэлей; но вскорѣ Пилатръ объявилъ, что онъ самъ лично поднимется на шарѣ Монгольѣе. Пилатръ де Розье былъ изъ ученыхъ втораго разряда, ума безпокойнаго и предприимчиваго, учредитель ученыхъ и литературныхъ обществъ, готовый принять смерть за безсмертіе, до котораго его геній не могъ достигнуть. Онъ велѣлъ сдѣлать на свой счетъ шаръ въ 70 фут. вышины и 46 въ діаметрѣ, убралъ его лиліями, украсилъ королевскимъ вензелемъ, разрисовалъ двѣнадцатью знаками зодіака, перемежалъ солнцами, орлами, гирляндами, привѣсилъ къ этой великолѣпной машинѣ круглообразную плетеную лодку, покрытую холстомъ, и, на дувъ свой шаръ, оруженный флюгеромъ, на которомъ было написано: *Sic itur ad astra (c'est ainsi qu'on s'élève aux astres)*, онъ отправился въ первое воздушное путешествіе, поднялся безъ огня и жаровни, на 200 футовъ надъ землею, качаясь въ воздухѣ въ продолженіе шести минутъ, послѣ чего спокойно спустился на землю.

Едва спустился онъ, какъ снова надулъ свой шаръ, взялъ въ лодку жаровню, соломы и пригласивъ съ собою г. Жиронда де Лавиліеть, снова поднялся на 324 фута, оставался на воздухѣ все время, пока у него было достаточно соломы, чтобъ поддерживать огонь, и тихо спустился съ своимъ товарищемъ.

Какъ главная цѣль воздушнаго шара была доставить человеку возможность соперничать съ орломъ, братья Монгольѣе

вошли опять въ моду. Шарль, оставленный всѣми, объявилъ въ свою очередь, что онъ съ другомъ своимъ Робертомъ предприметь воздушное путешествіе въ шарѣ, наполненномъ горючимъ газомъ. Опытъ былъ сдѣланъ опять на Марсовомъ Полѣ. Шарль позаботился, чтобъ шаръ не былъ совершенно полоухъ, устроилъ себѣ клапанъ, которой могъ открывать по желанію, чтобы дать выходъ газу, и взялъ баластъ, чтобъ облегчить себя въ случаѣ нужды. Этотъ опытъ, собравшій весь Парижъ, возвратилъ искусному физику прежнюю народность.

Шарль и Робертъ поднялись, не на 300 футовъ надъ землею, какъ Пиластръ де-Розье, а на 3,000 футовъ, дошли до облаковъ, спускались и восходили попеременно, и наконецъ опустились, цѣлы и невредимы, въ двухъ стахъ миляхъ разстоянія. Съ тѣхъ поръ шаръ съ горючимъ газомъ былъ окончательно избранъ, и Шарль и Робертъ составили себѣ состояніе, сооружая маленькіе шары въ пузыря, которые продавали за ужасную цѣну; каждый Парижанинъ желалъ имѣть шаръ у себя въ комнатѣ и весь приборъ для произведенія водороднаго газа по желанію. Мода перешла за границу; воздушный шаръ сдѣлался совершеннымъ помѣшательствомъ. Знатнѣйшія особы, дамы, принцъ Шартрескій, гг. Монталамберъ и Бельвию, г-жа Монталамберъ, де-Подене, де-ла Гардъ летали въ шарѣ.

Пиластръ де Розье, видя себя опереженнымъ Шарлемъ и Робертомъ, хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, показать себя отважнѣйшимъ воздухоплателемъ, взялъ у нихъ шаръ, отправился изъ Болоньи, перелетѣлъ Ламаншъ и спустился въ Англію.

Хотя дружескихъ отношеній не существовало тогда между Франціею и Англіею, но французскій флагъ, который развѣвался на лодкѣ де Розье, былъ привѣтствованъ всею знатною береговой Англію; приемъ воздухоплателю былъ сдѣланъ самый великопѣпный, и онъ возвратился во Францію въ шарѣ же, въ сообществѣ одного англичанина и съ великобританскимъ флагомъ, свидѣтелемъ его храбрости.

Братья Монгольфье, которыхъ Пиластръ де Розье былъ однимъ изъ жаркихъ приверженцевъ, упрекали его за предпочтеніе, оказанное шару Шарля де Розье, чтобъ соединить обѣ партіи, раздѣляшія всю Европу, вздумалъ перебраться еще разъ въ Англію посредствомъ шара, наполненнаго вполнину горючимъ газомъ, ко-

торый намѣревался развести на жаровнѣ, поставленной въ лодкѣ. Но едва поднялся онъ на воздухъ, огонь жаровни воспламенилъ газъ, шаръ лопнулъ и несчастный упалъ, какъ якорь въ волны морскія.

Бѣдствіе де Розье не охладило воздухоплателей; попытки увеличивались; найдя средство подниматься на воздухъ, осталось отыскать средство, какъ управлять шаромъ. Математики утверждали, что это вещь невозможная, потому что воздушному плавателю не гдѣ взять подпоры. Всѣ возраженія науки не помѣшали однакожъ людямъ думать о возможности невозможнаго. Бланшаръ, который напрасно доискивался *безконечнаго движенія*, сталъ устранивать летучую лодку, которая вовсе не летала. Когда братья Монгольфье изобрѣли свой шаръ, онъ бросилъ лодку, вооружился крыльями, замѣняющими ему весла, надулъ шаръ, полетѣлъ съ Марсова Поля, крича народу, что онъ отправляется въ Монмартръ, гдѣ его ждетъ прекрасный обѣдъ, и упалъ въ Ванвре, гдѣ его и не думали ждать. Бланшаръ съ своею летучею лодкою, едѣлавшись посмѣшникомъ всего Парижа, вздумалъ отыгратъся. Онъ вошелъ снова на шаръ, снабженный огромнымъ зонтомъ. Дойдя до облаковъ, онъ обрѣзалъ веревку, которая придерживала его лодку къ шару, и спустился, цѣлъ и невредимъ въ парашютѣ.

Мнѣ столько-же пріятно перечислять покушенія на открытіе *безпрерывнаго движенія* и квадратуры круга, какъ и упоминать о всѣхъ системахъ, представленныхъ Академією Наукъ объ управленіи шарами. Скажу, впрочемъ, что Гарнеринъ предполагалъ возможность управлять шаромъ въ продолжительныхъ путешествіяхъ, отыскавъ въ высшихъ слояхъ атмосферы пассатные вѣтры, которыхъ направленіе, казалось ему, должно быть противоположно вѣтрамъ Океана.

Не буду говорить также о несчастныхъ случаяхъ, которые были, болѣею частію, слѣдствіемъ неосмотрительности воздухоплателей. Ограничусь разсказомъ о пользѣ, которую извлекли изъ шара тактика и наука.

Въ битвѣ при Флерусѣ генералъ Журданъ воспользовался воздушнымъ шаромъ, чтобъ узнать о расположеніи непріятельскихъ войскъ. Ге-Люсакъ, отправясь въ шаръ, на 7,000 метровъ надъ поверхностью морей, разложилъ воздухъ и нашелъ, что онъ содержитъ ту же самую пропорцію водорода и азота, какъ и воздухъ на дворѣ Политехнической Школы.

Хотя важные выводы воздушнаго шара ограничиваются малымъ, и хотя большая часть на воздухоплавателей смотритъ, какъ на отважныхъ акробатовъ, Франція могла бы гордиться этимъ изобрѣтеніемъ, еслибъ оно, какъ и многія другія, не было современно древности.

Едва-ли открытіе стариннаго Архитасова способа, сдѣланное въ 1782 году братьями Монгольфье и Шарлемъ, не было испробовано въ Лондонѣ, въ 1781 году, физикомъ Кавалло, который, спуская мыльные пузыри, наполненные водородомъ, и постигнувъ возможность восхожденія тѣлъ большой тяжести, положилъ начало воздушнаго шара, склѣвивъ продолговатый мѣшокъ, въ четыре фута ширины, изъ самой тонкой бумаги. Но водородъ, которымъ онъ его наполнилъ, испарился сквозь бумагу. Тогда онъ вздумалъ употребить перепонку, кожу, которая употребляется золотобитчиками и достигъ бы своей цѣли; но онъ отложилъ свой опытъ а братья Монгольфье предупредили его.

Изъ этого слѣдуетъ, что законы, на которыхъ опирается аэростатика, были совершенно знакомы физикамъ, которые со времени опытовъ Торичелли и Паскаля, знали, что воздухъ тяжелъ и истолковали, неравною съ нимъ тяжестью газовъ, восхожденіе дыма и водорода.

Господинъ Жоли, уроженецъ Руана, въ изданіи своемъ 1775 года, «*Философъ безъ притязаній*», вознамѣрился поднять шаръ въ 3 фута діаметра посредствомъ электричества; заглавный листъ книги представляетъ человѣка, сидящаго въ чемъ-то въ родѣ кѣтки, окруженной тучами, надъ которой парятъ въ воздухѣ два шара. — Но система господина Жоли соотвѣтствовала только его имени и потому считаю излишнимъ на этомъ останавливаться. Доминиканецъ, профессоръ философіи и теологіи въ Авиньонѣ, Іосифъ Галіевъ, издалъ въ 1755 году брошюру подъ заглавіемъ: «*Искусство плавать по воздуху*». Для этого, онъ предлагалъ сдѣлать корабль изъ крѣпкой двойной холстины, хорошо наложенной и вымоленной, покрытой кожею и скрѣпленной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крѣпкою веревкою. Этому кораблю слѣдовало быть длиннѣе и шире Авиньона и вышиною равняться горѣ. Каждая сторона его должна была имѣть миллионъ квадратныхъ сажень. Въ случаѣ нужды, ему назначалось перенести по воздуху цѣлую армію съ ея артиллерією и провіантомъ на цѣлый годъ. Механизмъ этого восхожденія былъ

основанъ на томъ, что воздухъ, на вершинахъ горъ легче, нежели на берегахъ моря. Галиеи хотѣлъ наполнить свой корабль горнымъ воздухомъ и потому назначилъ ему быть величиною съ Авицонъ и вышиною съ гору.

Къ несчастію, какъ физикъ, Галиеи не былъ изъ ученѣйшихъ, но изъ его воздушной утопіи выходитъ, что главная причина восхожденія аэростатовъ, которая происходитъ отъ различной густоты газовъ, была уже извѣстна въ 1755 году, и что братья Монгольфье попали на счастливую мысль рѣшить эту задачу простымъ способомъ.

Однимъ вѣкомъ прежде (въ 1670 году) Ланъ, изъ Бресціи, напечаталъ книгу подъ заглавіемъ: *Dell'arte maestra*, и въ ней сужденіе о восхожденіи на облака. Главнѣйшіе дѣйствители его машины заключались въ четырехъ глобусахъ или шарахъ изъ дутой мѣди, въ которыхъ должна находиться совершенная пустота; ихъ діаметръ былъ въ 20 футовъ, поверхность, по исчисленію автора, въ 1,232 фута. Чтобы произвестъ пустоту, слѣдовало наполнить шары водою, потомъ опрокинуть, дать стечь водѣ и закрыть край въ ту минуту, какъ она вся вытекла. — Монахъ не подозревалъ, что противодѣйствіе воздуха помѣшаетъ шарамъ опустѣть.

Однимъ вѣкомъ прежде Лана, I. К. Скалигеръ, обсуживая мнѣнія Гардена, объ летучемъ голубѣ Архитаса, объ которомъ Гораціи говоритъ въ своихъ одахъ, указываетъ на средство устроить этого голубя. «Ничего нѣтъ легче, говоритъ онъ; стоитъ только замѣнить дерево сердцевинною тростника, и тщательно покрыть плесою, которую употребляютъ золотобитчики (перепонка). Посредствомъ легкаго механизма можно привести въ движеніе крылья.» Скалигеръ забылъ сказать, что необходимо должно нагрѣвать внутренній воздухъ голубя сѣрною спичкою, когда захотятъ поднять его на воздухъ. И такъ, пять сотъ лѣтъ, до нашей эры, Архитасъ нашелъ способъ поднять на воздухъ шаръ въ видѣ голубя; и надо полагать, что средства, употребленныя этимъ философомъ, были тѣже, къ которымъ прибѣгаютъ нынѣ воздухоплаватели, спуская свои шары. Что касается о возвращеніи голубя по призыву Архитаса, такъ это, конечно, басня. Воображеніе придаетъ всегда необычайному явленію тьму невозможностей, но я твердо вѣрю, что гораздо прежде Архитаса, воздушный шаръ былъ извѣстенъ, въ такъ называемыя баснослов-

ныя времена, которыя, по моему, ничто иное, какъ смутное воспоминаніе затеряннаго глубокаго образованія, прозваннаго поэтами царствомъ боговъ. Эти драконы, извергающіе пламя и уносящіе въ небо Цереръ и Медей, были просто первобытные монгольферы; хромой Вулканъ Илиады, идущій рука объ руку съ двумя автоматами, былъ Вокасонъ героическихъ временъ.

Ничто не ново подъ луною!

Мы къ случаю нанесли въ настоящее время эти любопытныя свѣденія о воздухоплаваніи. — Послѣ Шарля и Монгольфе, никогда столько не занимались шарами, какъ въ настоящее время, во Франціи и въ Англии. А между тѣмъ исторія, особенно древность аэростатовъ, неизвѣстны большей части изъ тѣхъ, кого занимаетъ глубоко или поверхностно полетъ шаровъ.

Что касается до направленія шаровъ, по всему видно, что наука Гаспара не хотѣла допустить возможности этого. Вѣкъ нашъ, разрѣшившій столько задачъ, рѣшить-ли эту? Гаспаръ усомнился бы въ томъ, можетъ быть, не смотря на блестящія объявленія, сопровождаемыя такимъ шумомъ. До сихъ поръ, почти всѣ системы направленія полетовъ походили болѣе или менѣе на одну тему, то-есть: на что то въ родѣ парашюта, навыворотъ прикрѣпленнаго къ шару и исправляющаго назначеніе руля, посредствомъ блоковъ. — Это очевидно младенчество искусство. Смѣлый нововодитель г. Петель, вызвался построить большую воздушную паровую машину, которая поднималась бы множествомъ аэростатовъ. Когда онъ перейдетъ отъ теоріи къ исполненію, если онъ только дойдетъ до этого, мы посвятимъ ему новую главу въ исторіи аэропавтики.

Другой воздухоплаватель намѣренъ ограничиться утверженіемъ шара въ воздухѣ, и ждать, чтобы земля, въ своемъ кругообращеніи навела его въ желаемую точку, хотя на Китай, напримѣръ. — Когда онъ увидалъ бы, съ помощію телескопа, фарфоровую башню, онъ спустился бы въ Поднебесную Имперію. — Мы предполагаемъ, что онъ вертѣлся бы вмѣстѣ съ землею и ждалъ безконечно.

Г. Монтемайоръ, въ Мадридѣ, обѣщаетъ унести въ своемъ воздушномъ кораблѣ лабораторію, машины, артиллерію и проч. Его *Эолъ* долженъ быть летучимъ фрегатомъ. Первый полетъ этого гигантскаго снаряда назначенъ въ будущемъ мѣсяцѣ.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

=

Bald ist es dieß, bald ist es das;
Bald ist es nichts, bald ist es was.

=

ЕЩЕ О КАЛИФОРНИИ. — По свидѣтельству Александра Ашара, очень трудно сказать правду о Калифорніи: въ двѣ недѣли все тамъ перемѣняется; въ одинъ день огонь уничтожаетъ цѣлые города, въ двѣ недѣли они выстраиваются вновь.

Двѣ дороги ведутъ въ Калифорнію. Одна черезъ мысъ Горпъ, — длиннѣе, но требуетъ менѣе издержекъ. По этому пути можно пріѣхать въ Калифорнію, если не будетъ большихъ остановокъ, въ шесть мѣсяцевъ. Другая покороче, но подороже: проѣздъ по ней будетъ стоить не менѣе 3,500 франковъ. Но оставимъ въ сторонѣ подробности путешествія и положимъ, что мы пріѣхали въ эту страну.

Каналь, въ пять миль въ длину и въ милю ширины, извѣстный подъ громкимъ именемъ Кризопила, или золотыхъ воротъ, составляетъ входъ въ гавань Санъ-Франциско. Этотъ входъ не безъ опасности отъ господствующихъ въ немъ вѣтровъ, тумановъ и подводныхъ камней, которыми онъ усеянъ. Очень похожій на Брестскій каналъ, онъ такъ узокъ, что огонь крѣпостей, которыя думаютъ выстроить на его берегахъ, будетъ перекрещиваться и повелѣвать входомъ въ него; съ его устья открывается передъ путешественникомъ, пріѣхавшимъ въ Калифорнію, не озеро, не гавань, а цѣлое Средиземное Море въ миниатюрѣ: гавань такъ велика, что можетъ вмѣстить въ себѣ флоты всего міра. Съ югозапада на сѣверо-востокъ она имѣетъ двѣнадцать морскихъ миль.

Ея сѣверная часть соединяется съ другою губою,—Санъ Пабло, которая, въ свою очередь, посредствомъ небольшого пролива, имѣетъ сообщеніе съ заливомъ Сонзаль или Шизюмъ. Въ послѣднюю губу впадаютъ Сакраменто и Санъ-Юахимъ. Первая изъ этихъ рѣкъ вытекаетъ на сѣверѣ, другая—на югѣ верхней Калифорніи. Эти три губы имѣютъ 23 въ миляхъ длину и составляютъ родъ внутренняго моря.

Немного гаваней представляютъ такой замѣчательный видъ, какъ гавань, въ которой мы теперь остановились, писалъ 18 сентября (по новому стилю), господинъ Гаусманъ. До 400 кораблей стоятъ въ ней на якорѣ, кругомъ лѣсъ мачтъ, на верху которыхъ развѣваются флаги всѣхъ странъ свѣта. Но эти великаны безмолвны и тихи, какъ тѣла безъ души. И дѣйствительно эти огромныя массы судовъ, недавно еще полныя народа, теперь пусты. Эпидемія опаснѣе холеры прошла между ними. Миперальная горячка, какъ говорятъ Американцы, поразила всѣхъ; неотвратимый магнитъ, золото Сакраменто, привлекло ихъ къ себѣ. Нашъ пароходъ сталъ на якорь въ двухъ миляхъ отъ земли. Съ нашей палубы виднѣются легкія постройки города и широкій поясъ палатокъ. Санъ-Франциско стоитъ на горѣ, которая въ серединѣ образуетъ родъ впадины, занятой болѣе древними и населенными кварталами. Дома возвышаются до самой вершины горы, необозримые лагеря окаймляютъ городъ; палатка здѣсь—передовой постъ труда и колонизаціи, она указываетъ на будущее распространеніе города, и, опережая камень и дерево, какъ будто показываетъ пришельцу — мѣста, куда онъ долженъ направить свои первые шаги и свои первые усилія. Съ берега входятъ безъ особенныхъ усилій на насыпь, импровизованную передъ старой испанской крѣпостью.

Два года тому Санъ-Франциско былъ деревенькой съ полдюжиной грубыхъ хижинъ, теперь это городъ или лагерь съ сотнею тысячъ жителей. Цыфра его населенія мѣняется непрерывно. Г. Дилловъ, французскій консулъ въ Санъ-Франциско, полагаетъ въ двѣ тысячи число ежедневно-прибывающихъ по морю въ Калифорнію. Здѣсь безпрестанный отливъ и приливъ народа между берегомъ и розсыпями. Зимой, когда двѣ трети работниковъ, отступая передъ дождемъ и снѣгомъ, приходятъ искать убѣжища въ Санъ-Франциско, населеніе его удваивается.

Улицы города, косвенно примыкающія къ заливу, широки, прямы и ровны, перпендикулярныя же ему до того кривы, что ѣзда въ экипажахъ по нимъ невозможна. Мостовой здѣсь нѣтъ, улицы остаются въ первобытномъ своемъ видѣ, лопата и метла до нихъ не касаются, соръ, выбрасываемый изъ домовъ, остается неубраннымъ. Пыль и зловоніе лѣтомъ невыносимы. Зимой, во время дождей, улицы превращаются въ болото, пѣшеходы и мулы вязнуть въ нихъ по колѣна. Иногда даже образуются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ топи, въ которыхъ исчезаютъ люди и сами мулы, по невозможности подать имъ какую-нибудь помощь. Чтобы остаться вѣрнымъ истинѣ, нужно прибавить, что народъ тамъ, томимый жаждою золота, мало обращаетъ на это вниманія. Видъ этихъ топей отвратителенъ: ихъ наполняетъ черная, стоячая вода, покрытая полусгнившими костями и гнившимъ тряпьемъ. И эти топи вы встрѣтите всѣдѣ, вы найдете ихъ и въ центральныхъ и въ нижнихъ частяхъ города, выстроенныхъ лучше другихъ.

Температура здѣсь самая переменчивая. Утромъ, съ 9 часовъ до 12, жаръ невыносимый; съ 12—7 страшный вѣтеръ поднимаетъ клубы пыли; вечеромъ является туманъ и съ нимъ сырость; ночи чувствительно холодны. Слѣдовательно климатъ Лондона и Стокгольма смѣняется здѣсь климатомъ Алжира и Авиньона. Кромѣ того, вода здѣсь вечета и нездорова; она причиняетъ множество болѣзней, если ее пьютъ безъ вина. Потому доктора здѣсь наживаютъ. Большая часть изъ нихъ беретъ полъ-унцію или унцію золота, то есть 80 франковъ, за совѣтъ у себя на дому и вдвое — за визитъ на домъ къ больному.

Уже въ концѣ 1845 года существовали въ Санъ-Франциско церкви для всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, биржа и не большое число домовъ. Дома были, большею частію, деревянные, но были и каменные. Стѣны деревянныхъ домовъ состоятъ изъ досокъ, прикрѣпленныхъ къ четыремъ угловымъ столбамъ. Многіе дома — ничто иное, какъ четырехугольныя палатки, поддерживаемыя четырьмя столбами и деревянными между ними перекладинами. Земля большею частію ничѣмъ не покрывается въ домахъ, которые почти всѣ одноэтажныя. Иногда полъ замѣняетъ здѣсь циновка, положенная на землю. Почти всѣ спятъ на землѣ,

на кроватяхъ матрасы очень рѣдки, потому что мытье двухъ простынь стоитъ здѣсь не мѣнѣе пяти пиастровъ. Вообще мытье — вещь неизвѣстная въ Калифорніи. Цвѣтная рубашка обыкновенной доброты стоила въ октябрѣ 1849 года мѣнѣе, чѣмъ ея мытье. Она продавалась по 4 реала (2 фр.), а мытье ея стоило бы пять франковъ. Потому все жители положили бросать лучше черное бѣлье, чѣмъ отдавать его стирать, или самимъ сбѣлаться прачками, во для этого ихъ время слишкомъ драгоценно.

Господинъ Гауеманъ слѣдующимъ образомъ описываетъ лучшую гостиницу Санъ-Франциско, подъ вывѣскою *Золотаго шара*. Гостиницу содержатъ два марсельца; столъ въ ней, безъ вина, стоитъ десять франковъ въ день. Выйдя на берегъ, я поспѣшилъ поселиться въ французской гостиницѣ Золотаго шара. Она состоитъ изъ столовой, очень похожей на погребъ, изъ спальни, расположенной во второмъ этажѣ, въ которую входятъ прямо съ улицы, потому что гостиница выстроена на косогорѣ, и залы вполнину подъ землею. Въ послѣдней комнатѣ нѣтъ пола; его мѣсто занимаетъ цыновка, положенная на землю. Дверь на улицу остается постоянно открытою, чтобы возбудить въ прохожихъ желаніе войти и освѣжиться; оттого нижняя зала всегда полна шумною толпою — неизбежное неудобство въ городѣ, слишкомъ маломъ для своего народонаселенія. Пойдемъ теперь въ спальню, въ грязный чуланъ, загроможденный матрасами и чемодами; потому что въ цѣломъ домѣ нѣтъ ни одной постели. Полночь. Человѣкъ двадцать лежатъ на землѣ, прижавшись другъ къ другу, на пространствѣ девяти метровъ длины и пяти ширины. Двери уже не затворяются и холодъ проникаетъ въ комнату. Время отъ времени запоздалый путешественникъ, иногда подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, входитъ въ темную спальню, спотыкается и падаетъ на одного изъ спящихъ. Проклятія всякаго рода сыплются на него. Смѣшныя и вмѣстѣ съ тѣмъ грустныя сцены! ибо ничто такъ не раздражаетъ характера, какъ эти маленькія непріятности, вадъ которыми смѣются вначалѣ. Нельзя себѣ представить, какъ много нужно терпѣнія и иногда ловкости, чтобы безъ придирчивости и униженія вынести маверы бѣльшей части переселенцевъ, которые даютъ здѣсь просторъ своей грубости, своимъ страстямъ и порокамъ. Главная улица Санъ-Франциско — улица міра.

Посреди этой улицы стоитъ высокая висѣлица, которая уже служила для многихъ казней. Передъ ней толнится народъ, фздать тысячи каретъ, тѣлегъ и вагоновъ. Кучера ихъ, страшнаго роста и силы, въ шляпахъ на манеръ сахарной головы, гонять своихъ лошадей, не обращая никакого вниманія на прохожихъ. По обѣимъ сторонамъ улицъ идетъ и бѣжитъ молчаливая, занятая толпа, направляясь ббльшею частію въ тамождѣ, здавію грубой постройки, въ центрѣ города, или къ биржѣ, расположенной между двумя игорными домами, и противъ которой всегда стоитъ огромная толпа.

Всѣ націи имѣютъ тамъ своихъ представителей, но элементъ американскій преобладаетъ. Сначала населеніе было по преимуществу мужское, но теперь показывается и прекрасный полъ, если не часто, то и не рѣдко.

Еслибы попробовали, говорить г. Диллонъ, анализировать населеніе Санъ-Франциско, то получили бы весьма странный результатъ. Толпа банкротовъ, севобожденныхъ воровъ, спекуляторовъ и игроковъ бросилась въ эту землю, и при всемъ томъ, воровство здѣсь очень рѣдко, не смотря на его возможность. Такъ, груды товаровъ лежатъ на дворѣ домовъ, передъ воротами, на улицахъ, и ихъ никто не трогаетъ. Воровство вызываетъ немедленную казнь; тысяча пудъ изо всѣхъ домовъ и палатокъ преслѣдуютъ вора. Купецъ, работникъ, лодочникъ, оставляютъ свои занятія, чтобы бѣжать за воровъ, потому что въ этомъ заинтересованы всѣ.

Когда калифорнцы, или лучше, жители Санъ Франциско, избирали депутата, то одинъ только былъ избранъ единодушно. Это былъ алькадъ съ береговъ Сакраменто, отличавшійся необыкновенною рѣшительностью характера, по-крайней мѣрѣ, — судя по анекдотамъ, разсказываемымъ объ немъ. Всякій разъ, какъ приводили къ нему преступника, или просто вора, онъ, не разбирая, шло ли дѣло о ударѣ кивжаломъ, или воровствѣ трубки, присуждалъ къ висѣлицѣ. Приговоръ сейчасъ исполнялся. Однажды его ассистентъ замѣтилъ ему, что приведенный, можетъ быть, — не виновать, и что нужно его выслушать. «А, ба! сказалъ онъ, вы знаете, что между нами нѣтъ невинныхъ: если онъ не сдѣлалъ преступленія здѣсь, то совершилъ его въ другомъ мѣстѣ, вѣшайте!»

Въ другой разъ приходитъ къ нему одинъ французъ, торговецъ водкою, и жалуется на одного американца, который всякій

день, съ пистолетомъ въ рукавъ, требуетъ у него водки и никогда не платитъ за нее. Алькадъ, писавшій тогда смертный приговоръ, останавливается и подаетъ купцу пистолетъ, лежавшій на столѣ.—Что это значить? спрашиваетъ изумленный французъ.—«Вы позволяете себя оскорблять, стало-быть, у васъ нѣтъ оружія, я вамъ его даю».

Въ началѣ колонизаціи, американцы слѣдовали древней испанской системѣ: они отдавали всю судейскую власть въ руки одного алькада. Послѣ они приняли систему присяжныхъ. Отъ этого производство дѣлъ пошло еще страннѣе. Сколько разъ двѣнадцать пльницъ сумли тринадцатаго пльницу. Приговоръ суда, никогда не измѣнявшійся, заключался возгласомъ—«вѣшайте». Тогда президентъ присяжныхъ, едва державшійся на ногахъ отъ вина, вынималъ изъ кармана приговоръ и читалъ преступнику. Потомъ всякій изъ присяжныхъ обнималъ его, клянясь, что одна истина руководила его голосомъ. «Мужайся, братъ, прибавляли они: тебѣ остается жить пятнадцать минутъ, покуда приготовляютъ веревку; какъ хочешь ты ихъ провести? не хочешь ли трубку? тебѣ сейчасъ дадутъ». Послѣ этихъ и другихъ подобныхъ вопросовъ, присяжные, обвиненный и зрители принимались пить.

Легкости, съ какою игрокъ можетъ перевести деньги изъ кармана своего сосѣда въ свой, приписываетъ Гаусманъ рѣдкіе случаи воровства и преступленій въ странѣ, въ которой встрѣчаются на всякомъ шагу выпущенный изъ Сиднея или воръ изъ Америки. «Теперь въ Санъ-Франциско, писалъ г. Диллонъ въ концѣ прошлаго года, болѣе сотни игорныхъ домовъ, въ которыхъ всякій день толпится народъ. Странный видъ представляютъ эти заведенія послѣ восьми часовъ вечера. Передъ дверьми—густая толпа, внутри сотня игроковъ старается дойти до стола, одинъ передъ другимъ; въ нетерпѣніи дѣло иногда доходитъ до кулаковъ, пистолетовъ и кинжаловъ. Въ Калифорніи малѣйшая обида или толчекъ, кончается ударомъ кинжала или пистолетнымъ выстрѣломъ. «Тише вы тамъ, негодяи,» кричатъ имъ отъ стола—и снова наступаетъ тишина.

Страсть къ игрѣ не была введена въ Калифорніи американцами; во все время она ей предавались жители этой страны.

Если въ Калифорніи можно наѣрное разориться игрою, то наѣрное можно разбогатѣть работою. Я видѣлъ здѣсь француз-

скихъ плотниковъ, которые получали отъ 70 — 80 франковъ въ день. Для нихъ работы будетъ всегда много. Но горе тому, кто поѣдетъ въ Калифорнію, надѣясь только на нѣсколько тысячъ франковъ въ деньгахъ, или въ товарахъ!

Искатель золота, ѣдущій въ Калифорнію и возвращающійся оттуда — два типа, между собою вовсе несходные. Первый веселъ, доверчивъ, дѣятеленъ, другой усталый, отчаянный; потому что какую-бы онъ ни сдѣлалъ поживу, она всегда мала въ его глазахъ. Въ Калифорніи могутъ жить только тѣ, кто чувствуетъ себя способнымъ по своей силѣ, крѣпости, здоровью, бороться съ климатомъ и людьми.

Торговля здѣсь — лоттерей. Негоціантъ, посылающій сюда товары, можетъ получить и можетъ потерять 500 на 100. Нынче платятъ 30 піастровъ за бутылку водки, на будущей недѣли она упадетъ до 20. Братъ господина Баруале, артиста оперы, съ помощью случая, получилъ 250,000 франковъ за грузъ досокъ. Во время его пріѣзда былъ недостатокъ въ лѣсѣ; мѣсяцъ спустя, эти доски были ниже всякой цѣны. Окрестности Саяъ-Франциско не плодородны и лишены всякой растительности.

БАЛАГУРЪ.

Одинъ нѣмецкій аптекаръ недавно напечаталъ въ газетахъ слѣдующее объявленіе : «Честь имѣю довести до свѣденія, что наконецъ, послѣ многолѣтнихъ тяжкихъ и неусыпныхъ трудовъ, я успѣлъ составить удивительнѣйшую воду (продающуюся исключительно въ моей аптекѣ). Вода эта имѣетъ нижеслѣдующія чудныя свойства, а именно : выращивъ волосы, истребляетъ мозоли, бѣлитъ кожу, чернитъ брови, очищаетъ и укрѣпляетъ зубы и чрезвычайно полезна отъ несваренія желудка.»

На ярмарку прибыла, между прочимъ, кочующая труппа паясынковъ Талии и Мельпомены. За недостаткомъ мѣста, театръ устроили въ сараѣ, гдѣ до того времени, помѣщали пригонныхъ

быковъ. Для открытія спектаклей назначена была Шиллерова трагедія «Разбойники». Представленіе началось подъ самыми счастливыми предзнаменованіями и продолжалось весьма хорошо. Сыграли три дѣйствія, но въ срединѣ четвертаго, въ той самой сценѣ, когда Карлъ Моръ освобождаетъ изъ подземелья своего отца, мимо театра гнали партію быковъ и одинъ изъ нихъ, по старой памяти вздумалъ зайти въ сарай; поднялся сзади на сцену и находя вездѣ загородку, образовавшуюся отъ декораций, бросилъ голову въ отверстіе башни, изъ которой долженъ былъ выдти старикъ Моръ. Актеръ, игравшій Карла Мора, въ жару декламации не замѣтилъ этого и закричалъ: Это мой! отецъ»

—

Страстный карточный игрокъ, просидѣвъ за преферансомъ всю ночь, уже чаеу въ осьмомъ утра возвращался домой, покачиваясь въ своей заграничной коляскѣ, какъ въ люлькѣ. Онъ задремалъ и скоро заснулъ. Когда коляска остановилась у подъезда, полусонный лакей соскочилъ съ запятокъ и торопливо отперъ дверцу. Между тѣмъ баринъ изволилъ храпѣть самымъ прозаическимъ образомъ.

— Извольте проснуться, сударь, мы пріѣхали, произнесъ лакей, слегка подергавъ барина за воротникъ.

Баринъ что то промычалъ.

— Мы пріѣхали, извольте выходить.

Баринъ тяжело вздохнулъ, повернулся на другой бокъ и отвѣчалъ сквозь зубы:

— Не мнѣ выходить, я сдавалъ.

РАЗГОВОРЫ.

— Что съ вами, кондратій Платонычъ? чему вы это расхохотались? спросилъ его пріятель.

— Ой, ой, ой! Ха, ха, ха! не могу! повторялъ толстякъ, утирая слезы.

— Да расскажите, пожалуйста; вмѣстѣ посмѣемся.

— Я... вотъ видите... вспомнилъ презабавный анекдотъ о томъ... какъ одна баба шла по улицѣ.

— Ну, шла баба по улицѣ ; что жъ дальше ?

— Дальше то ? Да я, признаться, хорошенько не помню ; знаю только, что тутъ идетъ рѣчь о бабѣ, которая идетъ по улицѣ... и что это выходитъ преуморительно.

—

Неужели вы серьезно хотите искать себѣ жильца въ эту большую комнату ?

— А почему жъ нѣтъ ?

— Значить, вы еще не знаете, что за народъ жильцы. Имѣть съ ними дѣло, право очень неприятно.

— Скажите на милость ! Да развѣ вы когда нибудь держали у себя жильцовъ, что такъ о нихъ отзываетесь ?

—

— Нѣтъ ; не держалъ, но я самъ жывалъ на квартирахъ.

Нѣкто подалъ Фридриху II просьбу объ опредѣленіи его куда то въ службу. Онъ самыми поразительныи красками описывалъ свое бѣдственное положеніе и между прочимъ называлъ себя членомъ несчастнѣйшей фамиліи.

Король внимательно прочиталъ просьбу до конца.

— Мнѣ очень странно, сказалъ онъ просителю, что вы называете себя членомъ несчастнѣйшей фамиліи ; предки ваши были извѣстны въ цѣлой Германіи по своему богатству и глупости.

—

Нѣкто, говоря о неловкости англичанъ, сказалъ : я увѣренъ что у нихъ обѣ руки — лѣвыя.]

—

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ газетахъ было напечатано слѣдующее объявленіе : По случаю отъѣзда продается четверня вороныхъ заводскихъ лошадей, изъ коихъ двѣ гнѣдыя. Спросить тамъ - то.

—

Въ площадной итальянской комедіи давали какой-то фарсъ. Герой спектакля, полишинель, вышелъ на сцену, обливаясь слезами.

- Смѣю спросить, о чемъ вы плачете? спросилъ его арлекинъ.
- Я лишился брата, отвѣчалъ полишинель, продолжая плакать.
- Что же было причиной его смерти?
- Онъ умеръ съ горя, что его повѣсили.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАСЧЕТЪ.

Извѣстно, что нынче лучшіе французскіе беллетристы, наводящіе журнальные фельетоны своими безконечными, многотомными произведеніями, получаютъ отъ издателей условную плату за каждую строчку, будь она хоть въ одно только слово. Чтобы заработать побольше денегъ, они придумали прекрасный способъ получать чуть не въ десятеро за каждую страницу. У этихъ господъ періодъ, который очень удобно помѣстился бы въ пяти строкахъ, разбивается на цѣлую страницу, они безъ милосердія унестриаютъ свои фельетоны междометіями и потому теперь часто встрѣчаются во французскихъ журналахъ страницы въ слѣдующемъ родѣ:

- Кто тутъ?
- Это я.
- А, очень радъ!
- Что скажете?
- Да ничего.
- Все ли исполнено?
- Совершенно.
- Гдѣ же она?
- Кто?
- Луиза!
- Тамъ.
- Гдѣ?
- Въ лѣсу,
- А! Давно?
- Цѣлый часъ.
- А онъ?
- Кто онъ?
- Графъ?

- Здѣсь.
 - Гдѣ?
 - Подъ стражей.
 - Несчастный!
 - Что-жь дѣлать!
 - А Теобальдъ?
 - Въ башнѣ.
 - Въ башнѣ?
 - Да; тамъ безопасно.
 - Есть-ли оружіе?
 - У кого?
 - У него.
 - Зачѣмъ?
 - На всякій случай.
 - Есть; шпага.
 - А, а!
 - Но....
 - Что?
 - Чу!
 - Те!
 - Что?
 - Голоса....
 - Гдѣ?
 - Тамъ, за стѣной.
 - Сбиры!
 - Тише!
 - Мы погибли?
 - Да!
 - Вотъ спѣшились!
 - Подходятъ.
 - Стучатся.
 - Ужъ близко....
 - Проклятіе!
 - Что дѣлать?
 - Молчите!
 - Ломаютъ дверь!
 - Нѣтъ спасенія!
- И такъ далѣе, все въ томъ-же родѣ.

Одинъ англійскій докторъ, вскрывая трупъ убитаго ирландца — сдѣлалъ такое заключеніе: Этотъ человѣкъ былъ такъ боленъ, что если-бы разбойники его не убили—онъ умеръ бы еще получасомъ прежде.

—

Другъ мой, отчего ты не хочешь посвятить мнѣ ни одного твоего стиха? спросила жена мужа-писателя. — «Душа моя, тебѣ извѣстно, что я не пишу нынче стиховъ». — Ну, такъ по-крайней-мѣрѣ изъ старыхъ, еще не напечатанныхъ. — «О, съ удовольствіемъ: у меня есть прекрасная эпитафія!...»

—

ОСТРОТЫ ЖИВОПИСЦА ФЮЗЕЛИ,

Чувствуя истинное удивленіе къ скандинавской поэзіи Фюзели сочинялъ много картинъ, предметы которыхъ заимствовалъ изъ сѣверной мифологіи. Геній его упивался всѣмъ, что было самаго ужаснаго и самаго прекраснаго въ преданіяхъ сѣверной литературы.

Одинъ изъ учениковъ его показалъ ему свой рисунокъ, добавивъ съ наивнымъ хвастовствомъ: Вотъ эскизъ, которой я кончилъ, не истративъ ни крошки хлѣба! — Тѣмъ хуже для твоего эскиза, возразилъ Фюзели; купи себѣ на два гроша хлѣба и зарай его.»

— Что ты тамъ смотришь? спросилъ онъ у другаго, который глядѣлъ съ разсѣяннымъ видомъ. — Ничего, господинъ профессоръ. — Ничего, это дурно! Вотъ я, такъ дѣйствительно вижу все, что пишу и желалъ-бы, что-бы могъ написать такъ, какъ вижу!

Иногда онъ стрѣлялъ эпиграммами и въ своихъ академическихъ товарищей. У него было что-то на сердцѣ противъ Норткота и Опи, которые оба пришли къ нему извиняться. Какъ скоро Фюзели ихъ увидѣлъ, то отворилъ дверь и сказалъ: «Идите, идите скорѣе, или вы меня погубите. — Какъ это? спросилъ Опи. — «Бѣда!.... погубите, продолжалъ Фюзели съ серьезною выразительностію: если сосѣди мои увидятъ васъ, то непременно скажутъ: Какой бѣдняга Фюзели! вотъ сбирь (указывая на Опи), который идетъ взять его подъ стражу, а съ нимъ скряга ростовщикъ (указывая на Норткота), который заберетъ всю его мебель; идите, друзья мои, торопитесь, чтобы васъ не замѣтили.»

Норткотъ особенно служилъ для него часто предметомъ насмѣшекъ.

Однажды смотрѣлъ онъ на его картину, на которой былъ изображенъ пилигримъ, ведущій осла. Какъ вы думаете о картинѣ? спросилъ его Норткотъ. — «Она превосходна! отвѣчалъ Фюзели: только у васъ оселъ на мѣстѣ путника, а путникъ на мѣстѣ осла.»

Одинъ хлопотунъ пришелъ къ нему довольно рано поутру и сказалъ: Надѣюсь, что я не оскорблю васъ моею безразсудною дерзостію?... «Напротивъ.... отвѣчалъ Фюзели грубымъ голосомъ.» — Такъ я приду завтра. — «О, пѣтъ! вскричалъ художникъ, для чего-же одну дерзость и глупость повторять два раза.... объясните, что вамъ угодно?»

Ваятеля Поллекина онъ не могъ терпѣть за его скупость и весьма часто язвилъ его своими насмѣшками.

Во время выставки его *Мильтоновой галлерей* онъ зашелъ въ Банкъ и, обращаясь къ одному изъ окружающихъ, сказалъ, что имѣеть нужду въ небольшомъ количествѣ денегъ для маленькаго путешествія. А сколько вамъ вужно? Не болѣе двадцати гиней, но какъ эта сумма довольно большая.... то я и рѣшился предупредить васъ за сутки. Благодарю васъ, — сказалъ банкиръ, передразнивая насмѣшливый тонъ Фюзели: мы будемъ готовы; но какъ у насъ деньги рѣдки, то вы много обяжете, ежели дадите намъ нѣсколько билетовъ для входа въ вашу галлерейю.... это избавитъ нашу кассу отъ убытка, да и галлерейя ваша, не оста-

нется безъ посѣтителей. — Фюзели пожалъ ему руку и сказалъ :
Хорошо, сударь, я вамъ дамъ нѣсколько билетовъ съ большимъ
удовольствіемъ : мои картины уже получили одобреніе отъ зна-
токовъ и любителей, отъ дворянъ и гражданъ... но мнѣ также
пріятно будетъ послушать толки невѣждъ и зѣвакъ....

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 10.

ВОЛЧИЙ РОТЪ, ЛИСИЙ ХВОСТЪ.

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ДМИТРІЯ ЛЕНСКАГО.

Представлена въ первый разъ въ Москвѣ, на Большомъ Петровскомъ театрѣ, въ пользу г. Ленскаго, 15-го ноября 1846 года.

Въ С. Петербургѣ въ сентябрѣ 1848 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА :

Михайло Семеновъ Лилѣевъ, богатый купецъ.
Анна Львовна, жена его.
Надинька, дочь ихъ.
Юлія, ихъ племянница, отъ сестры Михайла Семеновича.
Александръ Николаевичъ Лирскій, женихъ Надиньки.
Викторъ Ивановичъ Волчковъ, бывший товарищъ Лилѣева по торговлѣ.
Плюшкинъ, домовой прикащикъ Лилѣевыхъ.
Яковъ, слуга Лилѣевыхъ.
Петръ, слуга Волчкова.
Гости.

АКТЕРЫ :

Г. Живокини 1.
Г-жа Сабурова 1.
Г-жа Павлова.
Г-жа Сабурова 2.
Г-нъ Максимовъ.
Г-нъ Ленскій.
Г-нъ Рославскій.
Г-нъ Ермоловъ 1.
Г-нъ Зеленинъ.

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ первомъ актѣ у Лилѣева, во второмъ у Волчкова

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ПОМОЛВКА.

Гостинная. Юлія, въ ситцевомъ платьицѣ, сидитъ у стола и шьетъ; на другой сторонѣ сцены Надинька, одѣтая по бальному, смотритса въ трюмо.

I.

ЮЛІЯ И НАДИНЬКА.

Надинька. Ну, что, Юлинька, хорошо-ли я одѣта? а?...
(Юлія, въ глубокой задумчивости, какъ будто ее не слышитъ). Какъ ты думаешь, понравлюсь-ли я ему въ этомъ нарядѣ? а? (Юлія все молчитъ). Да чтожъ ты мнѣ не отвѣчаешь? (Подходя къ ней). Что это! опять все такая-же печальная и задумчивая, какъ прежде!

Юлія (вздрыгнувъ). Ахъ, сестрица! сегодня мнѣ что-то особенно скучно!

Надинька. Не грѣхъ-ли тебѣ грустить въ день моего сговора?

Юлія. Оттого-то я и грущу, что ты выходишь за-мужъ,... да!... ты расстаешься съ нами и покидаешь меня одну, безъ всякой защиты и утѣшенія...

Надинька. Что ты! помилуй! съ тобой остается папенька.

Юлія. О! конечно, добрый дядюшка очень любить меня; но....

Надинька. Понимаю, что ты хочешь сказать.... онъ не такъ часто бываетъ ласковъ съ тобою, какъ-бы хотѣлъ. а маменька подчасъ вспыльчива.

Юлія. Я не жалуюсь на тетеньку, она такъ любитъ порядокъ въ хозяйствѣ, съ такимъ усердіемъ и дѣятельностію управляетъ всѣмъ домою, что, конечно, имѣетъ полное право и отъ меня требовать хоть сотую долю тѣхъ достоинствъ, которыя ее отличаютъ, и которыхъ, къ несчастію, у меня нѣтъ.

Надинька. О! ты ужъ слишкомъ скромна; но я умѣю цѣнить тебя, сестрица.

Юлія. Тебѣ хотѣлось, чтобъ я сегодня для твоего сговора еще съ утра одѣлась лучше....

Надинька. Ну, да... такъ что-же?...

Юлія. А тетенька сказала, что сегодня просто лишь помолвка, что нѣтъ никакой подобности въ будни одѣваться по праздничному, и что мнѣ, бѣдной сиротѣ, вовсе не прилично заниматься кокетствомъ. Я, разумѣется, и сама знаю, что я бѣдная сирота, и мое положеніе напоминаетъ мнѣ ту несчастную дѣвушку, въ сказкѣ, которую всѣ въ домѣ такъ несправедливо обижали...

Надинька. Ахъ, да!... Сандрильону!... (Смѣясь.) Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ былъ знатный вельможа, у него было три дочери... И теперь еще помню, какъ, бывало, рассказывалъ намъ эту сказку записной повѣса, который въ шутку и тебя называлъ Сандрильоной.

Юлія (въ волненіи). Повѣса, говоришь ты?

Надинька. Ну, да... повѣса Волчковъ, сынъ бывшаго нашего товарища по торговлѣ.

Юлія. Ахъ! гдѣ-то теперь этотъ добрый Викторъ Ивановичъ?... четыре года нѣтъ объ немъ никакого извѣстія!

Надинька. Кто-жъ ему велѣлъ дурачиться!.. По смерти своего отца онъ продолжалъ торговлю вмѣстѣ съ моимъ папенькой, и вдругъ, — какъ я послѣ слышала, потому что я тогда была еще ребенокъ, онъ началъ мотать, сдѣлался шалуномъ, нисколько не занимался своимъ дѣломъ, поссорился съ маменькой, отдѣлился отъ насъ и уѣхалъ.

Юлія. Это все такъ; но ты не говоришь о главной винѣ его.

Надинька. Какой?

Юлія. Онъ осмѣливался иногда сожалѣть обо мнѣ...

Надинька. Да... и даже нерѣдко шумѣлъ за тебя... помню.

Юлія. Однажды особенно онъ за меня разсердился... Тогда у насъ былъ назначенъ вечеръ. На тебѣ было богатое, щегольское платье, какъ теперь, а на мнѣ...

Надинька. Простое ситцовое, какъ теперь...

Юлія. Больно ужасно мнѣ было сдѣлаться невольною причиною его ссоры съ тетинькой... Это-то самое, конечно, и довело его до разрыва и отъѣзда.

Надинька (съ презрѣніемъ). Подлинно, большая жалость!..

(Спохватаясь и съ улыбкою.) Тѣмъ больше для тебя, потому что онъ всегда былъ ревностнымъ твоимъ защитникомъ.

Юлія. Мнѣ жаль собственно его самого: уѣхавъ, онъ лишился надежды нажать себѣ состояніе и сдѣлать выгодную партію.

Надинька. Партію?... какую это?

Юлія. Развѣ ты забыла? Со временемъ онъ долженъ былъ на тебѣ жениться.

Надинька (презрительно). Онъ!... Волчковъ!...

Юлія. По крайней мѣрѣ, такъ предполагали дядюшка и тетюшка.

Надинька. Вотъ хорошо, напримѣръ!... Волчковъ — мой мужъ! Вообразите, я была-бы г-жа Волчкова!...

Юлія. А что-жъ такое? развѣ это мѣшаетъ быть счастливой?

Надинька. Хорошо счастье съ мотомъ, сорванцомъ!

Юлія. Въ душѣ онъ добрый и честный молодой человекъ.

Надинька. Ну! говори себѣ тамъ что хочешь, сестрица, а ужъ меня уволь отъ такого мужа!... Не смотря на то, что они оба вмѣстѣ учились и всегда были дружны, мой теперешній женихъ — какая разница! Во-первыхъ красавецъ собою, отличнаго ума и поведенія, а сверхъ того — любить меня безъ памяти!... Александръ Николаичъ Лирскій... вотъ это такъ партія!... У меня будутъ званые вечера, я стану ѣздить въ каретѣ четвернею, буду всякій разъ отличаться на балахъ въ Благородномъ Собраніи... ахъ! просто, прелесть! (Подбѣгая къ окну.) Пстой, Юлинька!... кажется, кто-то пріѣхалъ. Такъ точно! я не ошиблась: это онъ, это Александръ!

Юлія. Я пойду къ тетюшкѣ... можетъ-быть, она меня спрашиваетъ.

Надинька (отходя отъ окна). Останься на минутку: хоть поздоровайся съ моимъ женихомъ.

Юлія. Но тетенька...

Надинька. Да останься-же!... Вотъ и онъ!...

II.

ПРЕЖНІЕ и ЛИРСКІЙ.

Лирскій, не видя Юліи и цѣлуя руку у
Надиньки.

О, милый другъ! и такъ свершилось
Желаніе души моея,
И счастье для меня открылось
Въ сіяньи радостныхъ лучей!
И какъ женихъ съ невѣстой, оба
Должны мы нынче клятву дать
Соединиться — и до гроба
Другъ-къ-другу вѣрность сохранять!
(Хочетъ опять поцѣловать у ней руку.)

Надинька (*тихо отнимая ее*). Мы здѣсь не одни... скажите также что-нибудь сестрицѣ.... (*Указываетъ на Юлію*.)

Лирскій (*обернувшись*). Виновать! тысячу разъ виновать, милая кузина!... вы мнѣ позволите васъ называть этимъ именемъ: я ужъ почти принадлежу къ вашему семейству...

(*Съ лѣвой стороны за кулисами слышенъ голосъ Лилъевой: „Юлія! Юлія!“*)

Юлія. Ахъ! тетенька! (*Спѣшитъ къ дверямъ налѣво. Лилъева входитъ.*)

—

III.

ПРЕЖНІЕ и ЛИЛЪЕВА.

Лилъева (*Юліи*). Что ты тутъ дѣлаешь, сударыня? Тебя и не докличешься. Развѣ ты забыла, что тебѣ надобно выдать бѣлье, серебро и посуду?

Юлія. Я ужъ все выдала, тетенька.

Лилъева. Прошу молчать!

Надинька (*подходя и съ ласкою*). Маменька! Сегодня грѣшно сердиться.

Лирскій. Позвольте и мнѣ тоже замѣтить.

Лилъева (*церемониально разкланиваясь*). Александръ Николаичъ! очень рада, что васъ вижу. Вы дали слово побывать у насъ до вечера, и какъ сказали, такъ и пріѣхали. Это дѣлаетъ вамъ честь: всегда надо быть аккуратнымъ.

Порядокъ и точность я ставлю за первое правило. Извините, если я сегодня немножко не въ духѣ: знаете, дѣло хозяйское... съ ногъ сбилась, хлопотавши! За всѣмъ все я одна присмотрѣть успѣвай: ни на кого нельзя понадѣяться. (*Указывая на Юлію.*) Тутъ племянница бѣлоручка ничего не хочетъ дѣлать; а тамъ муженекъ дорогой. (*Указываетъ направо, откуда раздается голосъ Лилъева.*)

Лилъевъ (*за кулисами, распѣвая.*)

«Плавала чара серебряная.»

Надинька. Папенька!

Юлія. Дядюшка!

Лирскій. Михайло Семенычъ!

Лилъева (*Лирскому*). Вотъ, сами изволите слышать: день-деньской хохочетъ только да распѣваетъ! Никакой нѣтъ солидности въ человѣкѣ!

—
IV.

ПРЕЖНИЕ И ЛИЛЪЕВЪ.

Лилъевъ, *продолжая пѣть.*

«Кому чару пить, кому выпивать?...»

Ха! ха! ха!... То-то мы нынчѣ повеселимся! Здорово, Нада!... (*Цѣлуетъ ее въ голову.*) Здравствуйте, зятекъ нарѣченный! (*Жметъ руку Лирскому.*)

Лилъева (*съ важностію*). Михайло Семенычъ!...

Лилъевъ. И, матушка! ворчи себѣ сколько хочешь; сегодня я тебя не слушаю! Сегодня на моей улицѣ праздникъ: я дочь благословляю и для-того гуляю!... ха! ха! ха!...

Лилъева (*строго*). Михайло Семенычъ! вы забываетесь!...

Лилъевъ. Ахъ, да! я и въ самомъ дѣлѣ забылъ племянницу... Юлинька! поди ко мнѣ, поцѣлуй меня!...

Юлія (*цѣлуя его*). Добрый дядинька!

Лилъевъ. Не унывай, дружокъ: придетъ и твоя очередь.

Лилъева. Что? что такое вы тамъ говорите?

Лилъевъ. Я говорю, что придетъ и ея очередь.

Лилъева. Замолчите, сударь! (*Юлію.*) А ты, сударыня,

Изволь идти къ официантамъ

Надинька, *удерживая Юлію.*

Ахъ, нѣтъ, татап! она при мнѣ

Должна быть нынче адъютантомъ!...

Лирскій, *взвѣсивъ на гасы.*

Я посиѣшу къ моей роднѣ

Сказать, чтобы не опоздали

И собрался — въ шесть часовъ,

А тамъ... *(тихо Лилъевой)* похлопочу о шали...

(Вслухъ) Въ семь ровно буду я готовъ!

Надинька, *протягивая къ нему руку, и
уводя Юлію.*

Прощайте!... тамъ насъ ждутъ обновки.

Лирскій, *цѣлуя у ней руку.*

Прощайте, милый геній мой!

(Смотря на нее съ нѣжностью.)

Ахъ! еслибъ смѣлъ я до помолвки....

Лилъева, *ему.*

Ну! поцѣлуетесь со мной!

(Лирскій ее цѣлуетъ, Надинька съ Юліей уходитъ нальво.)

Лилъевы.

В м ѣ с т ѣ .

И такъ до вечера, прощайте!

Не должно времени терять.

Смотрите-же, не опоздайте,

И не заставляйте долго ждать.

Лирскій.

И такъ до вечера, прощайте!

Не должно времени терять.

Лишь только вы не опоздайте,

А я ужъ не заставляю ждать.

(Уходитъ въ среднія двери.)

V.

ЛИЛЪЕВЪ и ЛИЛЪЕВА.

Лилъевъ *(всторону)*. Вотъ мы одинъ-на-одинъ! я нарочно ждалъ нынѣшняго дня поговорить о племянницѣ, теперь, или никогда. *(Потирая руки, смѣется.)* Э! хе! хе!...

Лилъева. Ну, что? у васъ опять все смѣхъ на умѣ?

Лилъевъ. Э! нѣтъ, матушка, у меня на умѣ дѣло очень важное.... я давно искалъ такого удобнаго случая съ тобой объ немъ потолковать.

Лилъева. Я слушаю.

Лилъевъ. Анна Львовна! вотъ наконецъ наша дочка и пристроена.

Лилъева. И пристроена, какъ нельзя лучше, благодаря моимъ стараніямъ.

Лилъевъ. Справедливо.... но не пора-ли подумать и о двоюродной сестрицѣ ея?

Лилъева. Юлія!...

Лилъевъ. Она двумя годами старше Нади.... Мы выдаемъ младшую.... зачѣмъ-же старшей въ дѣвкахъ оставаться?

Лилъева. Не спорю, и не меньше вашего желаю найти ей жениха.... даже можетъ быть еще и больше.... но гдѣ-жъ его взять? У ней нѣтъ ничего.

Лилъевъ. Это правда.... у бѣдняжки дѣйствительно нѣтъ ни копѣйки приданого.... Ну, а если-бы мы этакъ отъ себя чѣмъ-нибудь ее наградили?...

Лилъева. Что? что?... я хорошенько не разслышала....

Лилъевъ. Я говорю, если-бы мы дали за ней что-нибудь?.. вѣдь я знаю, матушка Аннушка, ты у меня въ душѣ предобрая, право!... А притомъ-же Юлинька дочь родной моей сестры; слѣдовательно....

Лилъева. Вамъ племянница; дѣло извѣстное.

Лилъевъ. Мы богаты.... у насъ около полумилліона...

Лилъева. Изъ которыхъ половину я вамъ принесла за собою.... Не чрезъ меня-ли вы и въ люди-то вышли? До нашей свадьбы, какой у васъ былъ капиталъ? Вы, такъ себѣ, въ маленькой лавченкѣ отмѣривали сукно аршинами.... а теперь вы одни изъ первыхъ оптовыхъ торговцовъ и давнымъ-давно почетный гражданинъ.

Лилъевъ. Дѣйствительно.

Лилъева. Не прогони я отъ васъ этого повѣсу Волчкова, который васъ отвлекалъ, — ваши дѣла пошли-бы совсѣмъ иначе. Ужъ и безъ того, давши за нашей дочерью двѣсти тысячъ наличными, мы лишаемъ себя половины состоянія.... Это, впрочемъ нашъ долгъ, наша обязанность... но не совершенно-же намъ разориться для вашей племянницы! Нынче-же женихи всѣ кусаются.... давай имъ и того, и сего....

Лилъевъ. Ну, однако-жъ, есть всякіе....

Лилъева. Ну, да оставимъ это! Вы хотите невозможнаго, Михайло Семенычъ.... и впередъ мнѣ объ этомъ не помните!...

Лилѣевъ (*вздохнувъ печально*). Пожалуй, дѣлать нечего!...
А что, еслибъ нашелся, безъ приданаго?

Лилѣева. Какъ-же!... во снѣ!...

Лилѣевъ. И на яву бываетъ....

Лилѣева. Въ романахъ.

Лилѣевъ. Поискать развѣ?... нѣтъ-ли межъ нашихъ знакомыхъ?

Лилѣева. Полноте, вы все вздоръ говорите!

Лилѣевъ. Да ты не мѣшай мнѣ, матушка.... авось я и прищу!... (*Почесывая затылокъ*.) Кто-бы, напримѣръ, этакъ, рѣшился взять Юлиньку безъ приданаго?... (*Входитъ Яковъ*.)

Яковъ. Письмо съ почты.

Лилѣева. Подай. (*Слуга подаетъ и уходитъ. Взглянувъ на штемпель*.) Изъ Иркутска.

Лилѣевъ. Изъ Иркутска?... Экая даль!... Отъ кого-же это?

Лилѣева (*разпечатавъ и взглянувъ на подпись*). Прошу покорно! отъ вашего головорѣза!

Лилѣевъ. Какого головорѣза?

Лилѣева. Ну, вашего друга, Волчкова!

Лилѣевъ (*съ радостью*). Виктора!...

Лилѣева. Это онъ пишетъ!... повѣса, негодай, мотыга!...

Лилѣевъ (*смѣясь*). Правда; а все-таки славный, дикой малый, шутникъ, весельчакъ, острякъ....

Лилѣева. А все-таки водить съ нимъ компанію отнюдь не шло человѣку степенному, торговому, отцу семейства.... потому я тотчасъ-же взяла васъ въ свои руки и прекратила всѣ ваши дружественныя сношенія. Четыре года не было объ немъ и слуху.... и я удивляюсь, какъ онъ осмѣлился къ вамъ писать!

Лилѣевъ. Да ты прежде прочти письмо-то!

Лилѣева. Чего тутъ ожидать путнаго! (*Читаетъ*.) „Добрые и не иные друзья мои! Не дивитесь, если вслѣдъ за „моимъ писмомъ я и самъ къ вамъ прискачу“.... Возможно-ли! какая дерзость!...

Лилѣевъ. Э! хе! хе!... хорошо, кабы онъ успѣлъ на свадьбу.... онъ-бы насъ потѣшил!

Лилѣева. Молчите и не мѣшайте! (*Продолжая читать*.)

„Въ молодости я таки довольно подурачился—но всему своя
 „пора, и я теперь на всѣхъ парусахъ спѣшу къ вамъ, въ
 „вашу тихую пристань. Счастливъ буду, если, послѣ бур-
 „наго начала, найду у васъ спокойную, семейную жизнь.“

Лилъевъ. Ой! ой! да ужъ не задумалъ-ли онъ женить-
 ся? Вотъ будетъ горемычная-то!..

Лилъева. Не мѣшайте-же, говорятъ вамъ! (*Продолжаетъ*).
 „Мнѣ фортуна улыбнулась на золотыхъ прінскахъ и я на
 „свою долю получилъ болѣе полутороста тысячъ...“

Лилъевъ. Каково!.. ай-да Викторъ!.. дай Богъ ему!..

Лилъева. Въ-самомъ-дѣль, онъ не такой пустой чело-
 вѣкъ, какъ я о немъ думала.... полтороста тысячъ!.. (*Про-
 должаетъ.*) „Но такъ какъ я ничуть не намѣренъ проматы-
 „вать и это состояніе, какъ промоталъ мое прежнее, то и
 „прошу васъ, добрые и истинные друзья мои, помѣстить эти
 „деньги въ ваши коммерческіе обороты. Только въ ва-
 „шемъ домѣ, въ вашемъ семействѣ надѣюсь я найти обез-
 „печенную и завидную будущность, отъ которой никогда-бы
 „я не долженъ былъ отказываться...“

Лилъевъ. Завидную будущность!..

Лилъева (*продолжая*). „Споровъ между нами никакихъ
 „быть не можетъ, и я заранѣе соглашаюсь на всѣ ваши
 „предложенія, потому что ужъ давно привыкъ считать васъ
 „родными...“

Лилъевъ. Родными!

Лилъева (*оканчивая*). „Примите увѣренія и прочая“, —
 Я въ немъ ошиблась.... онъ дѣйствительно честный чело-
 вѣкъ.

Лилъевъ. Конечно, честный: кто спорить въ этомъ!..
 но развѣ ты не поняла, куда онъ мѣтитъ?... говоритъ про
 завидную будущность въ нашемъ семействѣ.... давно считаетъ
 насъ родными.... онъ просто хочетъ жениться!

Лилъева. Очень понятно.... онъ напоминаетъ намъ о на-
 шихъ прежнихъ видахъ и хочетъ жениться на нашей дочери.

Лилъевъ. Да, поздно спохватился!.. Надинкинъ женихъ
 получше его.

Лилъева. Разумѣется лучше....

Лилъевъ. Такъ письмо мы въ печь бросимъ!..

Лилъева. Подождите.... послушайте, Михайло Семенычъ.... не приходитъ-ли вамъ на умъ то-же, что и мнѣ?...

Лилъевъ. Можетъ-быть, матушка.... только я не знаю, что-жъ такое?... скажи!

Лилъева. Не отдать-ли намъ за него.... вашу племянницу?...

Лилъева. Юлиньку? Какъ! за повѣсу!...

Лилъева. Полтора ста тысячъ, не шутка!... Вы-же сами сказали, что онъ славный малый....

Лилъевъ. Славный малый, да вѣдь мотыга....

Лилъева. Добрякъ, весельчакъ.... вы сами сказали.

Лилъевъ. Мотъ, повѣса.... не ты-ли говорила?

Лилъева. Юлія отъ всего его удержитъ: она воспитана въ страхъ Божиемъ и притомъ прекрасная хозяйка, милое дитя! Сама судьба посылаетъ ей такое счастье....

Лилъевъ. Но подумай, матушка....

Лилъева. Полтора ста тысячъ вновь пополняютъ нашу кассу и дѣла у насъ нойдутъ совершенно по прежнему.... Грѣшно было-бы намъ не позаботиться о бѣдной сиротѣ....

Лилъевъ. Однако-жъ....

Лилъева. Да вотъ и она!... Поди сюда, Юлинька! Поди, моя красавица! *(Юлія входитъ слѣва, Лилъева идетъ къ ней на встрѣчу и осыпаетъ ее ласками.)*

VII.

ПРЕЖНІЕ И ЮЛІЯ.

Юлія. Тетенька.... *(Всторону, съ удивленіемъ.)* Что съ ней сдѣлалось?

Лилъева. Вѣрно ты хочешь мнѣ что-нибудь сказать, душенька, а?

Юлія *(всторону)*. Опять! *(Вслухъ.)* Надинька спрашиваетъ у васъ, какія серьги и ожерелье вы надѣть ей прикажете?

Лилъева. Ну, а сама-то ты, душечка....

Юлія *(всторону)*. Чудеса!...

Лилъева. Развѣ не хочешь принарядиться? а? вѣдь мододенькія дѣвушки любятъ пощеголять, и это очень извинительно.... Ты-же такая у меня хорошенькая!...

Юлія. Но вѣдь вы, тетенька, сами мнѣ запретили...

Лилъевъ. Ну да, вѣдь ты сама ей запретила...

Лилъева. Молчите, мы это уладимъ. Я давеча и изъ ума вонъ, что вѣдь ты одна изъ самыхъ близкихъ подругъ невѣсты и должна быть при ней неотлучно. Пойдемъ, Юлинька. *(Беретъ ее за руку, потомъ обращается къ мужу и тихо говоритъ ему.)*

Юлія *(всторону)*. И ласкаетъ, и одѣваетъ!... я, просто, ее не узнаю!... *(Увидя, что она горячо разговариваетъ съ мужемъ.)* А! понимаю.... вѣрно дядюшка ее упросилъ.... спасибо вамъ, добрый дядюшка!...

Лилъева *(мужу)*. Слышите?... Волчковъ, можетъ-быть, того-и-гляди пріѣдетъ, такъ вы сейчасъ мнѣ дайте знать.

Лилъевъ. Слышу, матушка.... но ужъ ни за что на свѣтъ не соглашусь.

Лилъева. Да никто и не просить вашего согласія; а вы дѣлайте, что вамъ сказано. Пойдемъ, Юлинька. *(Уходя налево.)*

VIII.

Лилъевъ *(одинъ)*. У жены моей до того твердъ характеръ, что сладу съ ней нѣтъ никакого: рта мнѣ разинуть не даетъ! Признаться откровенно, нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ если жена ужъ черезъ-чуръ умная женщина!

Жена мол такая мастерица,
 Что цѣлый домъ въ рукахъ у ней; а я
 Последняя здѣсь спица въ колесницѣ —
 И за-урядъ попался къ ней въ мужа:
 Она одна хозяйствуетъ, хлопочетъ,
 И строго такъ ведетъ себя всегда,
 Что мужъ у ней иголки не подточить....
 А это-то для мужа и бѣда!...

Но какъ-бы ни было, я все-таки всячески буду стараться помѣшать этой свадьбѣ, и если только Волчковъ.... *(За средними дверями слышенъ голосъ Волčkова.)*

Волчковъ *(за дверями)*. Полно ты, Яковъ! не безпокойся: я и безъ тебя знаю дорогу.

Лилъевъ. Вотъ и онъ, какъ снѣгъ на голову! Прежде я радовался его прїѣзду, а теперь боюсь....

IX.

ЛИЛЪЕВЪ И ВОЛЧКОВЪ.

Волчковъ. А! здорово, старый дружище!... Обнимемся, мой добрый! (*Цѣлуетъ его.*)

Лилъевъ. Здравствуй, Вита!...

Волчковъ. Цѣлыхъ четыре года мы не видались.... сколько воды утекло съ-тѣхъ-поръ!... Однако-жъ ты еще потолстълъ и посвѣжѣлъ!...

Лилъевъ. Веду себя аккуратно.

Волчковъ. Что и говорить! Скромникъ въ три обхвата!

Лилъевъ. Полно, пожалуйста!

Волчковъ (*треплетъ его по-брюху*). Да ужъ такъ-то полно.... ну, а какой отвѣтъ на письмо мое?... вѣдь ты его получилъ?

Лилъевъ (*всторону*). Вотъ оно!... (*Ему.*) Получилъ.

Волчковъ. Что думаетъ о немъ Анна Львовна? Надѣюсь, ей прїятно, что я остепенился и хочу переменить образъ жизни.... Ты не вѣришь?... Нѣтъ, ей-ей! надоѣли всѣ эти холостыя проказы!... Ну ихъ!

Лилъевъ. А помнишь, какъ къ тебѣ присылали, бывало, записочки на розовой бумажкѣ за печатью съ надписью: „Сердце и хижина!“

Волчковъ. Да хорошъ я былъ шалашъ, что вѣрилъ этой хижинѣ. Впрочемъ это сердце съ хижиной были адресованы не ко мнѣ, а къ одному прїятелю. Я былъ только почтальономъ. Нѣтъ, баста!... Теперь все кончено!...

Баста! въ жизни я моей
Пошамилъ довольно,
Хоть дѣянья прежнихъ дней
Въ памяти невольно....
Помню васъ я, удалцы,
Молодые вѣтки,
Вы, московскіе купцы,
Батюшквы дѣтки!

Помню, какъ бывало мы
 Чаю пить сойдемся,
 И потомъ до кутерьмы
 Вдосталь перепьемся,
 При пирушкахъ и винѣ
 Былъ я гость желанный,
 И прозванье было мнѣ :
 «Викторъ-окаянный!» —
 Баста! въ жизни я моей
 Пошалилъ довольно....
 Но дѣляя прежнихъ дѣей —
 Въ памяти и вольно!...

Лилѣевъ (*всторону*). Онъ все еще припоминаетъ....
 бѣдная племянница! (*Вслуухъ*). Понимаю : тебѣ опять-бы за
 тоже!

Волчковъ. Съ чего-жъ ты это взялъ, и за кого-жъ ты
 меня принимаешь? Развѣ я ребенокъ, котораго можно соб-
 лазнить?... Нѣтъ, я ужъ обстрѣленная птица!... Викторъ-ока-
 янный теперь сталъ Викторъ Ивановичъ Волчковъ, и ввѣряетъ
 вашему дому и судьбу свою и капиталъ.... Говорилъ ты съ
 Анной Львовной? чѣмъ вы рѣшили?...

Лилѣевъ. Чѣмъ я рѣшилъ?... то-есть : я?... (*Всторону*)
 Слуга покорный!

Волчковъ. Ну, что-жъ ты мнѣ не отвѣчаешь?...

Лилѣевъ. Мой отвѣтъ коротокъ.... Конечно, Витя, мы все-
 гда жили съ тобой душа въ душу, нерѣдко вмѣстѣ погули-
 вали.... все это правда.... однако-жъ....

Волчковъ. Да кой прахъ! къ чему всѣ эти околичности?
 прямо къ дѣлу!

Лилѣевъ. Теперь ужъ я тебѣ не пара.... я отецъ, чело-
 вѣкъ солидный, и скоро, можетъ-быть, попаду въ дѣдушки,
 потому что Надиньку за-мужъ отдаю.

Волчковъ. Что? что такое?...

X.

ПРЕЖНИЕ и ЛИРСКІЙ.

Лирскій (*въ среднихъ дверяхъ*). Отнесите это къ Аннѣ
 Львовнѣ и Надеждѣ Михайловнѣ....

Волчковъ. Знакомый голосъ!... Ба!... Александръ!... мой одноклассникъ!...

Лирскій (*подбѣгая къ нему*). Викторъ!... Сибирякъ!... Давно-ли ты прѣхалъ? (*Обнимаются*).

Волчковъ. Съ часъ какой-нибудь.

Лилѣевъ (*Волчкову*). Рекомендую нарѣченнаго зятя.

Волчковъ (*Лирскому*). Неужели?

Лилѣевъ. Точно такъ.... вотъ мой отвѣтъ.... а вы можете обратно отправиться въ Сибирь, если вамъ угодно.... туда вамъ и дорога!

Волчковъ и Лирскій. Въ Сибирь!...

Лилѣевъ. Или въ театральныя кресла, глазѣть на прыжки да пируеты.

Волчковъ. Что съ нимъ?

Лирскій. Что это значить?

Лилѣевъ. А я пойду сейчасъ и скажу женѣ, что я глава въ семействѣ!

Волчковъ. Глава, видно, голову потеряла! (*Лилѣевъ уходитъ направо.*)

XI.

ВОЛЧКОВЪ И ЛИРСКІЙ.

Волчковъ. Онъ рѣшительно съ ума сошелъ : дражайшая супруга Анна Львовна совсѣмъ его завертѣла, бѣдняжку!... Но поговоримъ лучше о тебѣ, мой другъ.... Такъ ты скоро будешь ихъ зять?... Отъ всей души тебя поздравляю, мой милый!...

Лирскій. Ты удивишь меня, Викторъ.... кажется, когда-то ты самъ имѣлъ виды на Надиньку?...

Волчковъ. Правда, когда-то хотѣли насъ женить, только на это никогда не было моего согласія. Развѣ я тогда годился для женатой жизни? Я былъ повѣса, головорѣзь... Вотъ ты, такъ другое дѣло...

Лирскій. Оставя шутки, я тебя увѣряю, ты-бы и самъ женился, если-бъ могъ найти въ мірѣ еще такое-же совершенное созданіе, какъ Надинька.

Волчковъ. Э! полно, сдѣлай милость! Въ міръ всѣ созданія совершенны...

Лирскій. Ну, однако-жь....

Волчковъ. Каждое въ своемъ родѣ, разумѣется.... А впрочемъ, я не столько въ женщинахъ не увѣренъ, сколько самъ въ себѣ: я знаю свой слабый характеръ.... не съумю угождать.... для меня вѣчная любезность тоже, что философскій камень, квадратура круга.... идеаль неуловимый!...

Лирскій. Ну, такъ я о тебѣ жалю, что ты не понимаешь моего блаженства!

Волчковъ. Напротивъ, очень понимаю.

Лирскій. Надина моя первая любовь.... Надина будетъ и послѣднею!

Волчковъ. Вѣрю.

Лирскій. Клянусь дышать только ею, предугадывать ея малѣйшія желанія и всегда во всемъ ей угождать.

Волчковъ. Еще-бы!... ха! ха! ха!..

Лирскій (*продолжая*). У насъ не будетъ ни ссоръ, — ни даже тѣни къ подозрѣнію или ревности!...

Волчковъ. Ха! ха! ха!... ни дать, ни взять — Палемонъ и Бавкида въ древности!...

Лирскій. Идутъ.... это вѣрно Надина.

Волчковъ. Нѣтъ, — будущая твоя теща.... (*Всторону.*) Вотъ встрѣтитъ-то меня, я думаю!...

ХП.

ПРЕЖНИЕ И ЛИЛЪЕВА,

Лилъева (*съ радостнымъ лицомъ, входя съ лѣвой стороны*). Ахъ! Викторъ Ивановичъ! сколько лѣтъ, сколько зимъ мы съ вами не видались! (*Цѣлуетъ его*).

Волчковъ (*всторону съ удивленіемъ*). Вотъ что-то новенькое!

Лилъева. Милости просимъ, гость дорогой!

Волчковъ. Анна Львовна....

Лилъева (*Лирскому*). Александръ Николаичъ! васъ ждуть къ себѣ Надинька и.... (*ударяя на слѣдующія слова*) Юлинь-

ка, наша милая племянница : онѣ обѣ тамъ любятъся вашими подарками.

Лирскій (*тихо Виктору, пожимая ему руку*). До свиданія... о чемъ она хочетъ съ тобою горорить?

Волчковъ. Не знаю.

Лилѣва (*Лирскому*). Вы слышали?

Лирскій. Бѣгу, маменька. (*Уходитъ налево*.)

Волчковъ (*смотря съ удивленіемъ на Лилеву, въ то время, какъ она провожаетъ Лирскаго*). „Милая племянница!“ Прежде, бывало, она не такъ обѣ ней отзывалась.... Тѣмъ лучше : я радъ за бѣдняжку.

XIII.

Лилѣва. Да гдѣ-же Михайло Семенычъ?... (*Встопону*). Ужъ вѣрно баклуши бьетъ! (*Лилевъ робко входитъ съ правой стороны*).

Волчковъ. Вотъ онъ, къ вашимъ услугамъ.

Лилѣвъ (*встопону*). Они съ женой вдвоемъ.... охъ, страшно!

Лилѣва (*мужу*). А! насилу вы явились... гдѣ это вы были? Я, кажется, васъ просила подождать здѣсь пріѣзда Виктора Иваныча, принять его, какъ дорогаго гостя и друга....

Волчковъ. Онъ таки меня такъ и принялъ, Анна Львовна.

Лилѣвъ. Ко.... конечно....

Лилѣва. Я поручила вамъ сказать Виктору Иванычу....

Волчковъ. О вашихъ намѣреніяхъ?... онъ таки и исполнилъ ваше порученіе : сказалъ, чтобъ я опять въ Сибирь отправился.... (*Лилевъ знаками проситъ его замолчать*.)

Лилѣва (*съ гнѣвомъ обращаясь къ мужу*). Возможно-ли! да вы съ ума сошли, что-ли?... Право, вы только и годитесь на свой аршинъ сукно мѣрить!

Лилѣвъ (*обидясь*). Ахъ, матушка! ахъ, Анна Львовна!

Волчковъ (*встопону*). Что съ ними такое?

Лилѣва (*любезничая*). Викторъ Иванычъ!...

Волчковъ. Что прикажете?

Лилѣва. Теперъ мы втроемъ должны серьезно и по-дружески объясниться.... Не угодно-ли вамъ сѣсть?

Волчковъ (*всторону*). Какія приготовления! что за смѣшныя лица!...

Лилѣва (*тихо, мужу*). Я хочу поправить вашу глупость.... а вы меня поддержите!

Лилѣвъ (*тоже*). Хорошо; только я, право, не согласенъ. (*Всѣ трое садятся: Лилѣва въ серединѣ, Лилѣвъ по лѣвую, а Волчковъ по правую руку.*)

Лилѣва. Викторъ Ивановичъ! пріятное письмо ваше отъ 14-го числа прошедшаго мѣсяца, мы имѣли удовольствіе получить и прочесть съ достодолжнымъ вниманіемъ....

Волчковъ (*всторону*). Наконецъ дождался отвѣта!

Лилѣва. Предложеніе ваше весьма для насъ лестно, и мы отъ всей души желаемъ какимъ-нибудь образомъ сдѣлать вамъ угодное.

Волчковъ. Стало, есть препятствіе?

Лилѣва. Супругъ мой долженъ былъ васъ извѣстить, что мы любезнѣйшую дочку нашу Надежду Михайловну уже просватали.

Волчковъ. Знаю; ужъ и видѣлся съ женихомъ. Позвольте мнѣ....

Лилѣва (*перебивая*). Но, это ничего, можно еще все поправить....

Волчковъ. Что такое поправить?...

Лилѣва. Намѣреніе ваше вступить къ намъ въ семейство еще можетъ исполниться.

Волчковъ. Что вы говорите?...

Лилѣва. Викторъ Ивановичъ!...

Волчковъ. Чего изволите?...

Лилѣва. У насъ есть еще другое дѣтище.

Волчковъ. Неужели?... послѣ меня прибавилось?... (*Лилѣва стыдливо дѣлаетъ знакъ отрицанія; Лилѣвъ хохочетъ, она взглядомъ его останавливаетъ.*)

Лилѣва. У насъ есть племянница.

Волчковъ (*равнодушно*). Да!... Юлинька!... помню, какъ-же!... премилая дѣвушка.

Лилѣвъ (*всторону*). Охъ, бѣда!...

Лилѣва. Прекрасная дѣвушка! ужъ можно чести приписать!... (*Тихо, мужу.*) Да говорите-же!

Лилѣвъ. Да.... оно конечно.... Юлинька.... не то, что-бы....

Лилѣва. Молчите!

Волчковъ. Нѣтъ, Юлинька дѣйствительно рѣдкой души и добрѣйшаго характера.

Лилѣва. Неправда-ли? (*Тихо, мужу.*) Слышите?...

Лилѣвъ (*всторону*). Морозъ по кожѣ!...

Лилѣва (*съ одушевленіемъ*). А сверхъ того она превосходно воспитана: говоритъ по-французски, по-нѣмецки... и на другихъ языкахъ умѣетъ; играетъ на фортепьянахъ, поетъ, рисуешь, польку танцуетъ... все это необходимая вещь для свѣта, чтобы, знаете, не стыдно было въ гости выхажь... А ужъ что касается до хозяйства, такъ этакой еще хозяйки со свѣчкой поискать: она ведетъ бухгалтерію, шьетъ по канвѣ и въ-гладь, кроить всякія платья, солить ягоды, варить варенья — и даже кухмистерскую часть отлично понимаетъ... Словомъ: не жена, а золото!...

Лилѣвъ (*всторону*). Такъ и сыплеть! что за голова и за языкъ у женщины!

Волчковъ (*всторону*). Но къ чему ведутъ всѣ эти похвалы?...

Лилѣва. Слѣдовательно, я не даромъ вамъ говорила, Викторъ Ивановичъ, что все можно еще поправить, и если ужъ намъ нельзя назвать васъ своимъ зятемъ....

Волчковъ (*всторону*). Зятемъ!...

Лилѣва. То все-таки не менѣе того отъ васъ зависить быть нашимъ любезнѣйшимъ племянникомъ....

Волчковъ (*вскочивъ со стула, и въ изумленіи*). Племянникомъ?... А!... такъ вотъ что!... теперь понимаю!...

Лилѣва (*замѣтивъ его движеніе, встаетъ также въ одно время съ мужемъ*). Понятно кажется... вашъ отвѣтъ, Викторъ Ивановичъ?...

Волчковъ. Но, признаюсь вамъ, Анна Львовна... (*Всторону*). Юлинька!... Мнѣ быть ея мужемъ?... Вотъ выдумали!...

Лилѣва (*всторону*). Молчите... ахти!

Лилѣвъ (*тоже*). Не хочеть... очень радъ!...

Лилѣва (*тихо и съ гнѣвомъ мужу*). Да скажите вы хоть слово... что вы все одну меня говорить заставляете!...

Лилѣвъ (*тихо жепъ*). Въ самомъ дѣлѣ... (*Вслушъ*). Ну, какой-же вашъ... твой отвѣтъ, Витя?... а?...

Волчковъ. О! и ты также въ свою очередь меня спра-

шниваешь?... Изволь.... (*Учитиво поклоняся Лилъевой и переходя въ середину.*) Любезный другъ!... я не женюсь на твоей племянницѣ!...

Лилъева. Какъ?...

Лилъевъ. Ой-ли?...

Волчковъ. Я никогда и не думалъ жениться....

Лилъевъ (*тихо*). Спасибо, Витя!...

Лилъева (*скоцфузясъ*). Такъ зачѣмъ-же вы, сударь, къ намъ писали?...

Волчковъ. Я просилъ, чтобъ вы приняли меня къ себѣ въ торговлю и по прежнему хотѣлъ у васъ помѣстить свой капиталъ, въ той надеждѣ, что въ вашихъ рукахъ онъ будетъ цѣлѣе и принесетъ мнѣ гораздо больше пользы.

Лилъева. А!... ну, это дѣло другое!... мы послѣ, сударь, объ этомъ подумаемъ....

Лилъевъ (*съ радостнымъ лицомъ*). Да!... да, мы послѣ, Витя, подумаемъ!

Лилъева. Извините, если я васъ оставлю, нынче у насъ такой день, знаете.... пропасть хлопотъ, приготовлений... Имѣю честь кланяться! (*Холодно и церемонно раскланивается.*)

Волчковъ (*также*). Мое почтеніе!...

Лилъевъ (*тихо и пожимая ему руку*). Не уѣзжай!... я тобой доволенъ!...

Лилъева (*оборачиваясь, мужу*). Вы что тутъ дѣлаете?

Лилъевъ. Иду, иду, матушка! (*Оба уходятъ въ среднія двери.*)

—

ХІІІ.

Волчковъ (*одинъ*). Покорнѣйше благодарю!... нѣтъ, ужъ на что-же!... Ни къ селу, ни къ городу затѣяли женить меня на племянницѣ!... какъ-будто я могу когда-нибудь сдѣлаться мужемъ дѣвушки, которая меня можетъ быть и не любить и всегда знала за повѣсу!... И не грѣхъ-ли этой Аннѣ Львовнѣ губить навѣкъ счастье своей племянницы?... Да я самъ на это не соглашусь!... Положимъ, я повѣса, но все-таки въ душѣ честный человѣкъ и ни за что не дамъ

слова, если оно не принесетъ пользы мнѣ, а можетъ еще повредить другимъ.

—
XV.

ВОЛЧКОВЪ И ЮЛІА.

Юлія (*въ балномъ платьѣ, говоритъ въ среднихъ дверяхъ, не видя Волчкова*). Но я васъ увѣряю, я не виновата: вы сами мнѣ приказали, тетенька....

Волчковъ (*всторону*). Что?... тетенька?... кто тамъ? (*Отходитъ въ глубину сцены въ правую сторону, между-тѣмъ какъ Юлія все еще въ дверяхъ.*) Ахъ!... да это она!

Юлія (*все тамъ-же, кому-то указывая рукой*). Сюда, Яковъ, сюда....

Волчковъ (*всторону*). Юлинька!...

Юлія (*подходитъ къ аванъ-сценѣ и печальная садится у стола по лѣвую сторону, все не замѣчая Волчкова*). Ну вотъ, тетенька опять передумала!... Прежде сама съ такимъ удовольствіемъ велѣла мнѣ надѣть это платье, цвѣты и жемчужное ожерелье.... а теперь сердится!...

Волчковъ (*всторону*). Что она тамъ съ собою говоритъ?... И все такая-же печальная!... (*Тихонько подходитъ къ ней и слушаетъ за стуломъ.*)

Юлія. Она называетъ меня кокеткой.... чѣмъ-же я кокетка?... Я развѣ просила у ней это щегольское платье?... и завтра развѣ стану о немъ жалѣть?... Нѣтъ, право, мнѣ все равно.... я было только обрадовалась одному, что она была со мной такъ ласкова.... но, отчего-же она вдругъ опять перемѣнилась?...

Волчковъ (*выходя изъ за-стула*). Я это вамъ объясню, Юлія Александровна.

Юлія (*вскочивъ*). Ахъ, Викторъ Ивановичъ!... вы здѣсь!... Вы конечно пріѣхали на свадьбу къ сестрицѣ?

Волчковъ. Вовсе нѣтъ; я даже ее и не увижу, сію-же минуту обратно уѣду — и навсегда.

Юлія. Навсегда!

Волчковъ. Но прежде мнѣ хочется отвѣчать на вопросъ, который сей-часъ вы сами себя сдѣлали.... Вотъ видите-ли,

тетенька престраннымъ образомъ придумала было.... выдать васъ за мужъ....

Юлія. Меня....

Волчковъ. Да.... и за кого-же?... за челоѣка, котораго она называетъ негодяемъ, повѣсою, сорванцемъ....

Юлія (*испугавшись*). Ахъ, что вы говорите!...

Волчковъ. Короче.... за меня!...

Юлія (*невольно вскрикнувъ отъ волненія и удивленія*). За васъ!...

Волчковъ. О! я зналъ напередъ, что это васъ перепугаетъ.... хорошъ муженекъ, нечего сказать! И какъ не грѣшно, какъ не стыдно вашей тетушкѣ забрать себѣ въ голову такую мысль!.. Но успокойтесь, Юлія Александрова! Я могъ дѣлать глупости, но никогда не рѣшусь на черное дѣло.... и въ доказательство, какъ я васъ люблю, уважаю и сожалѣю о васъ.... я первый самъ торжественно отказался быть вашимъ мужемъ!...

Юлія (*печально и удаляясь отъ него*). А!... вы отказались?...

Волчковъ (*взглянувъ на нее, всторону съ удивленіемъ*). Что это?... кажется это ее огорчаетъ?... (*подходя къ ней*). Вѣдь я хорошо поступилъ, не правда-ли?...

Юлія (*съ усиліемъ*). Конечно, Викторъ Иванычъ.... вы поступили, какъ честный челоѣкъ и я отъ всего сердца благодарю васъ за вашу искренность.

Волчковъ. Но отчего-жъ у васъ слезы навернулись?

Юлія (*смѣшавшись*). Я все думаю: за что тетенька такъ меня ненавидитъ!...

Волчковъ. А! стало вы сами признаетесь, что вамъ здѣсь житье не совсѣмъ завидное?...

Юлія. Я бѣдная сирота.... Ребенкомъ осталась я послѣ покойной матушки, здѣсь выросла въ домѣ и никогда не забуду благодарній тетеньки.... Она по родству заботится обо мнѣ, надзираетъ за мною.... но.... вотъ и все тутъ!... Нѣтъ въ ней этой любви ко мнѣ, этой нѣжной привязанности, которая одна утѣшаетъ насъ въ жестокой крайности жить на счетъ другихъ.... Я знаю, я не имѣю права жаловаться; она страстно любитъ дочь свою, и очень натурально, что она боится удѣлить хоть частичку этой любви дѣвушкамъ, совершенно ей

посторонней.... И теперь.... теперь, когда сестрица выйдет за мужъ и уѣдетъ отъ насъ.... я останусь здѣсь одна.... одна....

Волчковъ. Съ Анной Львовной.... (Всторону.) Въ самомъ дѣлѣ это ужасно!..

Юлія. Я въ глазахъ ея какое-то бремя, которое тяготитъ ее на всю жизнь, и мое безпрестанное присутствіе еще болѣе будетъ ей напоминать, что дочери ея ужъ съ ней нѣтъ. Вы понимаете, Викторъ Ивановичъ, какая судьба меня ожидаетъ!..

Волчковъ. Я съ вами согласенъ.... и нѣтъ средства этому помочь!..

Юлія. Никакого....

Волчковъ. Ахъ, нѣтъ!.. (Всторону.) Можетъ быть мнѣ удастся ее избавить и не бывши ея мужемъ!..

Юлія. Что вы хотите сказать?..

Волчковъ. Юлія Александровна! угодно вамъ прямо, по сердцу говорить со мною, не такъ, какъ съ женихомъ, котораго вамъ тетушка назначаетъ.... ужъ на этотъ счетъ между нами кончено.... а такъ, какъ съ другомъ вашимъ, съ братомъ.... угодно?

Юлія. Извольте.

Волчковъ. Вы молоды, вы прекрасны.... безъ сомнѣнія и у васъ, такъ-же, какъ и у вашей сестрицы, были свои искатели, и не возможно-же, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ не обратилъ на себя особеннаго вниманія....

Юлія. Какъ, сударь! вы думаете....

Волчковъ. Вы, конечно, не только ему объ этомъ не говорили, но даже и сами въ себѣ не сознавались!.. Но, если это правра, и я васъ угадалъ, — откритесь мнѣ по душѣ, не краснѣйте!.. Я уничтожу всѣ препятствія; я съумѣю склонить вашу тетушку и родныхъ этого молодаго чело-вѣка.... и если однихъ словъ не будетъ достаточно.... Юлія Александровна! вспомните, я говорю съ вами, какъ съ сестрою.... Случайно пришлось мнѣ на золотыхъ пріискахъ найти слишкомъ полтораста тысячъ, которыя того-гляди я опять проживу, потому что Анна Львовна съ своимъ супругомъ, кажется, не хотятъ ихъ принять въ оборотъ.... И такъ.... лучше я употреблю хоть половину изъ нихъ для вашего счастья.... и эта половина, повѣрьте, принесетъ мнѣ такіе проценты,

которыхъ я ни съ чѣмъ не сравню.... О! не откажите мнѣ въ этомъ, моя добрая Юлія! Позвольте мнѣ хоть разъ въ жизни сдѣлать что-нибудь порядочное и загладить мои прежнія глупости!...

Юлія (*разстроганная*.) Ахъ! такое благородство души!...

Волчковъ. Скажите-же, кто тотъ, котораго вы любите, и который васъ любитъ?...

Юлія. У меня никого нѣтъ, сударь.... никого. Взоры всѣхъ были обращены на хозяйскую дочь, наследницу.... а мною никто никогда не занимался.

Волчковъ. Какая досада! а я было такъ хорошо придумалъ!...

Юлія. О! не думайте больше обо мнѣ: я ужъ привыкла къ моей участи! Но я была-бы слишкомъ неблагодарна и несправедлива, еслибъ когда нибудь могла забыть о томъ.... (*смотря на него*) кто два раза въ моей жизни и въ двухъ случаяхъ, совершенно отдаленныхъ одинъ отъ другаго, изъ-явилъ мнѣ сердечное участіе и истинное расположеніе....

Волчковъ (*въ свою очередь смотря на нее съ такимъ-же волненіемъ*). Въ двухъ случаяхъ?...

Юлія. Четыре года тому назадъ, онъ разсорился за меня съ тетенькою, уѣхалъ.... и лишился надежды на хорошее состояніе, на богатую женитьбу, потому что осмѣлился меня защищать.

Волчковъ. Какъ! неужели!... вы все это помните....

Юлія. О! умру—не забуду! и сегодня опять онъ-же съ такимъ великодушіемъ хотѣлъ устроить мою судьбу, мое счастье.... Это было не въ его власти и я должна была отказаться отъ его пожертвованій.... но все-таки своею безпримѣрною добротою и благородствомъ души онъ приобрѣлъ права на вѣчную мою признательность.

Волчковъ. Что я слышу!...

Юлія.

Онъ другъ мой, братъ мой, вы сказали....

Но оставляетъ онъ меня!...

И безъ него въ тоскѣ, въ печали....

Увянетъ скоро жизнь моя!...

Но... что-же дѣлать!... уѣзжайте...

Сгубите всѣ мои мечты....

Забудьте Юлію... прощайте !...

(Рыдая).

Страданье — участь сироты !...

Волчковъ. О! нѣтъ, нѣтъ! я съ вами не разстанусь!...

Въ душѣ моей вы пробудили
Надежду быть достойнымъ васъ,
И новый міръ вы мнѣ открыли:
Себя я повялъ лишь сейчасъ!...
Не будетъ горькими слезами
Питаться жертва нищеты:
Клянусь святыми небесами
Составить счастье сироты!...

(По окончаніи куплета, осыпаетъ поцѣлуями руки Юліи; въ это время входятъ Лилъевы, Лирскій и всѣ приглашенные къ помолвкѣ.)

XVI.

ПРЕЖНИЕ ; ЛИЛЪЕВЪ, ЛИЛЪЕВА, НАДИНЬКА. ЛИРСКІЙ, родственники и гости.

Лилъевъ (въ удивленіи). Ба! ба! ба!...

Лилъева (всплеснувъ руками). Какой соблазнъ!...

Волчковъ (Юліи). Успокойтесь.... (Беретъ Юлію за руку и съ достоинствомъ обращается къ Лилъевымъ, въ виду всѣхъ дѣйствующихъ.) Михайло Семенычъ! Анна Львовна! имѣю честь торжественно просить у васъ руки Юліи Александровны!

Юлія (съ крикомъ невольной радости). Ахъ!

Лилъева. Возможно-ли?

Лирскій (Волчкову). Ты хочешь жениться! ты? ...

Надинька. Бѣдная сестра!

Хоръ.

И такъ приходитъ намъ случайно
На двухъ помолвкахъ пировать....
Ну, что-жь! мы рады чрезвычайно
Душой имъ счастья пожелать!

волчковъ, Лилъевой, указывая на Юлію.

Вы сдѣлали мнѣ честь, на этомъ самомъ мѣстѣ
Изволили ея мнѣ руку обѣщать;

Теперь я васъ прошу сказать моей невѣстѣ:
Угодно-ль вамъ меня племянникомъ назвать?

(Тихо). А мнѣ приданого не надо...
(Взглянувъ на Юлію). Вотъ лучшая моя награда!...

ЛИЗЬЕВА (ослухъ)

Что-жь! съ Богомъ!... я... я очень рада!

ЛИЗЬЕВЪ.

О нѣтъ! позвольте мнѣ сказать...

ЛИЗЬЕВА, мужу, повелительно.

Пойдемте ихъ благословлять!

ЛИЗЬЕВЪ, тихо, и отвѣдя ее всторону.

Жена! разсчетами своими

Ты губишь дѣвку!...

ЛИЗЬЕВА, также

Что за вздоръ!

Я стану надзирать за ними!...

ЛИЗЬЕВЪ, всторону, съ отгнаніемъ.

Ну! вѣрно поселить раздоръ!...

хоръ.

И такъ приходитъ намъ случайно и прог.

ЛИРСКІЙ, тихо Волчкову.

Ужели, Викторъ, ты не въ шутку

Жену задумалъ взять себѣ?

Но твоему, мой другъ, разсудку

Я удивляюсь тебѣ!...

ВОЛЧКОВЪ.

Что-жь, я тебѣ не удивляюсь?

ЛИРСКІЙ.

Я по любви иду вѣнца!...

ВОЛЧКОВЪ.

А я по случаю вѣнчаюсь:

Любовь и случай—два слѣнца!

Оставимъ эти поученья!...

(Лизьевымъ)

За чѣмъ-же время намъ терять?

Мы ждемъ отъ васъ благословенья,

ЛИЗЬЕВЫ.

Пойдемте ихъ благословлять!..

Хоръ.

И такъ приходитъ намъ случайно, и прог.

(Всѣ дѣйствующія лица идутъ чрезъ среднія двери въ залу.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(ДВА ГОДА ПОСЛѢ СВАДЬБЫ).

Комната, убранная со вкусомъ.

I.

Волчковъ (*одинъ, входитъ въ среднія двери, бросаетъ шляпу и перчатки на столъ*). Уфъ!... насилу кончилъ всѣ дѣла сегодня... всѣ, кромѣ самаго для меня важнаго и самаго пріятнаго... еще не все приготовилъ къ празднику... а вѣдь сегодня у меня праздникъ... день рожденія моей Юлиньки! (*Смотря въ записной книжкѣ.*) Да, 15-е ноября... точно такъ!... Она, я думаю, и забыла... но я нарочно ей не скажу до-тѣхъ-поръ, покуда не закуплю всѣ подарки... а между тѣмъ... (*Кличетъ.*) Юлинька!... удивительно, что значить привычка!... Вѣдь знаю, что она тутъ, въ двухъ шагахъ отъ меня, — но какъ-скоро приду домой и она меня не встрѣтитъ, не выбѣжитъ за дверь этой комнаты, чтобъ со мной поздороваться и поцѣловаться — я вотъ какъ-будто самъ не свой и чего-то недостаетъ!... Вѣрно она не слыхала... (*Кличетъ опять.*) Юлинька! а Юлинька!...

—

II.

ВОЛЧКОВЪ и ЮЛІА.

Юлія (*показываясь изъ дверей съ правой стороны*). Т-съ! тише!... замолчишь-ли ты?... онъ спитъ!

Волчковъ (*шопотомъ*). Виновать, моя душка... ну, долго-ли испугать!... (*Подходитъ къ дверямъ и влѣсть съ нею смотритъ въ нихъ за кулисы*). Какъ хорошъ мой Викторка!... весь въ тебя!

Юлія. Не правда... въ тебя.

Волчковъ (*нѣсколько громче*). Анъ въ тебя...

Юлія.

Не шуми, говорятъ!

волчковъ.

Виновать! виновать!..

(Отходя ее отъ дверей).

Мы сюда отойдемъ

И тихонько вдвоёмъ

Сядемъ здѣсь вотъ рядкомъ,

Потолкуемъ ладкомъ....

(Садится съ нею на софу у аван-сцены нальво).

Душка.... прелесть моя....

Поцѣлуй-же меня!

(Цѣлуетъ ее.)

Юлія.

Перестань!.. дай покой,

Поцѣлуйщикъ какой!..

Ты разбудилъ его!..

волчковъ.

Ничего!.. ничего!..

Юлія.

Мальченокъ у насъ чудесный,

Я имъ заранѣе горжусь:

Онъ будетъ человекъ извѣстный....

волчковъ.

Ужъ я за это поручусь!

Юлія.

Со временемъ, онъ непременно

Посланикъ будетъ, дипломатъ....

волчковъ.

Нѣтъ, будетъ въ службѣ онъ военной,

Лихой рубака и солдатъ!..

Юлія.

Хочу, чтобъ былъ онъ дипломатомъ!..

волчковъ.

А я хочу, чтобъ былъ солдатомъ!

Юлія, *вставая, съ нѣкоторою досадою.*

Ну вотъ! ты вѣчно спорить радъ.

волчковъ, *цѣлуя у ней руку.*

Прости, прости, я виноватъ!..

Юлія, *п/иложивъ палецъ ко рту.*

Не шуми-жъ, говорятъ!

волчковъ, *шопотомъ.*

Виновать! виновать!

Душка, прелесть моя,

Поцѣлуй же меня!

(Цѣлуетъ ее.)

Юлія, *нѣжно вырываясь отъ него.*

Перестань... дай покой,

Поцѣлуйщикъ какой!..

Ты разбудишь его!..

Волчковъ.

Ничего!.. ничего!..

Юлія. А все-таки я пойду, взгляну, не проснулся-ли онъ? (Смотря въ дверь за кулисы.) Нѣтъ, Господь съ нимъ, почиваетъ! (Отходитъ отъ двери.)

Волчковъ. Нашему сынишкѣ всего только пятнадцать мѣсяцевъ, а мы ужъ изъ-за того, чѣмъ онъ будетъ, военнымъ, или статскимъ, чуть-чуть не повздорили.... ей-ей, это презабавно!..

Юлія. Берегитесь, сударь.... можетъ быть, я имѣю и другія причины съ вами ссориться.

Волчковъ. Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ!.. какъ-то недавно, и чрезъ два года послѣ свадьбы, у насъ была первая ссора.... конечно, она не долго продолжалась.... однакожъ все-таки мы поссорились, и я замѣчаю, что съ тѣхъ-поръ ты первая всегда готова начать. Хотя оно къ тебѣ чрезвычайно идетъ, когда ты этакъ немножко губки надуешь, но, право, мой другъ, нѣтъ никакой надобности тебѣ прибѣгать къ этому средству, чтобъ заставить любить себя съ каждымъ днемъ больше и больше.

Юлія (улыбаясь). Будто?..

Волчковъ. Ты сама знаешь. Ну, за что ты тогда на меня разсердилась?... развѣ я сдѣлалъ противъ тебя какое-нибудь.... преступленіе?..

Юлія. А помнишь-ли, Викторъ, какъ однажды въ театрѣ, въ какой-то пьесѣ, я замѣтила тебѣ одинъ стихъ?

Волчковъ. Не помню.... какой?

Юлія. „Ахъ! сердце нѣжное ревнуетъ и къ бывшему!..“

Волчковъ. Ну, да!.. пренелѣпный стишонка! нѣтъ здраваго смысла ревновать къ тому, что ужъ прошло!.. Да и что говорить о театрѣ!.. нынчѣ болѣею частію все однѣ только глупости тамъ играютъ.

Юлія. А притомъ.... если взять въ сравненіе, какъ живутъ другіе мужья съ своими женами.... вотъ, напримѣръ, сестра Надя.... мужъ гораздо больше ее любить, чѣмъ вы меня.

Волчковъ. Не грѣшно-ли тебѣ это говорить!..

Юлія. Посмотрите вы на Лирскаго: онъ глазъ съ жены

своей не спускаетъ, не отходить отъ нея ни на минуту и никогда ни одной дамѣ не скажетъ самаго обыкновеннаго комплимента, — даже такъ, что иногда его упрекаютъ въ незнаніи приличій... между-тѣмъ, какъ вы, сударь, всегда любезничаετε....

Волчковъ. Я? я только вѣжливъ, вотъ и все.

Юлія. Больше, чѣмъ вѣжливъ: вы чрезвычайно ко всѣмъ внимательны, вы нравитесь.

Волчковъ. Большая бѣда! Что-жъ тутъ дурнаго, если я нравлюсь безъ всякаго принужденія и въ обществѣ такъ-же, какъ у себя дома?... Это доказываетъ только, что я всегда простъ и одинаковъ.

Юлія. Наконецъ, съ какою нѣжностію заботится о своей женѣ Лирскій! какъ бережетъ, лелѣетъ ее!

Волчковъ. А я развѣ этого не дѣлаю?...

Юлія. Да вотъ съ полгода тому назадъ у него была несчастная тяжба, которая его ужасно беспокоила и мучила, и отъ которой зависѣло почти все его состояніе, — надобно было видѣть, какъ тонко и осторожно умѣлъ онъ это скрыть отъ своей жены!... Всѣ письма отъ стряпчаго адресовались на твое имя, и между тѣмъ, какъ мы съ тобой сожалѣли о бѣдномъ Лирскомъ, жена его ничего не знала и ни на минуту не переставала быть по-прежнему веселой и безпечной. Вамъ, Викторъ Ивановичъ, ужъ конечно любовь не внушила-бы такой хитрости!

Волчковъ. Вотъ прекрасно! а я то первый ему и подалъ эту мысль!

Юлія. Вы!

Волчковъ. Признаюсь даже, она и не моя... это придумано очень давно! Ужъ сколько вѣковъ пишутъ письма на имя друга или подруги, когда желаютъ скрыть тайну отъ... кого-бы то ни было.

Юлія. А!... теперь я васъ понимаю, сударь... вы и сами нерѣдко употребляли это средство.

Волчковъ. Я этого не говорю, а... (всторону). Ну, свихнулся!... (Вслухъ.) Ну, вотъ ты опять разсердилась, Юлинька!

Юлія. О! на этотъ разъ ужъ серьезно.

Волчковъ. Ты шутишь!

Юлія. Нимало.

Волчковъ. Ну, полно!

Юлія. Оставьте меня.... никогда вамъ не прошу!

Волчковъ. Никогда? (*Указывая направо.*) Ты его разбудила.... вотъ видишь-ли!

Юлія (*съ улыбкою протягиваетъ ему руку*). Ахъ, Викторъ!

Волчковъ (*цѣлуя ее*). Ну, вотъ такъ-то лучше!...

Юлія. Пойду, побаюкаю! (*Убѣгаетъ направо.*)

—

III.

ВОЛЧКОВЪ и ПОТОМЪ ПЕТРЪ.

Волчковъ (*одинъ*). Отчего она сдѣлалась ревнивой? кажется у меня на совѣсти нѣтъ ничего такого.... А! вотъ въ чемъ дѣло: это все тетушкины штуки!... Безцѣнная женщина, нечего сказать задумала наблюдать за нашимъ семейнымъ счастьемъ, и еслибъ я не взялся за умъ и двѣ недѣли тому назадъ не переѣхалъ отъ нихъ изъ дому на другую квартиру, она и ни-вѣсть что-бы у насъ надѣлала! Но, слава Богу, теперь мы отъ нея избавились. Юлія сама мнѣ призналась, что она ревнива, — слѣдовательно она меня любить.... и я докажу ей, что она можетъ во мнѣ быть совершенно увѣрена.... Займусь ея праздникомъ. (*Подходитъ къ среднимъ дверямъ и кличетъ.*) Петръ! Петръ! (*Входитъ слуга.*) Дрожки. (*Ворочаетъ его.*) Да!... Отнесъ ты мою записку?

Петръ. Какъ-же-съ!... изволили сказать, что будутъ.

Волчковъ. И жена ничего не знаетъ?

Петръ. Ничего-съ.

Волчковъ. Хорошо.... вели-же поскорѣ закладывать. (*Слуга уходитъ.*) Ужъ какъ-же Юлинька удивится! Я пригласилъ Лирекаго съ Надинькой.... У насъ будетъ только втроемъ эдакій, домашній праздникъ.... мы вдоволь навеселимся.... тетки я не звалъ.

Петръ (*входя*). Михайло Семенычъ.

Волчковъ (*испугавшись*). Съ женой?

ПЕТРЪ. Одни-съ.

Волчковъ (*всторону*). Отдыхаю! (*Вслушъ.*) Проси.

IV.

ВОЛЧКОВЪ и ЛИЛБЕВЪ.

Волчковъ (*идя на встрѣчу къ Лилбеву*). Любезный дядюшка! какъ ваше здоровье?... а Анна Львовна?... вы безъ нея, одни прѣехали? тѣмъ лучше! что за церемоніи!

Лилбевъ (*строго*). Викторъ Иванычъ!

Волчковъ. Подождите немножко; я позову жену: она очень будетъ рада васъ видѣть.

Лилбевъ. Нѣтъ, нѣтъ, не зовите; я съ вами одними, сударь, хочу поговорить.

Волчковъ (*съ удивленіемъ*). Это что значить? какой строгій, серьезной взглядъ! Что съ вами?

Лилбевъ. Послушайте.... Анна Львовна нарочно послала меня впередъ....

Волчковъ. Стало-быть и она будетъ?...

Лилбевъ. Вслѣдъ за мною.

Волчковъ (*всторону*). Никакъ отъ нея не избавишься!

Лилбевъ. А между тѣмъ, Викторъ Иванычъ, позвольте у васъ спросить: счастливо-ли вы живете съ моей племянницей?...

Волчковъ. Что за вопросъ! Счастливиѣ меня нѣтъ мужа на свѣтѣ.

Лилбевъ. Рѣчь не объ васъ....

Волчковъ. Напротивъ, я тутъ, кажется, не лишній. Спасибо вамъ, дядюшка, или лучше сказать спасибо судьбѣ, которая меня наградила такимъ сокровищемъ!.. Я теперь собственнымъ примѣромъ убѣдился, что всѣ женихи должны-бы поступать по-моему....

Женитьба та-же лотерея :

Изъ тысячи — одинъ билетъ ;

А изъ пословицъ всѣхъ вѣрнѣе :

«На счастье закона нѣтъ!»

Чѣмъ дольше нумеръ выбираешь,

Тѣмъ хуже, — лучше-бы не брать.

И тѣмъ скорѣе проиграешь...
А на-удачу взялъ — и взялъ!...

Я такъ и сдѣлалъ — и благодарю счастливый случай!... О! случай сплошь и кряду дураковъ обращаетъ въ умниковъ, и умныхъ въ дураковъ; наполняетъ золотомъ суму нищаго — и разоряетъ богача.... о, случай! ты изъ самаго отчаяннаго кутилы и повѣсы сдѣлалъ теперь нѣжнѣйшаго и постояннѣйшаго изъ мужей! Хвала тебѣ, случай!... напишу тебѣ оду, случай!...

Лилѣевъ (*всторону*). Странно! онъ какъ будто ни въ чемъ не бывалъ.... Что-жъ это мнѣ наговорила Анна Львовна?...

Волчковъ. Ась?... я не дослышалъ.... что тамъ такое про меня Анна Львовна?...

Лилѣевъ. Опять все-таки рѣчь не о васъ, сударь, а о моей племянницѣ. Отвѣчайте: счастлива-ли она?

Волчковъ. Надѣюсь!... она такъ мила, такъ добра! Съ ней мнѣ совсѣмъ не трудно было привыкнутьъ къ женатой жизни, которая прежде меня такъ пугала.... И вотъ какъ нерѣдко мы ошибаемся!... мнѣ это не стоило никакихъ усилій... я даже и не замѣтилъ, какъ совершенно переѣмился... оставилъ шумныя знакомства, которыя мнѣ надоѣли.... бросилъ въ нечъ всѣ любовныя записочки.... и посмотрѣли-бы вы, какая куча ихъ набралась у меня въ конторкѣ!... теперь для меня одна на свѣтѣ красавица — Юлинька, милая Юлинька, мой другъ, жена моя и мать моего малютки.... Пора остепениться! а я еще и до свадьбы думалъ объ этомъ.

Лилѣевъ (*всторону и выслушавъ съ восторгомъ слова Волčkova*.) Да что-жъ это наговорила мнѣ Анна Львовна?... (*Вслухъ и пожимая ему руку*.) Викторъ! прости! Я тебя не понималъ!... Ты растрогалъ меня. Я плачу отъ радости и умиленія.... Викторъ! ты не мужъ, а.... ужъ кто тебя знаетъ что такое!...

Волчковъ. То-то-же!...

Лилѣевъ. Любезный племянникъ!...

Волчковъ. Любезный дядюшка!... (*Обнимаются.... Лилѣева показывается въ среднихъ дверяхъ*.)

V.

ПРЕЖНИЕ и ЛИЛЪЕВА.

Лилъева. Какъ! что вы, сударь, здѣсь дѣлаете? лично-ли такое обращеніе въ настоящихъ обстоятельствахъ? и то-ли вамъ было сказано?

Лилъевъ. Матушка, Аннушка! онъ совсѣмъ не то!... ну, право, ей-ей, не, то!... Я сейчасъ вотъ его выслушалъ... онъ доволенъ меня до слезъ, Аннушка!...

Лилъева. Не мудрено... вы извѣстная плакса... а вотъ я сама съ нимъ поговорю!...

Волчковъ. И дѣйствительно, дядюшка, предоставьте это любезной тетускѣ, она говорить, какъ писать!

Лилъева (*холодно и презрительно разкланиваясь съ Волчковымъ*). Викторъ Ивановичъ!...

Волчковъ. Анна Львовна!... (*Предлагаетъ ей стулъ; она съ гнѣвомъ отказывается*). О! какой трагическій взглядъ! точно на сценѣ!...

Лилъева. И такъ, сударь, мои предчувствія и подозрѣнія меня не обманули! Не даромъ я себя упрекала!...

Волчковъ. Въ чемъ?... развѣ вы согрѣшили?...

Лилъева. Согрѣшила...

Лилъевъ. Ай!

Лилъева. Согрѣшила въ томъ, что была причиною этого злополучнаго, роковаго, плачевнаго союза!...

Лилъевъ. Злополучнаго!

Волчковъ (*всторону*). Роковаго и плачевнаго!... чисто трагедія!

Лилъева. Но если вы ужъ нарочно изволили отъ насъ переѣхать, чтобъ я не могла явно замѣтить вашего поведенія и любовныхъ интригъ....

Волчковъ. Сударыня!...

Лилъева (*продолжая*). То по-крайней-мѣрѣ попросите дамъ, которыя съ вами въ перепискѣ, адресовать письма не къ намъ въ домъ, а куда нибудь въ другое мѣсто....

Волчковъ. Дамъ, которыя со мною въ перепискѣ!

Лилъева. О! успокойтесь, сударь.... я не читала, что къ вамъ пишутъ.... но легко было угадать содержаніе по цвѣт-

ной бумажкѣ, женскому почерку и приложенной печати
„Сердце и хижина!“

Лилѣвъ. А?...

Волчковъ. Что такое?... *(Въ это время Юлія показывается у дверей съ правой стороны и слушаетъ съ удивленіемъ и безпокойствомъ.)*

—

VI.

ПРЕЖНІЕ и ЮЛІА.

Лилѣва. А притомъ я встрѣтилась лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, который принесъ вамъ эту записочку. Въ испугѣ отъ моихъ распросовъ и гнѣвнаго взгляда, онъ мнѣ все сказалъ... Да, сударь, записка была прислана отъ женщины... отъ театральной фигурантки Сайкиной; живетъ она въ Бронной, въ домѣ Небывалова.

Волчковъ, *(вскрикнувъ)*. Сайкиной!

Лилѣвъ *(также)*. Э, ге! ге!...

Юлія. Ахъ! что я слышала?... *(Быстро затворяетъ дверь — и исчезаетъ.)*

—

VII.

ПРЕЖНІЕ, кромѣ ЮЛІА.

Лилѣва *(отдавая ему записку)*. Извольте же-это посланіе... оно ваша собственность... Я не хочу теперь видѣться съ племянницей... я слишкомъ взволнована и могу проговориться... прощайте, сударь!

Волчковъ. Ради Бога; выслушайте меня!...

Лилѣва. Я не терплю такихъ продѣлокъ! *(Уходитъ.)*

Волчковъ. Дядюшка!... хоть вы поразсудительнѣе...

Лилѣвъ. Продѣлокъ не терплю! *(Уходитъ.)*

VIII.

ВОЛЧКОВЪ, одинъ; потомъ ЮЛІА.

Волчковъ. Продѣлокъ! оно и въ самомъ дѣлѣ... (*Взглянувъ на адресъ записки.*) Да! это точно отъ нея!... ея рука!... „Виктору Иванычу Волчкову, на Пречистенкѣ, въ домѣ „купчихи Лилѣевой.“ Тьфу! шутъ возьми! глазамъ не вѣрю!... это, просто, насмѣшка... (*Читаетъ вслухъ съ величайшимъ удивленіемъ.*) „Неблагодарный... (*Повторяя въ изумленіи.*) Неблагодарный!... (*Читаетъ.*) „Неблагодарный милка! вотъ „ужь четыре дни, какъ я воротилась съ Нижегородской „ярмарки, гдѣ я танцовала и мнѣ прегромко стучали... ты „это знаешь, милка, и не хочешь меня навѣстить. Али ты „позабылъ свою дружка вѣрнаго?... Вспомни, какъ ты клялся „мнѣ въ вѣчной любви, когда мѣсяцъ назадъ провожалъ меня „къ Макарыю.“ (*Останавливаясь.*) Чудеса!... (*Продолжая.*) „Жестокій тиранъ! коли ты обманулъ меня, хладная мо- „гила сокроетъ сердце нѣжное, съ чѣмъ и остаюсь извѣстная „тебѣ Катя Сайкина. Пріѣзжай!... я жду тебя.“

Юлія (*являясь предъ нимъ*). Видите, она васъ ждетъ, сударь!...

Волчковъ. Юлія!...

Юлія. Она ждетъ васъ!... Кто-жъ васъ удерживаетъ?...

Волчковъ. Какъ! неужели ты все еще думаешь?...

Юлія. Я напрасно ревновала, не правда-ли?

Волчковъ. Разумѣется, напрасно!...

Юлія. А эта записка?...

Волчковъ. Записка?... злая шутка надо мною! я до сихъ-поръ не могу угадать, откуда она, и кто ее ко мнѣ написалъ....

Юлія. А эта женщина?...

Волчковъ. Женщина? (*Съ притворною увѣренностію.*) Я ее не знаю... и никогда не зналъ.

Юлія. Никогда?...

Волчковъ. Никогда.

Юлія. Вы въ этомъ совершенно увѣрены?...

Волчковъ. Какимъ тономъ ты у меня объ этомъ спрашиваешь!...

Юлія. Послушайте, сударь.... давеча вы мнѣ довольно

тонко замѣтили, что я сдѣлалась грустна, капризна и подозрительна. Двѣ недѣли тому назадъ, когда мы сюда перѣзжали....

Волчковъ. Ну?...

Юлія. И когда переносили мебель.... я нашла у васъ за конторкой....

Волчковъ. Что такое?...

Юлія (*вынимая лоскутокъ бумаги*). Вотъ этотъ лоскуточикъ, уцѣлѣвшій отъ всѣхъ тѣхъ, которые вы сожгли наканунѣ свадьбы.

Волчковъ. Лоскуточикъ!

Юлія (*показывая ему*). Посмотрите.... одна и таже рука.... и подпись.... и слогъ и печать....

Волчковъ. Да.... да.... точно такъ! (*Всторону.*) Какъ-бы вспомнить.... къ кому это она тогда писала?

Юлія. И послѣ этого осмѣльтесь утверждать, что вы ее никогда не знали! (*Идетъ направо.*)

IX.

ПРЕЖНИЕ; ПЕТРЪ, а потомъ ЛИРСКІЙ и НАДИНЬКА.

ПЕТРЪ (*докладывая*). Александръ Николаичъ и Надежда Михайловна. (*Уходитъ.*)

Волчковъ. Лирскій!

Юлія. Сестра!

Волчковъ. Вотъ въ пору пріѣхали!

Юлія. Ахъ! правду я вамъ говорила, что она счастливица!...

Волчковъ. Только согласись меня выслушать.... я докажу тебѣ....

Юлія. Не нужно.... оставьте меня!... (*Лирскій и Надинька весело входятъ и становятся въ серединѣ между Волчковымъ и Юліею, которые при входѣ ихъ отошли другъ отъ друга.*)

Лирскій и Надинька.

Ахъ! какъ пріятны приглашенья

Сердечныхъ, искреннихъ друзей!

И мы на крыльяхъ нетерпѣнья

Спѣшили къ вамъ сюда скорѣй!

Лирскій, Волкову.

Скажи мнѣ, бывший мой проказникъ :
Ты безъ причины позвалъ насъ,
Иль у тебя сегодня праздникъ ?

Волчковъ.

Нѣтъ, — такъ, хотѣлось видѣть васъ...

Лирскій и Надинька.

В м ѣ с т ѣ. { Ахъ, какъ пріятны приглашенья и прог.
Волчковъ.
Еще пріятнѣй посѣщенья
Сердечныхъ, искреннихъ друзей :
Гдѣ нѣтъ затѣй и принужденья —
Всегда тамъ вдвое веселѣй.

Надинька. Ты не повѣришь, сестра, до чего я обрадовалась, когда мы получили отъ Виктора Иваныча приглашеніе къ вамъ за-просто втроемъ пообѣдать и провести вечерокъ! А мы ужъ, право, не знали, куда и дѣться! За-городъ ѣхать, теперь стало холодно; въ театръ каждый день — надобсть; балы еще не начались. Въ томъ только и утѣшеніе, что мы безпрестанно гуляемъ или по Тверскому бульвару, или по Кузнецкому мосту; заходимъ въ магазины...

Лирскій. И всегда вмѣстѣ, всегда вдвоемъ.... мы никогда не расстаемся.... такъ-же, какъ и вы, не правда-ли?

Волчковъ (*съ досадою*). Конечно.

Надинька. Мы такъ любимъ другъ-друга!.... такъ-же, какъ и вы.

Юлія. Въ самомъ дѣлѣ?...

Лирскій. А ужъ какъ давно мы съ вами не видались!

Надинька. Съ самага вашего новоселья: цѣлыхъ двѣ недѣли! Мнѣ ужасно хотѣлось рассказать вамъ, какъ мы все это время проводили. (*Нетерпѣлиіе Волкова и Юліи; Надинька, не замѣчая, продолжаетъ съ тою-же говорливостію.*) Вообрази, сестра.... мой Александръ все такъ-же меня любить, если еще не больше прежняго.... и я за одно только могу его упрекнуть, что онъ ужъ слишкомъ равнодушенъ ко всѣмъ другимъ женщинамъ.... конечно, я этимъ должна гордиться.... ну, да все-таки оно не хорошо и можетъ повредить ему въ свѣтѣ.

Лирскій. А что мнѣ до свѣта?... Ты одна заключаешь въ себѣ весь мой міръ!

Надинька. Знаю... и нисколько за это на тебя не сер- жусь, мой другъ.... однако-жь, вотъ возьми въ примѣръ Вик- тора Иваныча: онъ тоже любить свою жену, а между тѣмъ... не правда-ли, Юлія?

Юлія. О! безъ сомнѣнія... только любовь Виктора Ива- ныча совсѣмъ другаго рода... и отнюдь не похожа на вашу, Александръ Николаичъ.

Лирскій. Какъ?

Надинька. Что ты этимъ хочешь сказать, сестрица?...

Волчковъ. Юлія! прошу тебя, дай мнѣ покрайней-мѣрѣ прежде съ тобою объясниться!...

Юлія. Къ чему-же? я не имѣю никакой надобности въ вашихъ объясненіяхъ... у меня есть очевидныя доказы- тельства.

Лирскій и Надинька. Доказательства!

Надинька. Ахъ! да что это съ вами съ обоими сдѣ- лалось?...

Юлія. Что сдѣлалось?... ахъ! еслибъ ты знала, до чего я несчастна!

Лирскій и Надинька. Несчастна!

Волчковъ. Но, Юлія...

Юлія. Не ходите, сударь, за мною. — Я вамъ запрещаю!
(Уходитъ направо; Надинька вслѣдъ за нею.)

—

Х.

ВОЛЧКОВЪ и ЛИРСКІЙ.

Лирскій (*всторону*). Рѣшительно они живутъ, какъ кош- шка съ собакой... Я этого и прежде ожидалъ.

Волчковъ. Нѣтъ средства ее вразумить и увѣрить!... Но какой демонъ вырылъ мнѣ эту западню!...

Лирскій (*подойдя къ нему и съ важнымъ видомъ взявъ его за руку*). Послушай, Викторъ... я согласенъ, не возмож- но-же совершенно переменить себя на перекоръ природѣ... Волчковъ. Что такое?...

Лирскій. Однако-жь все-таки нельзя и пренебрегать спо- койствіемъ женщины, которая ввѣрила намъ свою судьбу и будущность всей своей жизни.

Волчковъ. А кто-жъ съ тобою спорить объ этомъ?...

Лирскій. Въ такомъ случаѣ, по-крайней-мѣрѣ, должно... сохранять приличія... умѣть маскировать себя... умѣть...

Волчковъ. Обманывать?...

Лирскій. И сколько-бы ты ни былъ виноватъ передъ своей женой...

Волчковъ. Я передъ нею виноватъ?...

Лирскій. Ты еще виноватѣе тѣмъ, что подалъ ей поводъ къ подозрѣнію...

Волчковъ. Да если я ничего не сдѣлалъ?...

Лирскій. Все равно... сдѣлалъ-ли ты что, или не сдѣлалъ, это ужъ твоя тайна... я ее знать не хочу... впрочемъ, ты прежде и самъ часто мнѣ говорилъ, что ты не сотворишь для счастія женщины; и тѣмъ болѣе тебѣ нельзя ужиться съ Юліей Александровной: у васъ совершенно различные вкусы и характеры.

Волчковъ. Не правда, ничуть не бывало...

Лирскій. Да ужъ я увѣренъ!... Свадьба ваша сыгралась случайно, совсѣмъ неожиданно... вы едва знали другъ-друга... Молодость ты провелъ буйную...

Волчковъ. Молодость! молодость!... только и колятъ мнѣ глаза моею молодостью!... Ну да, я былъ молодъ, былъ очень молодъ, да теперъ ужъ я вышелъ изъ ребячьихъ... и нисколько объ этомъ не жалю.

Всему пора, на все есть время,
Мы весь старѣемъ день отъ дня:
Такъ что-жъ вы молодость какъ, бремя,
Взвалить хотите на меня?..
Ты на мораль, я вижу, дока;
Но, если молодость порокъ,
То вѣрь, отъ этого порока
И ты исправиться, дай срокъ!

Лирскій. Ты сердишься?

Волчковъ. Совсѣмъ нѣтъ... ну, говори скорѣй... мнѣ нѣкогда... какой конецъ твоихъ рѣчей?...

Лирскій. Да конецъ все тотъ-же, что надобно умѣть...

Волчковъ. Обманывать? благодарю покорно... мнѣ неизъ-чего и не-зачѣмъ.

IX.

ПРЕЖНИЕ и ПЕТРЪ.

ПЕТРЪ (*изъ среднихъ дверей*). Викторъ Ивановичъ!...

Волчковъ. Ну, что тебѣ?... что-жъ ты стоишь розиня ротъ?

ПЕТРЪ. Извините-съ.... я боюсь, не услышала-бы барыня? (*Тихо и подойдя поближе.*) Дрожки давно готовы.

Волчковъ (*тихо тоже*). Ахъ, да!... надо ѣхать за подарками!

Лирскій. Невинненькой! и онъ-же еще смѣетъ говорить, что ему нечего скрывать отъ жены!

Волчковъ (*Петру*). Сейчасъ.... (*Петръ уходитъ.*) Какъ-же! есть мнѣ теперь когда развѣзжать по ювелирамъ да модисткамъ, въ то время, какъ моя бѣдная Юлинька.... (*Ударивъ себя по-лбу.*) Ахъ! какая мысль!... да!... да!... точно!...

Лирскій (*смотря на него издали*). Что съ нимъ? въ какомъ онъ волненіи!

Волчковъ (*быстро разхаживая по сценѣ*). Если ужъ непременно хотятъ, если ужъ поневолѣ заставляютъ меня обратиться къ проказамъ моей молодости.... хорошо-же, я все выведу наружу! Прощай, Александръ! Я на полчаса, не больше. (*Беретъ перчатки и шляпу.*)

Лирскій. Куда-жъ ты? и что я скажу твоей женѣ?...

Волчковъ. Ахъ! и въ самомъ дѣлѣ.... я и забылъ! скажи ей!...

Лирскій. Ну!

ВОЛЧКОВЪ.

Скажи!...

ЛИРСКІЙ.

Ну, что-же, говори!

ВОЛЧКОВЪ.

Скажи, что.... важное есть дѣло!...

Скажи...ну, что-нибудь соври:

Ты самъ учишь меня!...

ЛИРСКІЙ.

И смѣло

Ступай: тебя не выдамъ я!...

ВОЛЧКОВЪ, *всторону.*

Я докажу теперь, клянуся,

Что я хоть и попалъ въ мужья...
Но въ дураки не попадуся!.. (*Убѣгаетъ*).

 XII.

ЛИРСКІЙ, одинъ.

Жена плачетъ, а мужъ со двора скачетъ.... колотить себя въ грудь и что-то ворчить себѣ подъ-носъ, какъ помѣшанный! Эхъ! бѣдненькіе!... и врядъ-ли они когда поладятъ между-собою! А вотъ мы съ Надиной, благодаря моему благоразумію.... да! теперь, какъ посмотришь на ихъ житье-бытье, такъ невольно самъ себя похвалишь! (*Въ среднихъ дверяхъ показывается Петръ, разговаривая съ кѣмъ-то за театромъ.*)

 XIII.

ЛИРСКІЙ и ПЕТРЪ въ глубинѣ сцены:

ПЕТРЪ. Александръ Николаевичъ.... васъ спрашиваетъ до-мовый прикащикъ вашего тестя и хочетъ непременно съ вами говорить.... какое-то важное дѣло.

ЛИРСКІЙ. Что такое?... пусть войдетъ. (*Петръ вводитъ Плюшкина и уходитъ по знаку Лирскаго.*)

 XV.

ЛИРСКІЙ и ПЛЮШКИНЪ.

Плюшкинъ (*таинственно*). Просимъ-того-съ, прощенія-съ, ваше высокоблагородіе-съ.... оно—того—никто насъ не слышитъ-съ?

Лирскій. Никто, никто.... говори скорѣе.

Плюшкинъ (*вполголоса*). Вотъ-того-съ, смѣю вамъ доложить-съ.... мальчикъ-съ, того-съ, ко мнѣ сколько разъ приходилъ-съ.... и все, того-съ, объ васъ спрашивалъ-съ....

Лирскій. Какой мальчикъ? отъ кого?...

Плюшкинъ. Того-съ.... отъ вашего стряпчаго, что-ли-съ...

Лирскій (*живо, испугавшись*). Какъ! отъ моего стряпчаго?...

Плюшкинъ. Точно такъ-съ, ваше высокоблагородіе-съ, Вашъ стряпчій-съ перва все думаль-съ, того-съ, что вы изволили быть въ отлучкѣ-съ.... или того-съ, нездоровы-съ.... потому дескать-съ.... что вы-того-съ, не изволили ему отвѣ-чать-съ.

Лирскій. А развѣ онъ вчера присылалъ ко мнѣ письмо?

Плюшкинъ. Я-того-съ, ничего не получалъ-съ.

Лирскій. На мое имя?

Плюшкинъ. Ничего-съ.

Лирскій. Ну, а на имя Волчкова?

Плюшкинъ. Виктора Иваныча-съ? — того-съ, позволъте-съ.... точно такъ-съ.... Анна Львовна сами-того-съ изволили взять-съ.... для врученія по адресу-съ.

Лирскій. А! хорошо.... (*Всторону.*) Викторъ сейчасъ-же мнѣ его отдастъ.

Плюшкинъ (*пускаясь въ разговоры*). Оно-того-съ, ваше высокоблагородіе.... кажись, стряпчій-то къ вамъ очень, того-съ, привязанъ-съ, да-кажись и оченно того-съ, мните-лень-съ!... Я съ мальчикомъ-то этакъ-того-съ, минутъ съ пятокъ теперъ разговаривалъ-съ.... онъ мнѣ сказалъ, что того-съ, баринъ-то его на васъ оченно осердчалъ-съ, зачѣмъ дескать вы ему того-съ, по-сю-пору никакого отвѣта не дали-съ....

Лирскій (*въ нетерпѣи*). Хорошо!... хорошо!...

Плюшкинъ (*продолжая*). Онъ, того-съ, говоритъ-съ, что это оченно обидно-съ.... что онъ того-съ, для васъ нарочно не поѣхалъ въ Харьковъ съ однимъ, того-съ, богатымъ помѣщикомъ-съ.

Лирскій. Да замолчишь-ли ты, пустомеля!... Пошелъ скорѣе, догони этого мальчика и вели ему сказать сво.... своему барину, что я буду у него сегодня-же вечеромъ.... чтобъ онъ не беспокоился.... и что....

Плюшкинъ. Но-того-съ, ваше высо....

Лирскій (*взглянувъ направо въ дверь*). Жена идетъ.... Пошелъ вонъ, и берегись, если ты хоть кому нибудь объ этомъ скажешь! (*Даетъ ему денегъ.*)

Плюшкинъ. Слушаю-съ.... хоть убей, никому не скажу о нашемъ, того, стряпчемъ-съ.... многолѣтняго здравія-съ!

(Уходитъ въ среднія двери. Надинька входитъ съ правой стороны. Лирскій идетъ къ ней на встрѣчу.)

XV.

ЛИРСКІЙ И НАДИНЬКА.

Лирскій (указывая на комнату, откуда она пришла), Ну что? что, моя душа?

Надинька. Ахъ, мой другъ, мой добрый Александръ! теперь только я вижу, что замужство не всегда бываетъ счастливо, и что ты у меня исключеніе изъ всѣхъ мужей!

Лирскій. О, нѣтъ.... ты мнѣ льстишь.

Надинька. Нѣтъ, право! я отдаю тебѣ справедливость, вотъ и все.... и когда я взгляну на сестру мою....

Лирскій. Да скажи, ты не знаешь, изъ чего они поссорились?

Надинька. Нѣтъ еще.... сначала Юлія хотѣла мнѣ признаться.... но потомъ вдругъ остановилась.... она сидѣла со мною у окна своей комнаты, которая выходитъ на улицу и видѣла у подъѣзда дрожки своего мужа.... сію-же минуту кликнула слугу и велѣла ему поскорѣй нанять пролетки, и, не говоря мнѣ ни слова, тутъ-же надѣла шляпку съ вуалемъ, плащъ, сѣла и уѣхала вслѣдъ за Викторомъ Ивановичемъ.... Что такое у нихъ случилось? какая неприятность между-ними вышла?... Ахъ! я думала, всѣ мужья и жены живутъ въ добромъ согласіи, какъ мы, а выходитъ.... Но ты меня не слушаешь!... куда ты тамъ смотришь?

Лирскій. Ничего, ничего, мой другъ.... ты говорила?...

Надинька (смотря на среднія двери). Кажется, кто-то идетъ.

Лирскій. Идетъ?... (Лилевъ показывается въ дверяхъ.)

Надинька (бѣжитъ къ нему). Папенька!

Лирскій. Михайло Семенычъ!... отдыхаю!...

XVI.

ПРЕЖНІЕ и ЛИЛЪЕВЪ.

Лилъевъ (*съ таинственнымъ видомъ*). Тсъ! тише, дѣти мои... я очень радъ, что нашель васъ однихъ.... Жена послала меня впередъ, узнать, не было-ли у нихъ исторіи... Что?... мужъ повинился, просилъ прощенія?

Надинька. Прощенія! а за что?... повинился!... да въ чемъ-же?

Лилъевъ. Какъ! неужели ты недогадываешься, Надя?... Въдь онъ ей измѣнилъ!

Надинька. Измѣнилъ!...

Лилъевъ. Тсъ! тише!... она ревнива.

Надинька. Ревнива!... А! наконецъ-то я все понимаю!... Ревнива! о! благодарю тебя, Александръ... съ тобою, по крайней-мѣрѣ, я не боюсь этого мученія!

Лилъевъ. Притомъ-же, я знаю бѣдную Юлиньку: она теперь весь свой вѣкъ будетъ страдать и никогда не утѣшится... никогда!... о! она не то, что другія жены!

Лирскій. Но мы, какъ друзья ея, какъ родные, должны стараться ее успокоить, вразумить и уговорить, чтобъ она простила своего мужа.... Неправда-ли, Надина?...

Надинька! Простила!...

XVII.

ПРЕЖНІЕ и ЛИЛЪЕВА.

Лилъева (*входя въ среднія двери*). Простила!... что я слышу!...

Лилъевъ. Жена!

Лирскій. Маленька! (*всторону*). Ея только недоставало!

Лилъева. Простила измѣннику?... быть не можетъ! слово простить у насъ въ семьѣ не существуетъ!

Лирскій. Однако-жъ!...

Надинька. Я, Александръ, совершенно согласна съ маленькой.

Лирскій. Ты?

Надинька. О!... еслибъ я была на мѣсть Юліи.. при

первомъ, малѣйшемъ подозрѣнн... О! отъ одной мысли не знаю, что со мною дѣлается!...

Лилѣевъ. Вѣдь ни дать, ни взять и Юлинька тоже!... посмотри-ка, какъ она, моя лебедушка, тоскуетъ и терзается!

Надинька. Нѣтъ, я бы ужъ тосковать не стала.... а жестоко отмстила за себя!

Лирскій. Ахъ, Надинька!...

Лилѣева. Умно, умно, дочь моя! ты вся въ меня! я узнаю въ тебѣ кровь твоей матери!

Надинька (*мужу*). Да... я бозпрестанно ѣздила-бы по гостямъ, не пропускала-бы ни одного бала, ни одного собранія... за мной стали-бы ухаживать... я съ своей стороны то-же-бы кокентичала.. ну словомъ, довела-бы васъ до послѣдней крайности!...

Лирскій. Надиня! перестань, пожалуйста!...

Надинька. О! да я впрочемъ съ ума сошла!... Мы слава Богу, не въ такомъ положенн и этого съ нами никогда не можетъ случиться.

Лилѣевъ. Естественно не можетъ.

Лилѣева. Я сама въ этомъ увѣрена, потому-то и хвалю благородный гнѣвъ моей дочери. Узнай я, напримѣръ, что Михайла Семенычъ отъ меня пошаливаетъ...

Лилѣевъ. Ну, что-жъ-бы за штуку ты выкинула, матушка Аннушка?...

Лилѣева. Ну, ужъ не скажу.... а только дорого-бы вы со мною заплатились!....

Лирскій (*всторону*). Я какъ на иголкахъ!... Не прочелъ-бы Викторъ этого проклятаго письма!

Надинька (*смотря въ среднія двери*). Сестра! наконецъ воротилась!...

(*Юлія входитъ блѣдная, въ сильномъ волненн и бросаетъ шляпку и шаль на стулъ. Лилѣевы и Надинька подходятъ къ ней и смотрятъ на нее съ состраданіемъ.*)

XVIII.

ПРЕЖНІЕ и ЮЛІА.

Юлія. Ахъ!... тетенька!... сестрица! ...любезный дядюшка!...

(Съ усиленіемъ). Но что съ вами? отчего вы такъ на меня смотрите?

Лилъева. Злополучное дитя!

Надинька. Бѣдная Юлія!

Лилъевъ. Жертва горемычная!

Юлія. Я васъ не понимаю.... и почему вы обо мнѣ такъ жалѣете?... Я довольна.... я счастлива.

Всѣ. Счастлива!

Юлія. Конечно.... вы ошибаетесь, я васъ увѣряю.... и давеча я сама ошиблась... Мужъ мой.... мужъ мой все также меня любить.... онъ поѣхалъ купить мнѣ подарокъ: нынче день моего рожденія.

Всѣ. День рожденія!

Надинька. А мы и не знали.

Юлія. Да, вотъ и Викторъ.... посмотрите сами, если не вѣрите.

XIX,

ПРЕЖНИЕ и ВОЛЧКОВЪ.

Всѣ дѣйствующіе обращаются къ среднимъ дверямъ и видятъ входящаго Волчкова съ футляромъ брилліантовъ въ рукахъ. Слуга несетъ за нимъ картоны и ставитъ ихъ на стулья въ глубинѣ сцены. Въ продолженіе куплетовъ, Надинька, время отъ времени, съ любопытствомъ заглядываетъ въ картоны.

волчковъ, *женъ.*

Мой другъ, спѣшу къ тебѣ съ мольбою :

Прости меня, — я уѣзжалъ,

Хоть сердцемъ все я былъ съ тобою

И объ одной тебѣ мечталъ.

(Отдавая ей футляръ и указывая на картоны.)

Позволь въ день твоего рожденя

Тебѣ на память подарить!...

Юлія, съ усиленіемъ *принимая футляръ.*

Я вѣдъ себя отъ восхищеня...

Не знаю, какъ благодарить.

волчковъ, *весело.*

А я вѣдъ думалъ, ты забыла

Свой праздникъ нынѣшняго дня.

Юлія, съ иронією.

Напомнить вамъ угодно было
И слѣловать съ праздникомъ меня!

Волчковъ.

Ужель ты хочешь все сердиться?

Лилѣва, поглядывая на нихъ, мужу.

Теперь покуда тишина,
Но буря скоро разразится...
При насъ скрывается она!

Лилѣва, Надинька и Юлія.

Скажите, можно-ль такъ лукавить
Передъ несчастною женой?
Привести подарки ей, поздравить
И между-тѣмъ... О! вѣкъ какой!

Волчковъ.

Успѣлъ-же съ радостью оставить
Меня какой-то демонъ злой!
Я не могу себѣ представить,
Кто этотъ врагъ мой записной?

Послѣ пьня, Юлія тетку и сестру проситъ знаками оставить ее одну съ мужемъ. Лирскій между-тѣмъ старается подойти къ Воликову, чтобы спросить у него о письмѣ стряпчачаго, но Воликовъ, весь занятый своею женою, не замѣчаетъ его намъренія, и Лирскій уходитъ влѣсть съ другими..

XX.

ВОЛЧКОВЪ и ЮЛІЯ.

Волчковъ. Благодарю тебя, Юлинька, что ты, по-крайней-мѣрѣ, не отказалась отъ моихъ подарковъ. Это доказываетъ мнѣ, что ты разуверилась наконецъ въ своихъ несправедливыхъ подозрѣніяхъ.... это доказываетъ....

Юлія (съ гнѣвомъ, почти бросая футляръ на столъ). Это доказываетъ, сударь, что я лишь не хочу никого имѣть свидѣтелями нашихъ домашнихъ ссоръ и огорченій!

Волчковъ. Такъ ты все еще во мнѣ сомнѣваешься?

Юлія. Нѣтъ, больше ужъ не сомнѣваюсь... Но отвѣчайте: зачѣмъ вы сейчасъ уѣзжали?

Волчковъ. Ты знаешь зачѣмъ... (указывая на футляръ и картоны) сегодня день твоего рожденія.

Юлія. Полноте, сударь, меня обманывать!... Это былъ одинъ предлогъ... сначала вы отправились въ Бронную!...

Волчковъ. Какъ!... за мной слѣдили?...

Юлія. Я, я за вами сама ѣздила, чтобъ удостовѣриться въ вашемъ вѣроломствѣ!

Волчковъ. Вѣроломствѣ!... будь по твоему.

Юлія. Вы заходили въ домъ Небывалова, къ театральной фигуранткѣ Сайгиной!...

Волчковъ. Ну, да... правда, дѣйствительная правда!.. но я заходилъ къ ней, чтобъ отыскать ключъ къ этой неизяснимой загадкѣ, которая съ самаго утра не даетъ мнѣ покою; я хотѣлъ узнать, по какому дьявольскому наущенію хотятъ опять сдѣлать изъ меня прежняго волокиту, тогда какъ я отъ всѣхъ этихъ гадостей давнымъ давно отказался... словомъ, я хотѣлъ требовать объясненія этой проклятой записки.

Юлія. Въ самомъ дѣлѣ? И у васъ не было другаго намѣренія?... ну, что-жъ вамъ сказали?

Волчковъ. Ничего. Я нашелъ пустыя комнаты... она ужъ не служить при театрѣ... и отправилась куда-то въ провинцію.

Юлія. А какъ-же это, въ письмѣ-то она вчера назначала вамъ свиданіе и ждала васъ къ себѣ?

Волчковъ. Не знаю... вѣрно ей надоѣло ждать. Я услышалъ ужъ отъ дворника, что она уѣхала изъ города.

Юлія. Точно?

Волчковъ. Увѣряю тебя.

Юлія. Довольно, сударь; сдѣлайте милость, увольте меня отъ вашей бесполезной лжи, и если я въ продолженіе двухъ лѣтъ была такъ слаба, и легковѣрна, не думайте...

Волчковъ. Но я клянусь тебѣ, ужъ больше шести лѣтъ, какъ я объ этой женщинѣ не имѣю никакого понятія и даже не зналъ, все-ли еще она существуетъ на бѣломъ свѣтѣ; клянусь тебѣ, что я не постигаю, за чѣмъ она вновь ко мнѣ писала; клянусь....

Юлія (*перебивая его*). Не клянись и не оправдывайтесь: я не стою этого, и, по настоящему, не должна смѣть дѣлать вамъ упреки; вы женились на мнѣ изъ одного состраданія.

Волчковъ. Юлія!

Юлія (*указывая направо и налево*). Вотъ моя комната, а вотъ ваша... при людяхъ и въ глазахъ нашихъ родственниковъ мы будемъ мужъ и жена; но дома, у себя, съ нынѣшняго дня между нами нѣтъ ничего общаго... мы растаемся на всегда.

Волчковъ. Хорошо, очень хорошо, Юлія; я ужъ начинаю привыкать къ своему положенію. Я презрѣнный лицемеръ, обманщикъ, и все, что тебѣ угодно: продолжай, продолжай... вѣдь ко всему можно прислушаться, и я бы право даже теперь сталъ смѣяться, если-бы ты не плакала.

Юлія. Т-съ! тише, сударь... вотъ вашъ другъ... Видите: я ужъ не плачу и совершенно спокойна... При-людяхъ мы опять, какъ прежде.

Волчковъ. Пожалуй, если ты хочешь... (*Беретъ ее за руку и хочетъ поцѣловать; Юлія съ гнѣвомъ ее отнимаетъ. Волчковъ указываетъ ей на вошедшаго Лирскаго и говоритъ.*) При людяхъ!...

XXI.

ПРЕЖНІЕ и ЛИРСКІЙ.

Лирскій (*подходя къ нимъ*). Ну, поздравляю васъ, мои добрые! Душою радъ, что вы объяснились и помирились.

Юлія. Да, Александръ Николаичъ, и признаюсь, я была несправедлива.

Волчковъ. Даже и очень.

Лирскій. Ну, да вѣдь дѣло кончено?

Волчковъ. Разумѣется, кончено. (*Опять беретъ ее за руку*).

Юлія (*съ гнѣвомъ въ полгоса*). Оставьте!

Волчковъ (*тихо*). При-людяхъ! (*Цѣлуетъ ее.*)

Лирскій. Такъ я теперь, Викторъ, могу съ тобой поговорить и о своемъ горѣ. Этотъ проклятый процессъ, кото-

рый меня такъ мучилъ, вообрази—нѣсколько дней назадъ опять возобновился!

Волчковъ. Неужели?

Лирскій. И я предполагаю даже, что или вчера вечеромъ, или сегодня утромъ, ты долженъ былъ получить записку.... отъ моего стряпчаго.

Волчковъ. Что, что такое?... Записку отъ твоего стряпчаго?... А! такъ это къ тебѣ было писано?

Лирскій. Безъ сомнѣнія ко мнѣ.... отдай скорѣе.

(При послѣднихъ словахъ Волковъ съ изступленнымъ восторгомъ взглянулъ на Юлію.... Юлія также на него взглянула, поняла и бросилась къ нему на шею. Лирскій въ изумленіи глядитъ на нихъ обоихъ.)

Юлія (мужу). Ахъ!... другъ мой, другъ мой! какъ я предъ тобой виновата!... О! прости, прости меня!...

Волчковъ (обращаясь къ Лирскому). Нѣтъ, Юлія, нѣтъ, не ты, а вотъ кто долженъ просить у меня прощенія!... А! а! м. г., образецъ мужей, достохвальнымъ поведеніемъ котораго съ самаго утра мнѣ по глазамъ хлестали: такъ это вы изволите имѣть своимъ стряпчимъ кордебалетную фигурантку?...

Лирскій. Викторъ! тише! пощади!...

Волчковъ. Такъ это вы-то сдѣлали меня своимъ отвѣтственнымъ издателемъ и свернули съ большой головы на здоровую?... Такъ это изъ-за васъ - то мы съ Юлинькой столько терпѣли?... О! кончено, сударь, вы должны у насъ просить прощенія, и не одинъ, а тысячу разъ сряду!

Лирскій. Викторъ!... Сестрица! жальтесь: прикажите ему замолчать!

Юлія. Замолчи въ самомъ дѣлѣ: Надя тутъ подлѣ и бѣда, если услышитъ!

Волчковъ. Быть такъ! замаскируемъ! (Лирскому.) Вѣдь это по вашей методѣ, сударь, не правда-ли?...

Лирскій. О! теперь я навсегда отъ нея отказываюсь! сестрица, даю вамъ въ томъ мое честное слово! Нынѣшній день слишкомъ дорого стоилъ и друзьямъ моимъ, и мнѣ.... я во всю жизнь его не забуду! Да! теперь я всѣмъ пожертвую.... (смотря на записку, которую предъ этимъ ему отдалъ Волковъ.) Хотя съ одной стороны перестаю быть ви-

новнымъ, а съ другой (вздыхая,) можетъ—статься, дѣлаюсь преступникомъ....

Волчковъ. Какъ такъ? какимъ преступникомъ?... Еще загадка!

Лирскій. Ахъ! да! Ужъ вѣрно сама судьба хочетъ, чтобъ я непременно былъ причиною чей-нибудь гибели!... (Опять смотритъ на записку и вздыхаетъ.) Вѣдь и она тоже любила меня со всемъ пламенемъ страсти!... До встрѣчи со мною она была спокойна и счастлива, и никогда не знала страданій разстерзаннаго сердца. (Волчковъ и Юлія улыбаются, и Юлія передаетъ мужу тотъ лоскутокъ бумажки, который показывала ему въ седьмомъ явленіи; Волчковъ представляетъ его прямо Лирскому на глаза.) Что это?... (Волчковъ дѣлаетъ ему знакъ, чтобъ онъ прочиталъ.) Ея рука!... Твоя на вѣки!... 5-го февраля 1840 года.

Волчковъ. Погоди, это еще не все.... Смотри вотъ таже и печать!...

Лирскій. Возможно-ли?...

Волчковъ (показывая). „Хижина и сердце“!...

Лирскій. О! я бѣшусь!... и бѣшусь на самого себя! и для этой ничтожной, презрѣнной женщины я могъ хотя на одну минуту забыть мою Надиньку!... Никогда, никогда себѣ не прощу!...

Волчковъ. Теперь ужъ я тебѣ говорю: тише! замолчи! Юлія. Вотъ и Надя....

Волчковъ. И твои тестъ и теща.... Смотри-же, въ ихъ глазахъ пусть я одинъ буду виноватъ!

—

XXII.

ПРЕЖНИЕ; ЛИЛБЕВЪ, ЛИЛБЕВА И НАДИНЬКА.

(Всѣ трое подходятъ къ Юліи, смотря на нее съ величайшимъ безпокойствомъ).

Надинька. Ну что?

Лилбевъ (обнимая Юлію, со слезами). Ахъ, ты горлица моя безталанная!

Лилѣева (*тихо*). Послушай, Юлія: два года тому назадъ я устроила эту роковую свадьбу — и готова загладить мой проступокъ.... помни, что ты всегда найдешь у меня въ домѣ и утѣшеніе и дружбу.

Надинька. Нѣтъ, переѣзжай ко мнѣ, сестрица!

Лилѣева. Нѣтъ, ко мнѣ лучше. Ты опять займешься у меня хозяйствомъ, станешь записывать приходъ и расходъ и заживешь по-прежнему, въ полномъ удовольствіи.

Юлія. Покорно васъ благодарю, тетенька.... такъ и быть, я ужъ лучше съ мужемъ останусь. Что-жъ дѣлать! мы жены обязаны быть снисходительными. (*Глядя на Волкова съ улыбкой*). Я все еще его люблю и забываю прошедшее.... я ему прощаю!

Лилѣева и Надинька. Какъ!...

Лилѣева. Неужели?... Быть не можетъ! такъ-ли я слышала?... мнѣ иногда уши закладываетъ....

Надинька (*тихо Лирскому*). Ну, право-же, Юлія гораздо меня великодушнѣе!... (*Волкову*.) Старайтесь заслужить ея прощеніе, будьте его достойнымъ.... исправьтесь и берите примѣръ съ моего мужа.

Юлія (*всторону, улыбаясь*). Нѣтъ, ужъ на что-же! (*Лирскій въ замѣшательствѣ, Волковъ едва удерживается отъ смѣха*.)

Волчковъ (*Надинькѣ*). Постараюсь, добрая сестрица постараюсь.... Я даже обѣщаль это вотъ и вашему мужу. Не правда-ли, Александръ?

Лирскій (*съ жаромъ*). Клянусь, что я....

Волчковъ (*перебивая его*). Что ты во мнѣ увѣренъ?... знаю; и ты не ошибешься.

Надинька. Дай Богъ!

Лилѣевъ (*тихо своей жень*). Да! какъ не такъ! я ему на мѣдный грошъ не повѣрю! (*Глубоко вздохнувъ и всхлипывая*.) Эхъ! сгубили ненаглядную мою пташечку.

Лилѣева. Юлія! Юлія! прости мнѣ мою неосторожность... видишь: я горкія слезы проливаю!

Лилѣевъ. А я-то!... о! о! охъ!... (*Рыдаетъ*).

Юлія (*улыбаясь*). Не плачьте, любезный дядюшка и любезная тетюшка! Мой мужъ, можетъ-быть, еще не такъ дурень, какъ вы объ немъ думаете.... (*Подаетъ руку Волкову*—

ву; онъ ее цѣлуетъ.) Вѣдь иной только на взглядъ добръ,
нѣженъ и ласковъ; а какъ разберешь хорошенько....
Волчковъ. „Волчій ротъ, лисій хвостъ!...“

ХОРЪ.

Надо тѣмъ всегда казаться,
Тѣмъ природа создала;
А привычка притворяться
Корень низостей и зла.

волчковъ, Юли.

Туча минула покуда,
Мы отъ бури спасены.

Юлия, указывая на кресла.

Бури я боюсь отсюда,
Здѣсь, вотъ съ этой стороны...

волчковъ.

Э! мой другъ, твой страхъ напрасенъ,
Буря эта не бѣда:
Свистъ одинъ ея ужасенъ,
Громъ не страшенъ никогда!

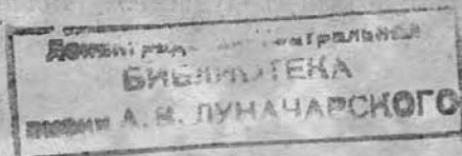
ХОРЪ.

Надо тѣмъ всегда казаться.... и прог.

~~№ 10429~~

9802

~~10235~~

« ПАНТЕОНЪ »

состоитъ изъ 12 книжекъ въ годъ, въ 20 листовъ печатныхъ каждая, и выходитъ въ половинѣ каждаго мѣсяца. Въ „Репертуаръ Русской сцены“ печатаются всѣ лучшія новѣйшія явленія на русскомъ театрѣ. Къ Пантеону прилагаются ноты для фортепьяно и пѣнія, романсы, аріи, куплеты, танцы, а иногда картинки.

Цѣна за годовое изданіе:

12 руб. сер., съ доставкою и пересылкою 13 р. 50 коп. сер.

Подписка принимается въ Конторахъ:

въ С. Петербургѣ въ Главной Конторѣ, въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ : въ Университетской книжной лавкѣ И. В. Базунова.

„Кто не имѣетъ Пантеона за 1848 годъ, и желаетъ подписаться на 1850 годъ, тотъ получить въ видѣ подарка Пантеонъ за 1848 годъ, прилагая къ подписной цѣнѣ въ Петербургѣ 2 р. с., а Иногородныя 3 р. 50 коп. пересылочныхъ денегъ.“ Но это относится только до тѣхъ подписчиковъ, которые выпишутъ журналъ изъ Главной Петербургской Конторы.

Редакція „Пантеона“ находится близъ Чернышева моста, въ домѣ Лыткина, куда и просятъ обращаться всѣхъ, имѣющихъ до нея нужду.

Печатать позволяется, 28 Октября, 1850 года. Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. КРАЙЯ.

РЕДАКТОРЪ *Ө. Кош.* — ИЗДАТЕЛЬ *В. Печаткинъ.*